

Н. А. Халфин

Заря свободы над Кабулом

Н. А. Халфин

Заря свободы над Кабулом

*Историческое
повествование*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Ответственный редактор
Г. Ф. ГИРС

- Халфин Н. А.**
X17 Заря свободы над Кабулом: Историческое повествование. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

320 с. с ил.

Книга завершает трилогию, посвященную борьбе афганского народа за независимость, против британской агрессии. В художественной форме в ней повествуется о попытках Германии вовлечь Афганистан в мировую войну 1914—1918 гг. (миссия фон Хентига — фон Нидермайера), о стремлении Лондона не допустить восстановления самостоятельности страны, о таинственном убийстве эмира Хабибуллы, о событиях третьей англо-афганской войны, о заключении советско-афганского дружественного договора. Автор рассказывает о том, как героические усилия афганских патриотов при политической поддержке Кабула Советской Россией вынудили империалистов Англии признать независимость Афганистана. Книга иллюстрирована.

X $\frac{0506000000-177}{013(02)-85}$ 38-85

ББК63.3(5)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

ПОВИНДА В ПУТИ

Какой-то досужий путешественник в начале нашего века подсчитал, что в селениях нагорий к востоку от афганского города Газни воздвигнуто 197 мечетей. Цифра эта остается на его совести, но мечетей в тех краях действительно было много. Маленькие и большие, старые и поновее. Призывая правоверных на молитву, в определенные часы на минареты взбирались муэззины. С началом осени, однако, там наступала пора, когда их голоса, как бы пронзительны они ни были, терялись в невообразимом шуме и гомоне: то перед дальней дорогой собирались кочевники-скотоводы.

На языке афганцев их именуют «повинда». Впрочем, «повинда» — гораздо более емкое понятие, чем простое кочевничество. Для многих афганских племен это был издавна сложившийся традиционный промысел и даже образ жизни. Угоняя свои стада в прохладные долины Гиндукуша на жаркие летние месяцы, они разбивали черные шатры и устраивали торжища среди хазарейцев, фирузкухов, джемшидов и прочих жителей этих краев, продавая индийские промышленные и ремесленные изделия, пряности из стран Южных морей.

Но вот спадала летняя жара, и тысячи повинда из племен исхакзаи, хароти, тараки, ниазаи и других волна за волной стекались к привычным местам у Газни. Составленные здесь караваны везли в Индию товары Ирана, Средней Азии, Афганистана. Отсюда кочевники отправлялись вместе с семьями в нелегкий и небезопасный, хотя и знакомый путь: хорошо вооруженные мужчины — на поджарых и выносливых лошадях, женщины, старики, дети — на верблюдах, мулах и ослах; тут же стада коз, баранов и овец под охраной свирепых кудлатых псов.

Так было и в 1332 году хиджры, соответствовавшем 1914 году европейского летосчисления. Стоял сентябрь, но еще изрядно припекало, так что каравану надлежало выступить ранним утром. Лучи восходящего солнца гасили последние звезды. Кочевники споро грузили на животных нехитрый скarb. Кое-где всхлипывал не вовремя разбу-

женный ребенок, ревел непокорный осел, блеяли овцы, лаяли собаки. Опыт и сноровка позволили повинда быстро подготовить к движению табор, еще несколько часов назад хаотически раскинувшийся на огромной площади.

Высокий старик в белой рубаше, шальварах и зеленой чалме (она означала, что он совершил хадж — паломничество к святыням ислама в Мекке и Медине) вывел и поставил впереди каравана крупного верблюда-вожака. Тот надменно глядел вперед, лишь изредка поворачивая голову, и тогда слышался мелодичный звон: это раскачивался у него на шее безъязыкий колокол — несколько полых цилиндров, вставленных один в другой. По знаку караван-баши все мужчины преклонили колени и погрузились в молитву.

Старик произнес первую суру Корана — фатиху: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Хвала Аллаху, господа миров — милостивому, милосердному, царю в день суда! Тебе поклоняемся и у тебя просим помощи: веди нас путем прямым, путем тех, которых ты облагодетельствовал, не тех, которые под гневом, не тех, которые блуждают». И хотя большинству молящихся арабский текст был непонятен, они дружно славили Аллаха, надеясь обрести желанную поддержку в своих делах.

Глава каравана поднялся, сел на подведенного ему коня, обозрел свое шумное хозяйство и подал знак выступать. Теперь колокол верблюда-вожака звучал уже непрерывно, а его ноги шлепали по дороге, которая вела через Зурмат и Сароби в Банну — городок по ту сторону афгано-индийской границы.

Вообще-то повинда предпочитали ходить в Индию южнее. Гомальский проход и Зхоб выводили их к важному торговому центру Дераисмаилхан на реке Инд. Там семьи и стада оставались под защитой части воинов, а основное ядро каравана с товарами двигалось дальше — в Центральную Индию и Пенджаб, к берегам Ганга, достигая чуть ли не Бенгалии. Но в этом году среди кочевников распространился слух, что в Гомальском проходе расположилась таможенная стража эмира Хабибуллы, нещадно обирающая всех путников. Поэтому караван-баши решил не испытывать судьбу и взять севернее. Там наверняка меньше эмирских шакалов и среди нагромождения гор и холмов не так уж сложно будет незаметно перебраться через границу, в Индию.

— Да будет благополучен твой путь, Сахи-шевагар, — обратился к караван-баши рослый, плечистый мужчина лет

сорока пяти. Он сидел на караковом жеребце, который яростно грыз мундштук и нервно перебирал ногами.

— И твой также, Гафур! Держи крепче поводья, а то Гурбыт сорвется в галоп.

— Никак не хочет стоять спокойно. Он вроде моей первой лошадки. Из другой жизни. Давно прошедшей... Самой сладкой и самой горькой.

Последние слова были произнесены с таким чувством, что вожак обернулся и внимательно посмотрел на собеседника. Тот явно находился под впечатлением нахлынувших воспоминаний. Сдерживая коня, он, казалось, не видел ни дороги, окаймленной, а кое-где и пересеченной арыками, ни дальнего горного кряжа и маячивших за ним еще более высоких хребтов.

Неожиданно под копытами Гурбыта прошелестела змея и исчезла в придорожных кустах. Жеребец сделал скачок в сторону, и Гафур резко осадил его.

— Прости, Сахи-шевагар. На миг почудилось, будто исчезло почти тридцать пять лет и я на своем первом Гурбыте рядом с отцом еду, как и сейчас, на восток. За нами — большое войско. Идет бить англизы... А отец смеется надо мной: зачем жеребенка назвал Орлом? Он пока еще до-Гурбыта-бачай, Орленок!..

Мужчина говорил отрывисто, заново переживая давние события. Нервно вздрагивали уши лошади, будто она прислушивалась к голосу седока. Караван-баши откликался редкими восклицаниями. Вскоре разговор пришлось прервать: сзади слышались крики, затем несколько выстрелов, шум потасовки. К старику подскакали трое всадников, перезаряжая ружья.

— Мы им всыпали как следует, отец! — крикнул один из них. — Больше не сунутся.

Обычное дело: подобно тому как некоторые племена сочетали кочевой образ жизни с перевозкой товаров и торговлей, другие, в частности отдельные роды вазиров и масудов, промышляли грабежом караванов. Поэтому повинда передвигались под охраной вооруженных воинов. На этот раз нападение из засады, хотя и было неожиданным, производилось малыми силами. Его легко отбили. Однако вожак обратился к спутнику со словами укора:

— Не делом занялись мы с тобой, Гафур. Повинда в пути должны быть постоянно начеку. Отвлекаться нельзя. Ни на миг. Если Аллах захочет, вечером у нас найдется немного времени, чтобы вспомнить былое.

Но Аллах, видимо, был занят иными заботами. Во вся-

ком случае, только через неделю Сахи-шевагар позволил себе расположиться у костра, чтобы провести время за любимым занятием — дружеской беседой. Каравану удалось благополучно миновать таможенные посты и пробраться в пределы Британской Индии. Пока еще в ту ее часть, какую английские власти с изрядной долей неопределенности и скрытого смущения именовали «Полосой независимых племен».

Повинда разбили лагерь у селения Мухаммад-Хейль, на берегу реки Точи. Река начинала набирать здесь силу, объединяя три притока, зарождавшиеся еще на территории Афганистана. Впереди кочевников ждала более или менее наезженная дорога, городок Мирамшах, а затем и Банну. Следовало отдохнуть и набраться сил после нелегкого перехода.

Как и во всех восточных селениях, независимо от того, где они находятся — близ Кабула или Самарканда, Мешхеда или Кандагара, Пешавара или Ташкента, воздух был напоен своеобразной смесью ароматов садов, запаха кипящего масла и дымка от горящего в очаге хвороста, на котором готовили ужин. Порой где-то раздавался собачий лай. Время от времени начинал реветь ишак.

Здесь, в северных отрогах Сулеймановых гор, сентябрь был холодным месяцем, и люди, собравшиеся у костра, непрерывно подбрасывали в него сучья, грели над огнем руки.

Гафур сидел рядом с караван-баши и следил за игрой пламени. Вокруг разместились наиболее почитаемые повинда и жители Мухаммад-Хейля. Серьезный разговор полагалось начать старейшему. Это сделал Сахи-шевагар.

— Мы близкие люди, дорогой Гафур, — обратился он к соседу. — Ты часто ходишь с нами в Индию. Иногда, правда, исчезаешь на полпути, но мы не спрашиваем — для чего. У тебя могут быть свои дела. Всем известно, что ты человек грамотный, газеты читаешь. Не расскажешь ли нам о примечательных событиях в других странах?

Сидевшие одобрительно закивали: всем было интересно узнать, что делается в чужих краях. Но какой разговор мог вестись без пиалы душистого чая? Первым ее опорожнил караван-баши, а затем она пошла по кругу. И тут у костра уселись еще двое: сгорбленный седобородый старик в темном халате и туфлях с загнутыми носками и статный молодой человек в суконной безрукавке поверх заправленной в штаны белой рубахи.

Молодой афганец настолько привлек внимание Гафура, что он не смог отвести от него глаз. Чем же именно? Рез-

кими чертами лица? Фигурой, от которой веяло силой и энергией? Гафур готов был покаяться, что видит его впервые, и вместе с тем четко ощущал: где-то в глубинах сознания у него прочно запечатлен облик если не этого человека, то кого-то очень на него похожего.

— Почтенный Сахи-шевагар ждет рассказа о чужих народах, — заговорил он. — Да простит меня уважаемый караван-баши, но здесь, в Сулеймановых горах, населенных афганскими племенами, хочется говорить о нашем народе и его судьбах...

Люди одобрительно зашумели.

— Он разделен не только на племена и роды, — продолжал Гафур. — Его тело изрезали не только суровые горные цепи, но и границы, навязанные нам вековым врагом — инглизи. Мы начали свой путь на территории Афганистана. Теперь пьем чай в Полосе независимых племен. Но они зависимы, эти племена. Инглизи не очень любят здесь показываться. И все же они считают этот наш край своим. А еще через два дня, в Банну, мы окажемся там, где они полностью распоряжаются, — в Северо-Западной пограничной провинции. В честь своего комиссара, распространившего здесь влияние Британской империи, они называли Банну городом Эдвардса — Эдвардсабадом, хотя наши братья — юсуфзаи, афридии, хотаки, дауры, масуды — жили здесь задолго до того, как инглизи вообще появились в Индии...

Гафур заметил, что молодой афганец насторожился, услышав последнюю фразу, и еще больше заинтересовался им.

— ...А отчего так получилось? Может быть, оттого, что не тот одержал победу в прошлую войну?! Пожилые люди помнят: три с половиной десятка лет назад инглизи захватили наши главные города — Кабул, Желалабад, Газни, Кандагар. Эмир Шер Али-хан умер в изгнании, но на борьбу с врагами поднялся весь народ. Правитель Герата, сын Шер Али-хана, сардар Мухаммад Аюб-хан повел против них гератские и мейменинские полки. По пути на Кандагар к нему присоединялись жители Себзеvara и Фараха, Диларама и Гиришка...

Чувствовалось, что рассказчик опытен: он говорил просто и ясно, и его речь находила живой отклик в сердцах слушателей. Люди сидели затаив дыхание. Это было их недавнее прошлое. Типину нарушало лишь потрескивание горевших сучьев.

— Мой отец Файз Мухаммад командовал передовым отрядом армии сардара Аюб-хана, — тихо рассказывал Гафур,

будто заново переживая бурные события.— До сих пор во сне я часто вижу, как на своем сером коне Базе отец увлекает вперед воинов в сражении у Майванда. Как затем сметают ряды противника отряды гази, борцов за веру, во главе с отчаянно смелым Ахмадом-хотаком. Отец погиб в этой битве, но англичане, проиграв ее, поняли, что им не удержаться на нашей земле...

Он сделал паузу, чтобы промочить пересохшее горло глотком горячего чая. К нему потянулся сидевший неподалеку старик:

— Почему ты сказал, ученый человек, что не тот одержал победу? Ведь кровь проливал народ. Он очистил священную землю!

— Ты прав, почтенный, кровь проливал народ. Но англичане — хитрые и коварные враги. Уходя, они передали власть тому, кто никогда не обнажал оружия против них: племяннику и недругу покойного эмира Шер Али-хана — Абдуррахман-хану. А потом сделали его эмиром и помогли нанести удар победителю при Майванде Аюб-хану. За это Абдуррахман-хан щедро отблагодарил их.

...В 1893 году в Кабул прибыл сэр Мортимер Дюранд, секретарь по иностранным делам правительства Британской Индии. Он добился соглашения с правителем о восточной границе Афганистана. Получившая наименование «линии Дюранда», она прошла по живому телу афганских племен, расчленив порой одни и те же колена и роды на несколько частей. Лондон надеялся таким образом сломить свободолюбивый дух горцев. Но они не смирились: сговор эмира с вековыми врагами народа вызвал волну восстаний.

— Многие из вас,— продолжал Гафур,— были свидетелями или участниками этой благородной борьбы и знают о ней не хуже меня. А что говорили о ней англичане, вам, наверно, неизвестно. Я читал книжку лейтенанта Уинстона Черчилля. Он находился в числе карателей, подавлявших восстание жителей Малаканда, и написал, что идущие на священную войну афганцы похожи на бешеных собак и заслуживают того, чтобы с ними обращались как с собаками...

У слушателей вырвались возгласы возмущения.

— Для меня же эти мужественные люди — отец, Ахмад-хотак, Аюб-хан, участники выступлений в Вазириста-

не, Малаканде, в землях момандов — борцы за справедливость, отстаивавшие права нашего народа, которые попирают захватчики-инглизи!

Молодой афганец (Гафур мысленно называл его «знакомый незнакомец») поднялся и подошел к нему:

— Наконец-то мы встретились! Я давно знаю вас, хотя никогда не видел. В детстве много слышал о майвандском походе, о кефтани Файз Мухаммаде и его маленьком сыне. Меня зовут Зирак. Ахмад-хотак — мой отец.

Так вот кем он оказался!..

Костер уже угасал. Был выпит почти весь чай. Нужно было располагаться на отдых (каравану предстояло на рассвете возобновить путь), а Гафур все не мог наговориться с Зираком. Их разделяла та же разница в возрасте, что и отцов, — двадцать лет. Дружба отцов сразу же породила дружеские чувства у сыновей.

— После гибели командира его авангарда сардар Аюбхан собирался взять меня в свою семью, — рассказывал Гафур. — Но войско Абдуррахман-хана разбило его солдат, и ему пришлось уехать в Иран. К тому времени инглизи разрушили Тезин, и я лишился всех близких. Приютили меня повинда. Воспитывался я в семье Сахи-шевагара. Днем и ночью благословляю судьбу, вручившую меня этому доброму и душевному человеку. Он заменил мне отца, многому научил в жизни, помог овладеть грамотой, даже оплачивал несколько лет мои занятия в школе... Кочую с повинда, привык к этому и не представляю, как можно жить иначе. Почти в каждом городе или селении на нашем пути у меня друзья. А несколько лет назад познакомился с сардаром Махмуд-беком Тарзи. Не слышал о нем? Большой человек. Издает в Кабуле газету «Сирадж уль-Ахбар». Привожу ему сведения обо всем, что увижу, что узнаю. Если это интересно, он печатает в своей газете...

— А я с грамотой не очень в ладах. Когда лишился отца...

— Значит, Ахмад-хотак умер?

— Убит. Во время восстания в Вазиристане. Погиб пятнадцать лет назад, когда борьба затихала. Неподалеку отсюда. Я хочу посетить его могилу: она находится по дороге в Банну.

— Значит, вы тоже идете в Банну?

— Да. Теперь, когда отца не стало, кормить семью приходится мне. Вот я и решил завербоваться в армию инглизи.

— Что-о?

— Долго объяснять. Уже поздно. Поговорим завтра.

Пока скажу лишь, что из-за войны англичан нужно много солдат. Обещают хорошо платить.

— Из-за какой войны?

— Да вы ничего не знаете! Ведь началась Большая война.

И Зирак рассказал Гафуру, что вице-король Индии выпустил воззвание, в котором обвинял Германию в вероломстве и призывал британских подданных поступать на военную службу для участия в боевых операциях.

Спозаранку повинда двинулись дальше. Когда стало темнеть, Сахи-шевагар велел устраиваться на ночлег. Но Зирак сделал Гафуру знак следовать за собой.

Крутой подъем вел на вершину высокого холма. Привязав лошадей к деревьям на склоне холма, афганцы поднялись наверх. Там находилось семь могил. Судя по их хорошему состоянию, за ними кто-то ухаживал. Из-за постоянного ветра, неощутимого внизу, было довольно свежо.

— Тут лежит друг твоего отца и мой отец, — сказал Зирак.

— А с ним еще шестеро из племени вазир. Последний отряд Великого восстания. Рад видеть тебя, Зирак, и твоего друга, — неожиданно произнес чей-то хриплый голос.

К ним подошел невысокий старик со слезящимися глазами, в типичной одежде дервиша — мохнатой шапке и ватном халате, перепоясанном веревкой. Он поселился в уединении у могил героев, ставших местом почитания. Никто не знал его настоящего имени. Он откликался на прозвище Захид — Отшельник. Так обратился к нему и Зирак.

— А, Захид, салам алейкум! Спасибо тебе: ты хорошо заботаешься о нашей святыне.

— Это мой долг перед богом и перед теми, кто обрел здесь покой. Но пойдемте ко мне в дом. Укроемся от ветра.

Домом отшельник называл глубокую пещеру в скале, устланную буйволиными шкурами. Он зажег фитилек, плававший в плошке с бараньим жиром, которая стояла в нише. Пещера озарилась мерцающим светом. Затем Захид неторопливо спустился к подножию холма. Наполнив водой из источника медный кумган, он пристроил его на колышек у входа в пещеру, развел под ним огонь и вытащил из ветхого мешка несколько полузасохших лепешек.

Чай и лепешки — что еще мог предложить божий человек дорогим гостям? Впрочем, Зирак не забыл хранителя отцовской могилы и передал ему мешочек с леденцами, халвой и домашним печеньем, а также сверток со старой одеждой. Дервиш принял подарки с достоинством.

Тем временем вода в кумгане вскипела. Захид опустил полог над входом в пещеру. Скрестив ноги, все трое уселись поудобнее в неприхотливом убежище. Хозяин следил, чтобы пиалы не пустели.

— Вам, дорогой Гафур, непонятно мое намерение вступить в армию англичан, — сказал Зирак. — Семье трудно — много братьев и сестер, у них немало детей. Зато земли в нашем селении под Банну мало. Мне под тридцать. Торговать или грабить не научился: в роду ни купцов, ни грабителей не было. Сражаться против своего народа не собираюсь и не пойду в те войска, какие англичане создали среди племен.

...То была хитроумная идея одного из самых ревностных сторонников укрепления и расширения Британской империи — лорда Керзона. В самом конце XIX века он стал вице-королем Индии и предложил расколоть и подкупить восточноафганские племена, чтобы сбить волну народных выступлений. Так появились «Хайберские стрелки», «Куррамская милиция» и «Момандская милиция», «Вазиристанские скауты» и «Читральские скауты». Находясь под командой английских офицеров, они должны были совместно с пограничной полицией и корпусом пограничников поддерживать «порядок» в афганских землях, отрезанных от Афганистана «линией Дюранда».

Зираку очень хотелось убедить Гафура, что он поступает правильно.

— Солдат вербуют в полки, отправляющиеся из Индии в Европу, — сказал он. — Платят хорошо. Несколько соседей уже записались. А я перед этим поехал в Мухаммад-Хейль — попрощаться с дядей Махсудом и побывать на отцовской могиле.

В разговор вмешался отшельник.

— Сюда приходят люди с разных концов Вазиристана, — раздался его хриплый голос. Слова ложились тяжело, словно камни. — От всех только и слышишь: англичане очень боятся племен. Большие деньги дают маликам и ханам. Велят прокладывать дороги. На каждом перекрестке стремятся поставить форт с пушками и пулеметами. Думаю, однако, если народ поднимется, форты не помогут!

— Народ, к несчастью, разделен на племена и роды, а вожди тянут в разные стороны, — с досадой сказал Гафур. —

Да и эмир Хабибулла — Светоч народа и веры — не очень тяготится нынешним положением. Получает золото у англиз. Свобода родины его мало волнует.

— Неужели сейчас нет никого в Кабуле, кто бы страдал из-за такого положения? — спросил Зирак.

— Почему? Есть, конечно. Очень угнетены зависимо-стью от англиз и премудрый Махмуд-бек Тарзи, и его зять, сын эмира, Аманулла-хан. И еще найдутся!

— Вы не одобряете моего намерения завербоваться? — вернул беседу в прежнее русло Зирак.

— Почему же? Оно вполне объяснимо: жизнь заставляет. Главное — не стрелять в своих. А то, что вы получите оружие и обучитесь владеть им, когда-нибудь очень пригодится...

— Я рад этим словам. Вашими устами будто говорил мой отец, благословляя меня, — просиял хотак.

Возблагодарив Аллаха, пославшего им ужин, гости попрощались с дервишем и спустились из его убежища к лошадям, чтобы вернуться к каравану. На следующий день они въехали в Банну — Эдвардсабад. Среди населения новое название не привилось. Этот маленький городок с британским гарнизоном был важным для тех мест торговым центром. Через узловую станцию Лакки узкоколейная линия Северо-Западной железной дороги связывала его с крупной станцией Мари на ширококолейной магистрали и с рекой Инд.

Банну не располагал никакими достопримечательностями, за исключением офицерского клуба и муниципальной библиотеки. В тенистом парке у Ворот парадов и в ухоженном саду Компани Гарден, вдали от кативших по улицам колясок-тонг, гуляли с гувернантками юные британцы.

Повинда раскинули свои шатры у самого Банну. Здесь дороги наших героев расходились. Сахи-шевагар с группой молодых мужчин отправлялся в дальнейший путь на груженых коврами верблюдах, Гафура ждали дела в городке, а Зираку предстояло найти ближайший вербовочный пункт. Перед расставанием они собрались в шатре караван-баши.

— Я отправился в путь с одним членом своей семьи — Гафуром, а ныне приобрел еще одного, — сказал он Зираку. — Вы оба — сыновья героев нашего народа и можете всегда рассчитывать на помощь повинда.

— Спасибо, Сахи-шевагар! Проведенные с вами дни доставили мне огромную радость. Слово с отцом повидался. Запомню это время надолго,

Они попрощались. Гафур двинулся к библиотеке, где у него была назначена встреча с поставщиком новостей для газеты Тарзи. Сахи-шевагар поднял повинда, и вскоре звуки колокола его верблюда-вожака затихли вдали. Зирак отправился искать вербовочный пункт.

На одной из площадей Банну он увидел окруженную толпой палатку. Оттуда неслась барабанная дробь и слышались какие-то возгласы. Уловив повторявшиеся призывы: «Идите в королевские войска!» — Зирак вошел в палатку...

МАХМУД-БЕК

В стране, где глубоко укоренилось традиционное деление на племена, колена, роды, происхождение, разумеется, играет немаловажную роль. Но какую? Она ведь может быть двойкой — полезной и вредной. И ее оценка может меняться...

Так было и с этим человеком.

В жизни Афганистана XVIII века ведущее положение занимало племя абдали, а в нем — два рода: садозай и баракзай. Создатель Афганского государства садозай Ахмад-шах Баба переименовал абдали в дурр-и-дурран (либо просто дурран) — «жемчужина среди жемчужин». Его потомки правили до начала XIX столетия. Затем Паинда-хан со своими двадцатью двумя сыновьями основал баракзайскую династию. В Кабуле утвердился Дост Мухаммад-хан, в Кандагаре — его сводные братья — ханы Кохендиль, Шердиль, Рахмдиль, Пурдиль и Мехрдиль. Эту пятерку именовали для краткости «кандагарские сардары».

Когда Кандагар перешел под власть Дост Мухаммад-хана, ставшего эмиром, сардары удалились в мир иной. Среди их потомства блистал лишь сын Рахмдиль-хана — Гулам Мухаммад-хан. Он участвовал в управлении государством, рисовал изящные миниатюры, был отличным каллиграфом. Главным же увлечением этого талантливого человека была поэзия.

Стихи, стихи, стихи... Избрав своим псевдонимом Тарзи — Стилист, он писал их в несметном количестве. Ранним утром и на закате дня, среди глубокой ночи, пробужденный неожиданным наплывом вдохновения. Мог даже внезапно покинуть общество пирующих друзей, чтобы в тиши уединения выводить на бумаге тонким каламом рифмованные строки.

Гулам Мухаммад-хан выступал на придворных состязаниях поэтов у кандагарских сардаров, у Дост Мухаммад-хана и у недолго правившего в Кабуле его сына Мухаммада Афзал-хана. И чаще всего побеждал. Его кумиром был знаменитый поэт средневекового Востока Мирза Абдулкадыр Бедиль. С именем писавшего по-персидски Бедиль связан особый, «индийский стиль» в поэтическом творчестве.

Кандагарец создавал касыды, оды, восхвалявшие правителей; читателей привлекали полные философских размышлений газели, изящные миниатюры — знатоки именовали их на фарси мусамматы, маснави, мухаммасы. Когда в Карачи под звучным названием «Диван-и Тарзи» вышло его полное собрание сочинений — куллийат, там насчитали более двадцати тысяч двустушиий, бейтов!

Женился Гулам Мухаммад-хан на девушке из столь же высокого рода садозаев. Так бы и текли спокойно его дни в Кабуле, да помешала знатность. Когда в середине 60-х годов XIX века страну охватили политические неурядицы, кому-то из тех, кто рвался к власти, поэт показался опасным конкурентом. Его обвинили в заговоре, «большой измене» и приговорили к ссылке.

На пути в изгнание 1 раби ас-сани 1284 года хиджры (2 августа 1867 года) жена подарила ему сына. Назвали мальчика Махмудом. Непродолжительная остановка на родине Гулам Мухаммад-хана — в Кандагаре, и семья Тарзи надолго покинула Афганистан. Ирак, Сирия, Турция, снова Сирия — пора скитаний по разноликой Османской империи. В конце концов обосновались в Дамаске. Здесь Махмуд-бек изучил турецкий и арабский языки, окончил университет. У него проявился литературный дар, и Гулам Мухаммад-хан, гордясь способностями сына, начал обучать его всем тонкостям стихосложения.

В Сирии заметно ощущалось культурное влияние Франции. Махмуд-бек быстро овладел «легким, воздушным», как он говорил, языком этой страны, зачитываясь книгами ее романистов. Долгое время его помыслами всецело владел Жюль Верн. Отец огорчался: в таком возрасте он, Гулам Мухаммад-хан, уже царил среди афганских поэтов. Правда, вскоре сын окунулся в мир поэзии.

Кое-что, однако, смущало старого Тарзи: Махмуд-бек наотрез отказался следовать традиционным канонам восточного стихотворчества. Он не желал воспевать «родипку на щеке возлюбленной», изощряться в сравнениях ее с дамасской розой или совершенствоваться в сочинении газелей

мистического содержания. Предпочитал острые, политические стихи, а затем перешел и к статьям. Это уже внушало опасения.

Гулам Мухаммад-хан заводил разговор о красоте какого-нибудь бейта. Махмуд-бек почтительно соглашался с ним, но тут же добавлял:

— Как хорошо было бы познакомить с таким стихом наш народ! Но он сплошь неграмотен и вообще не представляет, что творится в мире. Надо просвещать людей. А как это делать, когда в странах Востока хозяйничают чужеземцы?! Каждый народ вправе быть хозяином у себя дома...

И так всякий раз! Тарзи-старший сделал очень хитрым, как ему казалось, ход, чтобы отвлечь сына от опасных мыслей. Он способствовал женитьбе Махмуд-бека на миловидной образованной сирийке благородного происхождения, рассчитывая, что этот не очень обычный для традиционного Востока брак по любви отвлечет Махмуд-бека от опасных политических дел.

Не тут-то было. Тарзи-младший отнюдь не уклонялся от исполнения супружеских обязанностей: жена родила ему ровно двадцать детей. Но это ни в малейшей степени не отразилось на его публицистической деятельности. Его статьи становились все острее.

А время текло. Текло, как песок сквозь пальцы мусульманина, совершающего в пустыне сухое омовение перед очередной молитвой. В 1901 году окончил на чужбине свои дни старый Тарзи. В том же году, 1 октября, ад принял душу их гонителя — эмира Абдуррахман-хана.

А уже 3 октября Хабибулла-хан, сын и преемник Абдуррахман-хана, обратился с манифестом «ко всем беглецам Афганистана, покинувшим родину из-за притеснений властей». Именовал их «своими дорогими соотечественниками», объявлял всем полную амнистию, приглашал вернуться домой и даже обещал возвратить конфискованное имущество.

Махмуд-бек не стал долго размышлять. В тридцать пять лет он, одним из первых среди эмигрантов, вернулся в родные края. На этот раз знатность происхождения, из-за которой его отцу довелось столько времени пробыть в изгнании, помогла ему. Так же как когда-то его отец, он был приближен ко двору. А затем фортуна вообще улыбнулась этому семейству. Хабибулла-хан, знаток и ценитель женщин, очарованный прелестью и высокой культурой дочерей Махмуд-бека, женил на одной из них своего старшего

Махмуд-бек Тарзи. (Из книги V. Gregorian. *The Emergence of Modern Afghanistan*. Stanford, 1969)

сына и наследника Инаятуллу-хана, а на другой — третьего сына, Амануллу-хана.

Самому Тарзи эмир поручил заняться просветительской деятельностью. Махмуд-бек ликовал. Ведь это как раз то, к чему он так долго и настойчиво стремился. Теперь он сможет по-настоящему быть полезен своему народу...

В 1911 году Тарзи стал выпускать единственную газету Афганистана — «Сирадж уль-Ахбар». Она выходила дважды в месяц и имела двенадцать, а с 12-го номера — шестнадцать страниц. Этот «Светильник известий» по замыслу его издателя, редактора и основного автора добивался подъема культуры и образования в стране, выступал за достижение независимости.

Махмуд-бек долго и напряженно трудился над первой передовой статьей, стремясь, чтобы газета заинтересовала как можно более широкий круг образованных людей. «Надо выбирать между знанием и темнотой. Газета сейчас — это язык страны и народа. Ныне газет нет лишь у диких племен и кочевников. Поэтому для Афганистана выпуск газе-

ты просто необходим,— писал он.— Газета — это зеркало, отражающее мир, это острейшее оружие в борьбе с врагами нашей страны. Это наставник, без усталости побуждающий к изучению науки и техники. Это луг, на котором любой человек может сорвать для себя цветок. Наша газета полезна всем классам».

Тарзи удручала неграмотность его соотечественников, и он ликовал, когда тираж его газеты с 1000—1300 экземпляров в 1911—1914 годах увеличился до 1600 в 1915 году. Желая, чтобы «Сирадж уль-Ахбар» привлекала внимание различных слоев населения, он печатал там в своем переводе книги любимого Жюль Верна — «Двадцать тысяч лье под водой», «Таинственный остров», «Пять недель на воздушном шаре», публиковал статьи по вопросам философии, экономики и культуры, литературные и критические материалы и, разумеется, стихи.

Но важнее всего было политическое направление газеты. Она настойчиво пропагандировала идеи независимости.

Как-то раз в 1915 году Аманулла-хан, приехав к тестю, застал обычно спокойного, уравновешенного Махмуд-бека в состоянии крайнего возбуждения.

— Вы только послушайте, что пишет этот негодяй! — даже не ответив на приветствие, воскликнул Тарзи. — Вот его слова: «Если судить справедливо, то свободные мусульмане, находящиеся под британским управлением, — самые счастливые». И где это напечатано! В пешаварской газете «Афганец». Ну, я им покажу!

Очередной номер «Сирадж уль-Ахбар» вышел с гневной статьей ее редактора. «Чего хочет так называемый „Афганец“? — писал Махмуд-бек. — Чтобы мусульмане Афганистана добровольно пошли в рабство? О, подлый корреспондент! Если ты сам надел ярмо невольника и лишился райской свободы, то почему ты считаешь людей во всех мусульманских государствах подобными себе? Разве ты не предаешь свой народ? Именуешь себя афганцем, а сам готов продать афганский народ в рабство чужеземцам!»

Через некоторое время в газете появилась серия статей. Их общая мысль была выражена достаточно четко: «Пока Афганистан не добьется независимости и его независимость не будет признана другими государствами, он останется землей, в которую посеяли зерна процветания, а они никак не прорастут».

Тарзи благоразумно старался не касаться деятельности эмира — «Светоча народа и веры» — и его окружения, но острые высказывания газеты, направленные против «чуже-

земцев» (под ними без труда угадывались англичане), подчас весьма беспокоили Хабибуллу-хана.

Как-то эмир вызвал Махмуд-бека во дворец, уединился с ним в кабинете и долго смотрел на него изучающе, будто видел впервые. Наконец он прервал затянувшееся молчание:

— Вы позволяете себе лишнее. Англичане очень недовольны. Протестуют... Мы с вами, дорогой сардар, родственники. Кроме того, вы полезны государству. Поэтому мне было бы вдвойне тяжело, если бы пришлось отказаться от ваших услуг...

Начало ничего приятного не сулило, но тут эмир придал беседе иное направление:

— А если говорить по существу, лишь вы нас поймете... Наш брат Насрулла-хан ратует за немедленную войну с неверными. Это показное. Завоевывает дешевую популярность. Ему нужна власть, и только она. Любой ценой. Чтобы ее получить, он пойдет на сделку с кем угодно. Даже с инглизи. Они нам ненавистны, как и всем честным афганцам. Однако сейчас нельзя затевать с ними схватку: очень сильны! А на севере — их союзник, Россия. Эти державы грызутся между собой, но на Афганистан навалятся совместно. Надо выждать удобный момент...

Тарзи ушам не верил: такая неожиданная откровенность! И похоже, что он говорит искренне.

А эмир негромко продолжал:

— Насрулла-хан спит и видит себя на троне. Инаятулла-хан, наследник, слишком уж любит жизнь со всеми ее удовольствиями. К государственным обязанностям относится спустя рукава. Не знаю, какой из него получится правитель... Хаятулла-хан не в счет: его мать не очень знатного рода. Аманулла-хан умный, старательный, но уж больно горяч. Вот и получается, что народу вокруг меня много, а поговорить не с кем. Так что не удивляйтесь, дорогой Махмуд-бек, этому разговору...

Тарзи слушал с напряженным вниманием.

— И еще. Ваши статьи и здесь кое-кому стали поперек горла. Будьте осторожны. Нам часто приходится сердиться на вас — и для виду и всерьез — и обещать снять с вас голову. Надеемся, что до этого не дойдет...

Эмир расхохотался. Махмуд-бек поклонился и уже собирался удалиться, когда Хабибулла-хан предостерегающе поднял руку и сурово произнес:

— Беседа была совершенно доверительной.

Тарзи жил недалеко от эмирского дворца и отправился

домой пешком, размышляя о странном монологе. «Был ли до конца правдив повелитель? Может быть, это всего лишь игра? Но зачем? Ничего особенно нового для меня, разумеется, он не сообщил, но так раздеть хитроумную лису Насруллу-хана! И подчеркнуть его готовность сговориться с англичанами! Во всяком случае, Амануллу я ему не отдам. Горяч — это справедливо, однако он по-настоящему переживает трагедию родины и будет отстаивать ее достоинство. К несчастью, ему далеко до престола...»

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ МИССИЯ

Канонада оборвалась так же внезапно, как и началась. И тогда в сумерках на британские позиции у бельгийского городка Ипр стали наплывать клубы серовато-желтого дыма. Стоило ему накрыть окоп, как сидевших там солдат и офицеров охватил приступ неудержимого кашля. Они задыхались, теряли сознание. Кто сообразительнее, карабкался наверх и бежал, бежал, бежал, пытаясь спастись от удушья, смертоносного облака.

Двое из таких сообразительных — в чалмах и темно-зеленых мундирах с вишневыми нашивками — рванулись куда-то вбок, выбираясь из смрадного тумана. Выбрались — и окаменели от ужаса: на некотором расстоянии от волны вонючего дыма со штыками наперевес, почти беззвучно, редкими цепями, мерно шли обезьяны со слоновьими хоботами, одетые в военную форму. Впереди каждой цепи — обезьяна с револьвером в руке.

Когда они приблизились, стало ясно, что это немецкие солдаты в масках. Повинуясь повелительному жесту одного из шедших впереди, трое крайних в шеренге рванулись к чалмоносцам и отняли у них винтовки. Так Зирак, сын героя Майвандской битвы, и его друг Каюм попали в плен к немцам. Это произошло 22 апреля 1915 года.

На следующий день их доставили в штаб дивизии, размещившийся в Лилле. Они назвали лейтенанту свои имена и очень удивились, когда офицер, вместо того чтобы вести допрос, начал вслух рассуждать на английском языке.

— Зирак и Каюм... Хорошо. Несомненно, 124-й Белуджистанский пехотный полк. И спрашивать нечего. Старый полк — скоро отпразднует столетний юбилей. Если мы его раньше не расколотим, конечно! Из кого состоит? Посмотрим...

Немец заглянул в лежавшие перед ним бумаги.

— Так... Пенджабские мусульмане, патаны, догры. А кстати, кто вы — Каюм и Зирак?

— Хотак! — гордо произнес Каюм.

— Патаны, значит. Афганцы, — лейтенант снова посмотрел в бумаги. — Вы ведь кочуете где-то у Гималаев?

— Хотак! не кочуют, — почти с вызовом бросил Зирак. На миг перед ним возникли синие дали родного Вазиристана.

— Как же вы идете служить в армию британцев, если они хозяйничают в ваших краях? — зло усмехнулся офицер. — Да еще в полк, сорок лет назад сражавшийся под Кандагаром против афганцев!

При упоминании Кандагара Зирак изменился в лице, а затем буркнул:

— Нужда заставила.

Эти слова почему-то обрадовали немца.

— Ничего, — весело сказал он. — Мы поможем. Свернем шею британскому льву и всем покажем, как надо жить. А вы оба благодарите своего Аллаха, что оказались патанами!..

Вскоре пленных отправили в Цоссенские лагеря, расположенные под Берлином. В материалах допроса Зирака была подчеркнута национальность — «патан» и фраза: «Особую реакцию вызвало упоминание об афганских походах англичан». Такие детали имели важный смысл: в Цоссенских лагерях из пленных мусульман немецкие инструкторы формировали сотысячную «Исламскую армию». Она должна была проложить кайзеровской державе путь в страны Востока.

* * *

Восточный поход «Исламской армии» был далеко не единственным мероприятием в обширной программе германской «Остполитик».

Еще осенью 1914 года в одном из кабинетов мрачного здания военного министерства на Лейпцигерштрассе в Берлине состоялось межведомственное совещание. Его открыл руководитель отдела «Ост» Генерального штаба Людевиц, сухопарый полковник с набрякшими веками.

— Господа! — обратился он к представителям командования сухопутных сил, разведывательного управления и министерства иностранных дел. — Полагаю, не стоит тратить драгоценное время, разясняя находящимся здесь компетентным специалистам значение Востока для Германии. Особенно в свете нынешней ситуации.

...Безусловно, в этом не было никакой надобности. Суть дела была предельно ясна. Уже в конце XIX столетия Германская империя по важнейшим промышленным показателям стала опережать Англию и Францию, чьи колониальные владения раскинулись на всех континентах. Где же сбывать немецкие товары? Да и о каком престиже Германской империи могла идти речь, пока она не утвердилась прочно в Азии, Африке, а по возможности и в Латинской Америке?!

И тогда в конце 1897 года новый имперский статс-секретарь иностранных дел Бернгард фон Бюлов, выступая в рейхстаге, произнес слова, нашедшие отклик в душе каждого истинного патриота Великой Германии: «Довольно уж немцам глядеть на то, как другие делят сладкий пирог... И для них настало время обеспечить себе место под солнцем». Для самого фон Бюлова правильное понимание отечественных политических и экономических нужд вскоре обеспечило «место под солнцем»: он почти на десятилетие занял пост имперского канцлера, получив возможность проводить в жизнь программу экспансии.

Не прошло и года, как сам Вильгельм II в сопровождении фон Бюлова удостоил народы Азии своим посещением. Официально его целью было поклониться «святым местам» в Палестине. Однако никому еще не удавалось доказать, будто богоугодные дела нельзя сочетать с обычными, земными. Имеющие уши (главным образом в Лондоне и Париже) должны были сделать соответствующие выводы из сказанного кайзером в Дамаске, на приеме у турецкого генерал-губернатора Сирии: «Пусть его величество султан и триста миллионов мусульман, рассеянных по всему миру и почитающих его как своего халифа, будут уверены в том, что германский император будет их другом на вечные времена».

Немецкие газеты отныне единодушно именовали императора «хаджи», словно он совершил паломничество в Мекку, и, сменив букву «г» на «к», именовали его Кермани, будто происходил он из Кермана, в Южном Иране. Это должно было доказать родство немцев с народами Востока.

Новым свидетельством того, что Вильгельм II намерен верой и правдой отстаивать интересы мусульман, явились слова, сказанные им в марте 1905 года в марокканском порту Танжер: он решительно провозгласил себя защитником местных жителей от происков англичан и французов.

Тем временем полным ходом разворачивалось строительство железнодорожной магистрали «трех Б». Ее проект

поразил мир, как удар тевтонского меча. Дорога была призвана соединить Берлин через Бизантиум (Византию — Стамбул) с Багдадом, дабы товары из Германии могли беспрепятственно притекать на рынки Азии и Африки и чтобы облегчить переброску на Восток померанских и бранденбургских гренадеров.

В конце 1913 года в Турцию прибыла немецкая военная миссия, возглавляемая генералом Лпманом фон Сандерсом. Она фактически взяла под свой контроль вооруженные силы огромной Османской империи.

...Что и говорить, в кабинете на Лейпцигерштрассе явно не следовало развешивать длительные дискуссии по проблемам восточной политики. Поэтому Людевиц сразу же перешел к делу:

— Генеральный штаб находит целесообразным отправить через Персию в Кабул военно-политическую группу. В качестве ее руководителя намечен обер-лейтенант фон Нидермайер. Перед войной он не один месяц провел в различных районах Ирана, изучил его природу и экономику, население. У него есть на кого опереться для осуществления наших планов. Задача группы — вовлечь Афганистан, а если удастся, то и Индию в войну с Англией и Россией. В Берлине находятся несколько индийских политических эмигрантов. Они также отправятся на Восток, чтобы втянуть своих единомышленников, родственников и знакомых в борьбу с англичанами, в любые действия, какие только смогут ослабить наших врагов. По нашему указанию в лагерях военнопленных сейчас подбирают тех, кого надо использовать в интересах Германской империи. У меня все, господа. Жду ваших соображений.

Глухо кашлянув, поправил закрученные кверху — à la кайзер — усы майор Овербек из разведки:

— Замысел превосходный. Фридрих Вельзер. Тридцать лет. Великолепный знаток Персии. Экономист в отделении Шахиншахского банка в Тебризе. Изъездил всю страну. Держит в поле зрения людей «Джона Буля». Лейтенант. Стажировался в кавалерийском полку. Есть резон включить в группу.

Слегка ошеломленный краткостью Овербека, полковник тем не менее уловил смысл его слов. Одобрительно кивнув, он записал фамилию лейтенанта.

Поделился мыслями по поводу маршрута группы и предложил в ее состав нескольких человек подполковник Мальхоф, представляющий командование сухопутных сил.

Настал черед советника фон Штайнера из дипломатического ведомства. Глядя на его бесстрастное лицо, никто и не подумал бы, что фон Штайнер негодует. В его собственном отделе давно обсуждалась идея послать в Афганистан и Индию опытных людей для развертывания антибританской деятельности. Как-никак подобные операции прежде всего входят в функции тех, кто занимается внешней политикой! Тут вояки явно стремятся перебежать дорогу дипломатам. И, вероятно, уже заручились соответствующей поддержкой. Иначе этот надменный Людевиц не стал бы столь уверенно называть своего обер-лейтенанта руководителем группы. А что, если попытаться перехватить инициативу? Как бы то ни было, все ждут мнения министерства иностранных дел...

— Неплохо задумано, — холодно сказал он. — Акция имеет шансы на успех. Мы уже обсуждали у себя нечто подобное. Больше того, у нас есть человек, способный консультировать с фон Нидермайером в качестве главы экспедиции.

— Даже так? — брови полковника поползли вверх. — И кто же он, позвольте осведомиться?

— Речь, господа, идет о Вернере Отто фон Хентиге, — фон Штайнер умышленно обращался ко всем присутствующим, чтобы Людевиц не слишком заносился. — Сын саксен-кобург-готского государственного министра. Был нашим атташе в Китае, Османской империи, Персии, совершил длительную поездку по персидскому и турецкому Курдистану, путешествовал по России. Доктор права. Недавно опубликовал научный труд, касающийся проблем экстерриториальности.

— Ну что ж, кандидатура подходящая. Но, понятно, не на главную роль. Руководить группой должен профессиональный военный. Кстати, где сейчас фон Хентиг? В каком-нибудь нейтральном государстве?

— Нет, полковник, — оскорбился фон Штайнер, — там же, где и весь немецкий народ. В окопах. На Восточном фронте. Под Августовом, в третьем кирасирском полку. Скорее уж ваш обер-лейтенант занимает тепленькое местечко в каком-нибудь высоком штабе.

— Ошибаетесь, глубокоуважаемый советник! — воскликнул Людевиц. — Фон Нидермайер находится на Западном фронте. Его артиллерийская часть занимает позиции близ Нанси, в лесах Шампенуа. Лишь сейчас мы отзываем его.

* * *

...Слева от узкой караванной тропы — песчаный океан пустыни Деште-Кевир, справа — Деште-Лут. Если не считать гор, маячащих на горизонте, взору не на чем остановиться. Скудная растительность. Редкие оазисы с чахлыми деревьями. Прошуршит змея, промелькнет ящерица. Высоко в небе застыл орел. Покачиваясь в седле, Зирак-хотак подумал, что люди очень точно называли эти безмерные пространства «Большая соленая пустыня» и «Голая пустыня». Таких печальных земель он еще не видел, хотя за последний год судьба его бросала в разные края.

Мерный, неторопливый ход каравана и окружающий унылый пейзаж располагали к размышлениям. Например, о жизни и ее смысле. Этого настоятельно требовал круговорот событий, в котором очутился хотак. Вспоминался городок Цоссен, приютившийся среди лесов и многочисленных озер. Близ него раскинулись лагеря военнопленных — ядро формировавшейся «Исламской армии». Там были люди из России, британских владений в Азии, французских — в Африке. И воевать их готовили против Англии, Франции, России.

Надо отдать должное немецким офицерам: муштровали они умели куда лучше английских! «Лагерников» переодели в особую форму. Кормили сносно. Изредка разрешали побывать в Цоссене. Смотреть там, однако, было нечего. Лишь старинное здание ратуши с четырехгранным зеленым шпилем да рынок привлекли внимание афганца.

Из Зирака получился примерный солдат. Уж очень хотелось поскорее сразиться с теми, кто хозяйничал у него на родине, и он старательно выполнял все команды. Быть может, именно эта старательность послужила причиной его вызова в штаб. Там с ним беседовал на фарси толстый капитан со стеклышком на шнурке в правом глазу. Было смешно: стеклышко часто выпадало, и капитан ловко подхватывал его на лету и снова втыкал в глаз.

Офицер спрашивал: «Афганистан знаешь хорошо? Только восточную часть? А дороги, ведущие оттуда в Индию? Неплохо знаешь? Что же, зер гут!» (хотак уже освоил отдельные немецкие слова и выражения). «Хочешь вернуться домой? Зачем? Конечно, бить англичан, или, как вы их называете, инглизи, для чего же еще? Засиделись они у вас. Хочешь, значит. Вундербар!»

А на следующий день Зирака еще с десятком «цоссенских» отправили в Берлин. Всех их разместили в полупустых казармах какого-то полка, собиравшегося на фронт.

Здесь уже находились шестеро афганцев — кто родом из самого Афганистана, кто из Полосы независимых племен или из Северо-Западной пограничной провинции Индии.

Не успели осмотреться, как к ним пришел высокий круглолицый лейтенант с бесцветными, водянистыми глазами. Сейчас он едет верхом в середине каравана. Зовут его Вернер Отто фон Хентиг. Вскоре вместо лейтенанта его стали именовать мудрено — «легацион-секретер» (какие в их языке попадают длинные слова, трудно себе представить, не то что выговорить!). Познакомились... Этот Хентиг упорно называет его, хотяка, афридием. Видно, для него нет в том существенной разницы.

Немцы очень торопились послать их всех на Восток. Лишь на несколько часов удалось выбраться — посмотреть германскую столицу. Да и то успели побывать только на главной улице, усаженной густыми липами, со множеством дворцов и статуй; она упиралась в площадь с огромными воротами, которые никуда не вели.

Отъезжавших разбили на несколько групп. Они ехали в разных вагонах и делали вид, что незнакомы друг с другом. Поезд в Турцию шел через Румынию. Эта страна не воевала, и надо было миновать ее так, чтобы не вызвать подозрений у вражеских разведчиков. Хотак оказался в одном купе с военным врачом, доктором Беккером, и чрезвычайно интересным человеком — мауланой Мухаммедом Баракатуллой Бхопали. Афганцы мгновенно «расшифровали» его имя и титул. «Маулана» — это «ученый», «Мухаммед» — значит, он мусульманин, «Баракатулла» — «воздающий хвалу Аллаху», ну а «Бхопали» свидетельствует о его происхождении из Индии. Ему было лет шестьдесят, и жизнь скорее всего досталась ему нелегкая: иначе не сторбился бы он так сильно и не накопил столько морщин на лице. Зирак был почти вдвое моложе и, как это принято на Востоке, относился к ученому индийцу с глубоким почтением (доктор Беккер наблюдал за этим с иронической усмешкой).

Баракатулле тронуло его внимание, и в ответ он взял на себя заботу о просвещении Зирака. Разумеется, речь не шла ни о какой систематической учебе. Нет, маулана просто рассказывал о своем прошлом, но оно было настолько поучительным, что афганец многое начинал воспринимать по-иному.

— Я родился в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, в последний год Великого индийского восстания, — вспоминал впоследствии Зирак его рассказ. — Занялся в

университете изучением литературы, но скоро понял, что совершаю преступление против своего народа. Пока я наслаждаюсь чтением изысканных стихов и научных книг, он голодает, гибнет в нищете и несправедливости. Я бросил учебу и уехал в Лондон, чтобы там, в самом сердце грабившего Индию государства, вести борьбу против британского владычества...

Поезд мчался на юг. Мелькали вокзалы красивых городов (всех в голове не удержать, но легко произносимые «Прага» и «Вена» сохранились в памяти), однако тихая, неспешная речь Баракатуллы приковывала внимание Зирака, и он подчас даже не смотрел в окно, чтобы не отвлекаться.

— В Лондоне я прожил недолго, так как власти объявили меня опасным агитатором, — продолжал свой рассказ индеец. — Пришлось уехать из Англии — сначала в Америку, потом в Японию. Был университетским профессором в Токио, преподавал урду и фарси. Однако основным делом я считал издание газеты «Единение мусульман». Газета знакомила читателей с бедственным положением десятков миллионов людей в английских колониях и призывала к свержению чужеземного ига. Когда японцы вступили в войну на стороне Англии и ее союзников, Лондон потребовал моей высылки. Я вернулся в Соединенные Штаты, а оттуда направился в Германию.

При упоминании его страны безразличие покинуло Беккера, и он спросил:

— А кто позволил?

Зирак перехватил саркастический взгляд индийца.

— Его императорское величество кайзер Вильгельм и его правительство! Они считают выгодным привлекать к себе врагов их врагов. Нам разрешили создать в Берлине «Комитет индийской независимости».

— Маулана, кому это нам? — спросил Зирак.

— Индийским революционерам и борцам за независимость — Радже Махендре Пратапу, Лала Хардайалу, Бхупендре Датту и иным.

— Маулана, — продолжал допытываться Зирак, — раджа, которого вы называли, кажется, тоже едет с нами в Афганистан?

— Да, едет. Вместе с господином фон Хентигом.

— А что он за человек?

— Это потомок сикхских правителей. Вам лет тридцать, наверно?

Зирак кивнул утвердительно.

— Ему примерно столько же. Он считает, что Индия должна быть свободной, но полагает, что англичане уйдут, если этого добиваться добром, любовью. Тут я с ним совершенно не согласен!

Даже сейчас, через несколько недель после памятного разговора в поезде, Зирак почувствовал себя неловко, вспомнив проявленную им несдержанность. Он тогда в ярости воскликнул:

— Инглизи уйдут, лишь когда на них посыплются пули!

Маулана сделал успокаивающий жест:

— Пули там или что иное, но не проповедь любви. Надо объединить против них все силы: раджей и махараджей, султанов и навабов, помещиков и банкиров, владельцев заводов и мастерских, ростовщиков и ткачей, земледельцев, рабочих, сарбазов. Поднять Афганистан, Персию и другие страны. Опереться на помощь Германии, Османской империи. От вас незачем скрывать, что Раджа Махендра Пратап побывал у кайзера Вильгельма и везет эмиру Хабибулле послания германского императора и канцлера Бетман-Гольвега.

Доктор даже привскочил:

— Сам кайзер Вильгельм принимал этого индийца?

Беккер долго не мог успокоиться и с тех пор весьма почтительно относился к Баракатулле, а особенно к Махендре Пратапу.

Стамбул, огромный, пестрый город, раскинувшийся на побережье Мраморного моря и по берегам Босфора, потряс воображение афганцев. Здесь экспедиция провела несколько дней. Мусульманам удалось помолиться в Айя-Софии, наблюдать пышный селямлык — торжественную церемонию следования султана Мехмеда V Решада в мечеть, побывать в одной из знаменитых турецких бань.

Зирак недоумевал, отчего легацион-секретер позволил своим спутникам бездельничать в стамбульских кофейнях. Это выяснилось, когда они, перебравшись в азиатскую часть османской столицы — Ускюдар, двинулись наконец к следующему пункту маршрута — Багдаду. Оказалось, что Раджа Махендра Пратап ожидал встречи с Мехмедом V. Султан принял его во дворце Долмабахче и, подобно кайзеру, дал ему письмо для афганского эмира. Халиф — духовный глава всех мусульман — призывал Кабул выступить под зеленым знаменем пророка с оружием в руках против инглизи, представляющих угрозу всему миру ислама.

Была и еще одна причина задержки. О ней Зираку поведал много дней спустя проникший к нему симпатией Баракатулла.

— Турки сами готовили посольство к Хабибулле, — сказал он. — Но когда кайзер потребовал, чтобы в его состав включили два с половиной десятка немцев, и телеграфировал, что они уже выехали в Стамбул, Энвер-паша, управляющий здесь всеми делами, решил вообще не отправлять своих людей в Кабул. Кроме одного офицера — Кязым-бея.

Хотак понял, что Баракатулла ему доверяет, и решил выяснить давно волновавший его вопрос:

— Маулана, а как вы думаете... Вот англичане... Мы хорошо знаем, какие они и чего хотят. И в Индии и в Афганистане. А что алманы, немцы? Да и турки. Их помощь бескорыстна? Или они думают сесть на место англичан?

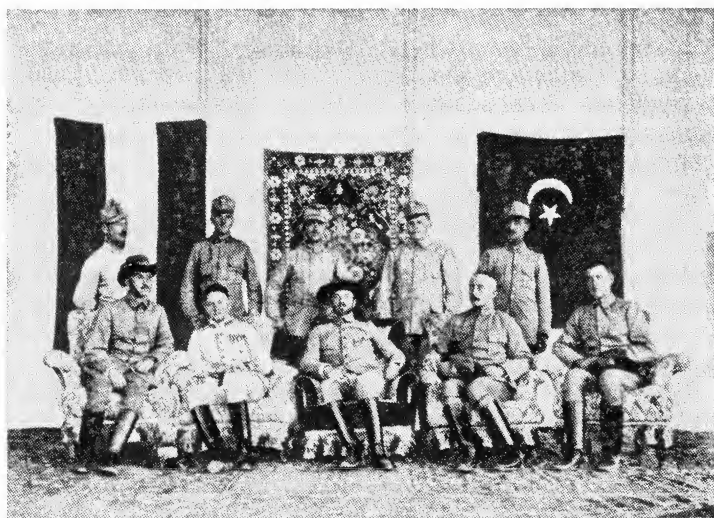
Баракатулла ответил не сразу. Помолчал, оглянулся: не подслушивают ли их. Медленно произнес:

— Все хорошо. Ты не думай, среди англичан, как и среди алманов, есть достойные люди. Но власть не у них. А те, с кем нам приходится иметь дело, преследуют свои цели. Главное для них сейчас — любой ценой ослабить врага. Если это будет сделано чужими руками, тем лучше. Мы это знаем, и обращение к ним за поддержкой вынужденное. Если выгоним одних угнетателей, позаботимся, чтобы другие не сели нам на шею!

...На территории Турции агенты неприятеля были не опасны. Дальнейший путь группа Хентига проделала вся вместе. Зирак присматривался к Радже Махендре Пратапу. Как-никак тот удостоился общения с императором и султаном. Внешне Раджа ничем особенным не отличался: среднего роста, низко надвинутая на лоб белая чалма, темные глаза, небольшие усы и бородка, длинный «индийский» пиджак, прост в обращении.

Затем был старый торговый перекресток — Алеппо, а после этого шумный Багдад. В начале июня 1915 года экспедиция миновала персидскую границу и, нигде не задерживаясь, направилась к Тегерану. Зирак вспомнил, какую радость ощутил, оказавшись наконец в стране, где говорили на понятном для него языке. Впрочем, язык было приказано держать на привязи. Ему, во всяком случае. В персидской столице очень сильны были враги немцев — англичан и урусы. Следовало остерегаться...

Фон Хентиг привел свою группу в расположенную на окраине Тегерана обширную усадьбу, окруженную высо-

Германская миссия. Сидят: второй слева — фон Хентиг, третий — фон Нидермайер. (Из книги O. von Niedermayer. *Unter der Glutsonne Iran. Dachau, 1925*)

кой глиняной стеной, и запретил покидать ее самовольно. Сам он часто и надолго уединялся с высоким человеком в удобной походной одежде: крепкие башмаки, заправленные в краги брюки, песочного цвета куртка, мягкая широкополая шляпа — так одевались английские сахибы в Индии, собираясь на охоту. Высоко поднятые брови и плотно сжатые губы придавали вытянутому лицу «охотника» с рыжеватой бородкой и усами выражение надменности. Это был обер-лейтенант Оскар фон Нидермайер. Глава группы и ее военный руководитель (фон Хентигу поручались в основном политические дела), он приехал в персидскую столицу отдельно от других.

Добрались до Наина. Позади остались сказочная красота Исфахана, его величественная соборная мечеть, сверкающие голубизной изразцовые купола зданий на центральной площади Майдане-Шахи. За Наинном распростерлась пустыня.

...Слева солончаки, такыры, впадины, соленые болота. Справа такие же плоскодонные впадины, такыры, солончаки, песчаные барханы, укрывшиеся за холмами, редкие убогие оазисы, где едва удастся напоить людей, верховых

и вьючных животных. И все это в окружении желтых гор, похожих на плешивые верблюжьи горбы. Зирак вновь и вновь возвращался мыслями к буйной зелени далекого междуречья полноводного Куррама и веселой, журчащей Точи, к радующим глаз живописным возвышенностям Вазиристана и Тираха, укрывшегося под густыми пахучими лесами. Особенно остро хотак ощущал боль, вызванную длительной разлукой с матерью, женой, маленьким Хасаном. Слава Аллаху, путь наконец-то лежит к дому, хотя и неизвестно, что его там ждет. Да и едет он туда не в очень простой компании. Ну что ж, пока всех их объединяет одно стремление — изгнать англичан. Значит, он на верной дороге...

Несмотря на ранний час, с белесого июльского неба уже лились расплавленные солнечные лучи. Из-за невыносимого зноя (в разгар дня столбик ртуты переваливал за сорок градусов) караван обычно выступал в сумерки, заканчивая движение утром. Бессонная ночь давала себя знать, и Зирак, доверившись коню, подремывал в седле, когда раздался пронический возглас:

— Господин афридий не опасается свалиться на землю?!

К нему направлялся фон Хентиг.

— Пока афганец жив, он прочно сидит на коне. И потом я не афридий, а хотак. — Зираку надоела нарочитая пренебрежительность легацион-секретера.

— Ну, это несущественно, — отмахнулся тот. — Мы приближаемся к Тебесу. Оттуда легче прорываться в Афганистан. А теперь нужно проверить, нет ли в городе засады. Вперед!

Зирака задела безличность обращения фон Хентига. К тому же он понимал, что, если их подстерегают враги, первые пули ждут именно его. Но колебание могло быть расценено как трусость. Он хлестнул коня:

— Будет исполнено, господин баварец!

Легацион-секретер опешил:

— Я пруссак, а не баварец!

— Какая разница! — донеслось издалека, и хотак скрылся в клубах пыли.

Засады не оказалось. Группа беспрепятственно въехала в Тебес, глиняный городок с полуразрушенной древней крепостью, и расположилась в караван-сарайе близ парка Гольшан. После убогого однообразия пустынь этот парк с его бассейнами и фонтанами, цветочными клумбами, чинарами и соснами, кипарисами и финиковыми пальмами,

апельсиновыми и померанцевыми деревьями показался путникам просто раем.

Не успели они, однако, развьючить верблюдов, ослов и мулов, как примчался оставленный на окраине дозорный:

— Приближается колонна!

Отправив Баракатуллу и Пратапа в комнаты каравансарая, фон Хентиг велел остальным своим спутникам залечь во дворе за валом из вьюков и подготовиться к отражению нападения. Но тревога оказалась ложной. Незвестный отряд вел Хаджи Мирза Хусейн — под этим именем выступал в Персии фон Нидермайер. Снова они с Хентигом принялись обдумывать план дальнейших действий. Предстояло решить непростую задачу. Подступы к Средней Азии, Афганистану и Белуджистану прикрывал созданный Англией и Россией Восточно-Персидский кордон. От Горгана, у юго-восточного угла Каспийского моря, вдоль всей российской границы, а также в районе Герата надзор осуществляла смешанная бригада царских войск (главным образом казачьи части). Их базой был Мешхед. Разграничительным пунктом являлся Кайен. К югу от него охрану несли индийские части британской армии со штабом в Бирдженде.

— Все за то, господин легацион-секретер, чтобы мы прорывались на стыках разграничительных линий русских и англичан,—склонился над картой обер-лейтенант.

— Естественно,—кивнул головой его соотечественник.— Я бы даже сказал — с некоторым уклоном в зону действия британцев.

Фон Нидермайер поднял голову:

— Почему?

— Ну, во-первых, казаки гораздо опаснее сипаев, а во-вторых, наши противники не очень-то доверяют друг другу...

— С первым вполне согласен. Будь иначе, мы постарались бы пересечь Северную Персию по кратчайшей линии, а не тащиться через пустыни с их убийственной жарой... Что касается второго, не совсем понимаю: недоверие между врагами вроде бы нам на руку!

— В принципе да,—прищурился легацион-секретер.— Но не в данном случае. Русские не очень-то уверены в оперативности и воинской сноровке своих союзников. Поэтому казачьи разъезды порой заходят довольно далеко за разграничительную линию. Если точнее сказать, слишком далеко!

— Ясно. Сражаться не только с сипаями, но и с каза-

ками, когда у нас так мало бойцов и велик обоз, губительно. Надо их обмануть.

— У меня есть план... — произнес полудипломат-полуофицер.

...Несколько дней ушло на переформирование каравана. Десятка два мулов, ослов и верблюдов загрузили менее важной кладью, и новый караван отправился на север, намереваясь проскочить через казачьи заслоны. Руководство поручили доктору Беккеру, весьма гордому своей новой ролью. Еще до его выступления фон Хентиг составил письмо на имя посланника Германии в Тегеране о том, что они решили прорываться в Афганистан северным путем, сквозь русский заслон. Обер-лейтенант предложил, чтобы письмо повез хотак.

— Что вы! — воспротивился легацион-секретер. — Этот смысленный и ловкий парень? Его не так-то легко удастся поймать даже казакам. Нет, нам надо бить наверняка. Эй, Мустафа!

К ним подошел здоровенный детина в конической персидской шапке.

— Слушаю, саиб.

— Ты заслужил поощрение. Доставишь это письмо в наше тегеранское посольство, тебе там хорошо заплатят. Отдохнешь и догонишь нас в Герате или Кабуле. Доволен?

— Очень доволен, саиб! — толстощековое лицо Мустафы расплылось в радостной улыбке. — А как ехать?

— На Кайен и Торбете-Хейдерие. Оттуда свернешь на мешхедскую дорогу и прямоком на Тегеран.

— Но ведь в тех местах урусы! — изумился Мустафа. — Меня схватят.

— Урусы узнали о нас и бросили всех своих людей на ту дорогу, по которой мы только что прошли. У Кайена теперь безопасно. Немедленно собирайся!

Мустафа неторопливо пошел седлать коня. Глядя на его походку, фон Хентиг сказал фон Нидермайеру:

— Я нанял его в Тегеране. В жизни не встречал более ленивого существа. Спит на ходу и пробуждается, лишь когда речь заходит о деньгах и еде.

— Как раз то, что надо, — откликнулся обер-лейтенант. — Казаки отучат его от спячки.

На следующий день основная группа двинулась на восток, намереваясь выйти к афганской границе между Кайеном и Бирджендом. За несколько часов до ее выступления налегке отправились в путь Баракатулла, Махендра Прагап и Кязым-бей в сопровождении Зирика. Им поручалось

подготовить в Герате почву для приема германской миссии.

Наблюдая, как немецкая экспедиция покидает небесский караван-сарай, завсегдатаи чайханы у парка Гольшан оживленно обсуждали это событие.

— В Афганистан, должно быть, снарядились, — сказал один. — А может, и дальше.

— Если дать знать англичаи, те хорошо заплатят, — заметил другой.

— Я только вот чего не пойму, — вмешался в беседу чайханщик. — Зачем они тащат с собой эти длинные железные палки?

— Глуп ты, оттого и не понимаешь. У них это называется цирк. Натянут канаты и будут ходить по ним или прыгать.

Эти люди и не подозревали, что видели составную телескопическую антенну беспроводного телеграфа, предназначенного для связи руководителей миссии с Берлином.

Между тем экспедиция, держась вдаль от наезженных дорог, по горным тропам перевалила хребет Йездегерд и в начале августа прибыла в Бошруйе.

Посоветовавшись, обер-лейтенант и легацион-секретер решили, что, поскольку слухи об их группе давным-давно распространились по Персии — ведь прошло уже два месяца их пребывания здесь, — бдительность британских офицеров наверняка притупилась. А уж, конечно, меньше всего будут они искать неприятеля рядом с собой. И после недельного отдыха отряд взял курс прямо на Бирдженд.

В Бирдженде они расположились на постоялом дворе — рабате на окраине города. Еще в Тегеране немцы переоделись в персидские безрукавки — джалетке и своеобразные кафтаны — каба, широкие штаны и шальвары, натянули на головы войлочные колпаки и тюбетейки, все разговоры старались вести только на фарси.

Не желая испытывать судьбу, отряд сразу же покинул Бирдженд. За невысоким Муминабадским хребтом дорога шла по такырам и солончакам, покрытым редким кустарником. Вскоре должны были начаться афганские земли.

Обер-лейтенант и легацион-секретер уже предвкушали удовольствие от спокойного пути по Афганистану, как под вечер 18 августа на горизонте, с северо-запада, они увидели столб пыли, а затем темную движущуюся массу. Нидермайер велел каравану ускорить ход. Однако масса приближалась, медленно увеличиваясь в объеме. Взгляд в бинокль развеял все сомнения: казаки! Уйти от них не было

никаких шансов. Уже слышались выстрелы, гиканье и свист. И тут вспыхнула паника среди погонщиков-персов. Словно по команде, они метнулись в ложину, тянувшуюся слева от тропы. Казаки устремились за ними. Воспользовавшись этим, Нидермайер, Хентиг и остальные немцы рванулись вперед. Их не преследовали: противника больше интересовала основная часть каравана. Беспорядочное бегство прекратилось лишь у деревушки Йездан, последнего персидского селения — его тридцать домишек расположились почти на самой афганской границе. Наутро, после проведенной кое-как ночи, когда в Йездан прибыло еще десятка полтора погонщиков, фон Нидермайер и фон Хентиг стали считать потери. Итог был неутешительным. От большого каравана сохранились жалкие остатки. Пропали тюки с оружием и патронами, сундучки с золотом, предназначенным для подкупа вождей племен. Очень неприятным было исчезновение личных вещей членов миссии. Как показаться при дворе эмира? Да и перед глазами гератского наместника? Кто поверит, что эта кучка оборванцев представляет священную особу императора?! Только у фон Хентига каким-то чудом сохранился парадный мундир. Несколько утешало также, что непонятным образом уцелело оборудование радиостанции.

«БОГОМ ДАННОЕ ГОСУДАРСТВО»

В весьма помятом виде германская миссия прибыла в Герат, где ее встретили Баракатулла и Махендра Пратап. Представитель наместника приветствовал членов миссии как гостей эмира. Им отвели дворец в Баги-Шахи — Шахском парке. Баракатулла ознакомил фон Хентига и фон Нидермайера с обстановкой.

— Мы уже отчаялись видеть вас живыми. Сюда дошли плохие вести. Русские подстрелили нашего Мустафу, наехавшего прямо на казачий дозор и пытавшегося ускакать от него, — рассказывал индеец. — Они перехватили и доктора Беккера со всеми людьми...

Немцы переглянулись.

— Что с доктором? — спросил фон Хентиг.

— Точно неизвестно. Кажется, ранен, но скрылся... Затем мы узнали, что потрепали и вас. Конечно, все это отразилось на престиже миссии. К счастью, здешний наместник Мухаммад Сарвар-хап — человек старого закала. Ему

лет под семьдесят, и он ненавидит англичан. Еще в прошлом веке воевал с ними. Ждите его визита...

И действительно, вскоре вслед за тридцатью пехотинцами, нестройными рядами шедшими под звуки труб, на огромном коне в Баги-Шахи въехал крупный седобородый мужчина в высокой — колоколом — белой барашковой шапке со свисающими шнурами, в английском генеральском мундире с эполетами и широкой перевязью, украшенный орденами, в белоснежных брюках с лампасами и в белых туфлях. За ним следовало тридцать всадников. Мухаммаду Сарвар-хану помогли слезть с коня и поставили стул.

Прочно усевшись, наместник задал традиционный вопрос: «Как доехали?» — и широко улыбнулся, давая понять, что ему все известно. От общего имени на вопрос вельможки ответил фон Нидермайер.

— Достопочтенный сардар, лучше всего вам об этом скажут цифры. В Исфахане мой караван насчитывал сто сорок человек и двести тридцать шесть животных. Сейчас в нем тридцать семь человек и семьдесят девять животных. У коллеги фон Хентига потери не меньше. Но теперь мы в дружественной стране и нам нечего опасаться.

Сарвар-хан прищурился:

— Не удалось, значит, перехитрить казаков... Мне рассказали, какие важные документы вы везете в Кабул. Надо спешить. Постарайтесь перед лицом Светоча народа и веры, его величества эмира, выглядеть иначе!

— Да, достопочтенный сардар. Этим мы займемся безотлагательно.

Несколько дней было посвящено экипировке. По образцу формы фон Хентига лучший гератский портной срочно сшил парадные мундиры всем тем, кому они были необходимы. И когда посланцы кайзера нанесли наместнику ответный визит, их одежда выглядела вполне достойно.

— Желаю успеха! Удастся убедить его величество эмира выступить против инглизи, рад буду вспомнить старину и взяться за ружье. Не скоро заросла отметина, какой они меня наградили под Майвандом, — Сарвар-хан показал на шрам у виска и добавил, залиvisto смеясь: — Ну и высыпали мы им тогда!..

Совет наместника: «Надо спешить!» — полностью соответствовал намерениям руководителей экспедиции. Не прошло и двух недель после прибытия в Герат, как миссия углубилась в горные теснины Центрального Афганистана.

В конце концов и тропы Хазараджата остались позади.

1 октября 1915 года путешествие завершилось. Под звуки военного оркестра рота пехотинцев-сарбазов, эскадрон кавалеристов-соваров и артиллерийская батарея на одной из кабульских улиц торжественно встречали посланцев далекой Германской империи. Почетным караулом командовал турецкий офицер — немало их пригласил в качестве инструкторов для своей армии эмир Хабибулла. Мехмандар — чиновник, ведавший приемом гостей, сопровождал прибывших в предназначенную для них резиденцию — фантастическое сочетание индийского бунгало и европейского замка в юго-западном углу Баги-Бабура — Сада Бабура. Этот живописный уголок в двух милях к западу от Кабула, у подножия одной из гор, окружающих столицу Афганистана, именовался так потому, что был любимым местом размышлений и отдыха Захиреддина Бабура, потомка грозного Тимура. Изгнанный из Средней Азии, он завоевал Кабул и двинулся в поход на Индию, где основал династию Великих Моголов...

* * *

Телеграмма генерального консула России в Индии Набокова в Петербург от 5 сентября 1915 года:

«Вице-король Индии лорд Хардинг лично просил меня передать, что получил вчера письмо от эмира Афганского с извещением о поимке в Герате германской шайки, которая ныне под конвоем направлена в Кабул. Она будет там „приведена к ответу“ на дурбаре за проникновение на афганскую территорию.

Суть письма — ручательство эмира в том, что попытка германской пропаганды джихада в Афганистане осуждена на неуспех. По совету Хардинга король Георг напишет эмиру собственноручное письмо с изъявлением ему признательности за благожелательный нейтралитет, и письмо это, несомненно, произведет должное впечатление».

* * *

...Почетная встреча завершилась чем-то вроде почетного заточения. Ворота Баги-Бабура были закрыты. Фон Нидермайер обратился к «Светочу народа и веры» с просьбой поскорее их принять и с протестом по поводу установленного для них режима. Мехмандар ему объяснил:

— Люди у нас дикие, необразованные. Увидят незнакомых — примут за англичан. Тогда будет нелегко поручиться за вашу жизнь.

Заточение длилось недолго. Через неделю миссию пригласили прибыть в летнюю резиденцию эмира в Пагманской долине, и мехмандар открыл ее членам доступ в Кабул, предупредив, чтобы их одежда не очень отличалась от общепринятой.

— Разговаривайте лучше на фарси, — напутствовал мехмандар.

Зирак рвался в бой. Он был уверен, что, прочтя послания властителей двух империй — Германской и Османской, эмир Хабибулла немедленно объявит войну англичанин. Этого, хотя, разумеется, и не столь быстро, рассчитывали добиться и немцы и индийцы.

Когда все они потолкались на базарах, беседуя с индийскими и афганскими торговцами, обменялись мнениями с турецкими офицерами, то узнали немало любопытного. Оказалось, что группа влиятельных сановников при дворе эмира требовала любой ценой избавиться от постыдной британской опеки. Этих людей называли «партией войны». Возглавлял ее единственный родной брат эмира и его правая рука Насрулла-хан. Они узнали, что к тому же стремятся и другая группа придворных, объединившаяся вокруг третьего сына государя — Амануллы-хана и его тестя — публициста Махмуд-бека Тарзи.

Как-то Кязым-бей затащил в Баги-Бабур своего соотечественника Нури-бея, занимавшего важную должность в армии. То и дело поправляя золотистую каракулевою шапочку, тот рассказал:

— Все дело в Хабибулле-хане. Англичанин он не любит и не слишком боится, но в драку не полезет. По крайней мере сейчас. Зачем это ему? Исход войны в глубоком тумане. Рисковать он не станет. Еще бы: зажат между Англией и Россией! А вдруг ударят, если он проявит враждебность... Да вот недавний пример, — продолжал Нури-бей. — Месяца четыре назад созвали сюда на дурбар вождей и старшин племен, правителей округов и городов. Сотни три собралось! Эмир стал перед ними восхвалять свою политику, утверждая, что нейтралитет — счастье и благо для любого государства. Особенно для Афганистана. И дважды повторил последнюю фразу, словно хотел вдолбить ее в горячие головы.

— Почему же особенно для Афганистана? — фон Хенгис искоса взглянул на Нури-бея.

— Да потому, что Англия хорошо платит за это эмиру. Ну а воздействовать на него некому. Насрулла-хан со своими сторонниками, Аманулла-хан и Тарзи со своими ни-

когда не объединятся, хотя и те и другие — за независимость.

— Что же им мешает? — спросил фон Нидермайер.

— Они по-разному глядят на мир. Насрулла вечно окружен муллами, прославляет старину и Аллаха, да святится имя его! Не выносит никаких новшеств. А те — за реформы, за просвещение народа. Эмир — где-то посредине и воли не дает никому. Все дело в нем! — Нури-бей закончил тем, с чего начал.

Оставшиеся до аудиенции две недели эмиссары Берлина и Стамбула использовали не только для хождения по кабульским улицам и базарам. Они попытались наладить работу беспроволочного телеграфа.

Над Баги-Бабуром, на горе, подняли антенну, установили приемник и передатчик. Радист Штрауле надел наушники и сел за ключ. Прошло много томительных минут, пока Штрауле не завопил: «Есть!» — и не стал предлагать каждому послушать едва различимый писк. «Это радиотелеграф Науэна! — восклицал он. — Я знаю, я знаю! Там работает мой приятель Вилли Штробль. Узнаю его почерк. Я связывался с ним из Тегерана!»

Фон Хентиг оборвал возбужденного радиста, предложив немедленно передать сообщение в Берлин. Но как ни старался Штрауле, передатчик не действовал. Радист менял конденсаторы и лампы, чистил контакты, лихорадочно крутил ручки — все напрасно. На головы казаков, обрушившихся на их караван, посыпались проклятия: что-то было повреждено. А потом у Штрауле и вовсе вытянулось лицо: выяснилось, что пойманную им передачу вел вовсе не германский город Науэн, а какой-то британский штаб в Индии, и «приятель Вилли Штробль» оказался Дугласом О'Лири...

...В восемнадцати милях от столицы, в окружении невысоких гор, с которых террасами спускаются зеленые кустарники и деревья с густыми кронами, раскинулась живописная Пагманская долина. Здесь чистейший воздух, прозрачные звенящие ручьи вливаются в реку Пагман. В эту живительную прохладу перебирается двор эмира, когда над Кабулом нависает летний зной, часто не спадающий до поздней осени. Сюда 26 октября 1915 года на двух автомобилях прибыли посланцы далеких держав.

Они важно шествовали к легкому двухэтажному дворцу — фон Нидермайер, фон Хентиг, Фойгт и Вагнер — в узких темных однобортных куртках с длинным рядом золоченых пуговиц и в белых брюках, на голове — широкопо-

лые шляпы. Махендра Пратап и Баракатулла — в черных длиннополых пиджаках, у одного на голове — белый тюрбан, у другого — круглая шапочка. Замыкал процессию Кязым-бей в парадной форме. Махендра Пратап крепко сжимал драгоценную папку с посланиями коронованных особ и германского канцлера.

В просторной светлой комнате их встретил Насруллахан, наиб ас-салтана — «наместник государства». Этот титул свидетельствовал о его важной роли в стране. Вместе с Насруллою-ханом там находились старший сын и наследник Хабибуллы-хана — двадцатисемилетний Инаятуллахан, муин ас-салтана — «помощник государства», его брат Аманулла-хан, айин ад-доуле — «зеркало государства», а также несколько министров и высших сановников.

Блестящий знаток Корана, сорокалетний Насруллахан, худощавый, с внимательным взглядом черных глаз, выделявшихся на бледном лице, обрамленном короткой густой бородой, был одет подчеркнуто строго. Круглая черная каракулевая шапка со звездой на боку, шитый золотом мундир с эполетами и широкой голубой перевязью, заправленной за пояс. Его левая рука опиралась на изогнутую саблю.

Сыновья правителя были в европейских костюмах. Первенца Хабибуллы-хана отличали изрядная полнота и медлительные движения. На круглом лице выделялись толстые, чувственные губы. К подстриженной бородке свисали усы. Аманулла-хан, который был моложе брата на четыре года, привлекал внимание своей стройностью и подвижностью. Безбородый, он то и дело пощипывал короткие усики. Гости отметили, что ноги Насруллы-хана и его племянников казались непропорционально короткими по сравнению с туловищем. То была наследственная черта, шедшая от эмира Абдуррахман-хана, деда Инаятуллы и Амануллы.

Посреди помещения были расположены низенькие столики, уставленные чайной посудой и вазами с восточными сладостями. Осушив две-три чашечки ароматного напитка, хозяева и гости перешли в громадный двусветный зал, где на возвышении стояло невысокое кресло. Через несколько минут к ним вышел эмир, коротконогий, как и его родственники, в надвинутой на лоб светлой фуражке. Такая же темная бородка, такой же прямой нос, такой же внимательный, цепкий взгляд черных глаз, что и у Насруллы-хана. И мундир напоминал парадную форму брата, но был украшен аксельбантами и большим числом орденов и медалей.

Усевшись в кресло, Хабибулла-хан кивнул в ответ на низкий поклон гостей и жестом указал на расставленные вдоль стен стулья. Последовали обычные в таких случаях вопросы: «Как доехали? Как разместились? В чем нуждаетесь?..»

Наконец вперед выступил Махендра Пратап. Открыв свою папку, высоким и слегка дрожащим от волнения голосом он прочел адресованные кабульскому повелителю документы. «Я издавна желал видеть мусульманские народы независимыми и стремился обеспечить их государствам самое свободное развитие,— начал индеец с послания Вильгельма II.— Оказание содействия мусульманам в их борьбе за независимость волнует меня не только сейчас, и в дальнейшем я с моим правительством буду их поддерживать. С окончанием войны также сохранится уже существующая общность интересов между немецким народом и мусульманами».

Эмир внимательно слушал, изредка кивая головой. Он не проронил ни слова, и Пратап стал читать султанский ферман: Мехмед V призывал «афганского брата и друга» объединить силы с Османской империей «для ниспровержения заклятого врага ислама» — Британии с ее союзниками.

Затем повелителя ознакомили с письмом Бетман-Гольвега. В затейливых, цветистых выражениях немецкий канцлер заверял Хабибуллу-хана в неизбежной победе Германии, выражал надежду на установление дружбы между нею и Афганистаном и уверенность в том, что эмир поддержит индийцев, борющихся с угнетателями.

Когда чтение было закончено и папка передана мехмандару, Хабибулла-хан встал. Мгновенно поднялись и гости. Прохаживаясь взад и вперед, эмир негромко ронял фразу за фразой. Примостившийся в углу мирза, секретарь, записывал их.

— Мы признательны великим монархам — кайзеру и султану... В такое сложное время они нашли возможность обратиться к нам с теплыми словами... Да снизойдет на них милость Аллаха!.. Их письма касаются весьма важных вопросов... Все это заслуживает внимательного изучения и глубоких раздумий...

Хабибулла-хан посмотрел на немецких офицеров:

— Серьезные решения нельзя принимать поспешно. Нам надо подумать! Не пожелают ли наши гости провести это время с пользой? Например, употребить свой опыт и знания для укрепления афганской армии? Она, к сожалению,

нию, еще не настолько хороша, чтобы состязаться с войсками англичан, а тем более урусов.

— С удовольствием принимаем предложение вашего величества, — ответил фон Нидермайер.

— Отлично! Чем займется каждый из вас, обсудите с Мухаммадом Надир-ханом, нашим главнокомандующим, — эмир указал на художавого генерала в очках. — Что касается индийских друзей, подумаем, как помочь их справедливому делу. Рад был познакомиться с вами, господа! — Тем самым эмир дал понять, что аудиенция закончена.

Однако тут фон Хентиг счел, что для успеха их миссии будет полезно напомнить о германских победах. Он шепнул об этом фон Нидермайеру, и тот снова заговорил:

— С разрешения вашего величества мне хотелось бы на прощание сообщить о последних успехах немецкого оружия.

— Чем же вы порадуете нас?

— На протяжении летних месяцев доблестные воины кайзера вели победоносное наступление против русских. Они овладели всей Польшей, половиной Литвы и продолжают продвигаться вперед.

— Сердечно поздравляем! Надеемся, что вам уже недалеко до Петербурга.

Когда автомобили увезли гостей, у эмира остались только его брат и сыновья.

— Ну, что скажете? — обратился к ним Хабибулла-хан. Первым нарушил молчание Насрулла-хан:

— Надлежит немедленно откликнуться на призыв султана-халифа! Момент очень удобный. Если объявить джихад, то с соизволения Всемогущего сможем подорвать силы англичан. Я обращусь ко всем улемам и муллам, чтобы в мечетях призывали выступить против неверных.

Хабибулла-хан выжидательно взглянул на сыновей. Аманулла-хан воскликнул, едва умолк дядя:

— Пора показать, на что мы способны! Независимость не придет к нам сама собой. Британский лев не выпустит добровольно добычу из когтей. Я считаю, что надо поднимать племена. И хорошо бы связаться с недовольными в Индии. Их там много.

Инаятулла-хан пожал плечами:

— Вряд ли удастся сделать что-нибудь крупное. Армия обучена плохо. Малочисленна. Оружие старое. Чтобы над нами не смеялись, следует лучше подготовиться...

Эмир провел рукой, словно подводя черту под сказанным:

— Выступать сейчас из-за приезда кучки алмани с индийцами несерьезно! Наши гости неискренни. Во всяком случае, этот длинный, который говорил. Как его — Нидермэн?

— Нидермайер, — поправил Инаятулла-хан.

— Ну и фамилия. Не выговоришь. Да... Он забыл сказать, что урусы давно остановили наступление солдат кайзера, а англизии дошли почти до самого Багдада.

Хабибулла-хан прищурился:

— Итак, начнем переговоры. Может быть, даже подпишем какую-нибудь бумагу. Это подчеркнет наше стремление к самостоятельности. Дразнить британского льва, когда мы еще не в состоянии обрубить ему когти, не очень мудро. Значит, надо вести тонкую игру. И укреплять армию...

* * *

«Мешхед, 18.11.1916. Подполковник Редль — старшему дежурному офицеру Главного штаба, Военный департамент. Симла.

Сэр, имею честь препроводить резюме проведенного в Тифлисе офицером русского Генерального штаба допроса капитана Вильгельма Пашена, присланное мне нашим военным агентом в указанном городе капитаном Генерального штаба Дж. Т. Нэпиром.

Капитан Пашен 89-го немецкого пехотного полка, сидя в Тифлисской тюрьме, 3 октября 1916 г. показал: германская экспедиция прибыла в Персию в апреле 1915 г. Инструкции германского императора и турецкого султана гласили: добраться до Афганистана и любой ценой втянуть его в войну с Англией и Россией.

Состав миссии: начальник — капитан Нидермайер, капитан Пашен и его брат лейтенант Пашен, второй лейтенант Хентиг, капитан Вагнер, первый лейтенант Фойгт, лейтенант Рейер, военный врач Нидермайер, вице-консул из Исфахана Зейлер, первый лейтенант Винкельман, доктор Беккер, капитан турецкой службы Кязым-бей. Вместе с солдатами, слугами, всадниками-персами прибыло 80 человек. В Тегеране персидское правительство снабдило капитана Нидермайера документами для свободного проезда по всей стране. Часть миссии осталась в Герате для ознакомления с афганской армией, другая направилась в Кабул.

Длительные переговоры и настойчивые увещевания

почти ничего не давали. Эмир много раз обещал все что угодно, а потом отказывался выполнять обещания. Тем не менее он запрещал германским офицерам уехать. Наконец в начале этого года подписали проект соглашения: Афганистан собирался вступить в войну, получив от Германии 10 миллионов фунтов стерлингов, 100 тысяч новейших винтовок и 300 пушек.

Нидермайер с Хентигом не были уверены в выполнении эмиром договора, поскольку он требовал и прибытия 50-тысячной германо-турецкой армии. Они не знали также, как посмотрит на все это Берлин. Поэтому в феврале туда пошла шифрорадиограмма об условиях, на которых Хабибулла-хан соглашался воевать. Ее полный текст Пашен не помнит, но смысл таков:

1) уплата 4 миллионов марок в месяц Кабулу во время всей войны; 2) германский отряд (50 тысяч) будет прислан, чтобы закрыть русско-афганские пограничные проходы и обеспечить Афганистан с этой стороны; 3) афганцев обеспечат винтовками, пулеметами, орудиями и военным снаряжением для 80-тысячной армии; 4) будет организована медицинская служба; 5) после войны к Афганистану отойдут Пенджаб и весь Белуджистан.

Ответа на эту телеграмму не получили. Учитывая плачевное состояние войска эмира и отсутствие какой-либо надежды на вступление его государства в войну, Нидермайер велел Пашену в июле отправиться в Берлин, детально объяснить ситуацию и просить инструкций для миссии, которой нечего было делать в Кабуле. Его доклад в столице Германии должен был гласить: у Хабибуллы-хана 80 тысяч солдат. Артиллерии недостаточно. Орудия старых систем. Амуниции и снаряжения недостаточно. Ружья разномастные, со свинцовыми пулями. Патронов мало. Формирование новых воинских частей невозможно. Война с Англией немыслима.

Миссия считает, что Англия в состоянии немедленно выставить против Афганистана 150 тысяч хорошо вооруженных туземных войск; кроме того, эмир опасается удара с тыла ее союзницы — России, что не исключается. Хабибулла-хан полагает, что сейчас его выступление на стороне центральных держав рискованно, но просит членов миссии остаться на случай изменения обстановки. К тому же германские офицеры очень полезны для него в качестве инструкторов.

Нидермайер и Хентиг убеждены в бесперспективности их дальнейшего пребывания в Кабуле и в неискренности

эмира. Насколько известно Пашену, они готовились покинуть Афганистан: Хентиг через Памир и Синьцзян в Китай, а Нидермайер под видом торговца-перса через Среднюю Азию в Персию, а оттуда на родину. До него дошло, что они так и поступили.

Сам он, Пашен, был схвачен русскими казаками на пути в Берлин. А в миссии оказался потому, что знал фарси (не очень хорошо), много путешествовал и служил в колониальных войсках. Связь немцев с Берлином осуществлялась по радио. Оборудование они привезли с собой; наладить его помог Руланд, австрийский офицер-военнопленный, бежавший на юг из лагерей под Самаркандом. Но связь была бы крайне затруднена при отсутствии работавшей на Германию мощной радиостанции в Исфахане, установившей контакт непосредственно с Берлином (что с ней стало, Пашен не знает). Допрашиваемый никогда в России не был и русского языка не знает. Ему 39 лет.

Допрос вел Генерального штаба капитан Калантаевский, разведывательной службы русского Генерального штаба. Тифлис, 19 октября 1916 г.».

КАПИТАН ИЗ КРЕПОСТИ КУШКА

До каких-то пор Константин Иванович Сливичский считал себя неудачником. Судите сами. Появился на свет в Полтавской губернии в смутный год, когда вокруг только и говорили что о «злодейском умерщвлении священной особы его императорского величества Александра II, царя-освободителя». В 1903 году, когда Константин уже заканчивал Александровское военное училище, взвод юнкеров, в котором он состоял, отказался участвовать в подавлении забастовки рабочих. Судьба взвода была решена. При выпуске всех разогнали по самым дальним гарнизонам. Подпоручик Сливичский оказался в 8-м Закаспийском стрелковом батальоне, в крепости Кушка, раскинувшей свои форты и укрепления по холмам в нездоровой местности, где свирепствовала лихорадка и не было хорошей воды. Как это ни странно, уроженец Украины с ее мягким климатом, вишневыми садами и тихими речками полюбил знойный Туркестан, бескрайние пески пустынь и неожиданную зелень оазисов. К тому же сравнительно недалеко от Кушки, почти на самой афганской границе, были расположены два поселка переехавших из родной Малороссии — Алексеевский, населенный харьковчанами, и Полтавский, жите-

ли которого были земляками подпоручика. По вечерам здесь часто слышались песни, напоминавшие об отчем доме.

Все бы ничего, да назначили его, мечтавшего о карьере пехотного командира, — стыдно сказать! — батальонным библиотекарем... Явная насмешка: библиотеками в батальонах обычно с успехом заведовали младшие писари, из ефрейторов. Единственное утешение: среди книжных стеллажей был не так заметен малый рост подпоручика — лишь с помощью мелких хитростей, незаметно встав на носки, ему едва-едва удавалось дотянуться до 170 сантиметров. Между тем гарнизон в основном комплектовался рослыми стрелками, казаками, саперами, и командовать ими, глядя снизу вверх, было бы не совсем ловко.

«Коль судьба зла, старайся договориться с ней». То была первая восточная поговорка, засевшая в памяти Сливицкого. Потом их накопилось множество, ибо, попав на Восток, он дал себе слово изучить быт и нравы его народов, многовековую историю. А главное, отныне Константин Иванович твердо решил, что библиотека 8-го Закаспийского батальона прославится в Туркестанском военном округе.

И он рьяно взялся за дело. Часто ездил в большие города в поисках книг, писал в Ташкент и Петербург, запрашивая, добываясь, закупая всевозможную литературу. Организовал для офицеров нечто вроде курсов по географии, топографии, языкам (и сам изучил фарси), устраивал всевозможные «чтения», выставки, дискуссии. Его неутомимая деятельность немало способствовала тому, что офицерская среда в Кушке не превратилась в стоячее болото наподобие гарнизонов, описанных Куприным.

Затем жизненные обстоятельства начали складываться благоприятнее. Разъезды подпоручика по книжным делам и всевозможные просветительские занятия одобрило начальство крепости. Оно было заинтересовано в том, чтобы офицеры и солдаты Кушки были хорошо подготовлены и обучены. Однако и крепостное начальство, быть может, смотрело бы на вещи иначе, не окажись в роли командующего войсками и начальника Закаспийской области прогрессивно мыслящий генерал-лейтенант Деан Иванович Субботич.

В 1904 году библиотека подпоручика Сливицкого была признана образцовой в округе. Сам он сказал друзьям, что за два года фактически прошел университетский курс географии. Это, вероятно, почувствовало и начальство: биб-

лиотекарь был прикомандирован к кушкинской крепостной артиллерии, через год — к мобилизационному отделению штаба крепости, а в 1906 году его назначили старшим адъютантом штаба. Еще год, и Константин Иванович наконец-то надел погоны поручика. Он отпустил усы, стрелками расходившиеся в стороны, отрастил бородку-эспань-олку.

К этому времени он уже не мог нарадоваться на годовалого сына, тоже Костю: за несколько лет до этого его пленила очаровательная Юленька, Юлия Ивановна. Вначале он не знал, чем больше восхищаться — ее красотой или прекрасным знанием французской литературы в оригинале. А потом нашел, что эту проблему лучше решать вместе, и женился на ней.

Все теперь шло хорошо. Хотя высочайших наград поручик Сливицкий не получал, можно было считать, что жизнь наладилась. И лишь однажды он испытал потрясение. Когда Туркестан в 1905 году, подобно всей Российской империи, охватила мощная революционная волна, по личному распоряжению царя был уволен в отставку генерал-лейтенант Субботич: в его действиях проявилось больше симпатии к угнетенному народу, чем к императорскому престолу. К счастью, на посту коменданта крепости Кушка находился генерал-майор Александр Павлович Востросаблин — не только большой знаток артиллерии, но и человек передовых взглядов.

Особенно важным в своей биографии Константин Иванович считал 1910 год. Не потому, что получил звание штабс-капитана. В том году, незадолго до своего тридцатилетия, по аттестации генерала Востросаблина он был назначен исполняющим обязанности начальника штаба Кушкинской крепости. Это был взлет! Хотя крепость Кушка имела третий класс, она, вне сомнения, была важным опорным пунктом империи в Туркестане. 120 километров на юг — и афганский Герат. Менее 300 километров на северо-запад — и персидский Мешхед. С 1885 года, когда Лондон неудачно пытался использовать отряды афганского эмира Абдуррахман-хана для захвата туркменского селения Кушк, там начал складываться мощный оборонительный форпост России. На Кушку, ее склады артиллерийского и стрелкового оружия, боеприпасов, продовольствия и снаряжения базировались многие воинские части соседних районов. Начальник ее штаба (пусть даже исполняющий обязанности) — не шутка!

Неожиданно у штабс-капитана появилась еще одна

страсть. Ею стала только еще зарождавшаяся радиотехника. Кушка была самой южной железнодорожной станцией Российской империи, конечным пунктом тянувшейся от Мерва на 294 версты ветки Среднеазиатской железной дороги. Оперативная связь с крепостью поддерживалась по телеграфу. Но нарушить ее в пустыне, сорвав провода и уничтожив столбы на многих участках, не представляло никакого труда для конного отряда, прорвавшегося через границу. Беспроволочный же телеграф позволял поддерживать надежную связь со штабом округа в Ташкенте. Благодаря настояниям генерала Востросаблина оборудование для радиостанции появилось в далекой Кушке раньше, чем в некоторых крепостях второго и даже первого класса.

Когда же начался монтаж, а затем наладка, исполняющий обязанности начальника штаба стал целыми днями пропадать в помещении радиостанции. Ему и еду носили туда. Штабс-капитан едва успевал выполнять свои прямые функции. Подчиненные, которым требовалась его подпись на нужных бумагах, ворчали, но, как говорил Сливичкий, создание радиостанции было «святым делом». Забота и кропотливый труд принесли плоды: отныне Кушка была надежно связана с внешним миром.

Пренебрегая субординацией, Константин Иванович подружился с могучим кудрявым Григорием Моргуновым, вольнонаемным механиком радиостанции. Он часами просиживал с радистами, осваивая методы приема и передачи радиосигналов. Вскоре Сливичкий мог смело считать себя одним из лучших знатоков радиодола среди военных России. Он не знал, правда, пригодится ли это ему когда-нибудь, но не считал свое увлечение пустой забавой. Он даже старался заинтересовать радиоделом и очень похожего на него лобастого крепыша Костю. Тот пыхтел, обдирая в кровь руки, но вслед за отцом старательно постигал сложную науку. Они, естественно, не могли знать, какую роль сыграет для них эта наука в будущем.

Но, обремененный многотрудными обязанностями в кушкинском штабе, увлеченный замечательным техническим новшеством, Сливичкий, ставший перед мировой войной капитаном, не забывал и своей первой любви. Так он именовал батальонную библиотеку, да и вообще книги. Ни одна его служебная командировка в Асхабад, к командиру войсками Закаспийской области, а тем более в Ташкент, где располагался штаб Туркестанского военного округа, не обходилась без посещения книжных магазинов. Бывая в Ташкенте, он обязательно выкраивал время, что-

бы зайти в Туркестанскую публичную библиотеку на углу Воронцовского проспекта и Романовской улицы. В этом «хранилище мудрости» (Константину Ивановичу была присуща повышенная эмоциональность, отражавшаяся на его отношении к людям, жизненным явлениям и даже учреждениям) капитан тщательно штудировал очередной том уникального «Туркестанского сборника», представлявшего собой кладезь сведений о Средней Азии и соседних странах. Визит в Публичную библиотеку после утомительных часов, проведенных в штабе округа, казался небесной благодатью. Во время одного из таких визитов он побывал на докладе некоего Мейснера, приехавшего из Петербурга. Об этом стоит рассказать особо.

...Газета «Туркестанские ведомости», выходившая в Ташкенте, в начале апреля 1914 года оповестила членов Туркестанского отдела Русского географического общества о предстоящем заседании отдела. Программа была весьма интересной. Известный историк и палеограф А. А. Семенов должен был сделать сообщение о вышедшей в Кабуле книге по истории Афганистана. Столичный предприниматель К. М. Мейснер выступал с докладом «Торговые связи с Афганистаном и Индией в свете транспортных возможностей России». Наконец, увлекавшийся археологией преподаватель французского языка в реальном училище И. А. Кастанье намеревался поделиться впечатлениями об исследовании пещер Туркестана.

Приглашались все желающие, и в Публичной библиотеке, где обычно проходили заседания, собралось немало народу. Последними пришли полковник И. Д. Ягелло из штаба Туркестанского военного округа и городской голова Н. Г. Маллицкий.

Правитель дел А. В. Панков, он же секретарь отдела, представил Мейснера — еще не старого, но уже с изрядной лысиной, а затем кафедру занял Семенов — человек лет сорока, среднего роста, с пышными усами и маленькой бородкой.

— Должен предупредить, господа, о сугубо предварительном — по необходимости — характере моей информации, — начал он. — Дело в том, что несколько лет назад зажиточный и довольно просвещенный афганский купец Касымджан, находясь в наших краях, по ряду обстоятельств попал в затруднительное положение. Исполняя обязанности дипломатического чиновника, я помог ему. С тех пор признательный купец иногда извещает меня о событиях в культурной жизни своей страны.

Семенов положил перед собой газету и пакет с бумагами:

— Нынешнее сообщение весьма любопытно: в Кабуле опубликована, насколько можно судить, официальная история Афганистана. Купец оказался столь внимательным, что прислал краткое изложение труда и газету «Сирадж-уль-Ахбар», где он рекламируется, обещая в будущем доставить и саму книгу...

В истории Афганистана все еще было немало «белых пятен», и потому слова Семенова вызвали неподдельный интерес.

— Не располагая пока этим изданием, могу поделиться лишь отрывочными сведениями. Именуется оно «Сирадж ат-таварих», или «Светильник историй», и написано по повелению и при ближайшем участии эмира Хабибуллы-хана неким хазарейцем Файз-Мухаммед-Катибом на персидском языке, в двух книгах с общей нумерацией страниц. Изложение ведется с образования Ахмед-шахом в 1747 году Афганского государства. Автор описывает формирование границ страны, ее географические и климатические условия, определяя численность населения в четыре миллиона душ. Кажется, эта оценка слегка занижена...

Сидевший близ кафедры востоковед М. С. Андреев потряс пышной шевелюрой:

— Александр Александрович прав.

— Из присланного материала явствует, — продолжал Семенов, — что в «Сирадж ат-таварих» включены данные о малоисследованном периоде афганской истории конца XVIII — начала XIX столетия, внутренних усобицах, религиозных столкновениях суннитов с шиитами. Предполагаю, что при освещении этих темных страниц использованы предания, хранящиеся в семье эмира. Том завершается рассказом о нашествии и поражении англичан в их первой войне с афганцами 1838—1842 годов и возвращении правителя Дост Мухаммад-хана из британского плена в Кабул.

Семенов откашлялся и выпил воды:

— Во второй книге излагаются дальнейшее царствование Дост Мухаммад-хана, междоусобия, феодальные раздоры после его кончины и новое вторжение английских войск. Мой корреспондент подчеркивает, ссылаясь на вышедшее издание, что война с англичанами унесла в 1878—1880 годах много человеческих жизней и вызвала большие разрушения. Он, к сожалению, не пишет, отражены ли в официальной истории знаменитая битва под Майвандом и

ее герой — правитель Герата Аюб-хан, соперник отца нынешнего эмира — Абдуррахман-хана. Разумеется, нелегко судить о достоинствах книги на основании беглых, отрывочных сведений, но и они убеждают в полезности этого труда для изучения истории Афганистана. Я с нетерпением буду ожидать его присылки.

— Есть ли вопросы к Александру Александровичу? — спросил Панков.

— Простите, Александр Александрович, а каково соотношение томов? — осведомился Е. К. Бетгер из Туркестанской библиотеки.

— Сейчас, Евгений Карлович, сверюсь с письмом — такие данные имеются. Вот... Первый — сто девяносто пять страниц, второй — сто восемьдесят две. Всего — около четырехсот.

— Позвольте узнать, дорогой Александр Александрович, — встал со своего места крупный, широкоплечий Андреев, — чем завершается изложение?

— В общем, восшествием на трон Абдуррахман-хана в 1880 году, Михаил Степанович. Однако из послания Касымджана у меня складывается впечатление, что труд еще не завершен и можно ждать продолжения.

— Если вопросов больше нет, полагаю, мы обязаны выразить Александру Александровичу признание за ценное сообщение и надежду на продолжение столь любопытного рассказа об успехах афганской науки. — Панков подождал, пока утихли аплодисменты, и предоставил слово Мейснеру.

— Господа, немалая часть отечественных товаров идет через Среднюю Азию в Афганистан и дальше, — произнес тот звучным баритоном, слегка грассируя. — Население нашего южного соседа составляют афганцы. Столица — Кабул...

Будь в зале посветлее, а докладчик повнимательнее, он заметил бы, как у многих вытянулись лица и они стали переглядываться: стоило ли приходить, чтобы выслушивать азбучные истины? Но вот Мейснер перешел к вопросам торговли, проявив достаточное знание дела:

— В нынешнем веке русско-афганские экономические связи носили в основном равноправный характер. Десять лет назад мы вывезли товаров на два с половиной миллиона рублей, ввезли — на сто тысяч рублей больше. В текущем, девятьсот сорок первом, обе стороны, видимо, реализуют их примерно на три миллиона. Мы в Петербурге исследовали особенности торговли. И знаете, что выясни-

лось, господа? Бóльшая часть доставленных к нам через Среднюю Азию изделий — из британских владений в Индии. Там хорошо развита железнодорожная сеть и перевозка товаров крайне дешева. У нас же лишь одна нитка пути от Оренбурга, да и та протянута сравнительно недавно. И вот такая мысль приходит в голову, господа...

Он повернулся к висевшей у кафедры крупномасштабной карте Азии и решительным движением указки очертил Афганистан.

— Поскольку договор девятьсот седьмого года регулирует на Востоке наши отношения с Англией, не попытаться ли договориться с нею о прокладке через афганские земли железнодорожной магистрали в Индию? Эмир — неограниченный властелин, пользующийся всеобщей любовью. Его слова будет достаточно для любых действий. Создание такого пути расширит возможности нашего товарообмена с британскими владениями. Отныне Лондон — союзник Петербурга, он, естественно, будет стремиться развивать с нами торговлю.

То была основная идея доклада. Высказав ее, Мейснер более подробно изложил свой план и, поклонившись, сел подле Панкова.

— Будут ли вопросы к Карлу Михайловичу, господа? — поднялся тот. — Не пожелает ли кто-нибудь выступить?

Сливицкого чрезвычайно интересовала одна из сторон темы, о которой ничего не было сказано. Чувствуя себя неловко среди маститых членов Общества, он не очень уверенно обратился к докладчику:

— Простите, а какое именно направление намечено придать столь перспективной магистрали?

— Что за направление, не понимаю! — буркнул Мейснер и шепнул Панкову: — Кто это?

— Константин Иванович Сливицкий, из Кушки, — ответил правитель дел.

А капитан, смущенный тем, что его не поняли, пояснил:

— Через какие пункты предполагается вести линию?

— Это очень сложная проблема, учитывая горный рельеф Афганистана. Она сейчас исследуется. Ну а мы, дельцы, призваны организовать дело. Так сказать, придать ему должный размах, — приезжий предпочел не вдаваться в детали.

— Хотелось бы полюбопытствовать, известно ли докладчику об имевшихся ранее проектах подобного рода? — спросил Семенов.

— Слыхал я о каких-то предположениях, — в голосе Мейснера прозвучали пренебрежительные нотки.

Семенову это явно не понравилось.

— Зачем же так уничижительно? Ведь одним из первых такой план выдвинул вскоре после прокладки Суэцкого канала Фердинанд Лессенс. Замысел предусматривал сооружение трансконтинентальной магистрали от Лиссабона до Калькутты — «Ле Гран Сантраль Азиатик», как он ее именовал. Эту идею горячо отстаивал наш соотечественник Степан Барановский, желавший, чтобы дорога прошла через Саратов. Однако высшие сферы отклонили проект, опасаясь, что Россию завалят с двух сторон произведениями британской индустрии. Подобная угроза существует и сегодня.

— Но ведь сейчас мы союзники, и не следует опасаться некорректных действий! — воскликнул Мейснер.

— Говорить о корректности в торговле... — хмыкнул Семенов. — Что же касается союза с Англией, то, хотя соответствующие договоры формально зачеркнули споры между нами, думаю, все здесь помнят поговорку: дружба дружбой, а табачок врозь.

— Я географ. Политические, а тем паче торговые проблемы не по моей части, — пробасил Маллицкий, явно погрешив против истины: до избрания городским головой он пять лет редактировал крупнейшую среднеазиатскую газету «Туркестанские ведомости» и прекрасно ориентировался и в экономике, и в иных областях. — Я о другом. Мне кажется, наш уважаемый гость оговорился, характеризуя население Афганистана. Там, понятно, афганцы живут... — Николай Гурьевич улыбнулся, показав пожелтевшие от курения зубы. — Но не менее половины его жителей составляют таджики, узбеки, туркмены, джемшиды, хазарейцы, белуджи, фирузкухи, таймени, теймуры, кафиры, коих теперь именуют нуристанцами. Да еще кызылбаши, индусы, цыгане и некоторые другие.

Теперь пожелал высказаться Иван Дионисьевич Ягелло. Легкий и стройный, поднялся полковник со своего места:

— Прежде всего, господа, позвольте дополнить сказанное уважаемым Александром Александровичем. Помнится, сравнительно недавно, в девятьсот восьмом году, член нашего Общества Андрей Евгеньевич Снесарев выступал с докладом «Железнодорожный путь Москва — Калькутта», где рассматривал перспективы такой линии с политической и практической позиций. Не смею настаивать, но убежден, что изложенное в свое время Андреем Евгеньевичем мог-

ло бы оказаться весьма полезным почтенному Карлу Михайловичу...

Мейснер достал платок и вытер пот с лысины.

— Что же касается Афганистана, то после сделанного Николаем Гурьевичем уточнения отмечу лишь некоторые особенности тамошней ситуации. Эмир Хабибулла отнюдь не пользуется всеобщей любовью. Это типичный восточный деспот. Правда, и до Афганистана доходят либеральные ветры. Там образовалась организация сторонников конституции «Машрута». Однако власти разгромили ее, посадили почти всех членов за решетку, а кое-кого и казнили...

Ягелло говорил тихо, как бы размышляя вслух.

— «Дружба дружбой, а табачок врозь»? Александр Александрович — деликатный человек. Надо сказать со всей прямоотой: несмотря на договор о союзе, Великобритания еще не проявила к нам искренних дружеских чувств, особенно на Востоке. Если при этом учесть экономическое превосходство Британской империи над Россией, то нельзя избавиться от опасений: задуманная магистраль может стать орудием английского проникновения в наши азиатские земли...

Ягелло помолчал и добавил:

— Афганистан... Англичане лишили его всяких прав в области внешних сношений. Это пагубно отражается на его экономике, политическом и культурном развитии, но они и впредь будут настойчиво стремиться держать Кабул под контролем, выплачивая эмирам пенсией и угрожая оружием в случае непокорности. Советую, господин Мейснер, иметь в виду сие обстоятельство. Ну а в принципе, что же: прокладка дорог — важное дело...

Раздосадованный неудачей, Мейснер покинул заседание сразу же после обсуждения его доклада. Следом за ним вышел Сливицкий.

— Вас не привлекают пещеры Туркестана? — хмуро спросил Мейснер.

— Было бы интересно послушать! Но, к сожалению, у меня мало времени: скоро поезд. Не сочтите за нескромность — где изволили остановиться?

— В гостинице «Регина».

— На углу Иканской? О, это в двух шагах... И как раз по пути к вокзалу. Если не возражаете, буду вашим спутником.

Они пошли вместе, свернули на Соборную, обходя толпу, высыпавшую из электросинематографа «Хива». Капитан убеждал предпринимателя, «если строительство состо-

ится, выбрать самое удобное и выгодное направление — через Кушку». Столичный гость откровенно позевывал: рассуждения этого провинциала начинали его утомлять.

Константин Иванович удивился равнодушию Мейснера. Деликатность не позволяла ему выразить недоумение. Тем не менее он решил выяснить, чем же тот в действительности занимается.

— Вы ведь предприниматель, — сказал Сливицкий. — Позвольте узнать, какая же отрасль промышленности входит в сферу ваших интересов?

Вместо ответа собеседник протянул визитную карточку. На ней было написано: «Карл Михайлович Мейснер, уполномоченный БЕКОС в Нижнем-Новгороде». При тусклом свете уличного фонаря Сливицкий пробежал текст, оттиснутый мелким шрифтом на обратной стороне карточки: «БЕКОС. Брит. Инжен. Акц. О-во (Союз британских заводчиков). Н-Новгород, Рождеств. ул., д. № 36, Рукина. Тел. 17-62. Представит-во 60 английских заводов. Правление в Лондоне. Паровозы, жел.-дор. вагоны и трамваи; арматура для них. Автомобили и локомобили. Механизмы для расчищения дорог и пр.».

«Вот те на! Да это просто комиссионер... — подумал Сливицкий. — Расчищает дорогу в Россию английским фирмам».

— Стало быть, вы нижегородец? — дипломатично заметил он.

— Отчего же. У меня в Петербурге и Москве собственные дома, я занимаю прочное положение в деловом мире обеих столиц. Но чтобы помочь отечеству в развитии экономических связей с более опытной во многих отношениях державой, пришлось на время поселиться в Нижнем.

— Очень благородно с вашей стороны.

В реплике офицера прозвучала ирония. Спутник, однако, не заметил (или сделал вид, что не заметил) этого, и они мирно раскланялись.

Пока Сливицкий торопился к вокзалу, Семенов и Малицкий прогуливались по аллеям Кауфманского сквера, окаймленным могучими деревьями.

— Почти два часа отнял заезжий болтун! Такой изумительный вечер. Лучше бы раньше кончили да погуляли...

— Да, вечер весьма приятный — ароматный, теплый. Но как по-вашему, Николай Гурьевич, для чего в действительности приехал этот ферт?

— Его интересуют наши толстосумы, кои были бы готовы финансировать его громкий проект. В Думе нынче

много толковали об этом. Впрочем, не составляет секрета, что за спиной Мейснера маячат британские промышленники и банкиры. А может, даже политики и военные. Словом, деятели туманного Альбиона, стремящиеся любым способом влезть в Туркестан, да и вообще в нашу экономику.

— Я так и думал. Ну а попутно, по всей видимости, господин Мейснер вздумал порисоваться перед провинциальной публикой.

— Справедливо. Да бог с ним... Не отправиться ли нам, Александр Александрович, на воскресный денек за город — подышать весенним воздухом?

— С удовольствием бы, да ждут меня персидские рукописи пятнадцатого века. Давно ждут — не могу им изменить...

* * *

Отчитываясь перед комендантом крепости о результатах поездки в Ташкент, капитан поделился и впечатлениями о заседаниях.

— Если говорить откровенно, Александр Павлович, доклад мне показался весьма убогим. Сразу видно, что господин Мейснер Востоком не занимался и Востока не знает. А тем более Афганистана...

Востросаблин внимательно слушал, слегка наклонив лысеющую голову и подергивая подстриженную клином бородку.

— Но суть в другом: замысел весьма перспективен! И осуществим при нынешних технических средствах. Это ведь дух захватывает: Лиссабон — Москва — Кушка — Калькутта!

К удивлению Сливицкого, генерал расхохотался:

— Вы молодец, Константин Иванович. Воистину молодец! Вот что значит любить место, где живешь. Лиссабон, Москва, Калькутта и... Кушка. Вполне сопоставимые понятия. Неизвестно, затронет ли нас эта магистраль вообще...

— Но, — взволновался капитан, — я специально просился в провожатые Мейснеру и, кажется, убедительно доказал преимущества прокладки линии через Кушку.

Генерал поднялся, заложил руки за спину и стал расхаживать по комнате.

— Мне по душе ваша романтическая приподнятость. Хотя, скажем прямо, начальнику штаба крепости прежде всего необходим трезвый расчет.

Востросаблин нахмурился:

— Милый Константин Иванович, загляните в газеты, посмотрите последние телеграммы. В Европе сгущаются тучи. Германия и Австро-Венгрия лихорадочно готовятся к войне. От них не отстают Англия и Франция. Да и ма-тушка Россия не останется в стороне. Поверьте чутью старого солдата. Взятые на изготовку ружья, наведенные пушки обязательно выстрелят. И пойдет всеевропейская свалка. Так что не надейтесь в ближайшие годы купить билет в Лиссабон или Калькутту.

Генерал снова подергал себя за бороду:

— Займемся теперь нашими делами. Пока вы спорили о прокладке трансконтинентальной магистрали, здесь оказался интересный гость из Герата. Остановился у Еремяна. Рассказывает прелюбопытные вещи. Правда, не о Лиссабоне, — комендант не упустил возможности поддеть капитана, которому явно симпатизировал, — а о Кабуле.

...Давным-давно из Закавказья в Мерв переселилась семья Месропа Еремяна, промышлявшего торговлей. Покойный Месроп не любил рисковать, действовал наверняка и к концу жизни скопил довольно крупный для этих мест капитал. Куда больший размах операции «Торгового дома Еремяна» приобрели в начале нашего века, при его внуке Саркисе. Осторожный, как дед, он вместе с тем был более предприимчив, проявлял смелую инициативу, посылая своих приказчиков с товарами в различные города и области Туркестанского генерал-губернаторства, в Бухарское и Хивинское ханства, а то и к соседям — в Иран, Афганистан, Синьцзян. Опытный купец владел многими восточными языками — туркменским и турецким, узбекским, фарси и близким к нему дари, широко распространенным в Афганистане, особенно среди знати и торговцев; Саркис немного говорил на языке афганских племен — пушту — и на самом распространенном в Индии — хинди. Ходили слухи, что он может изъясняться даже по-английски. Во всяком случае, используя фантастическую смесь языков, Саркис легко общался с караван-баши, какие бы национальные уборы ни украшали их почтенные головы — чалмы, фески, тюбетейки, тюрбаны или какие-то совершенно замысловатые сооружения. У него было потрясающее торговое чутье и понимание рыночной конъюнктуры. Саркис Еремян никогда не отправлял партии тульских самоваров или сервизов кузнецовского фарфора туда, где в них не нуждались, и прекрасно знал, какие края испытывали в том острую потребность.

Все это, естественно, далось не сразу. В молодые годы торговец часто и охотно отправлялся в далекие поездки. Внушающая расположение внешность, отличное знание обычаев разных стран позволяли ему посещать и те из них, где правители крайне враждебно относились к появлению «неверных». Так, ему удалось еще в эпоху правления сурового Абдуррахман-хана побывать в Кабуле и завести там полезные знакомства. В случае разоблачения Саркис легко мог лишиться головы или заживо сгнить в эмирской тюрьме. С годами он отяжелел и уже не пускался в странствия. Да и надобность в том отпала: дело было налажено.

Главная контора «Торгового дома Еремян» находилась в Асхабаде, а филиалы имелись во многих среднеазиатских городах, включая Кушку. Весной, когда русско-афганскую границу пересекали караваны с тюками индийской кисеи или кашмирских шалей, пряностей или чая, их, как правило, в Кушке встречал сам Саркис. Выяснялись перспективы торговли, устанавливались цены — требовался острый хозяйский глаз.

Константин Иванович давно подружился со старым, мудрым купцом, бывал у него дома, внимательно слушал красочные повествования о «случаях из жизни» — Еремян обычно именно так начинал бесчисленные рассказы: «А вот у меня в жизни был один случай...» И следовали уроки практического Востока, великолепно дополнявшие представления, полученные Сливицким из книг.

Понимая, что гератец отнюдь не будет засиживаться в гостях, капитан решил немедленно навестить Саркиса. В тот же вечер он надел штатский костюм и отправился верхом в соседний поселок. Когда слуга открыл перед ним двери кирпичного дома на высоком фундаменте, навстречу поспешил хозяин.

— А-а, Коста, дорогой. — Еремян почему-то неизменно именовал Сливицкого на осетинский лад. — Замечательно, что заехал! Входи, дорогой, входи. Ташкент на месте?

Константин Иванович всегда поражался, откуда его, да и не только его, малейшие передвижения становились известны торговцу (и, наверное, еще кому-нибудь), пытался найти каналы распространения информации, но успеха не достиг.

— Только за стол садимся! — гремел Саркис. — Какой долмой угощу, каким кебабом — пальчики оближешь! С каким человеком увидишься — долго вспоминать будешь!

Они вошли в просторную комнату, стены которой были увешаны дорогими туркменскими и хорасанскими коврами с разнообразными кинжалами, пистолетами и шашками на них (все Еремяны были добродушнейшими людьми, но любили демонстрировать воинственность). Широкий дубовый стол был уставлен серебряными подносами со всевозможными фруктами и виноградом. На гнутых венских стульях за столом уже сидели взрослые сыновья Саркиса — Гайк и Баграт, а в центре в белой чалме и синем халате — широкоскулый пожилой мужчина. Узкие щелочки глаз внимательно смотрели из-под набухших век.

— Прошу любить и жаловать! — провозгласил традиционную формулу знакомства хозяин. — Краса и гордость афганских купцов Гулам Латиф. Старый партнер нашей фирмы. Знает русский язык. А это — наш большой друг, почитатель книжной мудрости Коста Сливичский, владеющий фарси. Так что можете беседовать на любом языке.

— Сливиски... Слыхали... — многозначительно произнес афганец, давая понять, что ему известны и другие занятия нового гостя. Он слегка приподнялся, всунул пухлую ладонь в руку капитана и вяло пожал ее.

Слуга внес огромное блюдо. На нем возвышалась гора долмы — маленьких ароматных голубцов в виноградных листьях. Какое-то время стояла сосредоточенная тишина, прерываемая лишь восклицаниями экспансивного хозяина:

— Гайк, чего сидишь! Подлей всем шербета!

— Баграт! Придвинь бастурму поближе к гостям!

— Ну-ка, люди, кто там?! Где же обещанный кебаб?

Наконец все насытились. Несмотря на уговоры Саркиса, гости смогли удостоить вниманием лишь фрукты, а затем перешли в хозяйский кабинет, куда подали кофе. Теперь можно было и поговорить.

Видимо, Гулам Латиф на что-то жаловался до прихода капитана, ибо сразу же подвел итог, словно отрубил:

— Итак, плохи дела, Саркис.

— Подожди горевать. Давай расскажем Коста о наших печалях.

— А чем поможет книжный человек? — иронически усмехнулся купец.

— Понимаешь, дорогой, — взял в свои руки нить беседы Еремян, — вот заключили мы лет семь назад договор с Англией об Афганистане... О торговле там, понятно, ничего не говорится. Но ведь мы теперь союзники. А эти

Эмир Хабибулла-хан (в центре) на охоте в Британской Индии.
(Из книги V. Gregorian. The Emergence of Modern Afghanistan. Stanford, 1969)

рыжие дьяволы все пускают в ход, чтобы нам помешать...

Гулам Латиф согласно кивал головой.

— Ну все, понимаешь. Угрожают тем, кто сюда ездит, заваливают рынки дешевыми товарами, а о наших всякую чушь городят, лишь бы не покупали. Вот компания купцов и снарядила Гулам Латифа на Нижегородскую ярмарку поговорить с теми, у кого с ними общие интересы.

— Очень хитро делают дела инглизи,— вступил в разговор афганец.— Веками шла торговля через Амударью. И всегда была выгодной для всех. Теперь ее хотят полностью повернуть к Инду. Думаю, не удастся. Оттуда нам не получить многое из того, что доставляется с севера.

Гулам Латиф замолчал, словно обдумывая что-то важное, затем, махнув рукой, заговорил горячо и решительно:

— Если откровенно, Саркис-эфенди и Коста-сардар,

многих в Афганистане беспокоит иное. Торговля что, в ней англичане не смогут нас перехитрить. А вот остальное...

Речь гератца становилась все более взволнованной. Он переходил с русского языка на фарси, снова на русский, примешивал выражения на пушту, жаргонные словечки. Сливицкий не без труда улавливал суть сбивчивого рассказа Гулам Латифа. Но то, что говорилось, было очень важно, и он старался не упустить ни слова, особенно когда речь шла о деталях.

...Эмир Хабибулла, сетовал приезжий, продался англичанам. Его вовсе не беспокоит судьба родной земли, отрезанной от остального мира договорами, навязанными чужеземцами. Это глубоко возмущает народ. У эмира триста наложниц в гареме, и он занят ими больше, чем государственными делами. Второе лицо в государстве — сардар Насрулла-хан, родной брат эмира, наиб ас-салтана, ближайший друг всех мулл; один из них, безграмотный Абдул Раззак, — его советник. Насрулла со своими приближенными ругает англичан, но тоже склонен изолировать Афганистан от внешнего мира. Их лишает покоя все, что не связано со старинным укладом. Если бы могли, разрушили бы даже то, что завел сам Хабибулла, когда начал править, — единственный колледж «Хабибия», единственное военное училище «Харбия». «Зачем нам эти западные штучки?» — кричат. Готовы оставить всю молодежь без настоящих знаний, загнать всех девушек в гаремы. Так что у них и у англичан одна и та же цель — держать народ в темноте, отгородить от происходящих в мире перемен.

Государственные дела вершит кухистанец Мирза Мухаммад Хусейн, мустоуфи оль-мамалик, финансовый секретарь, взяточник и казнокрад. Для прихотей эмира нужны деньги, много денег, и Мухаммад Хусейн вводит все новые и новые налоги. Страна стонет. Можно купить любую должность, любой чин в армии. Ну а кто потратился, стремится как можно быстрее возместить расходы. С торговлей очень плохо. На дорогах грабежи, в городах грабежи, в селениях грабежи. Попытались наиболее смелые добиться конституции. Создали общество «Машрута». Их похватали. Кого казнили, кого в тюрьмах держат...

Сливицкий сопоставлял страстный монолог Гулам Латифа, выражавшего наверняка не только собственное мнение, с недавним выступлением Ягелло на заседании Туркестанского отдела Русского географического общества в Ташкенте. Они перекликались: и гератский купец, и уче-

ний считали все бедствия и отсталость Афганистана результатом прежде всего английской политики, полной изоляции страны от остального мира и от его культурных достижений за последнюю треть века. Конечно, начальнику штаба крепости, расположенной у афганской границы, было известно немало из того, о чем поведал торговец. Поэтому капитан стремился увести его от общих мест к конкретным именам и фактам.

— Вот вы упомянули, достопочтенный Гулам Латиф, общество «Машрута». Было бы крайне любопытно узнать, какие смельчаки задумали урезать права высокого эмира?

Ответ последовал не сразу. Приезжий что-то вспоминал.

— Да не посетует уважаемый сардар... Не все сохранилось в памяти. Когда благородный Хабибулла-хан, да будет свято имя его, вступил на престол и открыл врата Кабула для новых дел и новых людей, приехали из Индии образованные мусульмане — учителя, адвокаты, журналисты, — не желавшие иметь дело с англичанами. Некоторые стали преподавать даже в «Хабибиях». Один из них, доктор Абдул Гани, и предложил создать общество сторонников конституции «Машрута». До смутьянов докопались. Абдул Гани бросили за решетку, и хорошо, что за него вступился бывший ученик — третий сын эмира Аманулла, а то болтаться бы ему на виселице. Зато других из «Машруты» — Абдул Каюма Наамана, Мухаммад Сарвархана, Саадуллу — расстреляли из пушек, все имущество взяли в казну или разграбили. Кое-кто успел скрыться, например Султан Юсуф, хорошие статьи писал...

Торговец с грустью добавил:

— Хватали кого попало. Вот уже пять лет мой родственник из Фарраха Шариф Меджид пытается вызволить сыновей — Сагда, Гияса и Джамала. Они приехали с товаром в Кабул и случайно оказались в доме, где собиралась «Машрута». Богатый был купец, теперь нищий: роздал имущество полиции, чиновникам, судьям, а сыновей все равно не отпускают...

— А кто-нибудь склонен дружить с англичанами?

— Есть такие... Эмир получает свой пенсион и доволен. Вокруг него толчется много придворных, подмазанных золотом англичан. Там и пройдоха двоюродный брат эмира сардар Али Ахмад-хан. Там и богатые купцы. Их пути ведут в Индию, а деньги лежат в банках Бомбея или Дели...

Чувствовалось, что Гулам Латиф устал, и продолжать

разговор означало мучить его. Они выпили еще по чашечке кофе, и тут Константин Иванович, не удержавшись, задал последний вопрос:

— Достопочтенный, простите, а кто, по-вашему, заслуживает уважения в Афганистане? К кому тянутся честные люди, к кому прислушиваются?

Гератец ответил не раздумывая:

— К Махмуд-беку Тарзи!..

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИНДИИ

Осенью 1915 года Гаффуру крепко не повезло. Пройдя вместе с очередным караваном повинда через Сулеймановы горы, он решил дожидаться обратного в Лахоре, бывшей столице государства сикхов. Пенджабская библиотека, расположенная в красивом здании под четырьмя белыми куполами, славилась уникальными рукописями и редкими изданиями. Гафур давно мечтал познакомиться с некоторыми из них и теперь наслаждался. Но вот однажды, когда он возвращался домой, размышляя над «Бабурнаме» — записками султана Бабура, основателя династии Великих Моголов в Индии, велевшего похоронить себя в любимом Кабуле, его изрядно помял промчавшийся экипаж. Несколько недель пришлось провести в постели. Он утешался лишь тем, что случилось это с ним близ могилы мусульманского святого эпохи Акбара Мауджи-Дарья и что в экипаже сидел сам махараджа Патиалы. Гафур не тратил времени даром — изучал местную прессу. До Кабула удалось добраться лишь в ноябре.

Всякий раз, посетив Индию, Гафур готовил статьи и материалы о положении в ней для Махмуд-бека Тарзи. Сейчас всего этого накопилось предостаточно, и 1 декабря он отправился к Махмуд-беку.

Подходя к Шур-Базару, Гафур увидел у ворот рослого афганца в каком-то непонятном солдатском мундире; лицо этого человека показалось ему очень знакомым. Неужели Зирак? С момента их встречи прошел всего год с небольшим, но Зирак постарел лет на десять. Громко кашляя, Гафур приблизился к солдату. Тот оглянулся и бросился к нему:

— Гафур! Как я рад!

Они обнялись.

— Вот неожиданная встреча! Куда направляешься? — спросил Зирак.

— К одному очень интересному человеку. Пойдем со мной. А потом поговорим о наших делах. Согласен?

— Куда идти? — лаконично откликнулся хотак.

— Тут недалеко, — ответил Гафур.

Они свернули на узенькую улочку близ резиденции эмира — Арка и вскоре остановились у дверей огромного особняка. Привратник внимательно оглядел их и молча пропустил в дом.

В большой комнате, заставленной письменными столами, несколько человек что-то рисовали, клеили, писали. Поздоровавшись, Гафур спросил у одного из них, свободен ли сардар. Тот молча кивнул.

В просторном кабинете вдоль всех стен были расположены книжные шкафы. У одного из них стоял, держа в руках свежий номер «Сирадж уль-Ахбар», Махмуд-бек Тарзи.

— А, Гафур, вечный странник! Давно жду... Вероятно, все карманы набиты новостями?

Он усадил гостей на диванчике, а сам сел рядом в кресло.

Познакомив хозяина со своим спутником, Гафур стал рассказывать об индийских впечатлениях:

— Вся страна бурлит. Я был свидетелем столкновений с полицией в Пешаваре и Лахоре, беседовал с приезжими из многих провинций. Говорят о бунтах на чайных плантациях Ассама. Особенно беспокойно в Бенгалии, Бомбее и Пенджабе. О Северо-Западной пограничной провинции, о Полосе независимых племен и говорить нечего. Волнуются крестьяне. На железных дорогах вспыхивают стачки — одна из них на неделю задержала меня в Амбале. Поджигают станции, уничтожают телеграфные линии. Особенно много слухов о забастовках бомбейских текстильщиков, стычках на бенгальских джутовых фабриках...

Махмуд-бек слушал, не перебивая, удовлетворенно кивал головой, когда Гафур, рассказывая о каком-нибудь событии, передавал ему собранные о нем различные материалы.

— Индия бурлит, — повторил Гафур. — Но вот беда: все действуют разрозненно, несогласованно, не знают друг о друге. Некому объединить силы, сплотить недовольных! Индийский национальный конгресс не готов к открытой борьбе, тем более вооруженной. Думают добиться победы непотворением злу... Мусульманская лига и подавно не хочет сражаться...

Он сделал паузу, но не успел продолжить, как его прервал Тарзи:

— А знаете, где собрались люди, обнаружившие настоящую решимость добиться успеха? Не угадаете. В Кабуле!

Издатель «Сирадж уль-Ахбар» взглянул на удивленно-го собеседника и только хотел что-то сказать, как дверь широко распахнулась и в кабинет стремительно вошел молодой человек, одетый в темно-синий костюм. Гафур встал. Поднялся и Зирак.

— О дорогой Аманулла! Рад вас видеть,— раскрыл ему объятия Тарзи.— Вы очень кстати. Позвольте вам представить Гафура, моего давнего приятеля и истинного патриота, сына героя Майванда. А это — его друг Зирак, отец которого тоже отличился в славной битве. Оба полны желания бороться с нашим вековым недругом. Я только собирался сказать им, что эмир соизволил разрешить создание в Кабуле Временного правительства Индии.

Кивнув присутствующим, принц сел рядом с тестем.

— Да,— подтвердил он.— Насколько мне известно, как раз сейчас происходит формирование этого правительства.

Помолчав, Аманулла-хан добавил с горечью в голосе:

— Когда же мы наконец сбросим навязанное нам ярмо!

— Ничего,— сказал Тарзи,— наступит и наше время. Чувствую, оно близится.

— Одного я не понимаю, уважаемые сардары,— промолвил Гафур,— почему эмир-сахиб допустил создание в Кабуле индийского правительства. Ведь англичане будут протестовать...

Сын эмира усмехнулся:

— Все думают, что отец дорожит расположением Англии. Это не совсем так. Он считается с условиями, возможностями, а при случае постарается ослабить или даже вовсе ликвидировать зависимость от нее. Насколько нам известно, Светоч народа и веры станет королем Индии, когда правительство Пратапа утвердит там свою власть. Такая существует договоренность...

* * *

Аманулла-хан был хорошо информирован. Именно в это время в одном из кабульских домов, который снимал Раджа Махендра Пратап, собралась группа индийцев.

Большая сумрачная комната была уставлена креслами, стульями, скамьями. На круглом столе тлели курительные палочки, наполняя воздух ароматом. Едва какая-нибудь из них догорала, слуга, неслышно ступая, заменял ее.

Хозяин хлопнул в ладоши, и гостям предложили маленькие пресные лепешки — чапатти, пряную зелень и манговый сок.

— Близкие друзья знают: сегодня день моего рождения, — начал свою речь Пратап. — Сердечно благодарю всех, кто пришел меня поздравить! Увы, нахожусь на чужбине и вступаю в последние месяцы молодости: через год — тридцать!

Голос Раджи неожиданно переменил тональность и зазвучал бодрее:

— Дело, однако, не во мне. Это лишь повод для собрания, и я счастлив, что им оказался мой день! Народы Индии страстно мечтают освободиться от иностранного владычества. К сожалению, мы пока вдали от родины, хоть и в дружественной стране. Думаю, не за горами час, когда окажемся среди своих. Однако сам он не придет. Его надо готовить! Для этого мы решили создать правительство...

Сообщение вызвало взрыв аплодисментов. Переждав несколько мгновений, Махендра Пратап взял бумагу:

— Да, Временное правительство Индии. Мы обсудили, как распределить обязанности. Премьер-министр — distinguished Мухаммед Баракатулла Бхопали. Министр внутренних дел — наш славный борец за интересы индийских мусульман Убейдулла Синдхи. Министерство финансов поручено мудрому Мухаммеду Вали. Мухаммед Башир стал нашим военным министром, и мы все должны позаботиться, чтобы у него была современная, должным образом обученная армия...

Собравшиеся слушали с жадным интересом.

— Пост министра иностранных дел занял Махмуд Пиллаи. Ну а вашему покорному слуге оказали особое доверие, избрав президентом...

В комнате раздались одобрительные возгласы. Поднялся Баракатулла:

— Хочу, чтобы присутствующие знали: это наш первый шаг. За ним последуют другие. Главная задача — подготовка восстания на родине. Для этого туда вскоре отправятся наши люди. Листовки, воззвания, беседы, митинги, забастовки — все должно быть пущено в ход. Надо

поднимать народ! Давайте забудем внутренние споры и обиды. Прежде всего следует выгнать англичан...

В словах Баракатуллы чувствовалось нервное напряжение.

— Следует установить прочную связь со всеми, кто может помочь в борьбе с врагом. С пограничными племенами... С Хабибуллой-ханом... Ведь наше правительство сформировано с его согласия... Пошлем людей и в Россию.

Из-за пряного аромата курительных палочек в комнате было очень душно. К счастью, собрание уже заканчивалось. Гости начали расходиться.

После ухода гостей члены Временного правительства Индии обсудили программу действий. В нескольких словах ее выразил маулана Мухаммед Баракатулла:

— Мы должны добиться признания на родине и за ее пределами. Без этого мы — кучка самозванцев. Очень трудно нам будет в Индии. Почти поголовная неграмотность. Бесчисленное множество народностей, каст, сословий. Как оповестить, сплотить, поднять всех?! А ведь накопилось столько гнева и ярости, что нас поймут и за нами пойдут миллионы...

Маулана промочил пересохшее горло глотком сока:

— В Берлине и Стамбуле спят и видят, как в Индии запылывает пожар. Симпатии немцев и турок, несомненно, нам обеспечены. А вот с реальной помощью куда хуже... Все будет зависеть от хода войны. Для нас крайне важна позиция Петербурга. Если бы царь согласился нас поддерживать, многое бы упростилось...

— Да ведь они с англичанами — союзники, — нерешительно произнес ставший министром иностранных дел Махмуд Пиллаи.

— Конечно. Но, по-моему, их союз очень непрочен. У него нет серьезной основы. Десятилетиями враждовали... Почему не попробовать что-то предпринять? — настаивал Баракатулла.

— Я согласен с мауланой! — пробасил Убейдулла Синдхи. — Давайте отправим наших представителей в Петербург. А вдруг удастся чего-нибудь добиться. Есть подходящий человек — мой заместитель Мухаммед Али. Толковый, сообразительный...

— Минуточку! — вмешался Мухаммед Вали. — Минуточку! Мы обращаемся к самому царю, не так ли?

Все с недоумением посмотрели на министра финансов.

— Давайте пошлем ему необычное послание. На золоте!..

* * *

Из книги «Индийские революционеры за границей. Краткая история», вышедшей в Дели в 1957 году:

«Возникшее 1 декабря 1915 года в Кабуле Временное правительство Индии несколько раз пыталось побудить эмира Афганистана Хабибуллу-хана начать военные действия против Британской империи для восстановления самостоятельности Афганистана и освобождения Индии от чужеземного ига. В случае удачного завершения этого предприятия Хабибулла-хан был бы признан верховным сувереном обеих стран. Эти усилия не дали результата. Тогда президент Временного правительства Раджа Махендра Пратап предложил ему свои услуги по укреплению дружбы с Россией. Эмир согласился.

В марте 1916 года сардар Шамшер Сингх и мирза Мухаммед Али с двумя слугами отправились в Ташкент. Письмо Махендры Пратапа генерал-губернатору Туркестанского края предлагало России дружбу Афганистана и революционной Индии для укрепления позиций России в Азии. Другое послание, выгравированное на золотой пластинке величиной с обычную почтовую открытку и адресованное императору Николаю II, призывало Россию объединиться с Афганистаном и всеми антибританскими силами, чтобы сокрушить Англию, „мирового тирана“, и освободить угнетаемые ею народы.

Ссылаясь на военную обстановку, царские власти Туркестана дали миссии уклончивые ответы, дальше Ташкента не пустили, но отклонили английские требования о ее выдаче. Мухаммед Али, заместитель министра внутренних дел Временного правительства Индии, вернулся в Кабул.

Судьба других индийских представителей, выехавших по тому же адресу через пять месяцев, оказалась трагической. Они были переданы британской администрации, а глава миссии — доктор Матхур Сингх — казнен в Лахоре.

В Иране царские казачьи офицеры арестовали индийских посланцев, направлявшихся в Турцию, и также выдали их англичанам.

Надежды на доброжелательное отношение Временного правительства России после Февральской революции 1917 года к идеям борьбы против поработителей народов Востока тоже не оправдались. Его Туркестанский комитет отклонил предложения Раджи Махендры Пратапа и маулану Мухаммеда Баракатуллы о переговорах, заявив о своей верности союзу с Британской империей.

Положение казалось безвыходным и, уж во всяком случае, малоперспективным...»

* * *

...Аманулла-хан имел все основания полагать, что эмир не очень-то дорожит расположением могущественных соседей. Конечно, в его планы пока не входило вступать с ними в открытый конфликт. Но поиграть в кошки-мышки, ослабить их хватку, попытаться что-нибудь выгадать — тут он стремился использовать любую возможность. И Хабибулла-хан разрешил не только создать в своей столице Временное правительство Индии, но и широко оповестить об этом. А что? Пусть спесивые англичане призадумаются...

Индийские патриоты в Кабуле не отчаивались из-за постигшей их в России неудачи и не собирались складывать оружие. Они печатали воззвания и листовки с призывом к сородичам продолжать и усиливать сопротивление угнетателям, отправляли на родину агитаторов. Тем временем из-за Амударьи допеслись вести о новой революции в России, о свержении буржуазного правительства, сотрудничавшего с Британской империей — их непримиримым врагом. Положение уже перестало им казаться безвыходным, и настроение резко поднялось, тем более что вскоре находившимся в Афганистане борцам за свободу Индии было поручено ответственное дело.

Хабибулла-хан счел необходимым обратиться к индийским эмигрантам с предложением. Эмир не мог не оценить огромное значение происходивших на севере событий. Он понимал, что улучшались перспективы на восстановление независимости Афганистана. Это стоило использовать. И уж во всяком случае, Аллах не простил бы правителю, если бы тот не попытался выяснить суть происходящего по соседству. И он пригласил к себе премьер-министра Временного правительства Индии Мухаммеда Баракатуллу.

— Маулави, — подчеркнул Хабибулла-хан ученость индийца, — ваша благородная деятельность оставляет мало свободных минут, но есть одно важное общее дело.

— Готов служить вашему величеству.

— О большевиках ходят самые разные слухи. Говорят, что они поддерживают наше желание ни от кого не зависеть. А может быть, только на словах? Почему с ними враждует бухарский эмир? Так хотят англичане?

— Да, обстановка сложная. Откровенно говоря, и для нас она не всегда понятна.

— Вот мы и просим вас отправиться в Бухару, Ташкент, Самарканд, поговорить, посмотреть. Возьмите кого-нибудь из своих друзей. Деньги получите в казне. Будьте внимательны — нам нужна правдивая картина.

Через несколько дней Мухаммед Баракатулла вместе с Махендрой Пратапом, турецким капитаном Кязым-беем и несколькими помощниками двинулись к заснеженным, уже труднодоступным перевалам Гиндукуша, ведущим к амударьинским переправам. Непосредственной целью поездки было посещение столицы Бухарского эмирата. Однако индийцам предстояло совершить куда более далекий путь...

БЕСПОКОЙНЫЕ БУДНИ ВИЦЕ-КОРОЛЯ

В апреле 1916 года, по истечении срока правления вице-короля Индии Гардинга, его преемником неожиданно стал сорокавосемилетний лорд Челмсфорд. Кое-кому в правительстве Британской Индии это показалось нарушением традиций. Они уже привыкли к тому, что на этот пост назначаются люди, для которых управление Индией является чуть ли не семейным делом.

И действительно, по два раза властвовали там Хейстингсы, Минто, Гардинги, Элгины... Правда, сохранению такой преемственности в конце истекшего века помешал Джордж Натаниэл Керзон, но тот был «свой»: он много ездил по Востоку, проявил себя как знаток британской колониальной политики. Его даже прозвали «последним из великих проконсулов», хотя злые языки шептали, что лорд Керзон сам придумал и распространял сие лестное прозвище.

А что же Челмсфорд? Чем он заслужил столь важную должность? Окончил, разумеется, привилегированные учебные заведения — Винчестер и колледж Магдалены в Оксфорде, был членом весьма почетной корпорации оксфордского колледжа «Олл Соулс» — «Всех Душ». Занимался адвокатской практикой. Унаследовав после смерти отца титул барона, с 1904 года губернаторствовал в каких-то там австралийских штатах. В начале мировой войны как капитан территориальных войск он вступил в Королевский вспомогательный корпус, с Дорсетширским полком попал в Индию и, командуя ротой, охранял правительственную радиостанцию в Симле. Естественно, возникло недоумение.

Неужели этого достаточно для вице-королевской мантии? Старые, умудренные опытом чиновники с невинной улыбкой напоминали своим молодым коллегам, что членом той же корпорации колледжа «Олл Соулс» был некто иной, как сам Герберт Генри Асквит, премьер-министр Великобритании.

— Между прочим,— говорил один из них, многозначительно подняв палец,— когда сэру Герберту представили имена четырех пэров для отправки в Индию, он даже не взглянул на список. Предпочел находившегося там коллегу из «Олл Соулс»...

— Но это еще ничего,— добавлял другой.— Вот лорд Биконсфилд, например, будучи главой кабинета, сделал вице-королем молодого литератора Эдварда Литтона, и только потому, что дружил с его отцом — лордом Булвер-Литтоном. Кстати, впоследствии сын получил прозвище «Великий Могол».

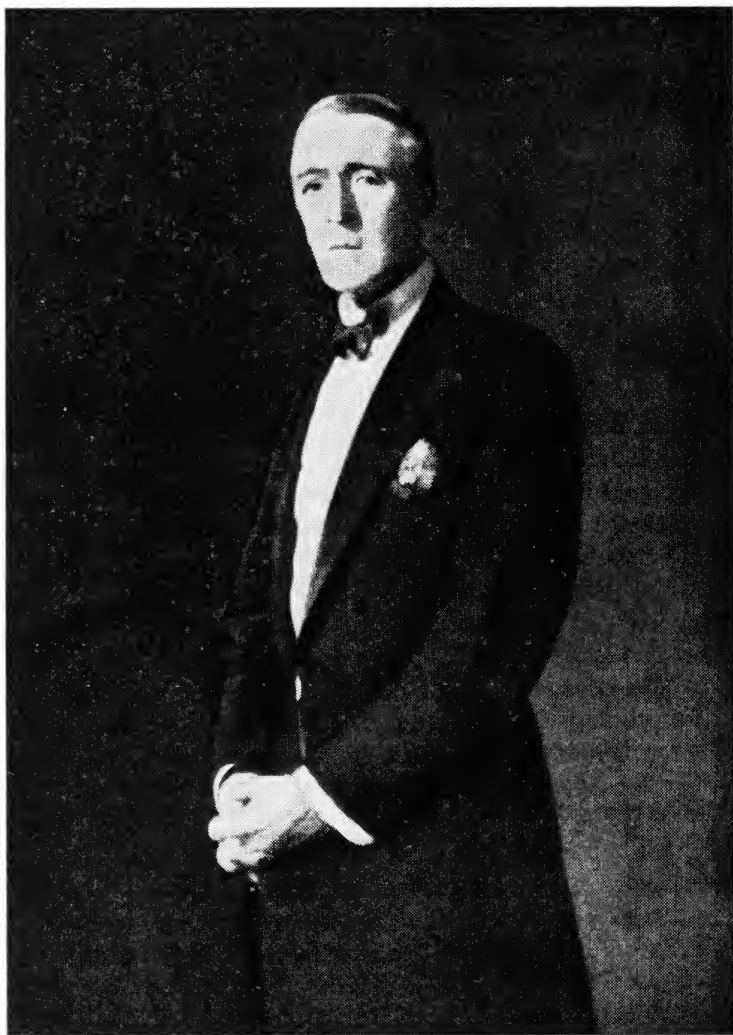
— Да ведь этот самый «Великий Могол» втянул нас в войну с Афганистаном, где мы не снискали лавров! — все еще сомневался молодой коллега.— Не повторилась бы такая же история...

Тема становилась опасной, и благоразумные люди предпочитали перевести беседу на иные рельсы. Скажем, поговорить о перспективах урожая чая в Ассаме, о возможности появления германских рейдеров у Бомбейского порта, а еще лучше — о том, какое общество соберется летом в Симле.

Впрочем, с назначением лорда Челмсфорда вскоре примирились. Новый вице-король держался подальше от военных проблем. Это расположило к нему высшее офицерство. Женская же часть общества была в восторге от балов и танцевальных вечеров, организованных по инициативе и под покровительством леди Челмсфорд.

Вице-король был флегматичным, даже несколько застенчивым человеком, склонным к уединению. В отличие от многих предшественников не любил охоту, даже на королевских тигров. Зато очень увлекался теннисом. Когда удавалось взять трудный мяч или нанести эффектный удар, с его узкого бледного лица сходило застывшее — как казалось, навсегда — жалобное выражение.

Подчиненные вице-короля не могли пожаловаться на перегрузку, а ближайшие помощники — на его деспотичский характер. Он был ближе к либералам, чем к реакционерам. Это особенно радовало Гамильтона Гранта, секретаря англо-индийского правительства по иностранным де-

Вице-король Индии лорд Челмсфорд. (Из книги С. В. Mersey.
The viceroys & governors-general of India 1757—1947. N. Y., 1971)

лам, полагавшего, что в сложившейся ситуации «опасно перегибать палку».

На жаркий сезон вице-король и его свита, как обычно, переезжали в «летнюю столицу» Симлу. Там, в окружении молчаливых горных вершин и ласково шелестевших кронами величественных сосен и гималайских кедров — деодаров, все располагало к отдыху и неге. Можно было несколько отвлечься от бумаг и совещаний, одолевавших попечителя «жемчужины британской короны». Можно было всласть поиграть в теннис.

Можно было... Да не получалось! Страна бурлила. Второй год шла Большая война. Сотни тысяч молодых индийцев, призванных в колониальные войска, оторвали от земли, политой их потом, и увезли за моря и океаны. Они гибли, не понимая за что, на полях сражений в чужих краях. А дома пухли от голода их дети, родители, жены. Каждый день приносил новые вести о митингах и демонстрациях в городах, о бунтах и забастовках на железных дорогах, волнениях на чайных и хлопковых плантациях, джутовых фабриках. Тревожили сообщения о появлении различных подпольных групп, боровшихся против администрации его величества короля Великобритании и Ирландии и императора Индии Георга V.

Крайне беспокоила вице-короля организация под вызывающим названием «Гадар» — «Восстание». Ее создали политэмигранты-индийцы далеко от родины — в Сан-Франциско, но агенты «Гадара» энергично действовали в ряде провинций, перебрасывали туда оружие. Немалого труда стоило полиции предотвратить восстания членов организации в Пенджабе и Бенгале.

А опасные планы враждебных держав! Германская разведка рассчитывает использовать недовольство в своих целях. И за этим надо было следить.

Некоторым утешением для британских властей служило то обстоятельство, что влиятельные политические объединения Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига пока не причиняли открытого беспокойства. Но кто поручится, что так будет вечно?! Ведь сказал же один из конгрессистов: «Пусть наша молодежь идет в имперские войска. Ей полезно получить оружие и научиться обращаться с ним!»

Разумеется, всем им — индийским журналистам и ремесленникам, адвокатам и крестьянам, грузчикам и фабричным рабочим, писателям и солдатам, нищим и не очень бедным, индуистам и мусульманам — очень хотелось бы

избавиться от английского руководства. Требуют самоуправления! А иные совсем обезумели: добиваются даже — невозможно представить! — независимости...

Словом, вице-король и его окружение постоянно были на чеку, быстро и оперативно откликаясь на известия о разгроме полицейского участка в Лахоре, стачке бомбейских текстильщиков или о покушении на сборщика налогов в Ориссе.

Нельзя сказать, что лорд Челмсфорд не принимал мер для успокоения населения. Ни стражники, ни войска не засиживались в казармах. Обещания реформ и уступок периодически украшали первые полосы газет. Однако ощутимых результатов это не приносило. Тогда пришел на помощь Лондон. В октябре 1917 года в Дели пришло официальное сообщение, что туда отправляется министр по делам Индии сэр Эдвин Монтегю.

Хотя сэр Эдвин занял этот пост недавно, в Индии его хорошо знали. До начала Большой войны он был заместителем у своих предшественников — лорда Минто и лорда Крю — и в 1911 году посетил колонию. Далеко не всем его приезд был по душе. Одним не нравилось, что и он был протеже Асквита, между тем как в декабре 1916 года сэр Герберт уступил пост премьер-министра «хитроумному валлийцу» — Дэвиду Ллойд Джорджу. Значит, позиции министра в кабинете ослабнут. Других, настроенных консервативно, настораживали слишком либеральные взгляды Монтегю. Они помнили, что именно при его участии лорд Минто вместе с вице-королем Морли пытались в свое время реформами унять бунтовщиков. И хотя преобразования послали крайне ограниченный характер, сам факт вынужденного отступления империи был печален. Не повлечет ли этот визит дополнительный удар по имперскому престижу?

Так или иначе, встреча министра требовала подготовки. Сравнительно недавно, в июне 1916 года, германская мина подняла на воздух крейсер «Хэмпшир», на котором находился направлявшийся в Россию британский военный министр фельдмаршал Китченер. Крейсер «Бристоль» с Монтегю и его помощниками на борту был более удачным. Не замеченный немецкими субмаринами, он благополучно доставил пассажиров в Порт-Сайд. Пересев на судно «Кайсари-Хинд», они через десять дней приплыли к громоздким «Вратам Индии», воздвигнутым в Бомбее в честь торжественной встречи короля Георга V и его супруги королевы Мэри в декабре 1911 года.

Катер, лихо развернувшись, застыл у каменных ступеней. Два моряка помогли сойти на берег министру — высокому лысоватому джентльмену лет сорока, в легком костюме. Оркестр заиграл «Боже, храни короля», и все застыли, внимая гимну. Впереди толпы встречавших вытянулся лорд Челмсфорд. Не успел отзвучать последний аккорд, как загрели пушки: традиционный салют в честь высокопоставленного визитера — то ли гостя, то ли хозяина. И тут неожиданно, будто орудийная пальба послужила для нее сигналом, через полицейское ограждение со стороны доков прорвалась многочисленная шумная толпа. Изможденные женщины с детьми, прижатые к груди или цепляющимися за изношенные сари, старики, похожие на живые скелеты, мужчины на костылях и тележках. Они тянули руки к сановникам и кричали вразнобой: «Сахиб, о сахиб!», «Сардар!», «Пайсу, пайсу, пайсу!», а чаще всего: «Хлеба! Хлеба!»

Опешившие на миг полицейские спохватились. Дубинки расчистили дорогу автомобилям, поданным к «Вратам Индии». В клубах бензинового дыма они устремились к вокзалу Виктория, который местные англичане именовали «красивейшим строением во всей Индии, если не во всем мире». Вскоре министр и вице-король сидели в салон-вагоне специального поезда, катившего к Дели.

Неожиданный финал торжественного приема сконфузил Челмсфорда, и он виновато смотрел на гостя. Монтегю досадовал:

— В мой прошлый приезд сюда ничего подобного не было. А ведь прошло всего несколько лет.

— Среди них так быстро развивается брожение, что каждый новый день сулит новые неприятности, — хмуро вздохнул Челмсфорд. — Это еще ничего — бомбейский портовый сброд... Недовольство проявляют почти все слои. И нищие, которыми давно богата Индия — да простится мне печальный каламбур — и менее нуждающиеся.

Монтегю взорвался:

— А надо ли давать им хлеба?! Наевшись досыта, они потребуют еще чего-нибудь. Независимости, паппример.

— Они полагают, что без нас им станет легче, — поддакнул вице-король.

— Пусть не надеются на это! — буркнул министр, и было неясно, что он имел в виду — «без нас» или «станет легче». Следующая фраза сделала его мысль более понятной:

— Похоже, искренними симпатиями мы пользуемся

лишь у князей — всех этих раджей, махараджей, навабов и султанов. Надо привлечь верхушку недовольных. Расширить их права. Но не слишком... А смутьянов, экстремистов — за горло!

— Полностью согласен с вами, сэр.

...Министр провел в Индии целых полгода: положение было слишком серьезным. Вместе с вице-королем он принял десятки делегаций индийской знати, изучил множество меморандумов и докладов, обсудил разные варианты реформ.

В ноябре 1917 года напряжение усилили вести о большевистской революции в России. 6 декабря Челмсфорд получил из Лондона телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Мы перехватили чрезвычайно зажигательную прокламацию большевиков, адресованную всем трудящимся классам мусульман России и Востока и переданную телеграфом русского правительства. Нас особенно беспокоит прямое обращение к населению Индии и Персии. Эту прокламацию надлежит скрывать как можно дольше...»

Ровно через неделю, 13 декабря, словно опасаясь, что власти Индии проявят нерасторопность или не оценят должным образом серьезность этого сообщения, имперская столица снова наставляла вице-короля: «Подтверждаем настоятельную необходимость принять все возможные меры для удержания в секрете и предотвращения распространения воззвания большевиков, упомянутого в нашей телеграмме от 6-го текущего месяца. Если такие шаги окажутся безуспешными или малоэффективными, предписываем развернуть широкую пропаганду, направленную на опровержение и разоблачение содержащихся в нем утверждений, лозунгов и призывов. Обо всем с этим связанным просим оперативно и исчерпывающим образом информировать Лондон».

Потом пришло разъяснение, что речь идет о подписанном Ульяновым-Лениным обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»...

Словом, работы хватало. Отдыхать приходилось лишь урывками.

Впрочем, пассивному отдыху сэр Эдвин предпочитал охоту на тигров из паланкина, укрепленного на спине слона. Он обожал позировать перед фотоаппаратом, поставив ногу на поверженного полосатого хищника. Челмсфорд не ценил подобные забавы, и Монтегю в душе прозвал его «слютяем». Повелитель Индии еще больше пал в глазах министра и его свиты после визита в Бхаратпур. Там ма-

хараджа пригласил их к озеру Гэннэ, славившемуся обилием уток. Для развлечения и тренировки гости устроили соревнование в меткости. Монтегю набрал 153 очка и попал в первую пятерку среди полусотни участников, тогда как вице-король получил лишь 64 очка, заняв пятнадцатое место.

Все восхищались твердостью министерской руки, но вскоре и Монтегю разочаровал ревнителей имперского достоинства. Через два месяца после его отъезда домой, в июле 1918 года, в Лондоне был опубликован «Доклад об индийских конституционных реформах». Проект предусматривал незначительное расширение участия местного населения в выработке законов, да и то под полным контролем генерал-губернатора. Но лица, стоявшие на страже авторитета империи, восприняли его как личное оскорбление. И первым поднял голос протеста против «проекта национального унижения» подлинный патриот и мудрый администратор, лорд-хранитель печати граф Керзон оф Кедлстон:

— Все эти либералы не многого стоят, а их планы и дела стоят еще меньше, чем они сами!

«Доклад...», украшенный подписями Монтегю и Челмсфорда, с легкой руки газетных остряков сокращенно окрестили «Монфордом». Министр отстаивал абсолютную необходимость его осуществления в палате общин, а вице-король, болезненно морщась, твердил:

— Неужели непонятно?! Мы сидим на вулкане. Он хлопочет столь оглушительно, что отзвуки слышны даже на Темзе. Надо выпускать пар. Как же иначе!

Конечно, трудно было оспорить тех, кто отказывался видеть в лорде Челмсфорде правителя с сильной волей и государственным умом. Но следовало войти и в его положение: он пребывал в Индии. В Индии, охваченной такими волнениями, каких, может быть, не было за всю многовековую историю этой древней страны.

И если бы только о ней шла речь! В любых беседах Челмсфорда с его секретарями по иностранным и политическим делам Гамильтоном Грантом и сэром Деннисом Бреем, с членами совета при вице-короле неизменно возникала еще одна тема. Афганистан... Сколько забот прибавило создание в Кабуле самозванного Временного правительства Индии. Да есть ли совесть у эмира Хабибуллы-хана?! Получает огромную денежную субсидию, клянется в дружеских чувствах, а сам до сих пор не расправился с кучкой авантюристов, причиняющих беспокойство Им-

перии. Покоя не дают Винсент и Дю Булэй, члены совета по внутренним делам, рассказывая о поджигательских воззваниях, засылаемых этими провокаторами, об их агентах, спующих по долинам Ганга, Инда, Джамны, Брахмапутры...

Даже опытные администраторы — губернатор Пенджаба О'Двайер и главный комиссар Северо-Западной провинции Рус-Кеппел — не могут помешать действиям враждебных агитаторов.

Челмсфорд разволновался. Для успокоения требовалось подумать о чем-нибудь приятном. Так уже не раз с ним бывало. Но ничего хорошего не приходило на ум. Ведь не радоваться же подавлению восстания момандов, если не знаешь, что может произойти завтра в тех беспокойных краях! А сам Хабибулла-хан? Вряд ли он откажется использовать удобный момент, чтобы добиться большей самостоятельности.хлопоты и заботы, заботы и хлопоты. Не сразу и уснешь, да и спокойным сон не будет.

Камердинер принес утреннюю почту. Лорд Челмсфорд попросил поплотнее закрыть окна: февраль 1919 года начинался в Дели волной холода. Отложив в сторону газеты и журналы, он прежде всего ознакомился с двумя письмами. Словно ощущая, что к ним приковано внимание повелителя Индии, к нему обращались сразу и кабульский эмир, и «шеф» Северо-Западной провинции. Конечно, их интересы не имели ничего общего.

Более настойчиво («Довольно бесцеремонно!» — подумал вице-король), чем когда-либо, Хабибулла-хан заявлял, что Афганистан имеет основание считать себя независимым и желает отправить представителей на Версальскую мирную конференцию. Правда, дальше эмир писал, что готов не посылать людей в Париж, если англичане гарантируют ему получение от конференции документа, признающего «абсолютную свободу, самостоятельность действий и постоянную независимость Высокого правительства Афганистана». Нечего и говорить, что подобная — почти ультимативная — постановка вопроса не доставила Челмсфорду ни малейшего удовольствия.

Уходивший в отставку Рус-Кеппел высказывал просьбу личного характера: он ходатайствовал о разрешении уехать в Англию до прибытия преемника. Главный комиссар Северо-Западной провинции приводил довод, звучавший неопровержимо: «На границе все столь необычайно спокойно, что можно твердо предсказать безмятежное лето».

М-да! Сразу и не сообразишь, какой дать им ответ. «Независимость». «Безмятежное лето». Так это просто...

Секретарь по иностранным делам Гамильтон Грант в это время готовился в Лондоне к обсуждению индийских проблем на Версальской конференции. Поэтому лорд Челмсфорд вызвал политического секретаря Денниса Брея. Монтегю отправили послание несколько туманного свойства. Вице-король указывал на практическую невозможность помешать связям Кабула с иными государствами. Это доказало посещение его немецко-турецкой миссией. Челмсфорд не допускал мысли о войне с Афганистаном для подтверждения и закрепления наложенных на него ограничений. А раз так, то стоит ли попусту дразнить афганцев? Однако нельзя представить их страну и без дружеской и сердечной британской опеки. Может быть, сэр Эдвин подскажет выход из создавшегося положения? А мы тем временем постараемся употребить свои собственные средства...

Рус-Кешпелу вице-король по зрелом размышлении предложил проявить терпение. «Безмятежное лето». Скажет тоже! В океане мятежей и волнений... «Безмятежное лето»! Успеет уехать. Не до него сейчас.

* * *

В одном из уютных бунгало Симлы для важной деловой беседы собрались представители политического и иностранного департамента, Главного штаба, разведки и Индийской политической службы. Совещание, носившее сугубо конфиденциальный характер, открыл ответственный чиновник департамента:

— Джентльмены, назрела необходимость изыскать меры, чтобы разрядить напряженность, вызванную позицией афганского эмира. Он неверно расценил проявленную нами снисходительность в связи с приездом германских и турецких агентов и его заигрыванием с противниками Британской империи. Мы возмущены созданием в Кабуле какого-то правительства Индии. Его светлость вице-король крайне обеспокоен намерением Хабибуллы-хана выдвинуть необоснованные претензии на предстоящей в Париже конференции, а особенно благожелательным интересом к происходящему в Советской России.

— У нас Хабибулла-хан никогда не пользовался особым доверием, — подхватил пожилой сотрудник политической службы. — Превосходно помню, как негодовал в

начале века вице-король лорд Керзон, когда новый эмир, заняв престол, не обратился к нему с дружественным посланием, но зато пригласил вернуться некоторых враждебных нам эмигрантов, а потом навязал миссии сэра Льюиса Дэна свой вариант соглашения...

— И отказался признать договор девятьсот седьмого года, — поддержал говорившего подполковник из Главного штаба. — Мы зафиксировали немало его недружелюбных акций среди пограничных племен.

С ними согласился полковник из разведки:

— Депеши генерала Маллесона из Мешхеда также свидетельствуют о ненадежности Хабибуллы-хапа с точки зрения имперских интересов. Пожалуй, он несколько засиделся на троне.

— Иными словами, джентльмены, все мы сходимся на том, что дальнейшее пребывание у власти нынешнего эмира нежелательно, — подвел итог дипломат. — Остается выяснить, кого мы хотим видеть на афганском троне! Как представляется, наибольшим авторитетом в Афганистане пользуются Инаятулла-хан и Насрулла-хан. Хотя Инаятулла-хан — официальный наследник, похоже, что брат эмира — более решительная натура, а главное — он ближе к духовенству и консервативным кругам. Лучшая гарантия!

— Но ведь он, кажется, не очень к нам расположен, — выразил сомнение представитель политической службы.

— Показное! — усмехнулся разведчик. — Завоевывает дешевую популярность среди черни. Спит и видит себя на троне, а без нашей поддержки не усидит. Это он понимает.

— Чрезвычайно существенна его фанатическая неприязнь к России, к событиям на севере... — заметил подполковник.

— Да, это крайне важно, — наклонил голову чиновник политического и иностранного департамента. — Итак, Насрулла-хан... Из этого и будем исходить, джентльмены. Благодарю вас!

ПРОЩАЙ, КУШКА, ЛЮБОВЬ МОЯ

По мере того как мировая война истощала в России запасы оружия и военного снаряжения (даже в далеком от фронтов Туркестанском военном округе), значение Кушки с ее богатым арсеналом и складами амуниции все возрастало. Комендант крепости генерал Востросаблин, подоб-

но многим патриотам, не жаловал царствовавшую династию и установленный ею режим. Его ближайшие сотрудники разделяли эти взгляды. Еще более решительную позицию занимали солдаты, а особенно железнодорожники и рабочие депо, находившиеся под влиянием большевиков.

Поэтому Кушка, получив 3 марта 1917 года телеграмму о событиях в Петрограде, одной из первых приветствовала свержение ненавистного царя. Избрали гарнизонный Совет, ротные и полковые комитеты, а затем совместно с гражданским населением — Совет рабочих и солдатских депутатов. Его президиум возглавил поручик Дольд-Мурсиев. От Февральской революции ждали преобразований. Однако в крепости, как и во всей России, особых изменений не произошло; солдаты горько шутили: «От Дольда, конечно, большого вреда нет, но зато от Мурсиева никакой пользы не дожидаться!» Продовольствия было маловато. Военская дисциплина упала, хотя и не настолько, чтобы внушать опасения коменданту, чьим авторитетом она в значительной мере держалась. Что не могло, да и не очень стремилось предотвратить начальство, — это бурный расцвет политической жизни, совсем недавно немыслимой среди солдат. И в том, что настрояния гарнизона и окружающего района быстро левели, Кушка тоже не отставала от остальной страны. По просьбе Востросаблина, вполне соответствовавшей собственному желанию Сливицкого, начальник штаба крепости посещал сходки солдат, железнодорожников и крестьян на Алексеевской эспланаде, близ Громова стана. Участвовал он и в полусекретных совещаниях офицеров в кинематографе, принадлежавшем капитану Анитову; здесь верховодил полковник Короткевич. Революционная страсть масс, кипевшая на эспланаде, резко контрастировала со жгучей ненавистью к революции сторонников Короткевича.

1 сентября по тревожному гудку на плацу собрались на митинг многие десятки солдат, унтер-офицеры и офицеры, военные и гражданские связисты, машинисты и кочегары, рабочие депо, горожане. Председатель ревкома и признанный руководитель большевиков Матвей Шилов, сухощавый, с резкими чертами лица, взмахнул листком бумаги:

— Вот, получили! Только что передали из Ташкента!

И он громко прочитал телеграмму, содержащую обращение ЦК партии большевиков по поводу контрреволюционного выступления генерала Корнилова.

— Погодите! — утихомирил Шилов возмущенных

участников митинга.— Там, в Питере, управятся сами. А вот как бы у нас, понимаешь, не подняли голову слишком ретивые вояки. С этим сонным Дольдом доиграемся!

— Долой Мурсева! Сменить его!

— Матвей, дай слово сказать! — поднял руку связист Моргунов.— Я так полагаю, нужно выбрать другой президиум Совета. Нынешний одной болтовней занимается...

— Верно! Правильно! Говори — кого!

— Председателем — Сливицкого, заместителем — Шульца, секретарем — Блохина.

— Знаем! Годятся! Согласны! Даешь!

Так начальник штаба крепости Кушка капитан Сливицкий неожиданно для себя стал главой Кушкинского Совета рабочих и солдатских депутатов. Потом он упорно добивался у Моргунова, почему тот выдвинул его.

— Ребята решили, — отговаривался связист.

— Какие ребята?

— Наши, какие же еще...

— Григорий, мы давно знаем друг друга. По вашему предложению меня избрали на почетный и ответственный пост, а я не чувствую доверия к себе. Скажете, что за ребята или нет?

— Какой вы дотошный, Константи́н Иванович. Ну, большевики, конечно. А решили так потому, что доверяем. Хоть беспартийный вы, да не из тех благородий, которые пойдут против революции.

Поначалу сложностей в деятельности Совета не было. Он помещался в бывшем офицерском собрании — длинном одноэтажном здании, окруженном белой акацией и серебристыми тополями, оплетенном диким виноградом и плющом. Просторный зал, где раньше гремел гарнизонный оркестр, был уставлен скамьями и стульями. Во время заседаний слева садились солдаты и рабочие, справа — консервативно настроенные офицеры, приходившие с женами (надо же было хоть как-то развлекаться!), торговцы, квалифицированные железнодорожники — машинисты и их помощники (некоторые из них тяготели к эсерам). Стол в торце зала, покрытый более подходящим для карточной игры зеленым сукном, занимал президиум Совета. Обычно он информировал гарнизон и гражданское население крепости и соседних поселков о положении в стране. Затем собравшиеся расходились обсудить новости. Офицеры предпочитали делать это на квартире полковника Короткевича, рабочие и солдаты — в мастерских, депо, казармах. Дебаты часто продолжались всю ночь.

Сливицкий жил яркой, насыщенной жизнью. Он редко бывал дома, где у повзрослевшего Кости появилась сестренка Галишка, и мечтал послужить революции более активно, чем заседая в прокуренном помещении. Мечта чуть было не осуществилась. Утром 17/30 октября 1917 года ему передали телеграмму. Председатель Совета тут же созвал коллег. Через полчаса открылось общее заседание Совдепа и делегатов войсковых организаций Кушки.

— Друзья, от нас ждут помощи! — взволнованно говорил Константин Иванович. — Еще неясно, что происходит в Питере, но в Ташкенте позавчера вспыхнуло вооруженное восстание народа, а Керенский двинул карательную экспедицию генерала Коровиченко, чтобы потопить его в крови...

В зале возмущенно зашумели.

— Ташкент надо немедленно поддержать! — продолжал Сливицкий. — Готов поехать первым...

— Дело это серьезное, понимаешь! — встал Матвей Шилов. — Конечно, нужно быстро пособить. Сегодня же сформируем отряд. Но тебе, Иваныч, отлучаться не след.

Вместе с секретарем Совдепа Блохиным Сливицкий подписал протокол № 54. Его первый пункт гласил: «Должны помочь Ташкенту силой». Вскоре пятьсот кушкинцев с пушками отправились на выручку восставшему городу.

Свержение Временного правительства вызвало в крепости бурную реакцию. «Срочно. Петроград. Ленину, — откликнулась она телеграммой. — Кушка единогласно признает власть рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством. Да здравствует диктатура пролетариата! Признаем Советскую власть рабочих и крестьян!»

Когда же 1/14 ноября 1917 года в Ташкенте победила пролетарская революция, а на следующий день III Краевой съезд Советов провозгласил в Туркестане власть трудящихся и признал Советское правительство во главе с Лениным, Кушка немедленно поддержала эти решения.

Вовлекаясь в политическую жизнь, Сливицкий все меньше чувствовал себя простым офицером. Он стал мыслить государственно. В пятницу 3/16 ноября он, захватив переводчика, отправился на границу, вызвал начальника афганского пограничного поста Каратепе и сообщил ему, что на территории бывшей Российской империи, включая Туркестан, ныне установлена рабоче-крестьянская Советская власть. Кефтан с напряженным вниманием, стараясь не упустить ни слова, выслушал рассказ о взглядах большевиков и о принятом ими декрете с предложением мира

всем воюющим державам. Едва попрощавшись со Сливицким, он вскочил на коня и поскакал в Герат, меняя лошадей в попутных селениях. Утром следующего дня кефтан уже докладывал об этих важнейших новостях генерал-губернатору Мухаммад Сарвар-хану.

К обеду 4/17 ноября правитель Герата продиктовал мирзе срочное донесение эмира и отправил его с курьером в Кабул кратчайшей Хазарейской дорогой. В субботу 11/24 ноября 1917 года оно было в руках Хабибуллы-хана. Через несколько часов специальный агент направился в Бухару с заданием немедленно выяснить детально, что за события произошли на севере.

...Константин Иванович с восторгом вчитывался в «Декларацию прав народов России», в обращение Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В начале января 1918 года он вновь встретился в Каратепе с кефтаном-афганцем, изложил ему содержание этих документов и подчеркнул, что Советская Россия считает утратившим силу договор 1907 года с Англией. И эта информация в кратчайший срок дошла до Кабула.

Кушка неизменно выступала на стороне пролетарской власти, подчас являясь ее островком среди бушевавшего в стране моря гражданской войны. Но в первой половине 1918 года над крепостью, ослабленной отъездом многих бойцов на разные фронты, нависла угроза. В Восточном Иране стояли британские оккупационные войска. Хабибулла-хан, логично полагавший, что революционные события в России позволят ослабить зависимость Афганистана от Англии, тем не менее не прочь был использовать трудности молодого рабоче-крестьянского государства для захвата среднеазиатских земель.

Летом 1918 года в Кушке стало известно, что «специалистов всех профессий» приглашают на льготных условиях переехать в Афганистан. Предложение было очень подозрительным. Совнарком Туркеспублики отклонил его. Агент Наркоминдела Туркестана переводчик Садыков приехал в Кушку, чтобы отправиться оттуда в Герат или Кабул для выяснения обстановки. Сразу выехать не удалось: в штабе крепости стало известно о сосредоточении в Герате и соседних с Кушкой пунктах эмирских войск, о появлении там проповедников, призывающих к священной войне против «кафиров-урусов», к нападению на Советскую Россию и захвату Пендинского оазиса.

Все это очень встревожило продолжавшего оставаться комендантом Кушки Востросаблина и его помощников.

Вместе со Сливицким и новым комиссаром крепости военным инженером Шульцем он обсудил ситуацию. Коменданта, понятно, больше всего волновала военная сторона дела.

— Солдат крайне мало. Не все офицеры заслуживают доверия,— хмурил он брови.— А тут еще специалистов сманивают. Хитрый ход! У нас полно оружия и боеприпасов, а подойдут враги — кто даст отпор? Кушка упадет в их руки, словно спелое яблоко.

— Надо написать в Ташкент, чтобы Туркестанская республика официально призвала афганские власти к благоразумию,— произнес Сливицкий.

— Дельная мысль! — одобрил комендант.— Только без огласки, не поднимая тревоги. Берите бумагу. Не откладывая, набросаем послание...

Вскоре Шульц читал вслух срочное донесение в Ташкент: «Отсутствие дипломатических отношений с Афганистаном является главной причиной накопления в нем недоверия и подозрительности к Республике. Необходимо немедленно послать посольство, которое выяснило бы Афганистану всю искренность желания Республики жить с ним в дружбе, в корне выяснило бы все недоразумения и предотвратило бы назревающий кушкинский конфликт...»

Востросаблин был бы, несомненно, еще более обеспокоен, если бы знал, что чуть ли не в день отправки письма в Ташкент Лондон поручил командующему британской армейской группой «Д» в Месопотамии снарядить специальную миссию в Красноводск для поддержки антинародных сил в Закаспии. 11 июля там вспыхнул контрреволюционный мятеж. Власть оказалась в руках предателей во главе с английским ставленником правым эсером Фунтиковым. 20 июля Кушка была отрезана от Советского Туркестана: белогвардейцы овладели Мервом. Выручил старый «друг и любимец» Константина Ивановича — радиотелеграф: с его помощью сохранялась связь с остальным миром.

Между тем над крепостью нависла прямая угроза. Под ее стенами появилась многочисленная, хотя и слабо вооруженная шайка «уполномоченного правами командующего Мервским фронтом с целью занятия крепости Кушка и подчинения ее власти Закаспийского правительства». Так гордо именовал себя участковый пристав города Теджепа Зыков.

В этой ситуации нейтрализация возможных враждебных действий со стороны Афганистана приобретала первостепенное значение. 25 июля 1918 года ЦК Коммунисти-

ческой партии большевиков Туркестанской республики обсудил вопрос об отправке туда своих представителей и выработал директиву Кушкинскому Совдепу — ее надлежало передать по радио Шульцу и Сливицкому «в присутствии народного комиссара иностранных дел».

27 июля кушкинский радиотелеграфист, промчавшись мимо выжженных солнцем клумб и высохшего фонтана в парке бывшего офицерского собрания, ворвался на заседание Совета и вручил председателю депешу. В напряженной тишине Константин Иванович огласил ее: «Кушка. Совдеп. Срочно. Центральный Комитет, обсудив вопрос о посылке представителей в Афганистан, нашел таковую необходимой. Считая настоятельно необходимым присутствие Шульца по обстоятельствам военного времени, Центральный Комитет остановился на Сливицком, который и уполномочивается для поездки в Афганистан вместе с переводчиком Садыковым. Делегацию следовало бы снабдить верительными грамотами и другими документами, но в настоящее время это не представляется возможным и будет выполнено при первой возможности».

Сидевший в зале Востросаблин даже крикнул от огорчения, услышав, кого решено послать за границу: в такой напряженный момент, когда на счету каждый надежный человек, его лишают начальника штаба! А Сливицкий еще и еще раз перечитывал депешу. В голове был полный сумбур: «Какая огромная ответственность! Куда ехать — в Герат? В Кабул? Без документов? Сочтут самозванцем... Юля-то как все это воспримет? И Костю с Галинкой некуда девать. Но какие могут быть колебания в сложившейся обстановке?! Надо быстрее собираться, а не предаваться праздным размышлениям...»

— Давайте, товарищи большевики, обсудим это дело на партбюро, — негромко сказал Шилов. — Тут же, в соседней комнате. Вместе с Константином Ивановичем.

— Как решим? — спросил Шилов, когда члены бюро и Сливицкий перешли в пустовавшую читальню.

— А чего решать? — недовольно спросил железнодорожник Демьянов. — Все правильно. Сливицкого хорошо знаем. Наш человек, хоть и не партийный. Надо сказать ему спасибо: честно, по совести работал председателем Совдепа. Ну и, как говорится, дай бог поменьше хлопот в новом деле. Думаю, нелегкое оно!

— Правильно сказал, Демьяныч, — кивнул Шилов. — Пиши протокол, Моргунов. Поблагодарим Константина Ивановича за добросовестное отношение к целям Совет-

ской власти. И, само собой, пожелаем успеха в дипломатии!

— Погоди, Матвей, еще кой-чего обмозговать надо! — вмешался Моргунов. — Тут, в крепости, а уж в Афганистане и подавно немало наших недругов. Они постараятся, чем смогут, помешать Сливицкому, чтобы сыграть на руку белякам и англичанам. У него же, на беду, нет этих, как их, грамот!

— Что же ты предлагаешь?

— Разводить поменьше шума вокруг его задания. Уже и то плохо, что депешу огласили на заседании. В Совдепе есть люди, в которых не мешало бы разобраться...

— Но ведь телеграмма, понимаешь, была адресована именно Совдепу, — напомнил Шилов. — Хотя в общем ты прав. Когда Константин Иванович отправится, сделаем вид, что он поехал по своим интересам. Вроде бежал. И даже с семьей. Дадим врагам ложный след. Ну, счастливо, председатель! — глава ревкома протянул Сливицкому огромную ладонь.

К радости Сливицкого, Юлия Ивановна восприняла неожиданную весть о дальней и не очень обычной поездке как жена кадрового военного: без долгих рассуждений приступила к сборам. Что же касается юного Константина Константиновича, то он был в совершеннейшем восторге. Огорчала лишь невозможность похвастаться перед приятелями: отец строго-настрого велел держать все в секрете и не болтать, «как и подобает взрослым».

Вечером Сливицкий отправился к Саркису Еремян. Тот тяжело болел, лежал в постели и обычные приветственные слова «Коста, дорогой, входи!» едва смог прошептать. Правда, он тут же стал жаловаться председателю Совдепа на то, что «его власть» никак не может наладить торговлю с соседями, но сил не хватило — откинулся на подушки, едва дыша. А отдышавшись, усмехнулся:

— Прости, дорогой. Погорячился... Хорошо, что пришел. Еще день-другой, и все эти мирские заботы останутся позади. Чем могу служить?

Не желая утруждать больного, Константин Иванович попросил его лишь сообщить адреса купцов в афганских городах.

— Солидных. На которых можно положиться, — добавил он.

Саркис внимательно взглянул на Сливицкого:

— Понимаю. А мне об этом помалкивать? Не беспокойся. Ни о чем не спрашиваю, дорогой.

Он дернул за шнурок звонка и, когда в дверях появился слуга, велел ему принести большую шкатулку. Перебирая находившиеся в ней бумаги, Саркис красочно рассказывал историю появления многих из них. Сливицкий жалел, что не может записать эти законченные повеллы. Он поблагодарил за адреса. Слабеющей рукой купец набросал общее рекомендательное письмо.

— Прощай, Коста! Больше не увидимся, дорогой.

Вечером, накануне отъезда, Сливицкий отправился с визитом к Востросаблину.

— А, Константин Иванович, входите! — встал ему навстречу комендант. — Я как раз думал о вас. Должен признаться, плохо представляю, как вам удастся справиться с задачей. Без документов, без официальных полномочий... В Герате-то ладно, там вас хорошо знают. А если придется двинуться в Кабул? Не знаю, что вам и посоветовать...

— Ничего, Александр Павлович! Что ж заранее беспокоиться? На месте будет виднее. Обстановка подскажет.

— Дай бог вашему оптимизму оправдаться! Язык вы знаете, в ситуации разбираетесь. Побольше осторожности, осмоторительности: противник весьма непрост.

— Спасибо за советы и пожелания! Кое-какие представления о том, с чем придется столкнуться, имеются. Прежде чем отправиться, позвольте, Александр Павлович, выразить вам глубочайшую признательность за вашу заботу и неизменно доброе ко мне расположение.

— Полноте, Константин Иванович! Мы служили вместе много лет, и нечего старым товарищам разводить сантименты. — Однако голос Востросаблина предательски дрогнул.

— Александр Павлович, — волнуясь, произнес Сливицкий. — Кто знает, удастся ли нам еще когда-нибудь увидаться. Наше давнее сотрудничество и духовная близость дают мне смелость задать вам вопрос личного свойства. Он меня глубоко интересует и, смею надеяться, не вызовет у вас раздражения.

— Помилуйте, Константин Иванович, к чему такое предисловие? Смогу — отвечу. Не смогу — не обессудьте. Сливицкий помедлил:

— Я еще в училище попал в крамольники. А что определило ваш выбор — выбор царского генерала? Почему вы пошли с Советской властью?

У Востросаблина в глазах мелькнули веселые искорки.

— Ну и вопросец! А я-то полагал, что вы все это сами

давно поняли. С кем же следовало идти, милостивый государь?! С пустозвонами типа Керенского? С господином Фун-ти-ко-вым? С его коллегами, продающими Родину англичанам? Предпочту смерть британскому владычеству. А пока жив, буду служить законной власти, народу моему.

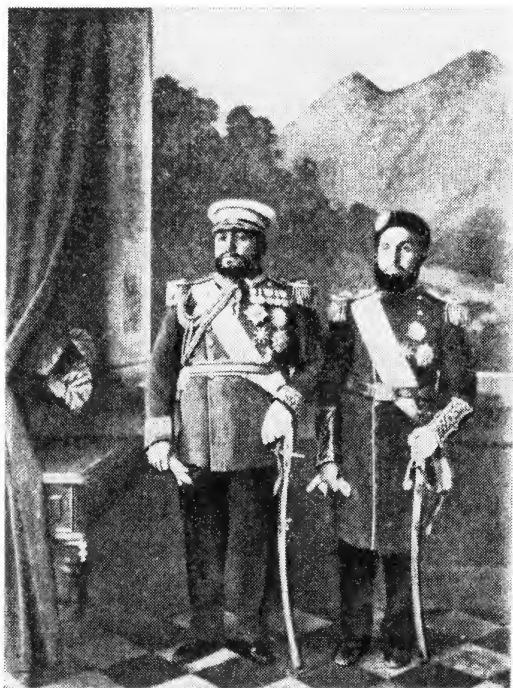
Они обнялись.

Ранним утром 10 августа 1918 года, едва солнечный диск показался на безоблачном небе, Сливичкий верхом двинулся на юг. В целях маскировки Юлии Ивановне с Костей и Галинкой, которой скоро должно было исполниться полтора года, надлежало выехать около полудня в фаэтоне — под предлогом осмотра помещения в Каратепе. Конь шел легкой рысью по наезженной дороге. Отдаваясь, уменьшалась колокольня православной церкви, все приземистее становились расположенные на холмах форты, промелькнул сбоку верстовой столб. «Еще семнадцать», — машинально отметил Константин Иванович. С грустью глядя на соломенные крыши Полтавского поселка, он вспомнил строки Шевченко: «Садок вишневый коло хаты, пеначе лялечка садок...»

Вскоре он пересек границу и оказался в афганском селении Чихильдухтаран, или, как его называли для краткости, Чильдухтар. Днем в экипаже прибыла семья, а вечером помогавший им в Кушке вестовой Василий Колбаса доставил одеяла, подушки, белье и домашнюю утварь. Предстояло начинать новую жизнь. Как-то она сложится?..

НАИБ АС-САЛТАНА

Наиб ас-салтана Насрулла-хан уже давно пребывал в мрачном настроении. Даже трудно сказать, какие именно поступки брата-эмира вызывали у него большее раздражение. У Хабибуллы-хана были свои маленькие причуды: он любил готовить суп из брюквы, мог часами сидеть в затемненной комнате, проявляя фотографические пластинки, или смотреть картины с помощью волшебного фонаря. На верховую прогулку эмир выезжал в сопровождении нескольких десятков обитательниц гарема в шляпках с вуалью и в парижских нарядах. Что думают обо всем этом в Кабуле, где женщины посвят освященные религией и обычаем плотные темные покрывала лишь с прорезями для глаз — чадари? Эмир-сахиб явно прене-

Хабибулла-хан (слева) и Насрулла-хан. (Из книги O. von Niedermayer. Unter der Glutsonne Iran. Dachau, 1925)

брегал предписаниями божественной книги! Всему городу известно: он порой садится за трапезу, не вознося молитву Аллаху... И зачем держит подле себя проходимца мустоуфи уль-мамалика, министра финансов, Мухаммада Хусейна, ворующего где можно и где пельзя, сам ведь не раз грозился повесить мошенника.

— Чему удивляться, сардар,— подлил масла в огонь приближенный Насруллы-хана мулла Абдул Раззак.— Его величеству нужно много денег. И что за беда для него, если немало прилипает и к рукам министра.

Когда Хабибулле-хану намекнули, что не стоило предоставлять такой пост грабителю, он усмехнулся: «Да, это волк с острыми зубами, но я держу его в руках».

Немудрено после этого, что на жизнь брата покушались. И не раз. Совсем недавно, на самом большом рынке

Кабула — Шур-Базаре, когда эмир в день рождения торжественно объезжал празднично освещенную и украшенную столицу. К счастью, ему чудом удалось избежать пули. К счастью ли?

Насрулла-хан поймал себя на мысли, что с некоторых пор ему стал немил титул «наиб ас-салтана» — «наместник государства». Он был хорош, когда брат, оказавшись на престоле, сделал его вторым человеком в стране. Вице-королем, как говорят европейцы... В случае чего прямой путь на трон! Однако через несколько лет эмир-сахиб объявил наследником старшего сына Инаятуллу-хана. Этот флегматичный толстяк получил более высокий титул — «муин ас-салтана» — «помощник государства». Уж он-то, Насрулла-хан, знаток ислама, лучше понимал смысл слова «муин». Ведь это слово применяется как эпитет самого Аллаха и означает «могущий оказать великую поддержку». Дорогого племянника даже поставили во главе военного ведомства и наименовали сардар саларом — «главнокомандующим», хотя ему едва минуло двадцать.

Надежда стать эмиром, пусть даже в отдаленном будущем, испарилась. К тому же Хабибулла-хан все больше отстраняет его от решения государственных вопросов. И некогда гордое «наиб ас-салтана» звучит уже как насмешка.

К осени 1918 года сардар был готов на что угодно, лишь бы проложить себе дорогу к трону. А тут еще произошел случай, который неизвестно было как и назвать — любопытный, многозначительный, знаменательный? Во всяком случае, породивший новые соображения.

Однажды Насрулла-хан работал в своем кабинете, расположенном в столичном особняке Дорчестер Хауз. Стояли последние погожие дни. Окна были распахнуты. Из сада струился аромат роз. Неожиданно до слуха наиб ас-салтана донесся какой-то шум у дверей особняка, охранявшихся стражниками. Через несколько минут в кабинет вошел слуга.

— Там какой-то человек спрашивает сардара. Говорит: мударрис из Джелалабада. Будто бы он известен сардару и приглашен для беседы о некоторых сурах священной книги.

Мударрис из Джелалабада? Преподаватель медресе? Нет, Насрулла-хан не помнил такого. Приглашен? Здесь что-то не так. Что-то другое... Бросил:

— Впусти. Но прежде пришли Мустафу.

Мустафа был телохранителем. Войдя, он вопросительно уставился на хозяина.

— К нам приехал мударрис. Стань поближе к нему и будь начеку.

На пороге показался высокий мужчина в полосатом халате и белой чалме. Гость изогнулся в глубоком поклоне, приложив руки к груди. Для соблюдения мусульманских обычаев им полагалось бы расположиться на ковре скрестив ноги — самая подходящая поза для религиозных диспутов, подумал наиб ас-салтана, но указал посетителю на кресло у низенького столика. Рядом в настороженной позе застыл Мустафа. Напротив них уселся коротконогий Насрулла-хан. Мударрис внимательно посмотрел на него, бросил беглый взгляд на телохранителя и ошарашил непринужденной английской фразой:

— Эти предосторожности излишни, сардар. Я привез приветы от искренних и надежных друзей...

— Та-ак... И кто же они? — хозяин постарался скрыть изумление, дабы не подорвать свое достоинство.

— Отошлите лишние уши.

— Зачем? Они закрыты для чужого языка и безвредны, — перешел на английский и Насрулла-хан.

— Хорошо. Мне поручено сообщить, что очень авторитетным джентльменам запомнилась ваша поездка в Индию и Лондон. Насколько известно, она принесла удовольствие и сардару. Государственные деятели империи, преисполненные к вам глубокого уважения, были бы счастливы услышать добрые вести о вас.

«Чутье меня не обмануло. Но кто этот мударрис? Провокатор? Вряд ли. Прощупывает... С какой целью?» — размышлял Насрулла-хан.

— Мустафа, пусть подадут чай! — распорядился он и, когда телохранитель вышел, спросил: — Как понимать сказанное?

— В наших краях столь велики симпатии к наиб ас-салтана, что его будут рады видеть не только носителем этого титула.

Сардар промолчал — слова незнакомца становились опасными, а тот продолжал, невинно улыбаясь:

— Многие народы знают поговорку «Ничто не вечно под луной». И никто. Мусульманам известно: все в руках Аллаха! И другое известно: во главе государства должен находиться тот, на кого можно положиться.

Вошел слуга с чайным подносом.

— Так какие же суры Корана привлекли особое вни-

мание достопочтенного гостя? — перевел разговор Насрулла-хан.

— Трактующие о том, как надлежит воспринимать предначертания судьбы,— тут же откликнулся мударрис.— От нее не укрыться.

Дождавшись ухода слуги, он вернулся к прежней теме:

— Эмира надежно охраняют. Но, сардар, да продлятся твои дни!.. Некогда в Афганистане побывал англичанин Мартин. Написал о нем книгу. А в ней поведал о племени удхель, о людях, весьма искусных в разных тайных и незаконных делах...

Еще эмир Шер Али-хан, пересказывал Мартина посетитель, прихлебывая ароматный чай, вызвал в Кабул вождя удхель, пригрозив перевешать всех старшин, если их люди не прекратят воровство. «Пусть сперва попробуют поймать кого-нибудь из племени на месте преступления,— заявил вождь и пообещал в ту же ночь выкрасть шаль, покрывающую ложе правителя.— Попадусь, пусть повесят»,— сказал он. Шер Али-хан расхохотался: можно ли миновать караулы, проникнуть в спальню и, не разбудив спящего, вытащить из-под него шаль! На следующее утро смельчак пришел во дворец, распахнул халат, а под ним была та самая шаль.

— Говорят, с тех пор Шер Али-хан оставил удхель в покое. Ловкие люди не перевелись, а эмир-сахиб любит дальние поездки,— казалось бы, без всякой связи с предыдущим закончил гость, жестом фокусника извлек из складок халата и протянул Насрулле-хану маленький револьвер в зеленом чехле.— Ваши друзья в Индии знают, как ценит настоящий афганец хорошее оружие. Примите, ваше высочество, от них скромный подарок. Надежный и незаметный.

— Благодарю. Кстати, как звали написавшего об удхель?

— Мартина? Кажется, Фрэнк. Он провел здесь около десяти лет еще при вашем достойном отце.

— Да-да, припоминаю...

Посетителю стало ясно, что Насрулла-хан не намерен говорить откровенно. Он и не рассчитывал на это и, сделав свое дело, попрощался, выразив надежду, что титул «наиб» вскоре сменится иным. Насрулла-хан промолчал, а после ухода «мударриса» спохватился, что так и не узнал ни его имени, ни кто его послал. «Впрочем, в таких случаях правду не говорят»,— успокоил он себя. Сардара

поразило совпадение услышанного с его собственными мыслями.

Имя Фрэнка Мартина, сопровождавшего сардара на обратном пути из Англии в Кабул в 1895 году, живо напоминало ему те сладостные дни. Отец пытался установить прямые связи с Лондоном и послал туда своего второго сына. Проведенные там несколько месяцев сохранились в памяти ярче, чем десять лет жизни в Афганистане. А с чем сравнить города, которые он попутно посетил: бурлящий Париж, величественный Рим, солнечный Неаполь! В Чамане, куда по дороге домой он прибыл поездом из порта Карачи, его встретил командующий Кветтским округом генерал Браун с многочисленной свитой, на афганской границе — конвой и толпа придворных, присланных эмиром. На пути в столицу все склонялись перед шахзаде, сыном повелителя, целовали руки, ноги, стремяна его коня, делали подарки. Он выполнял поручения отца: разбирал жалобы, просьбы, чинил суд, отдавал распоряжения старостам селений и котвалам городов — он обучался правлению страной, примерялся к трудным заботам эмира. И хорошо получалось! Даже суровый отец одобрил. Одарил деньгами и увеличил ему денежное содержание, так что удалось построить особняк Дорчестер Хауз на манер того, в каком он останавливался в Лондоне на Парк Лэйн. По своей внутренней и внешней отделке Дорчестер Хауз стал самым богатым домом в Афганистане.

Ему пришлось по душе управлять, командовать людьми, полновластно распоряжаться, наслаждаясь безоговорочным повиновением... А потом вдруг спохватился: что же это он — между ним и престолом стоит старший брат.

Почему-то ему вспомнилась церемония провозглашения Хабибуллы-хана эмиром, состоявшаяся почти два десятка лет назад. Именно он, Насрулла-хан, возложил на его голову отцовскую шапку из черного каракуля с бриллиантовой звездой на боку, подаренную Абдурахман-хану семьей по случаю принятия им титула «Зийа ал-миллат ва-д-дин» — «Светоч народа и веры». Затем брата опоясали перевязью скончавшегося правителя и подали его саблю. Шапку, саблю и перевязь Хабибуллы получил Насрулла, его вещи — другой брат, Мухаммад Омар. Не настало ли время произойти дальнейшей передвигке? Но как ее осуществить? Не скажешь ведь Светочу народа и веры: «Поносил и хватит, дай другим».

Однако же беспредельно ждать бессмысленно. Так и жизнь пройдет. Следовало на что-то решиться.

Вечером из Арка доставили весть о предстоящем выезде эмира на время холодов в джелалабадский зимний дворец. Насрулла-хан провел бессонную ночь, а наутро вызвал муллу Абдул Раззак. Еще не старый, тощий, с хищным, крючковатым носом и горящими глазами, Абдул Раззак был фанатиком веры. Он не задумываясь побил бы камнями даже собственных родителей или детей в случае их отступничества от исламских догм. Такой религиозный фанатизм пугал и одновременно восхищал сардара.

Они закрылись в кабинете и долго что-то обсуждали. Слуги знали об их давней духовной близости и частых беседах, так что эта встреча не вызвала удивления. Ничего не было удивительного и в том, что сардар передал Абдул Раззаку объемистый сверток — видимо, с какими-то ценностями: он часто жертвовал большие деньги на религиозные нужды. Но на этот раз здесь были не только деньги. Вместе со свертком мулла положил в сумку, висевшую у него чуть ли не на голом теле — даже не под халатом, а под курткой, небольшой предмет в зеленом чехле.

Насрулла-хан напутствовал муллу следующими словами:

— Помни, Абдул Раззак, хотя это в высшей степени угодное Аллаху дело, мы не можем взять на себя заслуги в его свершении! Наше имя не должно упоминаться нигде и ни при каких обстоятельствах.

Следующую ночь наиб ас-салтана провел без сна...

* * *

Прекрасным солнечным утром, когда легкий морозец уже подернул ледяной пленкой лужицы на кабульских улицах, а прозрачный горный воздух приблизил окружающие столицу хребты на расстояние вытянутой руки, состоялся выезд в Джелалабад. Перед дворцом в Арке выстроилась пешая гвардия, поодаль — конные гвардейцы, риссалии-шахи. Вдоль рядов скакали молодые офицеры, выкрикивая по-турецки команды. У ворот гудели моторы автомобилей. Из-за ограды парка пышное зрелище наблюдала толпа любопытных. Все зашумели, когда перед строем появился родственник повелителя — церемониймейстер Али Ахмад-хан.

— Его величество эмир! — звучно провозгласил он.

Из главной двери дворца вышел Хабибулла-хан. На нем была щегольская бекеша, на голове — плоская каракулевая шапочка. Мягко ступая, эмир неторопливо двигался вдоль солдатских шеренг. За ним, вслед за охраной, тянулась нестройная процессия — придворные, высшие саповники, слуги эмира. Обойдя строй и не промолвив ни слова, правитель сел в один из автомобилей. Другую машину заняли Насрулла-хан и последний принц Инаятулла-хан. В остальных расселись второй сын правителя Хаятулла-хан, главнокомандующий Надир-хан, Али Ахмад-хан, а также все те из окружения владыки, кто удостоился чести сопровождать его.

Губернатором Кабула на время пребывания двора в Джелалабаде был назначен сардар Аманулла-хан. Еще несколько минут, и кортеж автомобилей, оглушая прохожих пронзительными гудками, под яростный лай бесчисленных собак стал выбираться из путаницы городских улочек. Предстояло преодолеть 125 миль горной дороги — сплошь камень и песок. Этот нелегкий, а местами опасный путь, изобилующий спусками и подъемами (вплоть до Латабандского прохода на высоте семь тысяч футов), крутыми виражами, хорошо охранялся. Почти на всем его протяжении — не только в населенных пунктах — были установлены военные посты и палатки ремонтных рабочих. Никаких эксцессов, однако, не произошло. Все машины благополучно достигли места назначения.

Насрулла-хан нервничал. На обращения спутников отвечал невпопад. Понадобилось волевое усилие, чтобы успокоиться. Все ли сделано, как нужно? Перед отъездом он вызвал Мустафу:

— Знаешь, где живет племя удхель?

— Вах! Разве это племя! Маленький род, да и в нем одни воры...

— Ну вот! К ним сбежал мулла Абдул Раззак. Прикидывался нашим другом. Воспользовался доверием и украл важные бумаги.

— Ах, собака! — Мустафа схватился за кинжал. — Горло ему перерезать мало.

— Слушай внимательно. Через пару недель он будет пересекать Ды Глы котал — Воровской перевал. Бывал там?

— Приходилось, сардар.

— Из этого ущелья мулла не должен выйти. Перед тем как он исчезнет совсем, осмотри его, особенно сумку. Если найдешь бумаги или оружие, заberi. И чтобы тебя

не видела ни одна душа! Вот деньги на расходы. Все понял?

— Да, сардар.

— Тогда иди. Побыстрее возвращайся в Джелалабад.

Мустафа поклонился и вышел, а наиб ас-салтана вознес к Аллаху салат уль-хаджат, или «молитву нужды»: «Нет бога, кроме Аллаха, милостивого, всеблагого. Я молю твоей милости, благословения и прощения. Прости все мои грехи!»

Между тем двор устраивался в Джелалабаде. Прибыла конная гвардия. Машины совершили еще несколько рейсов в Кабул, доставив в зимний дворец некоторых вельмож и все, чего не хватало эмиру для ведения государственных дел: жен и наложниц, волшебный фонарь, дипломатические и иные документы, а также все для охоты и рыбной ловли.

Через три недели после переезда правителя в Джелалабад туда прибыл Мустафа. У Насруллы-хана сердце едва не выскочило из груди от волнения, когда ему сообщили об этом. Удалось ли? Однако он проявил выдержку, дожидаясь, пока Мустафа стряхнет дорожную пыль и поест.

Наконец телохранитель вошел в комнату и поклонился. Наиб ас-салтана так и выпился в него глазами.

— Ну? — прохрипел он.

— Задержался я, сардар. Долго не ехал пес шелудивый. Потом появился. Под вечер. Очень удачно: один, и вокруг никого. Получил по заслугам! Сейчас его труп валяется на дне ущелья. Не найдут.

— А сумка, сумка!

— Всю перерыл, сардар. Ни бумаг, ни оружия...

— Ступай.

Так. Значит, шнур для взрыва мины подожжен, а кем — теперь не доискаться. И снова надо ждать. Кисмат, судьба... Вдруг тревожно заныло сердце: как он забыл? — ведь их с братом связала одна веревка, одно заклятие.

Давно это было, лет десять назад. Немудрено, что стерлось в памяти, но теперь, вспомнив происшедшее, он оцепенел.

...Какой-то мулла — кажется, из мечети имама Али в Мазари-Шарифе (имя его не приходит в голову, хоть убей) — отправился в Мекку. Но вместо того чтобы обратиться к благодати, поддался шайтану и стал вести еретические речи, утверждая, будто мусульмане и хри-

стиане — братья. Это дошло до слуха эмира. Мулле велели вернуться. По дороге он продолжал богопротивную проповедь. Когда он прибыл домой, его арестовали, но изобличить в ереси не смогли ни эмир, ни знаток вероучения наиб ас-салтана, ни даже особый суд из двенадцати ученыхших мударрисов. Тогда Хабибулла-хан снова отправил муллу на духовный суд, требуя вынести ему смертный приговор: иначе эмир лишался права объявить джихад — войну против неверных! Большинство членов суда отказались признать муллу виновным. Лишь двое подали голоса за осуждение. И все же «Светоч народа и веры» приговорил муллу к смерти через побиение камнями. Перед казнью тот предсказал, что страну ждут страшные потрясения: погибнут и эмир, и его брат. В ночь казни вдруг разразилась и столь же неожиданно прекратилась сильная буря. Ночной ветер — необычное явление в Кабуле, и народ стал говорить, что это пролетела душа погибшего муллы. Затем внезапно вспыхнула эпидемия холеры...

Теперь он повинен в безвременной кончине еще одного муллы — Абдул Раззака. Насрулла-хан тяжело вздохнул, но подумал, что уже ничему не может помешать. Будь что будет: кismet, судьба!

Между тем эмир развил кипучую деятельность, как бы стараясь наверстать недостаточную активность в прошлом. Почти весь январь 1919 года он совещался с приближенными, обсуждая важнейший вопрос: как добиться независимости? Собственно, его самого эта проблема не очень беспокоила: англичане щедро ему платили, убеждая к тому же, что охраняют Афганистан от «белого царя». Но вот уже больше года на севере творится непонятное. Правят другие. От имени народа... Как будто народ может править! Эти люди говорят, что не хотят вмешиваться в жизнь соседних стран. Но они безбожники, и неясно, можно ли им доверять. Правда, полиция все время обнаруживала приходившие оттуда какие-то листки на фарси, где мусульман Востока призывали избавиться от господства англичан и других угнетателей, бороться за свободу. Но кто его знает, что там имеется в виду.

В свое время Аманулла-хан и Махмуд-бек Тарзи уговаривали его воспользоваться благоприятной обстановкой и потребовать самостоятельности. Дорогой братец Насрулла-хан со своими муллами и мударрисами жаждет больших прав для духовенства. Спасибо хоть, что его первенец, Инаятулла-хан, тих, спокоен и не лезет к нему с

какими-то там идеями. А Хаятулла-хан — тот вообще бессловесен. Пока еще он, «Светоч народа и веры», в силах поставить всех на место. Однако, если людям не бросить кость, покоя не будет.

Вскоре представился удобный случай. 18 января 1919 года в Париже открылась мирная конференция. Оттуда приходили вести, что ее участников осаждают представители малых народов. Еще бы, за время войны державы-победительницы надавали столько обещаний, что, если их выполнить, придется трижды перекроить границы многих стран.

А почему бы и Афганистану не заявить о себе! Несколько дней в Джелалабаде готовилось послание вице-королю Индии. Оно должно было дышать достоинством, изложенные в нем требования должны были быть умеренными и обоснованными. Да и действительно, разве своим нейтралитетом в Большой войне Афганистан не заслужил уважения?

В самом большом зале дворца на троне восседал эмир. На скамьях, стоявших вдоль стен, разместились Насрулла-хан, сыновья правителя Инаятулла-хан и Хаятулла-хан, церемониймейстер Али Ахмад-хан, министры. Рядом с правителем стоял его личный секретарь Нек Мухаммад-хан. Близоруко взглядываясь в текст послания лорду Челмсфорду, он читал: «...если высокое правительство Англии сможет получить от всех участников мирной конференции письменное соглашение, признающее свободу, независимость действий и постоянную самостоятельность высокого правительства Афганистана, избавленного в будущем от вмешательства, урона и потерь, и передаст его мне, — хорошо и великоленно; в противном случае...»

— Подожди, Нек, — поднял руку Хабибулла-хан. — Есть изменения или добавления к сказанному?

— Если эмир-сахиб позволит... — встал наиб ас-салтана. — Мне кажется, перед словом «свободу» стоит добавить «полную».

— Ты прав, — кивнул правитель. — Поставим «абсолютную». Больше ни у кого нет добавлений? Тогда читай дальше.

— «...в противном случае представители высокого правительства Афганистана должны будут обязательно присутствовать на указанной конференции, чтобы выдвинуть и обосновать все его установленные права на независимость, свободу действий и вечную самостоятельность, а также получить с божьей помощью письменное соглаше-

ние о том в соответствии с его желанием за подписью собравшихся там миротворцев».

— Ну а тут? — спросил эмир.

— То же самое: перед «свободой действий» указать «абсолютной», — откликнулся Насрулла-хан.

— Впишем «полной», — улыбнулся Хабибулла-хан.

С такого послания, тут же скрепленного личной печатью эмира и датированного 1 джумада-ль-аввала 1338 года хиджры по лунному календарю, что соответствовало 2 февраля 1919 года, и начался этот месяц. Правитель улыбался не случайно. Он не возлагал серьезных надежд на отправленную бумагу. Англичане не те люди, которые добровольно отказываются от того, что находится у них в руках, понимал Хабибулла-хан. Вместе с тем он полагал, что этот документ заставит соседей быть покладистее в другом, более важном для него деле. Британская империя задолжала Афганистану, вернее, эмиру более миллиона рупий, и девять дней спустя, 11 февраля 1919 года, вслед за робкой просьбой о желательности «абсолютной свободы и вечной самостоятельности» в Дели ушло напоминание о сложной ситуации в англо-афганских финансовых отношениях.

Покончив с внешнеполитическими проблемами, Хабибулла-хан несколько дней занимался внутренними. Без особого удовольствия. И в этом его можно было понять: снова многочисленные донесения о народных волнениях, отличавшихся одно от другого лишь названиями местностей, где они происходили. Недовольны ростом налогов, дороговизной. Не пора ли наконец и впрямь повесить этого негодяя Мухаммада Хусейна?! Но ведь он бывает так полезен... Что же, и в армии ропот? Неужели его верные сарбазы и совары не понимают: в казне денег нет. Вот пришлют англичане очередную субсидию да погасят долг, и он щедро расплатится со своими доблестными воинами.

Особое внимание правителя привлекли рапорты столичных шпионов и полицейских. Привлекли настолько, что он немедленно послал за ближайшими родственниками. Через несколько минут перед ним уже сидели Насрулла-хан, Али Ахмад-хан, Инаятулла и Хаятулла.

— Послушайте, что творит ваш братец! — воскликнул эмир, потрясая какой-то папкой перед сыновьями. — Для этого он был оставлен губернатором Кабула?!

— Но, отец, мы ничего не знаем, — удивленно сказал Инаятулла-хан.

— Не знаете... Сейчас узнаете! — рывкнул обычно спокойный Хабибулла-хан. Отыскав что-то в папке, он прочел: «Его высочество сардар Аманулла-хан часто, переодевшись в простую одежду, один или с несколькими спутниками ходит по базарам, посещает лавки, чайханы, слушает всякие разговоры и жалобы простого народа, а затем, вернувшись во дворец, отменяет некоторые постановления его величества хазрата эмира-сахиба, снижает налоги...»

— Подумаешь, Харун ар-Рашид нашелся, — усмехнулся Али Ахмад-хан.

А Хабибулла-хан все более разъярялся:

— Снизает налоги! При пустой казне... Благодетель! Но это не все. Сообщают, что он обходит тюрьмы и многих выпускает на свободу. Даже посягнувших на веру, государство. На нас!

— Ну, это уже преступление. Не сомневаюсь, что простачка Аманулла толкает на такие безобразные поступки наш знаменитый поэт и писатель, — иронически подчеркнув слово «знаменитый», изрек наиб ас-салтана, который презирал Махмуд-бека Тарзи.

— Вот что, — распорядился правитель. — Завтра Хаятулла отправится в Кабул и займет пост губернатора. Аманулла пришлешь сюда!

На следующий день, 19 февраля 1919 года, Хаятулла-хан стал готовиться к поездке в столицу, а эмир решил, что пора и отдохнуть от государственных дел. В сопровождении Насруллы-хана, Инаятуллы-хана, главнокомандующего Надир-хана, телохранителей и придворных он отправился на охоту в Лагманскую долину. Когда поднялись на Калаигушский перевал, взорам открылась живописная лесная поляна, которую пересекал весело звеневший горный ручей. Здесь был разбит лагерь. Окруженный толпой придворных, эмир предался излюбленному развлечению — рыбной ловле. Он вытаскивал одну форель за другой, вызывая шумные восторги сановников.

Но зимний день короток. Скоро стемнело. После сытного ужина и молитвы правитель с телохранителями удалился в свой шатер, который тут же окружила плотная цепь внешней стражи. Наиб ас-салтана двинулся к себе в палатку, где его дожидался Мустафа. Остальные разошлись по отведенным для них местам. Дежурный офицер, двадцатичетырехлетний полковник Шах Али Реза, расставил караулы. Они начали монотонную переключку, охраняя погружившийся в сон лагерь.

ГЕРАТ

Афганские власти на границе были предупреждены о приезде начальника штаба крепости Кушка. Они хорошо знали его и многозначительно перешептывались: «Сливиски, Сливиски». После торжественной встречи гости, слегка передохнув, двинулись дальше. Свой выезд из России Сливичкий объяснил тем, что принял предложение правительства Кабула перейти к нему на службу. До столицы, однако, еще надо было добратся. К тому же первоочередная цель состояла в том, чтобы уберечь революционную Кушку от удара из Герата. При всех обстоятельствах этот город нельзя было миновать.

Путникам вполне хватало припасенной из дому еды, да и пополнить ее запасы в попутных селениях не составляло труда. Родники изобиловали водой (особенно вкусной она казалась на горных склонах), достаточно было корма для лошадей. Словом, все было бы прекрасно, если бы Константин Иванович не нервничал. Что ждет их в стране, где народ долгие годы с оружием в руках отстаивает свободу и, естественно, с подозрением относится ко всем чужеземцам? Поверят ли его добрым намерениям? Удастся ли выполнить ответственное поручение?

Мысли теснили одна другую: из-за сложившейся обстановки сын в свои двенадцать лет успел окончить лишь два класса Асхабадской гимназии, а дальше что? Не придется ли Юленьке «в чужом монастыре» соблюдать его «устав» и ходить с закрытым лицом — совсем скандал! Тем не менее следовало торопиться, и Сливичкий не терял времени понапрасну.

После Чашма-Сабза путь шел по равнине до селения Росанак. Отсюда по густонаселенной долине реки Герируд было уже недалеко до воспетого поэтами Герата. Еще два дня, и на горизонте начали вырисовываться минареты, а затем и развалины крупных построек времен Тимуридов — знаменитой Мусалла, «места молитвы». Рядом с Мусалла сверкало на солнце величественное здание, облицованное бирюзовыми плитками, — гробница Гаухар-Шад, жены Шахруха, сына Тимура. Она напоминала усыпальницу самого Тимура в Самарканде — Гур-Эмир. Вскоре они въехали в Герат.

Там Сливичких уже ждали. Среди встречавших был давний знакомый Еремия — купец Хамди Сулейман, не раз проезжавший через Кушку. Обменявшись с ним не-

сколькими фразами, Сливицкий явственно ощутил, что купец чего-то недоговаривает. Спрашивать напрямик было не принято, и тем не менее Сливицкий решился:

— Достопочтенный Хамди Сулейман, мы почти неделю провели в дороге. Мир бурлит, и за это время могло произойти самое невероятное. Не случилось ли чего, о чем вы пожелали бы сообщить?

Торговец долго буравил гостя маленькими, заплывшими глазками, а потом горестно всплеснул руками:

— Только что прибыл караван из Мешхеда. Мои люди сказали: англичане двинули оттуда войска на север, против Советов. Ходят слухи — на Душак, оттуда пойдут на Асхабад и Мерв. Совсем торговля кончается!

«Вот оно что! Открытая британская интервенция. Отрежут Кушку, там еще тяжелее придется». — Константин Ивановичу прежде всего пришли на ум его товарищи в крепости.

Помещение гостям отвели в загородном саду генерал-губернатора — Баги-Шахи. Утром, после не очень спокойной ночи на новом месте, Сливицкий получил приглашение явиться к гератскому правителю сардару Мухаммад Сарвар-хану. «Прекрасно! Быстрее удастся выполнить одно из заданий», — подумал Константин Иванович. Надев мундир, погоны с которого были спороты еще в 1917 году, он отправился во дворец генерал-губернатора — Чорбаг. Идти пришлось недалеко. Уже минут через пятнадцать Сливицкий подходил к Чорбагу, задержавшись лишь, чтобы полюбоваться мечетью Джумаи Масджид, великим творением знаменитого зодчего XV века Гиясудина из Гура.

Его провели на третий этаж старинного дворца. В маленькой комнате, устланной коврами и лицевой мебели, у окна сидел на подушках старик в белой рубашке и таких же шальварах. Это и был Мухаммад Сарвар-хан. Рядом пристроился мунши — секретарь, сумрачный человек в темном халате, с крапшенной хной бородой, державший на коленях большую тетрадь.

Правитель жестом предложил Сливицкому войти, широко улыбнулся, когда тот, демонстрируя знание обычаев Востока, снял у порога обувь, и пригласил его сесть. Капитан уселся на ковер скрестив ноги. Сардар улыбнулся при этом еще шире и радостно захохотал, узнав, что гость владеет фарси. Всматриваясь в пухлое лицо гератского наместника, Сливицкий пытался определить его возраст. Ничего не получалось: лицо было очень подвижным, мор-

щины то набегали, то сглаживались. «Можно дать шестьдесят и все восемьдесят, а то и побольше...»

— Как доехали, кефтан? Как семья? Как разместились? — задал традиционные вопросы сановник. Интересоваться, надолго ли он прибыл, было неприлично.

— Благодарю за внимание, сардар! Доехали без особых происшествий. Помещение предоставили хорошее.

— Ну, а как дела в Кушке, в Туркестане?

«Вот возможность, какую не следует упускать», — решил Сливичкий.

— Высокочитимый сардар, паверно, знает: как и во всей России, там произошла революция. Белого царя свергли. Народная власть хочет жить с соседями в мире и дружбе. У нее есть враги внутри страны, а особенно за ее пределами. Прежде всего англичан. Они вооружают недругов новой России. Стараются поссорить ее с соседями...

Впервые за время беседы улыбка сошла с лица правителя.

— Англичан известны нам лучше, чем многим другим, — произнес он. — Долгие годы держат нас за горло! Белый царь был их союзником.

— Сардар, новая власть России сразу торжественно заявила, что признает и уважает права всех народов на свободу и независимость. Она готова поддержать их справедливую борьбу за эти права. Вам здесь, в Герате, хорошо известно, что мы не допускали никаких враждебных действий по отношению к Афганистану. Это во-первых. А во-вторых, возможно, вы еще не знаете: англичане днях двинули войска в Туркестан. Если они закрепятся там, это будет означать, что они полностью окружили Афганистан. Кроме того, не только со стороны Мешхеда, но и со стороны Герата Кушке угрожают банды людей, выдающих себя за газии — борцов за веру. Однако вера у нас не подвергается опасности, а эти люди — явные сторонники англичан.

— Ка-ак? — брови наместника взметнулись вверх. Он всем телом повернулся к мунши, не проявлявшему до того никаких признаков жизни. Тот недоуменно пожал плечами.

Сливичкий вынул из кармана мундира сложенную карту, развернул ее:

— Я привез карту. По ней можно судить о целях англичан в Туркестане и об угрозе, какую таит продвижение их войск для Афганистана...

Мухаммад Сарвар-хан внимательно слушал его поясне-

ния, изредка требуя уточнить что-либо и проявляя неплохое понимание военной ситуации.

— Бисьяр хуб, очень хорошо, кефтан! — откинулся он на подушки. — Полезно провели утро. Карту оставьте. Я разберусь. Еще увидимся.

Действительно, через несколько дней Сливичкий получил приглашение явиться во дворец. Он застал ту же картину: у окна на подушках сидел наместник, рядом — мунши. Перед Сарвар-ханом находился серебряный поднос с нарезанной ломтями розовой дыней.

— Садитесь, кефтан. Ешьте! — на щеках правителя заиграли ямочки. — Мы проверили все. Вы были правы, и ваша карта верна. Возьмите ее! Инглизи двинули в Туркестан девятнадцатый Пенджабский пехотный полк и другие части. Если они добьются успеха, тогда и нам будет худо. Но пока у них там не все получается, слава Аллаху!

Снизу донесся крик:

— Баба-Саиб! Ой-е, Баба-Саиб!

Генерал-губернатор выглянул в окно, что-то выслушал, отдал распоряжение мунши и снова взялся за дыню.

— Присмотрелись мы и к крикунам, звавшим к джихаду на Кушку и Мерв. Сначала не поняли, откуда у нас столько странных людей, зачем собрались, курители анаши! Теперь ясно. Не наши это люди — сыны шайтана. Инглизи прислали их сюда из Кветты. Там у них в Белуджистане Интеллидженс-бюро, — Сарвар-хан с неожиданной легкостью и даже изяществом произнес непростое английское слово. — Хотели нас с вами поссорить. Мы их разогнали камчами. А войскам дали строгое указание не вести на границе никаких враждебных действий.

Константин Иванович приложил обе руки к груди и поблагодарил.

И тут правитель задал неожиданный вопрос:

— Скажите, кефтан, кто такие пролетарии? Как они должны соединяться?

Сливичкий понял, что до престарелого сановника в каком-то виде дошел знаменитый революционный лозунг. Но как ответить, чтобы тот понял?

— Пролетарий, сардар, это рабочий, которого угнетает хозяин. В широком смысле это народ, угнетаемый такими чужеземными захватчиками, как инглизи. Мы в Советской России считаем, что все угнетенные должны объединиться, чтобы сбросить своих угнетателей...

— Насчет рабочих не знаю, — задумчиво сказал Сарвар-хан. — А вот народ действительно должен быть един, если

хочет победить угнетателей. Так было, когда мы сражались под Майвандом. Вас тогда еще на свете не было...

Он прикрыл глаза ладонью и умолк, заново переживая прошлое.

— Помните тридцать шестую суру священной книги? «Разве они не видели, сколько поколений Мы погубили до них...» Мы ее пели, когда дружно — с палками, кинжалами, топорами — атаковали англичи. Впереди шли крестьяне. Их всех сразила картечь. За ними двигались юноши. Они подобрались уже на двести шагов к пушкам, когда были сметены огнем. Потом наступила очередь готовых к смерти старцев — те уповали на счастье принять ее в справедливом бою. Их устами также гласила священная книга: «А если Мы пожелаем, то потопим их, и нет помощника для них, и не будут они спасены». Этих достойных также уложила картечь...

Сарвар-хан гордо выпрямился:

— Офицеры-англизи уставали махать саблями, отдавая команды. И тут на врага навалились самые крепкие воины. И для них нашлись слова в суре Корана: «Бойтесь того, что было перед вами, и того, что будет после вас, — может быть, вы будете помилованы!..» Воины, грудью встречая огонь, пели: «И не в состоянии они будут оставить завещание или вернуться к своей семье».

Сливицкий с напряженным вниманием слушал рассказ о народном героизме, хотя хорошо знал обстоятельства битвы у Майванда.

— Англичи не выдержали. Бросили пушки. Побежали. Наши совары преследовали и рубили их до самых стен Кандагара...

Сарвар-хан очень устал, и Сливицкий откланялся. Прощаясь, он поинтересовался, можно ли отправиться дальше, в Кабул. Правитель ответил вопросом:

— Разве вам здесь плохо? Чего-нибудь не хватает? Поживите у нас, осмотрите как следует Герат. Там увидим...

Константин Иванович понял: наместник ждет ответа из столицы. Жаль уходящих дней, но ничего не поделаешь. Надо ждать. Хорошо хоть с Гератом дело уладилось.

Потянулись томительные дни. Сливицкий побывал с семьей у весьма почитаемой усыпальницы философа и поэта X века Абдуллы Ансари, у богато украшенной гробницы Шахруха, сына великого Тимура, и удивлявшей своей скромностью могилы эмира Дост Мухаммад-хана, посетил гробницу знаменитого поэта Абдуррахмана Джами. Следы расцвета Герата, бывшего в XV веке одним из круп-

нейших культурных центров Востока, где творил великий Алишер Навои, еще кое-где сохранились, но любоваться ими по-настоящему Сливицкий не мог: удручала неопределенность положения. Как там его товарищи — в Кушке, в Ташкенте? Наверно, думают, что он уже добрался до столицы.

Вскоре Сливицкому стало известно, что Хабибулла-хан временно покинул Кабул, назначив губернатором своего третьего сына, Аманулла-хана. Константин Иванович решил воспользоваться этим, чтобы напомнить о себе. В Кушке он славился среди друзей как кулинар. Тряхнув стариной, он напек марципанов, уложил их в ящичек из сандалового дерева и с разрешения Сарвар-хана отправил их Аманулле-хану с курьером, который вез в Кабул очередное донесение генерал-губернатора.

Учитывая патриархальные нравы, царившие в Герате, Константин Иванович частенько отправлялся во дворец без приглашения. Увы, сидевший, как обычно, у окна сановник отрицательно качал головой: «Нет, мол, разрешения» — и тут же зазывал его для беседы. Но однажды Сарвар-хан энергично замахал Сливицкому из окна обеими руками. «Неужели пришел конец гератскому сидению?» — обрадовался тот. Так оно и было. Старик посетовал, что приходится расставаться со столь приятным гостем.

— Герат вы уже повидали. Теперь вам выпало счастье познакомиться со средоточием мира — Кабулом!

Сердечно простившись с заместителем, Константин Иванович чуть не бегом отправился домой. Теперь была дорога каждая минута.

НЕПОНЯТНЫЕ СОБЫТИЯ НА СЕВЕРЕ

Аманулла-хан не подозревал, что вызвал гнев отца. Еще его суровый дед эмир Абдуррахман создал в стране четко действовавшую систему полицейского надзора и сыска. Особенно в столице. На каждой улице было несколько лиц, сообщавших калантару — старшине квартала, махалла, о настроениях жителей и о наиболее важных событиях. Калантары карали нарушителей законов и обычаев и докладывали обо всем происходящем котвалу — начальнику полиции, выполнявшему также обязанности городского судьи и следователя. Тем же занимались старшины базаров — гандум-фуруш (пшеничного), зогаль-фуруш (древесного

угля), кухне-фуруш (толкучки) и, конечно, самого большого в городе — Шур-Базара, разместившегося близ Арка.

Котвал получал донесения также из полицейских пунктов в различных частях Кабула и на скрещении важнейших дорог. В каждом пункте находился караул из семи котвали-сипаев во главе с хавальдаром; этому унтер-офицеру надлежало быть грамотным, либо он должен был держать при себе умеющего читать и писать родственника или приятеля.

Ежедневно, едва произнеся утреннюю молитву, Абдурахман-хан выслушивал доклад котвала о наиболее примечательных происшествиях в столице и за ее пределами. После его смерти Хабибулла-хан несколько сократил полицейский аппарат и объявил о ликвидации системы слежки за согражданами. Конечно, не полностью, но численность рахпучи, соглядатаев, уменьшилась. И то сказать, кабульцы, не любившие Абдурахмана, утверждали, что при нем каждый четвертый взрослый житель столицы был рахпучи. Правда, они стали это говорить лишь после того, как Аллах призвал к себе эмира...

Аманулла-хан в свои двадцать семь лет не отличался наивностью. Он прекрасно понимал, что слежка продолжается и ее масштабы не особенно сократились. По заведенному порядку вскоре после утренней молитвы его ежедневно посещал котвал, склонялся почтительно, а затем напизывал всевозможные новости, сплетни, толки, слухи.

Воспитанный при дворе, Аманулла-хан не сомневался, что и сам он находится под бдительным оком доверенных Светоча народа и веры. Он даже явственно представлял себе, как эмир в Джелалабаде внимательно выслушивает отчет о последних событиях в стране, проявляя особый интерес к положению в столице и поведению ее губернатора. Именно поэтому Аманулла-хан вел себя очень осторожно, хотя и впрямь иногда, переодевшись, посещал базары, бродил среди людей, желая узнать, что волнует его сограждан. Это позволяло прервать очередной рапорт котвала едким замечанием такого, например, свойства:

— Не надо сходить с дороги истины, толкуя о дурных настроениях людей этой улицы. Мне хорошо известна их причина. Просто хавальдар пятого участка женит сына, и ему для свадьбы требуется много денег. Сегодня же освободить всех арестованных, а хавальдара выгнать! Тогда и настроения улучшатся...

Губернатор заглядывал и в тюрьмы. Он мог выпустить десяток-другой невинно арестованных или по пустякам по-

саженных туда людей и даже дать им немного денег, понимая, что их содержание под замком обойдется дороже.

Но Аманулла-хан отлично сознавал допустимые границы своих действий. Снижать налоги он не решался, хотя находил это необходимым. Точно так же были связаны его руки в отношении политических заключенных. Не раз губернатор Кабула отходил ко сну с твердым намерением открыть завтра двери тюрьмы хотя бы перед своим учителем Абдул Гани, вся вина которого заключалась в том, что он стремился направить Афганистан по пути прогресса. Но наступало утро, и верх брали мысли о бесполезности такого шага: это вызовет ярость отца, учитель вообще может лишиться головы. Да и правителю столицы эмир воздаст по заслугам. Скрепя сердце Аманулла-хан воздерживался от многих казавшихся ему целесообразными действий, чтобы избежать гнева отца. Он не подозревал, что в Джелалабад уже летел донос, обвинявший его во всех смертных грехах...

Он вырослел. Если раньше похождения в духе Харуна ар-Рашида привлекали своей романтичностью, то отныне Аманулла-хана волновали более существенные проблемы: общее состояние жителей Кабула, да и всего афганского народа, положение государства. Его стали интересовать вопросы устройства мира, внешней политики, отношений между странами. И в этом огромное воздействие оказал на зятя Махмуд-бек Тарзи: тут наиб ас-салтана не ошибался!

Во время своего губернаторства Аманулла-хан еще более сблизился с тестем. Он проводил с ним многие часы, поражаясь эрудиции этого незаурядного человека, необъятному кругу его интересов. Все их беседы так или иначе касались одной темы — положения в огромной стране, лежащей к северу от Амударьи. В стране, именовавшейся ранее Русийя, теперь же Шурави Русийя — Советская Россия. Что там происходит? Доходившие оттуда отрывочные сообщения были разноречивы. Весной 1917 года пришла невероятная весть. Сначала ей никто не поверил. Будто свергли могущественного «белого царя»...

Но слух был правдивым. Уже не только приезжие торговцы шептались об этом в уши тех, кому могли доверять. О том же сообщали приходившие из Индии газеты.

Впрочем, кажется, после этого в Русийя мало что изменилось. Туркестаном продолжал управлять наиб уль-хукума — «полуцарь», генерал-губернатор. Слава Аллаху, в афганские дела он не вмешивался, эмиру благородной Бухары и хану Хивы помогал сидеть на престоле и подав-

лять мятежников. Вскоре, правда, и наиб уль-хукума куда-то исчез из Ташкента. Очень беспокоило, что торговля с северным соседом уже ряд лет шла на убыль. В этом, однако, повинна Большая война: ей нужно много людей, патронов, мундиров. Товаров стало меньше, а так, что же, все по-старому.

Крутые изменения народам Русийя принес конец 1917 года. Приезжие торговцы рассказывали о каких-то загадочных большевиках, объявивших всех людей на земле равными, все народы — имеющими одинаковые права, в том числе право на независимость. Может быть, поэтому их так невзлюбили инглизи? Индийские газеты стали самыми последними словами ругать большевиков. Как они смели захватить власть! Почему не хотят воевать! Кто дал право отнимать заводы и фабрики у их владельцев! Можно ли раздавать крестьянам землю, им не принадлежащую! Особенно доставалось главному большевику по имени Ленин. Одна газета даже называла его немецким рахпучи. Наверно, потому, что он громче всех говорил против Большой войны. Но странное дело: доходившие из других источников сведения — а на Востоке они распространяются особенно быстро — свидетельствовали об ином: народ в Русийя стоит за непонятных новых правителей.

Кем же надлежало считать их? Друзьями? Врагами? И отец и дядя поначалу не выказывали своего отношения к событиям в России. Но вот прошлой весной эмир изложил наконец свои соображения по этому поводу.

...В Кабуле стоял ясный солнечный день. С Асмайских высот слетал освежающий ветерок, землю устилали лепестки отцветающих яблонь. Аманулла-хан собирался выехать на несколько дней в Гардез и отправился к отцу, чтобы испросить его разрешение. Эмир был не один. В его рабочем кабинете уже находились Насрулла-хан, Инаятулла-хан и церемониймейстер Али Ахмад-хан. Поэтому, заглянув туда, Аманулла-хан прикрыл дверь, решив подождать, когда они разойдутся. Его остановил возглас отца:

— Заходи! Тебе тоже полезно послушать.

Переступив порог комнаты, Аманулла-хан увидел еще двоих, застывших у стены в почтительной позе. То были котвал Юсуф Ага и мирза Сарафраз, считавшийся знатком России. Мирза держал развернутую газету. Инаятулла-хан шепнул брату, что ее нашли у купца, чей караван вчера вечером прибыл из-за Амударьи.

— Продолжай! Чего ты остановился... — бросил Хабибулла-хан.

— Повинуюсь, эмир-хазрат,— Сарафраз уткнулся в газету.— Это какое-то послание мусульманам...

— Каким мусульманам?

— Написано: России и Востока. Тут названы персы, турки, арабы, индусы.

— К афганцам, значит, не относится. Ну, и чего хотят от мусульман?

— Ничего не хотят... Написано, что мусульмане Русийя могут жить по своей вере и как привыкли... Чтобы поддерживали революцию... А мусульман, которые живут не в их стране, призывают поднимать восстания против тех, кто захватил их земли. Сказано, что Шурави Русийя отказывается от договоров, которые позволяли белому царю вмешиваться в дела мусульманских народов, и что они сами должны управлять у себя.

Правитель нахмурился:

— Это все рассуждения бунтовщиков и смутьянов! И кто же подписал послание?

Мирза Сарафраз внимательно взгляделся в текст:

— Два человека: председатель Совета комиссаров Ул... Улянов-Ленин и национальный комиссар Жу... Жуга... Жугашвили-Сталин.

— Ленин! Так я и знал! — воскликнул эмир, ударив ладонями по подлокотникам кресла.— Первый бунтовщик! Мне о нем рассказывал Сайфулла-хан. Ему из Лондона и Дели немало писали об этом Ленине.

Хан Бахадур Сайфулла-хан, индийский мусульманин, был представителем Британской империи в Афганистане. Степенный, хорошо информированный, он пользовался авторитетом в Кабуле. Хабибулла-хан между тем продолжал:

— Ну, а что за газета, где все это напечатано?

— Она называется «Наша газета»...

— До чего же ты бестолков, мирза! — вмешался Насрулла-хан.— Мы и сами видим, что газета. А вот чья — наша?

Сарафраз и так и сяк вертел газету и в конце концов обнаружил:

— Напеч! Исполнительного комитета Совета депутатов... рабочих и солдат Ташкента.

— Рабочих и солдат Ташкента! — протянул, передразнивая, Хабибулла-хан.— Был бы там губернатор, он показал бы этим депутатам. В общем, ясно. Все это адресовано не нам и нам не подходит.

Он посмотрел на присутствующих — те одобрительно закивали — и перевел взгляд на котвала.

— Купца — в тюрьму, чтобы не болтал лишнего! Его товары — в казну!

Смущенно переминаясь с ноги на ногу, Юсуф Ага пробормотал:

— Купец под стражей, а вот товаров он никаких не привез. Говорит: в Шурави Русийя не до торговли...

— Не гневи Аллаха, Юсуф Ага! — прервал его эмир. — Если у купца ничего нет, значит, твои шакалы уже успели обобрать караван. Повторяю: сегодня же все передать в казну!

— Слушаюсь, эмир-хазрат! — согнулся в поклоне котвал.

— Газету эту пусть Инаятулла возьмет в свой архив. Наступит время, и мы хорошо посмеемся над ней и над большевиками. Но сначала, — Хабибулла-хан остановил жестом старшего сына, протянувшего руку за газетой, — сначала Аманулла покажет ее Махмуд-беку. Может быть, его высокоученый тесть что-нибудь напишет о большевиках в своей газете...

Правитель сделал паузу и, усмехнувшись, добавил:

— В нашей газете!

— Но ведь он не знает русского языка, — заметил Аманулла-хан.

— Не страшно, — отмахнулся эмир. — Там напечатано на фарси. И пусть Махмуд-бек высмеет как следует этих бунтовщиков. Не секрет, что и в нашем богом данном государстве встречаются недостойные люди, проявляющие слишком много любопытства ко всему происходящему на севере!

Поездку в Гардез пришлось отложить. Махмуд-бек Тарзи, как обычно, сидел за материалами для очередного номера «Сирадж уль-Ахбар», когда зять пришел к нему с поручением правителя. Он внимательно выслушал рассказ Амануллы-хана о сцене во дворце, лишь однажды с удивлением прервав его:

— Эмир-хазрат назвал «Сирадж уль-Ахбар» нашей, то есть своей, газетой? Понятно, что все в стране является его собственностью... Наша газета! А с каким трудом я не раз отстаивал ее существование! И каких усилий стоит вести ее над пропастью, когда каждый выпуск может лишить меня головы. Впрочем, вы и сами это хорошо знаете... Покажите, о чем идет речь.

Он протер очки и углубился в чтение. Аманулла-хан с нетерпением ждал реакции тестя. Тот несколько раз погладил усы и бороду, что служило признаком хорошего на-

строения. Открыл конторку, выпул оттуда конверт и протянул его зятю.

— Что это? — спросил Аманулла-хан, извлекая из конверта густо исписанные листки.

— Важные документы имеют обыкновение размножаться быстро... Обращение к мусульманам вызвало громадный интерес на всем Востоке. Один учитель из общины бехаистов города Асхабада перевел его на фарси и отправил своим единоверцам в разные места. Мне привезли копию из Мешхеда; лишь вчера я внимательно ознакомился с ним и нахожу чрезвычайно интересными изложенные в этом документе мысли...

Пока Аманулла-хан перебирал листки, Махмуд-бек продолжал:

— Значит, вы говорите, эмир-сахиб нашел, что послание адресовано не нам и потому к нам не относится, написано смутьянами и содержит крамольные мысли, заслуживающие отповеди. Так?

Аманулла-хан промолчал, понимая риторический характер вопроса. Действительно, Тарзи продолжал, не дожидаясь ответа:

— Я высоко ценю ясный ум и проницательность вашего достойнейшего родителя, но тут согласиться с ним могу не во всем. Далеко не во всем...

Махмуд-бек объяснил свою позицию. В этом послании афганцы не упомянуты, но разве есть необходимость перечислять все мусульманские народы? Названы самые многочисленные, больше других страдающие от чужеземного владычества. А разве Афганистан не терпит огромных лишений — и не только моральных — оттого, что англичане отрезали его от остального мира?! Разве это не отражается бедственно на экономике, культуре, политическом развитии государства, наконец! И потом документ проникнут глубоким уважением к мусульманским народам, к их религии, национальным обычаям, он провозглашает полную свободу мусульман России и призывает мусульман всего Востока к освобождению от ига поработителей.

— Дорогой учитель, — улыбнулся Аманулла-хан. — Слушая вашу темпераментную защиту написанного большевиками, начинаю думать, что и вы подписались бы под этой бумагой.

Теперь усмехнулся Тарзи:

— Вы правы. Если бы мне доверили честь поставить свою подпись под этим документом, быть может, я недолго бы колебался.

— Согласен с вами, уважаемый Махмуд-бек. Но почему же у отца он вызвал такую ярость?

— Это легко объяснить. Он ведь адресован кому? Народам. Не султанам и эмирам. Через их головы. Как тут не возмутиться! А к тому же мы оба, мой друг, достаточно хорошо знаем, что его величество не так уж и стремится сбросить английское ярмо. Ему за это щедро платят.

После паузы Тарзи добавил:

— Большевиков называют безбожниками. Тут надо разобратся. Они могут не верить в Христа или Аллаха — это их дело. Главное, чтобы они веру и верующих не преследовали.

— А что вы напечатаете в «Сирадж уль-Ахбар»?

Махмуд-бек нахмурился:

— Это-то меня и беспокоит. Скажу откровенно, торопиться не буду. Подожду, пока не узнаю получше о Ленине и о тех, кто с ним. Обо всем, что они делают и вообще что делается за Амударьей.

...26 мая 1918 года в «Сирадж уль-Ахбар» появилась статья, вызвавшая много толков при дворе и среди образованных афганцев. В ней Махмуд-бек Тарзи попытался определить свое отношение к событиям в России.

«С точки зрения социального и духовного развития,— писал он,— русская революция и уничтожение царизма открыли перед мусульманами всего мира широкую, светлую и надежную дорогу».

Эмир и Насрулла-хан хмурились, читая газету. Это было совсем не то, что им хотелось бы видеть. Издатель, правда, не касался внутренних проблем России, обходил молчанием захват собственности помещиков и других, так что оставалось гадать, что он об этом думает. Но не уделить внимание англичанам он не мог. Хотя бы в завуалированной форме...

«...Сейчас, когда раз и навсегда покончено с царизмом и общественная мысль России освободилась от давления, социалистическая партия показала всем народам, что подлинными виновниками захватнической войны были капиталисты и финансовые короли. Тем самым российские революционеры оказали неоценимую услугу человечеству. Эта их заслуга не забудется никогда».

...Долгое время до Кабула продолжали доходить лишь отрывочные слухи о происходящем на территории северного соседа. Передавали: там вспыхнула гражданская война. Русские, поддерживающие большевиков, сражаются против русских, которые хотят возвращения «белого царя»

и старых порядков. Распространялись вести, будто враги большевиков овладели почти всей страпой и что вместе с ними воюют армии многих держав — Германии, Англии, Франции, Японии, даже далекой Америки...

Англичане с упоением писали, что их войска заняли северную часть России и вступили в Среднюю Азию, что власть Советов все более слабеет и что скоро их окончательно сомнут.

Но странное дело: шли недели и месяцы, а Ленин, не смотря ни на что, продолжал стоять во главе государства. Что же это за сила такая, размышлял Аманулла-хан, если она в состоянии успешно сопротивляться столь мощному натиску? Вместе с Тарзи он искал разгадку и наконец понял: новую власть поддерживает народ.

— Так и у нас было, — сказал Махмуд-бек. — Восемьдесят лет назад, когда вторглась армия англичан, а с другой стороны ударили сикхи во главе с Ранджит Сингхом, только усилиями всего народа удалось разбить врагов.

— Да и во время второй войны, — подхватил Аманулла-хан, — если бы не восстал народ, Афганистан стал бы британской колонией.

И тут появилась возможность получить точные сведения из совершенно неожиданного источника. Это произошло уже тогда, когда эмир отправился в Джелалабад.

НЕОЖИДАННАЯ УДАЧА

Караван в Кабул собрался не очень многочисленный. Кроме семьи Сливицкого в нем следовало человек тридцать «закаспийцев», которых не устраивала пролетарская революция. Двигались медленно, устраиваясь на почлег в рабатах. Губернаторы попутных городов — Себзевара, Фараха, Гиришка, — извещенные о приезде начальника штаба крепости Кушка, приглашали его к себе. Это злило его спутников: они подозревали, что Сливицкий скрывает подлинные цели своего путешествия, и чинили ему мелкие пакости. А потом перешли и к крупным: за Калати-Гильзаи подбросили ему в пищу какую-то гадость, и до Кабула он пролежал на тахтараване, носилках, с сильным отравлением, недвижим и почти без сознания.

Стояли холода. От резких порывов ветра, секущего лицо ледяной крупой, не могли защитить никакие покрывала. В афганскую столицу Сливицкий прибыл с отмороженными ногами.

Начинался 1919 год. Приезжих разместили в загородном дворце на дороге в Пагман. «Закаспийцы» погрузились в пьяные кутежи. По просьбе Сливницкого его с семьей переселили в дом близ единственного в Афганистане промышленного предприятия — «Машин-хане», в глубине квартала, на левом берегу реки Кабул. Отлеживаясь и приходя в себя, он размышлял над тем, как без верительных грамот попасть к эмиру.

Несколько окрепнув, Константин Иванович надел мундир и шинель. «Отправляюсь на рекогносцировку», — решил он. Ее результаты были безрадостны: Хабибулла-хан пребывал в Джелалабаде и в ближайшие месяцы не собирался возвращаться в Кабул. «Неужели придется еще добираться до индийской границы!» — с тоской подумал Сливницкий.

Огорченный, он брел домой, когда его внезапно остановил высокий человек в длинном пальто с поднятым бобровым воротником и в меховой шапке.

— Пардон, знакомое лицо! Кажется, мы встречались в более приятной обстановке...

В сумерках трудно было разглядеть лицо незнакомца, но его интонация и грассирование заставили Сливницкого вспомнить уютный зал Публичной библиотеки в Ташкенте.

— Батюшки, Карл Михайлович! Ну и встреча! Какими судьбами здесь?

— Значит, не ошибся. Хвала всевышнему! Проклятые большевики лишили всего состояния, всех жизненных позиций! Вот я и застрял в Туркестане, а оттуда перебрался сюда. Подамся теперь в Индию, к англичанам. Там будет надежнее, да и опыт сотрудничества с ними у меня есть. К тому же я и сам наполовину англичанин, так что я теперь не Карл, а Чарлз. Не составите ли компанию в Индию? Им такие нужны! Вы же военный! Увы, не вижу погон, не знаю нынешнего чина... В чем дело, Петр Нилыч? Ах, простите, не представил вас!

Этот словесный водопад настолько ошеломил Сливницкого, что он не сразу заметил маленького человечка в черном полущубке и в папахе, нетерпеливо дергавшего Мейснера за пальто.

— Позвольте представить: Петр Нилыч Шелудько, в прошлом начальник Асхабадского розыскного пункта. Мой верный друг. Так не двинетесь ли с нами, господин Сливницкий? Я уже договорился. И с местными властями, и с пребывающим здесь агентом Британской империи. Очень милый, смею заверить, хотя и какой-то индийский мусульманин...

«Шелудько — охранник. Да еще из Закаспия. Может напакостить. И этот деляга хорош! Давно связан с англичанами, а теперь и „сам англичанин"! Бегут сукины дети!» — промелькнуло в голове у Константина Ивановича. Вслух произнес:

— Весьма признателен! Предложение заманчивое, но принять не могу. Впрочем, вполне возможно, что скоро и я последую за вами. Пока собираюсь потрудиться для его величества эмира: он приглашал специалистов. Все-таки по соседству с отчизной. А вдруг там все переменится...

— Жаль! Кстати, где вы остановились? Навестим при случае. Как-никак соотечественники. Помогать друг другу на чужбине — святое дело.

— Да тут, недалеко. Возле Машин-хане, — не подумав, ответил Сливичский и тут же пожалел: «На кой черт дал адрес этим прохиндеям! Впрочем, им теперь не до меня», — попытался успокоить себя.

Едва они расстались, Шелудько сказал Мейснеру со злобой:

— Экий вы неосторожный, Чарлз Михайлович! Да знаете ли, кого приглашали в попутчики? Это ведь один из главных кушкинских смутьянов. Наверняка большевик.

— Что вы говорите! Не может быть! Офицер императорской армии...

— Офицер!.. Еще чего. Видели сами — без погон. Хорошо хоть догадались установить его местонахождение. Поступить надо очень просто: немедленно известить котвала — пусть возьмет большевичка. Да не только афганцам сообщить. Еще и этому английскому индусу, Сайфулле...

...Британский агент Сайфулла-хан успокоил Шелудько:

— Только не вмешивайтесь! Беру все на себя. Мы его сгноим в «черном колодце».

Котвал частенько выполнял (хотя и негласно) поручения представителя вице-короля и всегда был доволен: они прекрасно вознаграждались. Не откладывая, он отправился к губернатору с тревожной вестью: в столицу проник агент врагов Афганистана, замышляющий недоброе против эмира.

Аманулла насторожился:

— Кто он и откуда известно, что он вражеский агент?

— У него трудная фамилия, — котвал заглянул в папку с бумагами. — Сливиски. Это урус. О нем сообщили другие урусы, бежавшие от большевиков. Говорят, очень опасный человек. Не уважает власть. Безбожник. Думаю посадить его в крепость, в «черный колодец».

— Подожди. Я знаю, кто он такой и зачем прислан. Пусть его приведут ко мне.

Котвала прошиб холодный пот: «А ведь я хотел арестовать этого уруса!» С еще большей поспешностью он отправился выполнять приказ.

...Вернувшись домой, Сливицкий предался горестным раздумьям. Куда он завез Юленьку с детьми и чего им ждать, если с ним что-нибудь случится?! О себе думать не хотелось. За годы службы в Азии он незаметно для себя воспринял философскую мудрость народов Востока, особенно понятие судьбы, изначально предначертанной для каждого человека.

В раздумьях прошло немало времени. Константин Иванович едва заставил себя проглотить несколько ложек густого супа, приготовленного из мелкого гороха — маша. Под вечер к нему стремительно вошел статный рисальдар, сотник, с нашивкой эмирской гвардии и жестом велел следовать за собой. На улице их ждала коляска. «Арест?»

Они въехали в Арк. Коляска остановилась у красивого двухэтажного здания. Стоявшие у входа стражи с позолоченными жезлами, в шелковых чалмах и расшитых цветными нитками ярких куртках отдали честь. Рисальдар быстро поднялся по широкой мраморной лестнице, с нетерпением поглядывая на спутника: тот медленно переставлял ослабевшие ноги. Афганец чуть ли не втолкнул Сливицкого в просторный зал. Там, в торце длинного стола, покрытого клеенкой, сидел безбородый, с подстриженными усиками молодой человек в феске. Перед ним были раскрытый блокнот и хрустальный стакан с ручками и карандашами. Слева, у стены, в кожаном кресле, закинув ногу на ногу, расположился пожилой человек с густой седеющей шевелюрой. Рядом с ним, на краешке другого кресла, в почтительной позе сидел еще один — в халате и каракулевой шапочке.

— Вот, сардар, привез! — доложил рисальдар.

— Спасибо, Керим. Распорядись о чае и подожди поблизости.

Тот, кого называли сардаром, вышел из-за стола. Из-за коротких ног его невысокая, коренастая фигура выглядела не совсем пропорциональной.

«Батюшки-светы! — подумал Сливицкий. — Никак, меня доставили прямо к Амапулле-хану. Охрана, мрамор, сардар с погами, как у Абдуррахман-хана и Хабибуллы-хана... Точно — он». Заметив промелькнувшую у него в глазах искорку, сардар спросил на фарси:

— Вы меня узнали?

Человек в халате вскочил и перевел вопрос на французский.

— Да, ваше высочество, узнал! — Константин Иванович почтительно поклонился. — Только вряд ли необходимо употреблять чуждый вам язык: я говорю на фарси.

— Чудесно! Нам это было известно — хотели выяснить степень вашей искренности. Итак, что привело в наши края начальника штаба крепости Кушка? Но прежде садитесь и скажите, отчего вы хромаете?

— Благодарю, сардар! — Константин Иванович чуть не упал на ближайший стул: ноги отказывались служить. — Мы с семьей только что проделали тяжелый путь из Герата в Кабул, и мое состояние — следствие испытанных в дороге трудностей...

— Слава Аллаху! — с живостью вставил Аманулла-хан. — А я было счел это результатом ретивости нашей полиции.

— Что же до цели моего приезда, то формально он является откликом на обращенный к специалистам из России призыв правительства Афганистана перейти к нему на службу.

— Формально? — темные глаза сардара впились в собеседника. — Ну, а на самом деле?

Сливицкий замялся, метнув взгляд на двух незнакомцев. Аманулла-хан понял.

— О моем тесте, мудром Махмуд-беке Тарзи, вы, конечно, слышали, — указал он на пожилого. — А это наш личный секретарь Зия Хумаюн. Не говоря о родном персидском, он знает еще добрый десяток языков. У нас нет от них тайн.

Это была фантастическая удача. Совершенно неожиданно он получил возможность выполнить поручение. Пусть это и не сам эмир. Аманулла-хан пользуется большим влиянием. Об этом свидетельствовало хотя бы его назначение правителем столицы. А роль Тарзи в общественно-политической жизни Афганистана Сливицкий представлял достаточно хорошо.

— Если не формально...

И он рассказал о депеше Совнаркома Туркеспублики, о том, что правительство Советского Туркестана, действуя в духе национальной политики, провозглашенной вождем русской революции Лениным, признает полную независимость Афганистана, как и других стран Востока, и что новая Россия, в свою очередь, рассчитывает на дружеское расположение южного соседа. Добавил, что ему удалось

доказать гератским властям: ухудшение русско-афганских отношений выгодно лишь недругам обоих государств.

Его слушали очень внимательно, не перебивая, хотя по нетерпеливым жестам сардара чувствовалось, каких усилий ему это стоит.

— Исключительно интересно! — воскликнул он, едва Константин Иванович умолк. — Ведь верно, дорогой Махмуд-бек?

Тарзи утвердительно кивнул.

— Но неужели нельзя было заручиться какой-нибудь бумагой об официальном характере вашей миссии? Затронуты слишком важные вопросы, чтобы полагаться на одни устные заверения. Даже если их произносит уважаемый человек, — Аманулла-хан счел нужным смягчить резкие слова.

— Я думаю так, — впервые вступил в беседу Тарзи. — Все равно решать будет эмир. Надеюсь, господин Сливиски точно изложил позицию своего правительства, а Совет в Ташкенте не откажется от нее. Мы должны радоваться сближению наших стран. Но на какой основе? Над этим стоит подумать. Пока же следует сообщить обо всем в Джелалабад и ждать распоряжений.

— Логично и разумно, — согласился с тестем Аманулла-хан. — Вы согласны? — посмотрел он на Константина Ивановича.

— Могу лишь поблагодарить, ваше высочество, вас и почтенного Махмуд-бека за сочувственное отношение к идее дружбы с Советской Россией.

— Ну, о дружбе толковать еще рано, — усмехнулся Тарзи. — Если сардар позволит... Я хотел бы кое-что выяснить. Вы большевик?

— Нет. Беспартийный.

— И получили столь ответственное задание! Любопытно... Впрочем, меня куда больше занимает ваш вождь Ленин. Что он за человек? Какие цели преследует? Что это за обращение к мусульманам Востока?

Вот так задача — доходчиво и кратко рассказать о Ленине и о его программе переустройства мира! Появление слуги с подносом, на котором красовался огромный чайник, несколько пиал и тарелочек со сладостями, вызвало паузу, позволившую Сливичкому собраться с мыслями, а глоток горячего ароматного чая придал бодрости.

— Ленину нет и пятидесяти...

— Он моложе меня! — удивился Тарзи.

— Но он уже более тридцати лет участвует в борьбе за

справедливость, против царя, помещиков и капиталистов. Организовал для этого сплоченную партию. За ней идет весь народ. Точнее, все те, кто не желает кормить своим трудом неработающих...

Сливицкий следил за лицами собеседников, желая убедиться, хорошо ли его понимают. Аманулла-хан и Махмуд-бек Тарзи сосредоточенно слушали. Зия Хумаюн сидел с безучастным видом.

— Я считаю в учении Ленина самым важным то, что никто не должен жить за счет другого. Не должно быть господства одного народа над другим, одного государства над другим. Все люди, все народы, все страны, малые и большие, имеют равные права. В этом состоит и основной смысл обращения Ленина к мусульманам России и Востока, упомянутого достоинственным Махмуд-беком. Вам, наверно, известно, что по предложению Ленина приняты и другие важнейшие документы — декрет о мире, декрет о земле, лишающий прав на нее тех, кто землю не обрабатывает, об отмене всех неравноправных договоров, навязанных царем странам Азии...

— Кто он по профессии? — поинтересовался губернатор.

— Ленин по образованию юрист, но сам считает себя журналистом.

— Как и наш уважаемый Махмуд-бек! — воскликнул Аманулла-хан.

— Значит, мусульмане стали равноправными? — решил уточнить Тарзи.

— Конечно. У нас полная свобода вероисповеданий. Церковь отделена от государства, а школа — от церкви. Но в Средней Азии сохраняются духовные училища и школы, где преподают муллы. Наряду с государственными судами существуют и суды казиев — приговоры там выносятся по шариату...

Сливицкий смертельно устал. Сказывалось и отвратительное физическое состояние, и психическое напряжение, в каком он находился. Это заметил наблюдательный Аманулла-хан:

— Много в России еще не очень понятно, однако разъяснения потребуют больших сил. Сейчас их у вас нет, господин Сливиски. Надо отдохнуть. К происходящему за Амударьей мы еще вернемся. А пока я хочу снова подчеркнуть крайнюю важность сделанного сообщения о стремлении Туркестанской республики к развитию с нами дружественных отношений.

Губернатор сделал паузу:

— Теперь поговорим о вашем устройстве. Дать вам работу по специальности, хотя вы и приехали к нам на этом основании, не удастся: англичане поднимут шум, если у нас в армии окажется русский инструктор. К тому же можете не сомневаться, что ваши симпатии к большевикам для них не тайна...

Он задумался.

— Нет ли у вас еще каких-нибудь профессий?

— Есть. Библиотекарь, например. Но она вряд ли здесь пригодится.

— Пожалуй. — Но тут Аманулла-хан встрепенулся: — Позвольте, а кулинария! Я до сих пор вспоминаю гератские марципаны. Что, если вы станете обучать кабульских кондитеров? Я бы обязательно послал к вам своего повара. А заодно откроете лавку по продаже кулинарных изделий. Не прогадаете, уверяю вас!

— Вроде несолидное предприятие для мужчины, а тем более для офицера, — смутился Сливицкий.

— Не беспокойтесь! — отменил его сомнения губернатор. — Будем считать это временным занятием, официальным. Прояснится обстановка — найдем вам более подходящее. Мы еще увидимся и побеседуем: это полезно.

Сливицкий не представлял, какой смысл вкладывается в слова «прояснится обстановка» и как долго ей надлежит проясняться, но счел неудобным спрашивать. Он согласился с предложением.

— Чудесно! — Аманулла-хан позвонил в колокольчик.

В двери появился рисальдар.

— Керим, отвези нашего гостя домой и посмотри, как он устроился. Не нужно ли чего. К господину Сливиски надо относиться с полным уважением!

— Слушаюсь, сардар! — склонился Керим.

Кончался январь. Наступал февраль 1919 года...

СЕМЬ НАПРЯЖЕННЫХ ДНЕЙ

Поздний рассвет едва коснулся лагеря в Калаигуш, в Лагманской долине, как у шатра эмира возникла суматоха. Из шатра выскочил придворный врач Керим Наби, куда-то исчез, потом снова нырнул внутрь. За ним с несвойственной ему быстротой последовал толстяк Инаятулла-хан, бросив на ходу:

— Немедленно поплите за наиб ас-салтана!

Насрулла-хан уже давно проснулся и чутко прислушивался к доносившемуся шуму. Определить, что происходит, не удавалось. Он встал, накинул халат и вышел из палатки. И тут к нему кинулся начальник охраны Шах Али Реза.

— Беда, сардар, большая беда,— едва слышно выдохнул он.

Наиб ас-салтана быстро зашагал к шатру эмира. Около шатра тихо переговаривались охранники и слуги. Внутри было душно. Плохо рассеивая тьму, чадили фонари, и никто не догадывался подкрутить фитили. Освоившись с обстановкой, наиб ас-салтана увидел, что на походной постели, закрытый до подбородка одеялом, лежит Хабибулла-хан. Глаза его были прищурены, на лице застыло выражение удивления. У постели стояли Инаятулла-хан и врач.

— Что с ним? — спросил Насрулла-хан.

— Убит! — выкрикнул племянник.

— Как убит? Кем?

Керим Наби словно очнулся от шока:

— Кто-то выстрелил его величеству в ухо. Во время сна. Часов пять назад. Примерно в три ночи...

Его перебил Инаятулла-хан:

— Как это могло случиться? Ведь отец спал в окружении большой охраны. И никто ничего не видел. Даже выстрела не слышали... Все готовы поклясться на Коране!

В памяти наиб ас-салтана всплыла встреча с «мударисом из Газни». Чуть не задал дурацкий вопрос: «А шаль из-под него вытащили?» Насрулла-хан понимал, что расшалились нервы (ведь так близка желанная цель!). Наконец он овладел собой и стал властно распоряжаться:

— Необходимо сохранить происшедшее в тайне, чтобы избежать беспорядков. Немедленно возвращаемся в Джелалабад, а оттуда двинемся в Кабул...

Помолчал и продолжал значительным тоном:

— Аллах призвал к себе нашего дорогого брата. Кто-то должен заменить его в заботах по управлению богом данным государством...

Он посмотрел тяжелым взглядом на Инаятуллу-хана:

— Насколько известно, у тебя не лежит сердце к этим обременительным обязанностям. Придется нам взять их на себя. Где Хаятулла? Он не мог уехать далеко, надо вернуть его. Достаточно, если к Аманулле отправится Шуджа уд-Доуле как управляющий двором...

Снова пауза.

— Да, вот еще что. Весть о нашем воцарении необходимо незамедлительно довести до сведения англичан.

Решительность тона наиб ас-салтана, его распоряжения у еще не остывшего тела монарха, родного брата, столь ошеломляюще подействовали на присутствующих, что никто и не подумал возражать. Имевший на престол больше всех прав Инаятулла-хан был подавлен случившимся и проявлял мало интереса к происходившему вокруг.

Через час последний охотничий лагерь афганского правителя, где он сам стал дичью, опустел. Покойника усадили в автомобиль, и печальный кортеж направился в Джелалабад.

Возле дворца собралась придворная знать. Тишину нарушил Насрулла-хан.

— Братья, — сделал он шаг вперед. — По священной воле Аллаха — да будут благословенны имя и дела его! — мы лишились эмира-сахиба. Мусульманские обычаи гласят, что он не может быть похоронен, пока не будет избран его преемник...

Чувствовалось, что сказанное застигло многих врасплох. Многих, но не Али Ахмад-хана. Схватив руку наиб ас-салтана, бывший церемониймейстер Хабибуллы-хана поцеловал ее и вскричал:

— Вы — наш эмир!

За ним последовали, хотя и с меньшим жаром, Инаятулла-хан, так и не успевший отправиться в Кабул Хаятулла-хан и остальные сановники.

Вскоре земля поглотила завернутое в саван тело Хабибуллы-хана.

А в его дворце полновластно распоряжался младший брат. Он позвонил в Кабул, в нескольких словах сообщил Аманулле о происшедшем, велел ему оставаться в столице и соблюдать спокойствие. Поскольку старшие дети покойного эмира выказали покорность судьбе, Насрулла-хан не намеревался тратить драгоценное время на младшего племянника или произносить слова утешения, недостойные мужчины. Он повесил трубку, даже не дожидаясь ответа.

Ему было не до Амануллы-хана. Предстояли куда более важные дела. Вызвав секретаря, Насрулла-хан уселся в низенькое кресло с красной обивкой. Именно в этом кресле любил отдыхать страдавший от подагры суровый отец — эмир Абдуррахман-хан, да и его преемник — братец Хабибулла. Мирза сел скрестив ноги на ковре и приготовил принадлежности для письма.

— Будь внимателен! — последовало строгое предупре-

ждение.— Пиши: «Послание № 1 от 18 джумада-ль-аввала 1337 года хиджры, соответствующего 20 февраля 1919 года, от эмира Насруллы-хана, эмира Афганистана, его превосходительству вице-королю...»

— Употребить дважды титул, эмир-сáхиб? — робко спросил секретарь.

— Да, дважды! Пусть привыкают ко мне в таком сочетании,— жестко произнес Насрулла-хан. Он изложил происшедшее в прошлую ночь, завершив рассказ глубокомысленной фразой: «Воистину все мы — от бога и к нему возвращаемся!» Затем надолго замолчал. Впереди была самая сложная часть письма...

Происшедшее в местности Калаигуш и неожиданное возвращение уехавших на охоту всколыхнуло Джелалабад. Толки приняли фантастический характер, когда после полудня власти распорядились закрыть базар, где по восточным традициям обсуждались все важнейшие события — от ссоры горшечника Мамада с женой до поражения Османской империи в войне. Это насторожило британского агента Сайфуллу-хана. Его люди уже шепнули ему кое о чем, и к вечеру 20 февраля он подготовил очередное донесение в Дели: «Еще не было и трех часов дня, когда до меня дошел слух, что его величество эмир Хабибулла был застрелен в Лагмане этим утром, но дальнейших известий я не получил даже от тех, кто знал обо всем, но не имел смелости уведомить меня, хотя все они выглядели печальными и меланхолически вздыхали. Я хотел пройтись, чтобы выяснить, что случилось, но едва это намерение стало известно афганской охране, как неожиданно появился мехмандар нашего агентства и запретил мне выходить, поскольку, по его словам, „время напряженное!“».

Между тем наиб ас-салтана целеустремленно шел к престолу. словно от назойливого комариного зуда, он отмахнулся от телефонного звонка из Кабула (Аманулла запрашивал: «Что сделано, чтобы найти и покарать убийцу отца?») — ему было не до того.

Утром 21 февраля во дворце состоялся траурный дурбар. На него были приглашены вожди племен и старшины селений. Насрулла-хан явился вместе с детьми покойного эмира и, ответив на приветствия, уселся на устланный коврами пол. Его примеру последовали остальные. Все присутствовавшие были в обычной одежде, несмотря на особый характер собрания. Молчание нарушил Инаятулла-хан. Тихо — его голос был едва слышен — он поклялся в верности «слуге Аллаха» Насрулле-хану.

— Я буду служить вам честно и правдиво, государь, как служил покойному эмиру, моему отцу,— произнес он в заключение.

Затем настал черед Насруллы-хана. Его длинная речь с многословными цитатами из Корана носила довольно туманный характер. Ее основной смысл, насколько можно было уловить, заключался в том, что главными задачами всех правоверных являются забота о чистоте нравов, уважение к заповедям пророка и соблюдение традиций богом данного государства. Когда он умолк, все протянули к нему руки мусульманским молитвенным жестом — ладонями вверх, моля Аллаха благословить нового эмира.

Тут проворно вскочил на ноги Али Ахмад-хан. По каким-то ему одному известным признакам он объединял участников собрания в группы и подводил их к Насрулле-хану, чтобы они лично заверили его в своей преданности. Для Насруллы-хана наступила наконец желанная минута. Он громко, звучным голосом прочел своеобразную декларацию. В ней торжественно провозглашалось, что народ и знатные люди единодушно избрали сардара Насруллу-хана новым эмиром Афганистана, поклявшись в неизменной верности ему и престолу.

Снова засуетился Али Ахмад-хан. Теперь участники дурбара, следуя его распоряжениям, подходили по одному к низенькому столику для скрепления своей клятвы подписью, приложением печати или просто пальца. На церемонии присутствовал и Сайфулла-хан: ведь он был представителем дружественной державы, а главное — исповедовал истинную религию.

В тот же день британский агент доносил в Дели: «Так это важное событие, полное печали и чреватое серьезными последствиями, завершилось официальной церемонией, проведенной с похвальной сдержанностью и тактом. Некоторые участники дурбара были заметно веселы, особенно Али Ахмад-хан и Надир-хан... Другие озабочены и выражали скорбь... Но подлинное страдание и беспомощность были написаны на лицах сыновей покойного эмира, правдиво отражая царящую в их душах безнадежность».

Это была пятница, праздничный день мусульманского календаря. Во всех мечетях Джелалабада муллы прочли традиционную молитву — хутбу во здравие и за благополучие нового владыки Афганистана. А сам он уже размышлял о высокой политике.

Крайне важно заручиться поддержкой англичан, а прежде всего добиться увеличения субсидии...

Разумеется, Насрулла-хан не мог знать, как отнеслись к убийству в Лагманской долине могущественные соседи в Индии. Между тем афганские события вызвали у них напряженный интерес. Официальное послание нового эмира вице-король получил 24 февраля. Хотя лорд Челмсфорд уже располагал сведениями, присланными Сайфуллой-ханом, он читал письмо Насруллы-хана очень внимательно.

— «Все гражданские и военные сановники, находящиеся в Джелалабаде, предстали предо мной, и муин ас-салтапа высокого, богом дарованного государства Афганистан, другие его братья, члены королевской семьи, казии, сеиды, улемы, офицеры, солдаты, благородные люди и представители гражданского населения заявили: „В соответствии со священным законом ислама, основанным на Коране и традициях пророка — да снизойдет на него благодать божья! — необходимо выбрать нового эмира...“»

«Какой порыв! — усмехнулся вице-король. — Конечно же, все жаждут видеть на троне достопочтенного Насруллу-хана...»

— «„...И мы единодушно, по собственному желанию и к нашей радости избираем вас своим эмиром, видим в вас нашего желанного повелителя и предлагаем вам свою преданность“. Я принял их заверения в верности...»

Лорд Челмсфорд улыбнулся.

— «...Надеюсь, что дружба и дружественные отношения между возвышенными правительствами Афганистана и Великобритании будут ежедневно укрепляться и развиваться благодаря усилиям — нашим и вашего превосходительства...»

«Ну и пройдоха! — подумал вице-король. — Письмо датировано 20 февраля, а Сайфулла-хан сообщал, что верноподданические чувства выразили Насрулле-хану только 21-го. Этот малый не только не потерял ни минуты, но даже на целый день опередил ход событий. С ним надо держать ухо востро. Посмотрим, оправдает ли он наши предположения. Впрочем, первый его шаг — это письмо — мне нравится. Хабибулла-хан так не начинал».

И, диктуя ответ, лорд Челмсфорд распорядился именовать нового правителя высшим титулом — «ваше величество» (что уже само по себе означало фактическое признание), выразил сочувствие по поводу печального происшествия в Калангуш и подчеркнул самое важное: «Из сказанного вами я ясно сознаю, что вы намерены сохранять верность нашим договорам».

И все же многоопытные политики в Дели и на Островах, как обычно, были настороже, готовясь к любому повороту событий. Главный штаб подготовил меморандум, в частности, гласивший: «Современные механические нововведения, аэропланы и многое другое неизмеримо улучшили возможность организованных государств наносить полудивилизованным землям вроде Афганистана решающие удары».

Министр по делам Индии Эдвин Монтегю, изъездивший эту страну холодной зимой 1917 года, дал вице-королю предостерегающий совет: «В прошлом наша политика заключалась в признании того эмира, какой самостоятельно добивался утверждения. Я очень сомневаюсь, что мы должны предпринимать действия, которые могут оказаться решающим фактором в пользу Насруллы-хана, если будущее не опровергнет прошлое и не расположит его дружески к нам».

Это было логично: конечно, сначала следовало утвердиться на троне и доказать свою преданность Англии, а уж потом рассчитывать на ее полное признание. Надо полагать, и сам Насрулла-хан не мог бы быть по этому поводу в обиде, помня свое бывшее отношение к соседям.

В конечном счете нота, отправленная Насрулле-хану, выражала лишь соболезнование в связи с тяжелой утратой. Это не бредило его рап, ибо он не проявлял большой печали. Что же касается его официального признания правителем, то решающую роль в этом должен был сыграть голос народа Афганистана. По мнению Насруллы-хана, здесь он не должен был встретить затруднений. Народ что? Песчинка в руках всевышнего. Кто же лучше может воспринять божью волю и донести ее до моря людского, как не он? И Насрулла-хан усердно молился, призывая мулл и мударрисов вразумлять правоверных в необходимости неуклонно блюсти законы ислама, указания священной книги и распоряжения властей. Это поможет преодолеть все трудности — нехватку зерна, мяса, одежды... Аллах акбар, Аллах велик!

Однако отовсюду стекались нерадостные вести. Один шайтан знает, что возомнил о себе дорогой племянник Аманулла. Выступает с глупыми речами, клеветает на дядю, вернее, теперь уже на эмира-сахиба! Будто непонятно: Инаятулла и Хаятулла, имеющие больше прав, поклялись ему в верности; какой-то третий сын мог бы и вовсе рта не раскрывать, а тем более слать ему — ему! — новые и новые требования отыскать убийцу отца. К сожалению, под

контролем этого выроodka сразу оказались и государственное казначейство, и арсенал.

И Насрулла-хан молился. Но то ли хмурые тучи, обложившие джелалабадское небо, не пропускали ввысь его истовую мольбу, то ли Аллах вообще не желал его слушать, а напряженность в городе явственно нарастала. Новый эмир повысил своим солдатам жалованье на три рупии, пообещав, однако, выдать его, когда будут деньги. Мало помогло. Слуги рассказывали, что базар кипит от негодования по поводу убийства Хабибуллы, разом позабыв, какое недовольство еще совсем недавно порождал «Светоч народа и веры».

Близилась к концу неделя правления Насруллы-хана. В четверг к нему ворвался, нарушив все правила этикета, Али Ахмад-хан, которому эти правила должны были быть известны лучше других. Больше того, у него был довольно потрепанный вид: чалма съехала набок, а из парадного халата вырван кусок сукна.

— Эмир-сахиб, падо спасться! — выпалил церемониймейстер.

Насрулла-хан взглянул на него с недоумением.

— Дворец окружен. Восстал харами-палтан. Я пробился с трудом, не хотели пускать. Очень шумят. Того и гляди, сюда ворвутся.

— Харами-палтан?!

Среди прибывших с Хабибуллой-ханом в Джелалабад полков один был укомплектован из простолюдинов — разорившихся ремесленников и крестьян. Этот палтан не принадлежал к числу привилегированных, славился беспокойным нравом и неофициально так и именовался — «бандитский полк».

— Они откуда-то прознали, что Аманулла-хан повысил своим сарбазам жалованье на пять рупий. И тут же выплатил...

— Хорошо ему: казна рядом. Ничего, англичане вот-вот пришлют субсидию...

Али Ахмад-хан замахал руками:

— Разве эмиру-сахибу не доложили? Совары проклятого Амануллы окружили Джелалабад и отрезали его с востока и запада.

Насрулла-хан побагровел и хлопнул в ладоши:

— Сипахсалара ко мне! Быстро!

Долго ждать не пришлось. Встревоженный Надир-хан и сам торопился к правителю. Видимо, его авторитет еще действовал, ибо солдаты пропустили главнокомандующего

беспренятственно, лишь бросив ему вдогонку несколько оскорбительных возгласов.

— Что происходит в войсках? — эмир даже не счел нужным ответить на приветствие сипахсалара.

Надир-хан был кадровым военным, привыкшим к опасности. Он говорил спокойным тоном, но то, что он произнес, успокоения не внесло.

— Войск у нас нет. Осталось несколько десятков дворцовых стражников да гвардейцев. Они тоже ненадежны: болтают о неотмщенном убийстве...

Насрулла-хан сжал кулаки с такой силой, что затрещали суставы.

— Остальные солдаты полностью вышли из повиновения. Приказы не выполняют. Создали какие-то комитеты. Арестовали многих офицеров. Напали даже на Инаятуллу-хана. Настаивают, чтобы он добивался престола...

Этого Насрулла-хан уж совсем не мог вынести:

— Как они смеют выступать против писносланного им свыше правителя?! Надо поднять все духовенство...

У него перехватило дыхание, чем немедленно воспользовался Али Ахмад-хан:

— Осмелюсь напомнить, мы не в Кабуле и здесь мало мечетей, медресе и мазаров.

— К тому же солдат поддерживает уличный сброд, — хмуро добавил Надир-хан. — И все они вооружены.

— И это говорит сипахсалар! — разъярился эмир. — Надо собрать верных людей и за почь раздать оружие служителям Аллаха. Завтра же эти сыны Иблиса должны быть разгромлены.

Главнокомандующий пожал плечами и удалился. «Откуда взять оружие и как с помощью мулл разбить войска?» — хотелось ему спросить эмира, но он понимал бесполезность вопроса.

На следующий день Насрулла-хан отправился на пятничную службу. Стражники у дверей и у ворот дворца склонились перед ним, хотя смотрели исподлобья. До мечети было недалеко, однако он успел заметить: на улицах все спокойно. Ну и трусливы же его сановники! Войдя в храм Аллаха, повелитель опустился на колени и молился про себя. С минбара доносился визгливый и дрожащий голос муллы. Но вот что-то резануло слух. Не показалось ли ему? Насрулла-хан поднял голову и увидел, что собравшиеся перешептываются и что все взоры устремлены на него.

Совершить такое кощунство — прервать службу! И тут наконец Насрулла-хан понял, что произошло. Нет, он не

ослышался. Мулла прочел хутбу не в его честь, а в честь эмира Амануллы!

И только теперь Насрулла-хан разглядел в полутьме мечети группу вооруженных солдат у минбара. Мулла опасно оглядывался на них и ерзал на своем возвышении. «Еще одно святотатство: нарушено предписание пророка не обнажать в мечети меч», — подумал Насрулла-хан. Впрочем, теперь ему было все безразлично. Когда служба кончилась, он с безучастным видом направился во дворец, но сразу же был окружен толпой сарбазов. Обступив его вплотную, они выкрикивали:

— Эмир, кто убил эмира? Когда надоест жирный плов, иди поешь объедков в харами-палтан! Где солдатские деньги? Дармоеды!

Сопровождавшие Насруллу-хана придворные тряслись от страха. С трудом сохраняя хладнокровие, он спросил у солдат:

— Чего вы хотите? Ведь вы присягали эмиру!

В ответ раздался взрыв хохота. Толпа росла: здесь уже были не только солдаты, но и ремесленники — медники, шорники, гончары. Седоусый сарбаз со шрамом от бороды до скулы поднял руку, и все стихло.

— Да, мы присягали эмиру. Но не тебе. Ты — самозванец. Наш эмир — Аманулла. Верно я говорю, братья?

— Верно, Расул! В самую точку. Долой самозванца!

Расул вновь утихомирил крикунов:

— Спрашиваешь, чего мы хотим? Скажу: жить лучше! Немедленно отрекись, сардар. Иначе за твою голову не дам и медной монеты.

Из соседнего переулкa раздавались истошные вопли. Они становились все громче и громче. Несколько солдат и горожан тащили за бороду и кушак, опоясывавший парчовый халат, дородного министра финансов Мухаммада Хусейна. Мустоуфи уль-мамалик упирался, но шедший сзади молоденький солдат колот его ножом, и они вскоре скрылись за углом. Насрулла-хан успел заметить, как кто-то из конвоиров ненавистного министра вскочил тому на спину и стал погонять дубинкой, осыпая руганью и проклятиями. Сцена произвела на него тягостное впечатление. Он выдал:

— Если на то воля Аллаха, я отрекусь. Но не здесь же, посреди улицы...

— Зачем здесь? — Расул явно был вожаком толпы. — Пойдем во дворец.

Сарбазы быстро перестроились, став по бокам каждого

из придворных. Насрулла-хан оказался под контролем сразу четверых вместе с седоусым. «Это арест... Начнутся допросы...» — мелькнуло в голове.

Солдаты и горожане заполнили парадный зал дворца, с любопытством оглядываясь вокруг. Слуги попрятались, но одного удалось разыскать.

— Пришли ко мне Мустафу и принеси все, что нужно для письма, — велел Насрулла-хан и отправился в соседнюю комнату. Там в окованном медью шкафчике хранились любимые вина покойного эмира, а стенная ниша играла роль платяного шкафа. За ним хотел последовать Расул, но правитель остановил его:

— Мне надо переодеться. Из этой комнаты нет выхода, а окно закрыто решеткой. Я никуда не денусь. Лучше распорядись, чтобы во дворе развязали достойных людей и ввели их в зал.

Когда Расул вышел, преемник Хабибуллы-хана вынул из шкафчика початую бутылку шато-икема и наполнил два изящных кубка индийской работы. Затем прикоснулся к большому рубину в перстне на безымянном пальце правой руки, и в ту же секунду в один из кубков посыпался какой-то порошок. Едва эмир успел сменить халат, как появился Мустафа.

— Настали плохие времена, Мустафа. Мы расстаемся. Когда увидимся — неизвестно. Пророк запрещает этот напиток, но я снимаю запрет, ибо хочу благословить тебя и поблагодарить за верную службу. Если это вода шайтана, то давай уничтожим ее: пусть шайтан как можно реже попадает на нашем пути! — Он отпил из кубка, проследил за тем, чтобы Мустафа опорожнил свой, и также допил вино.

— Прощай, Мустафа! Да снизойдет на тебя милость Аллаха!

— Я буду держаться поблизости, эмир-сахиб. — И Мустафа припал к его руке.

В зале уже находились оба принца, а также придворные и сановники, руки которых по-прежнему были связаны. Расул иронически посмотрел на Насрулла-хана:

— Люди ждут.

— А где же принадлежности для письма?

— Да какая в них надобность? Мы не чиновники, и многие из нас неграмотны. Пусть все услышат, что ты отказываешься от престола. Этого будет достаточно.

С ненавистью поглядев на сарбаза, Насрулла-хан вышел на середину зала:

— Аллах велик, и начертанные им пути не сразу открываются взорам простых смертных. Да будет известно собравшимся, а через них всем жителям богом данного государства, что мы торжественно отрекаемся от престола в пользу нашего племянника Амануллы-хана...

Цель происходившей церемонии уже была известна присутствующим, и все же слова эмира вызвали у некоторых вельмож горестный вздох. Впрочем, их внимание тут же было отвлечено: Расул дал знак вывести всех во двор. Там уже гудели моторы автомобилей. Когда Насрулла-хан вместе с Инаятуллой и двумя конвоирами сел в первый из них, к нему подбежал слуга:

— Сардар, новое несчастье! Мустафа пришел в амбар, где держал свои ружья. Собрал патроны. Стал ружья чистить. Вдруг упал. Из рта пена пошла — и не дышит!..

Насрулла-хан остановил его величественным жестом:

— Значит, судьба. Каждый наш вздох делается по воле всеблагого, милостивого и милосердного...

Заключительные слова он произнес уже в автомобиле, который, окутав оторопевшего слугу густым облаком черно-сизого дыма, покати́л в Кабул.

АМАНУЛЛА-ХАН КОНТРОЛИРУЕТ ПОЛОЖЕНИЕ

На Востоке новости разносятся быстро. Попытки Насруллы-хана помешать распространению вестей из Джелалабада привели к тому, что в Кабуле ходили самые фантастические слухи. В них фигурировали то землетрясение, разрушившее дворец эмира, то пожар, поглотивший ненавистного мустоуфи уль-мамалика, и даже сражение эмирской гвардии с неведомым противником, руководимым братом правителя. Постепенно в толках и пересудах все чаще стал упоминаться «Светоч народа и веры», которого призывал к себе Аллах.

Вскоре кое-что прояснилось.

...Утро выдалось холодное, ненастное. Столичных жителей разбудил гром военных оркестров. Мерно шагали пехотинцы, галопом скакали совары. За ними бежали орды мальчишек. Перед Арком солдаты застывали в строгих колоннах. Несмотря на непогоду, на площадь торопились горожане. Еще с вечера стало известно, что с речью о событиях в эмирской ставке перед войсками местного гарнизона выступит Аманулла-хан, наместник Кабула.

Когда Гафур приблизился к площади, там уже бурлила

огромная толпа. Казалось, тут собралось все население столицы. Больше всего пришло ремесленников и мелких торговцев; именно они отражали настроение основной массы жителей — как-никак новости разносились главным образом с базаров.

Впрочем, значительное влияние на умы кабульцев, бесспорно, оказывало духовенство, и прежде всего настоятели мечетей. Гафур давно постиг истину, что, чем мельче была община при какой-нибудь затерявшейся в клубке узких переулков неказистой мечети, тем большее влияние имел на паству мулла. Ведь он нередко оказывался единственным грамотным человеком среди своих прихожан, а стало быть, лучшим советчиком в житейских делах. А разве не пользовался особым уважением муэззин, пять раз в день напоминавший верующим о том, что настало время молитвы? Почтительно здоровались и со сторожем мечети — обычно он вел ее хозяйство, был старейшим членом общины и пользовался всеобщим доверием. В его сторожке хранился табут — носилки, на которых совершал последний путь любой из прихожан. Смерть да вот этот табут, служивший нескольким поколениям, уравнивали богачей и бедняков — членов общины; может, поэтому и повелось, что распорядившийся им сторож считался самым в ней справедливым, и к нему часто обращались за советом.

Маленькая община отличалась еще и тем, что мулла знал о каждом верующем мельчайшие подробности его жизни. Поэтому-то высшее духовенство в Кабуле стремилось держать под неусыпным контролем десятки мелких общин. Главное, чем беднее бывала мечеть, тем покладистее оказывался настоятель, а если склонить его на свою сторону, то за ним побредут и прихожане.

Немудрено, что жители кабульских окраин собрались в тот день на площади вокруг своих духовных наставников. Хоть пришли они раньше других, а досталось им место в самом конце площади. Новости докатывались сюда, обросшие всяческими пересудами. Впрочем, кто мог разобраться, что есть истина, а что уклонилось от нее?

— Зачем собрались? — допытывался рябой мужчина в засаленном ватном халате.

— Будет выступать губернатор. Говорят, в Джелалабаде земля разверзлась и поглотила полгорода, — откликнулся сосед в короткой куртке и потертых шальварах. — Моему брату рассказывал приезжий купец.

— Чепуху городишь! — отозвался еще один. — Эмир-сахиба на охоте змея ужалила. Какой-то злодей подсунул.

Поймали его — громадный, одпоглазый. И речь непонятная, на нашу не похожа...

— Не богохульствуйте! — строго прервал спор мулла. — Все в руке Аллаха, все творится по его замыслам. Если земля разверзлась, значит, так надо!..

Гафур не стоял на одном месте. Замечая знакомых, переходил от одной группы к другой, и всякий раз ему сообщали известие, совсем не похожее на то, какое довелось только что услышать. Он сокрушался: народ его страны невежествен, грамотных — ничтожное количество, готовы поверить в самую фантастическую чушь. Дорого обходится родине невнимание ее правителей к просвещению, дорого обходится политическая и культурная изоляция от внешнего мира, а благодарить за это надо англичан!..

Миновал за сорок до полуденного намаза на площадь выехал на горячившемся коне сардар Аманулла-хан. В сопровождении нескольких приближенных, среди которых Гафур узнал Махмуд-бека Тарзи, взмошел на наспех сколоченную трибуну, подтянутый, в военной форме, с изогнутой кабульской шашкой в руках. Обведя взором обширное пространство со множеством людей перед собой, третий сын Хабибуллы-хана и правитель столицы обратился к ним. До находившегося далеко от трибуны Гафура не все долетало достаточно отчетливо — то захрапят кони соваров, то загомонят стоящие рядом. Напряженно вслушиваясь, он старался уловить хотя бы основное.

«Так... Эмир убит... Кем — неизвестно. Отстранив законного наследника Инаятуллу-хана, Насрулла-хан назвал себя эмиром...»

Возгласы негодования прервали речь Амануллы-хана, и Гафур подумал, что захват власти наиб ас-салтана ничего радостного не сулит: мракобес и лицемер! Когда площадь угомонилась, губернатор продолжил свою речь. Он обнажил и поцеловал клинок своей шашки. До Гафура донеслась его клятва не вкладывать ее в ножны, пока не будет найден убийца и отмщен его отец, а также обещание предать суду дядю Насруллу-хана и тех, кто способствовал его незаконным действиям.

На этот раз площадь разразилась криками одобрения, особенно когда Аманулла-хан заявил, что будет заботиться о пуждах армии и повысит жалованье солдатам. Многие возглашали здравицу Аманулле-хану, именуя его эмиром.

Такие же настроения, зародившиеся во время этого своеобразного митинга, Гафур отмечал и в последующие дни. «Хорошо бы эмиром стал этот молодой и пылкий

принц!» — перешептывались офицеры и сарбазы. «Позаботился о солдатах, быть может, и до нас дойдет черед!» — рассчитывали бедняки в хижинах, лепившихся по склонам окружавших Кабул холмов. «Совсем торговля замирает из-за всех этих неурядиц, — сетовали купцы. — Если он станет эмиром, может, что-нибудь изменится...»

Гафур полагал, что воцарение Амануллы-хана приведет к переменам. И не только во внутренней жизни Афганистана, но и в его положении в мире. Покойный эмир пытался проявить самостоятельность, думал Гафур, но только у себя дома. Он привык к опеке со стороны инглизи. И не очень сопротивлялся ей. Хотелось верить, что молодой правитель будет добиваться независимости более настойчиво и целеустремленно.

...В ту самую пятницу 26 джумада-ль-авваля 1337 года хиджры, или 28 февраля 1919 года, когда восставшие солдаты и горожане отправляли из Джелалабада в Кабул арестованного Насруллу-хана с его свитой, в просторном дворе столичной Идгах-мечети готовилась торжественная церемония. На нее было приглашено множество богатых и знатных кабульцев. Когда мечеть была уже полна, в ней появился Аманулла-хан с группой сановников.

Еще стояла зима, и солнечные лучи с трудом пробивали облака, медленно плывшие на северо-запад, но в воздухе уже поселились едва уловимые, пняющие ароматы весны. Их гнали сюда с юга шальные ветры.

Аманулла-хан, облаченный в военный мундир, при полной тишине выступил вперед. Рядом с ним оказался церемониймейстер, державший на подносе шелковый тюрбан, обернутый вокруг высокой кандагарской шапки. К ним подошел Гуль Ага Хазрати Шур-Базар, влиятельный представитель духовенства. Он взял тюрбан и возложил его на голову Амануллы-хана. Так смена властителя получила формальное завершение.

Те, кто знал нового эмира, связывали с его появлением большие надежды. И он стремился их оправдать. По несколько раз в день появлялись на улицах глашатаи, громогласно оповещавшие о принятии новых законов или об отмене старых:

— Слушайте, слушайте, люди, и не говорите, что вы не слышали! Эмир-сахиб распорядился навсегда и бесповоротно отменить продажу откупов на сбор государственных налогов. Она разоряла государство и народ! От нее богатели только те, кто разворовывал казну и брал взятки! С этим покончено! Его величество велел также не брать

пошли с товаров, перевозимых внутри страны. Товары станут дешевле! Отменена барщина, бегар!

Другой глашатай оповещал об указе, предусматривавшем немедленное освобождение безвинно осужденных и выдачу им денежных пособий. Знавший о подготовке этого указа Махмуд-бек Тарзи срочно вызвал к себе Гафура и дал ему поручение. Обрадованный тезинец бросился к главной тюрьме. Когда оттуда высыпала толпа бывших заключенных с узелками и котомками, Гафур отыскал среди них седого, морщинистого человека, судя по одежде — индийца.

— Доктор, меня послали за вами! Вас очень хочет видеть сардар Тарзи. Прямо сейчас.

То был старый учитель Амануллы-хана — доктор Абдул Гани, отсидевший за решеткой почти десять лет. Пока они шли к сардару, из Арка выехали новые глашатаи; они объявляли о декретах, касавшихся войска:

— Внимание, внимание! Да будет известно всем и каждому! Эмир-сахиб находит необходимым улучшить положение своей доблестной армии. Уже вошло в силу повышение жалованья сарбазам и соварам на пять рупий. Теперь решено для них на год снизить базарные цены. Что касается офицеров, то — слушайте все! — те из них, кто не имеет провинностей, переводятся в следующий чин!..

Абдул Гани и Гафур обменялись понимающим взглядом. Любой правитель был заинтересован в завоевании расположения армии. Глашатай продолжал:

— Эмир-сахиб доверяет своим мужественным воинам. Вместе с тем он рассчитывает на укрепление дисциплины среди них, на уважение к населению — всякое самоуправство категорически запрещается!

В доме издателя «Сирадж уль-Ахбар» Гафура и Абдул Гани уже ждали. У сервированного для чая столика доктор и Махмуд-бек приветствовали друг друга по-европейски — обменялись рукопожатиями.

— По дороге сюда я имел возможность убедиться, что молодой эмир идет по дороге преобразований, — заметил Абдул Гани.

— Да, и, между прочим, именно поэтому, не дав вам отдохнуть, я попросил достопочтенного Гафура помочь нам немедленно встретиться. Надо решить важный вопрос, от которого будет зависеть остальное. — Тарзи перебрал лежавшие на письменном столе бумаги. — Завтра объявят о создании нового правительства. Его главой станет уважаемый старец, дед эмира, Абдул Куддус-хан. Даже я не

ведаю, сколько ему лет. Он был советником еще у печальной памяти Абдуррахман-хана, но сохранил ясность и трезвость ума... Мне поручен пост министра иностранных дел...

— Поздравляю, сардар! — вырвалось одновременно у Гафура и Абдул Гани.

— Благодарю, но пока не с чем. Мы не располагаем не только дипломатами-профессионалами, даже просто грамотных людей легко пересчитать по пальцам. Таких, на которых можно опереться. Не согласитесь ли вы оба работать в моем министерстве? По крайней мере до тех пор, пока оно формируется.

Гости были озадачены предложением. Первым откликнулся доктор:

— Сардар, я готов, если смогу быть полезен. Боюсь лишь, что на моей работоспособности, а главное — на понимании проблем скажутся десять лет пребывания не у дел...

— Я этого не опасаясь! — Тарзи решительно отменил приведенный довод. — Мне известен ваш кругозор, известна ваша глубокая образованность. Решено. Благодарю! А вы, Гафур?

— Готов служить родине всегда, везде и во всем, сардар! Но кто я такой? Простой рахбалад, знаток дорог...

— Дорогой рахбалад, простите, что перебиваю... Правительству крайне нуждается в таком знатоке дорог. Дорог, которыми идут не только народы Афганистана, но и родственные им племена за линией Дюранда, и жители долин Инда и Ганга. Вы там бывали столь часто, что, вероятно, изучили каждую общину, каждый род, каждый клочок земли. Это необходимо теперь, когда мы начинаем бороться за восстановление независимости!

У Гафура загорелись глаза.

— Сардар, я согласен. Располагайте мною, как угодно.

— Ну и прекрасно. Для доктора приготовлена комната. Пока же вот вам обоим для ознакомления манифест его величества эмира. В ближайшие дни его обнародуют. Там намечены основные линии нашей политики.

Когда Гафур шел домой, он услышал голос еще одного глашатая. На этот раз он оповещал о новости, которая вызвала бурный восторг жителей столицы: в Кабуле судили и повесили Грабителя. Его не называли по имени. И без того всем было ясно, что речь идет о мустоуфи уль-мамалик, бывшем министре финансов Мухаммаде Хусейне.

Неподалеку от жилища Гафура, на берегу шумно сбе-

гавшего с горы ручья, издавна стояла чайхана. В ее летнем отделении хозяин водрузил деревянный столб, прикрепив к нему обтянутую тканью раму. Вода вращала столб, а он приводил в движение это своеобразное опахало, дающее прохладу. Возвращаясь из странствий, Гафур иногда отправлялся туда — послушать журчание ручья, узнать, чем жил Кабул в его отсутствие.

Теперь, когда весна лишь собиралась вступить на афганскую землю и было еще очень холодно, он вошел в зимнее помещение и расположился на ковре под висящим на стене фонарем. Не терпелось побыстрее прочесть полученный документ.

В чайхане было много знакомых. С Гафуром здоровались, спрашивали о делах, мешая сосредоточиться, а потом и вовсе, узнав, что за бумага у него в руках, потребовали читать вслух. Решив, что манифест, собственно, и предназначен для всех, он согласился.

Как и полагается, в начале своего обращения эмир восхвалял Аллаха, обеспечившего стране «покой и безопасность, какие должны были сделать наших друзей — вблизи и вдали — счастливыми и радостными, а наших врагов — озабоченными...».

Гафура прервал нестройный хор голосов, восклицавших: «Воистину так!» Сидевший поодаль мулла, услышав имя бога, забормотал молитву, а у Гафура защемило сердце: «Вон тот мелкий торговец-коробейник весь в долгах и скоро пойдет по миру. Рядом с ним горшечник с кучей голодающих детей, а там — водопос, у которого только что умерли жена и два брата... И все они славят Аллаха, славят судьбу!»

— Ну, что же ты умолк? Давай дальше! — отвлекли его от размышлений.

А дальше было самое главное.

— Слушайте же! «О нация с развитым чувством чести! О храбрая армия! Когда моя великая нация возлагала на мою голову корону правителя, я заявил во всеуслышание, что приму ее и трон при условии вашего содействия в осуществлении моих идей и замыслов...»

Гафур поднялся и поправил зачадивший фитиль. Все терпеливо ждали.

«Я объяснял их вам в свое время и повторяю здесь вкратце:

во-первых, что Правительство Афганистана должно быть независимо и свободно во внутренних и внешних вопросах, чтобы Афганистан полностью обладал всеми пра-

вами, какими обладают другие независимые державы мира;

во-вторых, что вы должны объединить со мной все свои силы для отмщения за незаконное убийство моего покойного отца, мученика, который был духовным отцом для всех вас;

в-третьих, что народ должен быть свободен, то есть ни один человек не должен подвергаться притеснениям и испытывать произвол со стороны любого другого человека...»

Послышались возбужденные возгласы. Гафур поднял голову и увидел, что его окружили все посетители чайханы.

— Верно! Справедливо! Давно пора поставить на место этих проклятых инглизи! И нашим собакам стоит хвост прижать: помпите, как меня бил хавальдар? Правильно думает молодой эмир-сахиб!

Наконец все умолкли. Люди выжидательно смотрели на Гафура: что еще хорошего написано в этой бумаге?

— Далее правитель подтверждает необходимость соблюдать священные законы ислама и обещает провести реформы. Эмир-сахиб возвещает, что это будут преобразования, полезные и нужные стране и населению, чтобы, как пишет его величество, «власть и народ Афганистана заняли достойное место среди цивилизованных государств мира».

— А что такое «цивилизованные»? — пробасил тощий, как палка, мясник, неизменно вызывавший своей худобой насмешки на базаре.

— Как бы это объяснить? Цивилизованные — значит культурные, с хорошо налаженным порядком, что ли? Где много грамотных, образованных. Понятно? — И, не дожидаясь ответа, Гафур обратился к посетителям чайханы:

— Устал я, друзья. Отдохну. Да и Ахмад на меня волком смотрит.— Он указал на чайханщика у пузатого трехведерного самовара, огорченно глядевшего на то, как его гости, позабыв о своих чайниках и пиалах, уделили все внимание чтецу.

— Большое спасибо тебе, сосед! Золотые вести услышали, друг. Дай им бог быстрее осуществиться! Очень благодарны, Гафур! — песлось со всех сторон...

...Семь последних дней февраля 1919 года коренным образом изменили обстановку в Афганистане. Но этим дело не кончилось. Последняя февральская неделя имела продолжение.

3 марта 1919 года Аманулла-хан направил послание

вице-королю Индии. Рассказ о происшедших событиях начинался несколько сентиментально, не предвещая ничего огорчительного для адресата. Новый правитель сетовал на «несправедливое и незаконное убийство выстрелом из пистолета в 3 часа ночи на своем королевском ложе... рукой предательского вероломного изменника» его отца — эмира Афганистана Хабибуллы-хана. Поэтому он, Аманулла-хан, «с верой в бога среди громкого одобрения народа и войск в столице Кабуле возложил на свою голову корону эмира — правителя Афганистана».

Однако дальнейший текст звучал весьма пастораживающе. И по форме и по содержанию. Владелец затерянной в азиатской глуши не очень самостоятельной страны осмеливался обращаться из своего полудеревенского дворца к государственным деятелям Уайтхолла как равный. Это было неслыханно! «Да не останется неизвестным... — подчеркивал эмир, — что наше независимое и свободное Правительство Афганистана согласно и считает себя готовым в любое время заключить в соответствии с требованиями дружбы и симпатии такие соглашения и договоры с могущественным Правительством Англии, какие могут быть полезны и выгодны для торговых интересов нашего Правительства и вашего».

Одновременно секретарь вице-короля по иностранным делам Гамильтон Грант получил из Кабула «письмо № 1» — о создании государственного департамента Афганистана во главе с Махмуд-беком Тарзи.

Надо думать, и Грант, и лорд Челмсфорд, и министр по делам Индии сэр Эдвин Монтегю, и занятый глобальными проблемами премьер-министр Ллойд Джордж, и даже ярый ревнитель расширения и укрепления Британской империи министр иностранных дел лорд Керзон простили бы «несмышлепышу Аманулле-хану» дерзкое обращение «на равных», коли такой ценой смогли бы предотвратить другие его шаги. А эти шаги были еще более опасными для позиций Англии в Афганистане. Британские политики многого не знали. И в первую очередь того, что Тарзи и его подчиненные по указанию эмира готовили послания и к правительствам других государств. В этих письмах, направленных от имени «свободного и независимого Афганистана» во Францию и Северо-Американские Соединенные Штаты, Персию, Турцию и Японию, решительно отвергался сорокалетний британский запрет на самостоятельные внешнеполитические связи.

Но первый такой документ — от 6 раджаба-уль-мурад-

жаба 1337 года хиджры, или 7 апреля 1919 года, — адресовался в Москву. Накануне его отправки Махмуд-бек пригласил к себе Гафура и доктора Абдул Гани обсудить последнюю редакцию послания.

— Плохо, что нам неизвестна структура государства большевиков, имена людей, занимающих там главные должности. Вот и приходится писать: «Президенту Великого Российского государства». Надеюсь, это не вызовет там ни у кого обиды.

— С разных сторон можно услышать, что после революции в России установились демократические порядки. Стоящим там у власти не присуща аристократическая спесь, свойственная тем, кто сидит в Лондоне, — успокоительно заметил Абдул Гани.

— Да будет так! — кивнул Тарзи. — Первые строки послания обычны: дружественный привет, далее — сообщение об убийстве в Джелалабаде и коронации Амануллы-хана. Впрочем, вот существеннейшая деталь: Кабул назван «столицей независимого и свободного Афганистана». Это наша принципиальная позиция, и я полагаю, что нам не следует отказываться от нее, пусть даже документ будет перехвачен англичанами.

— Несомненно! — дружно поддержали доктор и Гафур.

— А теперь политическая сердцевина обращения: «Хотя Афганистан по духу и природе своей со времени своего возникновения и основания всегда был сторонником свободы и равноправия, однако до сих пор по некоторым причинам он был лишен возможности поддерживать связи и сношения с другими подобными государствами и народами».

Так как Вы, Ваше Величество, мой великий и любезный друг — Президент Великого Российского государства, вместе с другими своими товарищами — друзьями человечества взяли на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира, то я счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить Вам свое настоящее дружественное послание независимого и свободного Афганистана». Далее выражение уважения, как водится. Есть замечания?

— Сардар, не следует ли расшифровать, что за причины лишали нас свободы сношений? — спросил Гафур.

— Думаю, не стоит. Кто-кто, а большевики, насколько можно судить, великолепно разбираются в этом: те же англичане ныне их пытаются душить...

— Я тоже так полагаю,— согласился с Тарзи Абдул Гани.

— Есть и другие соображения,— добавил Махмуд-бек.— Почте до Москвы предстоит длинный и небезопасный путь. Она может попасть в руки недругов... А ведь нам придется налаживать отношения и с южными соседями!

Гафур промолчал.

— С этим же курьером уйдет и мое письмо коллеге в Советской России. Вам оно известно: там выражается надежда на содействие в укреплении и развитии дружественных отношений между нашими странами...

* * *

Ни эмир, ни глава его внешнеполитического ведомства не знали, что еще десятью днями ранее, 27 марта 1919 года, народный комиссар иностранных дел входившей в состав РСФСР Туркестанской республики, Богоявленский, подписал в Ташкенте направленный правительству Афганистана документ, признающий де-факто его независимость и призывающий к установлению и развитию дружественных экономических и политических связей между двумя соседними государствами. В нем подчеркивался отказ Страны Советов от кабальных договоров, навязанных царскими властями народам Востока.

Стремления революционной России и нового Афганистана к дружбе и сотрудничеству полностью совпадали. Но были силы — и достаточно мощные! — которые пытались любой ценой, любыми средствами не дать осуществиться таким стремлениям...

ОБСТАНОВКА НАКАЛЯЕТСЯ

Власти Британской Индии еще не успели откликнуться на письмо эмира от 3 марта 1919 года, как 11 марта местная пресса напечатала декларацию Амануллы-хана, провозглашенную им в Кабуле. Она содержала весьма недвусмысленное утверждение: «Правительство Афганистана должно быть независимо и свободно во внутренних и внешних вопросах, чтобы Афганистан полностью обладал всеми правами, какими обладают другие независимые державы мира».

Оба документа произвели сильное впечатление на вице-короля. Он немедленно пригласил к себе секретаря по

иностранным делам Гамильтона Гранта и срочно вызвал из Пешавара Рус-Кеппела, главного комиссара Северо-Западной пограничной провинции.

Секретарь по иностранным делам был спокоен.

— Пока ясно лишь одно, — сказал он. — Новый эмир не намерен надевать обувь отца и деда. Конечно, Инаятулла был бы для нас более подходящей фигурой, но мне кажется, что мы не должны стремиться к быстрому и немедленному вмешательству.

Вообще Грант считал, что послание эмира написано в дружественном тоне и предполагает ответ аналогичного характера.

Рус-Кеппел придерживался иной точки зрения. По его мнению, новый кабульский правитель нарочито подчеркивает, что является суверенным монархом, а это, несомненно, свидетельствует о его желании вывести Афганистан из-под британского контроля. Так или иначе, подчеркнул он, поспешный ответ на афганское послание будет равносильно признанию Амануллы-хана независимым властителем.

— Ни за что и никогда! — воскликнул лорд Челмсфорд.

— Вы правы, Джордж, — согласился с комиссаром Грант. — Мы не должны торопиться с ответом.

— Больше того, — добавил Рус-Кеппел, — незачем отправлять туда даже уведомление о его получении. Не стоит особенно считаться с этими дикарями...

На том и порешили. Действительно, к чему спешить? Ведь у кабульского владетеля масса внутренних проблем. Посмотрим, как он с ними справится...

Аманулла-хан прекрасно понимал значение британской политики для судеб Афганистана. Он нервничал, считал дни, прошедшие после отправки своего послания в Индию. Однажды он пригласил к себе Махмуд-бека Тарзи. Министр иностранных дел, как всегда, был полон энтузиазма. Аманулла-хан любил своего тестя и высоко ценил его идеи.

— Учитель, вы знаете, что тринадцатого апреля в Кабуле созывается дурбар для суда над джелалабадскими изменниками. Быть может, стоит воспользоваться этим собранием, чтобы напомнить англичанам о наших требованиях?

— Я уже думал об этом. — Тарзи стал протирать очки. Морщины вокруг глаз стали особенно резкими. — Безусловно, надо использовать любую возможность. Нашу

твердость подвергают испытанию. Зачем же церемониться!

— Все это пока словесная борьба. Наши противники явно стремятся выиграть время. Но для какой цели? Что они намерены предпринять?

— Ну, мы можем столкнуться с любой неожиданностью. Помню, лет пятнадцать назад один английский чиновник наставлял меня: «У нас говорят: лорд Керзон не выпускает из рук того, что держит». Тогда Керзон был вице-королем Индии. Теперь он министр иностранных дел Британской империи и вряд ли согласится выпустить из рук Афганистан.

— Посмотрим,— усмехнулся Аманулла-хан.— Теперь обстановка иная. На севере уже не царская Россия. В Индии очень беспокойно. Да и в Кабуле меньше стало людей, продающих родину за английское золото.

— Это так,— согласился Махмуд-бек.— Спустя восемьдесят лет после первого нападения англичан на нашу страну, через сорок лет после второго мы им докажем, что афганский народ готов к любым жертвам ради достижения независимости. Я прекращаю издание «Сирадж уль-Ахбар», чтобы посвятить все силы новым обязанностям.

Эмир одобрительно кивнул.

13 апреля 1919 года, как и было намечено, в Кануни-Баг, Саду законов, Кабула состоялся дурбар. Его проводили Аманулла-хан и Абдул Куддус-хан. Кроме Тарзи и других членов правительства были старшины селений и вожди племен, представители столичной знати и духовенства. Они с почтением взирали на престарелого Абдул Куддус-хана, сидевшего в кожаном кресле у стола, на эмира, стоявшего рядом с дедом возле такого же кресла. Особое место неподалеку от Амануллы-хана было отведено британскому резиденту Сайфулле-хану.

В зал по одному вводили тех, кого доставили в столицу восставшие в Джелалабаде солдаты. Секретарь громко читал очередной пункт обвинительного акта. Затем Абдул Куддус-хан выдерживал паузу и оглашал приговор. Одобрительным гулом его встречали собравшиеся.

Первым перед дурбаром предстал бывший наиб ас-салтана, признанный соучастником преступления. За прошедшие после ареста две недели Насрулла-хан растерял весь апломб и постарел на десяток лет. «Семидневный эмир» пытался что-то сказать в свое оправдание, взывал к Аллаху. Председатель терпеливо выслушал приведенные доводы и величаво махнул рукой:

— Пожизненное заключение в крепости.

Так же наказали преданного Насрулле-хану Абдул Ахмад-хана, одного из гвардейских генералов. Главным виновником был признан полковник Шах Али Реза, командовавший охраной в ночь убийства: его приговорили к смертной казни. Двадцать гулабчачи, телохранителей, имевших неосторожность предаться беспечному сну, когда следовало быть на страже, получили от одного до десяти лет тюрьмы. Инаятулла-хан, как и некоторые другие, отделался непродолжительным домашним арестом — за то, что потворствовал Насрулле-хану.

Аманулла-хан рассеянно следил за ходом процесса. Когда процедура суда была завершена, Абдул Куддус-хан вопросительно поглядел на эмира. Правитель выступил вперед, положил руку на эфес пашки.

— Братья! Люди Афганистана! — негромко заговорил он. Это была манера Амануллы-хана. Начиная выступление тихим голосом, он, словно набираясь сил, постепенно говорил все звучнее, подчиняя слушателей своему ораторскому темпераменту. — Прошло не так много дней после нашего воцарения. Когда это случилось по воле Аллаха, мы выдвинули три задачи. Одна — постоянная и неизменная: обеспечить благосостояние нашего народа. Вторая: покарать виновных в гибели моего отца. К сожалению, до конца разобраться во всех ее обстоятельствах не удалось, но сегодняшний дурбар выполнил поставленную задачу. Остается третья...

Эмир замолчал, подчеркнув особую значимость того, что хотел сказать дальше. Зал сидел в напряженном молчании.

— Остается третья... И, может быть, самая важная. Ибо Афганистан должен дышать широко и свободно, как многие государства мира. Без этого не двинется вперед ни хозяйство, ни культура страны. Без этого она не будет иметь своего лица, не будет равной среди других стран...

Аманулла-хан снова сделал паузу. Теперь его голос звучал резко и громко. На лицах участников дурбара, на стенах играли лучи апрельского солнца.

— Нам необходимо добиться для нашей родины полной независимости. Полной! Никем и ничем не ограниченной! Мы говорили об этом уже не раз, но, кажется, именно те, кого это касается в первую очередь, не хотят нас слышать. Жаль, ибо для достижения такой цели народ Афганистана не пожалеет никаких сил. Он будет бороться за нее всеми средствами!..

Эмир повернулся. Его правая рука оторвалась от шапки, описала дугу, и указательный палец чуть ли не уперся в грудь сидевшего неподалеку британского агента.

— Понимаете ли вы нас, достопочтенный Сайфуллахан?

Несмотря на риторический характер вопроса, представитель вице-короля растерялся, вскочил с места и закивал, торопливо повторяя:

— Понимаем, понимаем, понимаем...

Странное дело, хотя угодливые слова резидента могущественной Британской империи, напоминавшего сейчас уличенного в мошенничестве мелкого торговца или проштрафившегося сарбаза, в иных условиях вызвали бы оглушительный смех, никто не проронил ни слова. Все понимали, что за внешним комизмом ситуации стоит судьба страны.

...То ли Сайфуллахан сумел срочно информировать свое начальство о происшедшем в Кабуле, то ли по случайному совпадению, но через два дня после дурбара, 15 апреля 1919 года, лорд Челмсфорд подписал наконец ответное послание эмиру. Вскоре Махмуд-бек Тарзи получил возможность ознакомить Аманулла-хана с долгожданным документом.

— Вежливые соседи,— передавал его содержание министр,— выражают соболезнование по поводу кончины его величества эмира Хабибуллы-хана.

— Убежден в чистосердечности их чувств. Отец не причинял им серьезного беспокойства. А вот какова их готовность учесть наши пожелания?

— Увы, здесь ожидать многого не стоит. Еще одна вежливая фраза констатирует, что наше письмо основано на дружбе и симпатии, «которая существует и будет существовать между обоими Правительствами». Ну а дальше... Дальше Афганистан хотят поставить на место, чтобы мы и не помышляли о свободе и независимости.

— И что же пишет вице-король?

— Читаю: «Эта дружба основывается на договорах и соглашениях, заключенных с Британским Правительством покойным „Сиянием нации и веры“ и подтвержденных покойным „Светочем народа и веры“, и из сказанного Вами я заключаю, что Правительство Афганистана намерено действовать в данном отношении так же, как и в прошлом. Вы сообщаете, кроме того, что Правительство Афганистана готово в любое время заключить в соответствии с условиями дружбы такие соглашения и договоры

с Британским Правительством, которые могут принести коммерческие выгоды обоим Правительствам. Отсюда представляется, что в связи с торговыми потребностями Афганистан нуждается в некоем договоре с Британским Правительством, который дополнял бы упомянутые выше соглашения и договоры. В настоящий момент я воздерживаюсь от дальнейшего рассмотрения этого вопроса. Но Правительство Афганистана может быть уверено, что я всегда готов просить Правительство Его Величества снабдить меня соответствующими соображениями, необходимыми для продвижения дела, и что в будущем, как и в прошлом, я буду всегда стремиться развивать дружественные отношения между двумя Правительствами».

Министр иностранных дел положил перед собой ответ Челмсфорда и взглянул на эмира. Тот улыбался.

— Махмуд-бек, дорогой, простите, что я вас затрудняю... Но не будете ли вы любезны еще раз прочесть эту бумагу?

Тарзи снова огласил документ. Улыбка Амануллы-хана была не такой уж веселой.

— Стоило тянуть полтора месяца, чтобы сочинить подобную чепуху. Англичане стремятся пустой болтовней запутать абсолютно ясное дело. Над таким письмом можно было бы посмеяться, но за ним стоит трагедия нашей родины.

Эмир нервно ходил взад и вперед по комнате.

— Они ничего не хотят знать! Они не обращают ни малейшего внимания на наши требования. Они пропускают их мимо ушей, будто ничего не значащий звук.

— Да,— согласился с зятем Тарзи.— Лорд Челмсфорд многозначительно напомнил о старых, давно изживших себя кабальных договорах, заговорил о каком-то новом торговом соглашении, которого якобы мы добиваемся, тут же нашел его несвоевременным и завершил всю эту болтовню дружескими излияниями.

— Вероятно, свободу придется завоевывать оружием. У меня остается все меньше сомнений в этом. Кстати, есть ли какие-нибудь вести из-за Амударьи?

— Рано еще. Я отправил к русской границе с нашими письмами самого надежного человека.

— Хорошо. Верю, что оттуда не придется ожидать удара в спину. А на юге надо готовиться к войне. Дело явно идет к этому...

Вечером того же дня в кабинет эмира, расположенный на втором этаже дворца Дилькуша, вошли несколько че-

ловек. Это были Абдул Куддус-хан, сипахсалар Салех Мухаммад-хан, заменивший на этом посту Надир-хана, и сам генерал Мухаммад Надир-хан. За длинным столом с тремя телефонными аппаратами уже сидели эмир и министр иностранных дел. Аманулла-хан что-то писал в блокноте. Увидев гостей, правитель захлопнул блокнот и пригласил их сесть.

— Сардары! — начал эмир. — Вы — люди достаточно опытные и понимаете, в какой сложной обстановке мы оказались. Англичане по-прежнему не желают признавать права Афганского государства на независимость. Они не принимают наших требований всерьез, отделиваются отговорками. Думаю, что джентльмены из Лондона пойдут на все, даже на военные действия, лишь бы не допустить самостоятельности Афганистана.

Тарзи кивнул, словно подтверждая справедливость слов эмира. Тот продолжал:

— Возможно, они боятся, как бы настойчивое желание нашего народа спять с шеи чужеземную веревку не усилило такое же стремление их индийских подданных. В последние дни приходят сообщения о широких волнениях в разных провинциях Индии. Расскажите об этом более подробно, уважаемый Махмуд-бек.

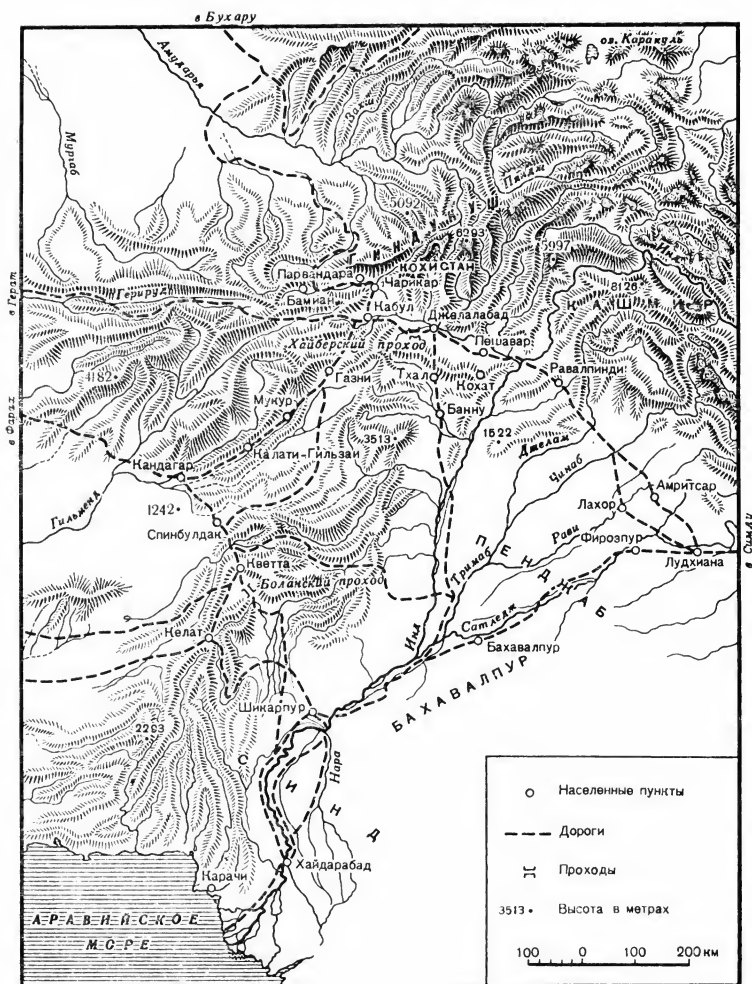
Министр иностранных дел раскрыл объемистую папку:

— Сразу же оговорюсь: не все, доходящее до Кабула, достоверно. Вместе с тем очень многого мы не знаем. Тем не менее можно с уверенностью утверждать: англичане сидят на вулкане. В первой половине апреля в районах, примыкающих к железнодорожным линиям, от Пешавара до Бомбея и от Бомбея до Дели, многотысячные толпы разрушали пути и станции, жгли полицейские участки, казармы, правительственные учреждения...

Тарзи откашлялся:

— В Гуджранвале, Ахмедабаде, Касуре, Вазирабаде и других городах произошли настоящие восстания. Безоружные люди вступали в стычки с полицией. Их было так много, что англичанам пришлось пустить в ход войска. В ряде провинций введено военное положение. Пока неизвестно, помогло ли это справиться с беспорядками. Наконец, на днях грандиозное побоище произошло в Амритсаре. У нас еще нет подробных сведений, но и дошедшие до нас свидетельства о кровавых событиях...

— Достаточно, дорогой Махмуд-бек, благодарю! — тихо произнес Аманулла-хан. — Не знаю, как вы, сардар, а я не могу спокойно слышать о бесчинствах тех, кто име-

Восточный Афганистан и Северо-Западная Индия

нует себя благодетелями человечества. У меня сжимаются кулаки... Однако дело не только в моих личных чувствах. Нашему народу не раз приходилось страдать из-за коварства англичан. Они могут попытаться ударить по Афганистану, чтобы отвлечь внимание индийцев от внутренних бед и вместе с тем отбить у нас охоту бороться за самостоятельность. Что скажете, сипахсалар?

Массивный Салех Мухаммад-хан пробасил, поглаживая бороду:

— Ваше величество, я как раз собирался доложить: англичане подтягивают войска к нашим границам. Один британский и два туземных полка переброшены с юга в распоряжение командира второй дивизии, расквартированной в районе Равалпинди. Значительно усилен гарнизон Пешавара. Из разных источников поступают сообщения о передвижениях английских войск в Восточной Персии, недалеко от Герата. Я вчера поручил выяснить, что там происходит...

— Ну вот! — воскликнул эмир. — Этого следовало ожидать. Тем больше оснований нам быть настороже. Слушайте мой приказ! Для вас, дорогой дедушка, — сказал он, обращаясь к Абдул Куддус-хану, — не столько приказ, сколько просьба. В ближайшие два-три дня прошу вас выехать на юг, в Кандагар. Сипахсалару Салех Мухаммад-хану надлежит отправиться на восток, в Дакку, джарнейлю Мухаммад Надир-хану — на юго-восток, в междуречье Куррама и Точи. Надо подготовить войска и наладить оборону на всех угрожаемых направлениях.

Когда Тарзи возвратился к себе в министерство, он увидел в приемной Гафура и Сливицкого. Отдавая предпочтение гостю, министр пригласил вначале Константина Ивановича. Они и раньше изредка встречались, обменивались мнениями о происходящих событиях.

— Достопочтенный Махмуд-бек, я с просьбой.

— Буду рад сделать все, что в моих силах.

— Не сочтете ли вы возможным ходатайствовать перед его величеством о том, чтобы моего Костю приняли в лицей «Хабибия»? Из-за переездов он уже пропустил учебный год.

— Это несложно. Его величество согласится. А я давно хотел спросить вас: если не секрет, каким образом отдаленная Кушка поддерживает связь с внешним миром?

— Какой же секрет: по железной дороге, а также посредством телеграфа — обычного и искрового, или радио. Я сам когда-то этим увлекался.

— Вот как! — обрадовался Тарзи. — Прекрасно! Понимаете, сейчас все сведения поступают в Кабул из английских источников. Зависимость неприятная. Более того, она может стать опасной. Где-то у нас хранится немецкая радиостанция. Ее привезла еще миссия фон Хентига и фон Нидермайера.

Глаза Сливицкого заблестели.

— Но это же великолепно! Готов немедленно занять-ся ею...

Гафур вошел в кабинет министра с виноватым видом:

— Сардар, у меня просьба...

Махмуд-бек хотел пошутить: уж не собирается ли он тоже устроить сына в «Хабибия», но вспомнил, что его подчиненный одинок.

— А именно?

— Сидеть за бумагами не по мне. Особенно теперь, когда инглизи грозят новой войной. Отпустите! Я все же рахбаад, знаток троц, а не дипломат. Пойду сражаться.

— Хорошо, я согласен, хотя сражений еще нет и рас-ставаться с вами очень не хочется.

— Спасибо, сардар.

— Куда вы собираетесь направиться?

— Скорее всего двинусь в долину Куррама. Те ме-ста мне очень хорошо знакомы. Еще раз спасибо! А то отец отрекся бы от меня, узнав, что в такое время я дер-жал в руках перо, а не ружье...

— Что ж, возвращайтесь с победой!

...На следующий день, рано утром, Сливицкий помчал-ся на розыски радиоаппаратуры. Вернулся поздно ночью, радостный: она оказалась в лучшем состоянии, чем можно было ожидать. Радиостанцию перевезли в Арк, и близ ка-зарм охраны Константин Иванович начал наладку. Однов-ременно с этим у себя на квартире стал обучать молодых солдат (из восьми человек пятеро стали потом инструктор-ами). Скоро выяснилось, что его труды пришлось как нельзя более кстати: накануне важных событий эмир и его министр иностранных дел уже получили копии ан-глийских и советских радиодепеш.

А в это время к Амударье скакал гонец с послания-ми Амануллы-хана и Тарзи в столицу Советской Рос-сии. Хорошо тренированный всадник, он проделал отде-лявшие его от реки 608 верст за 24 перехода. Еще сутки ушли на переправу, и 7 мая 1919 года курьер из Кабула соскочил с коня в Новом Термезе, заложенном в 1895 го-ду русскими инженерами Кастальским и Пославским не-далеко от древнейшего поселения — Старого Термеза.

Представителя Афганистана приняли в термезском Совдепе, по достоинству оценив значение доставленных документов. Их следовало немедленно отправить дальше. Но как? Столкновения с сарбазами бухарского эмира Сейид Алим-хана, которого Англия натравливала на крас-ный Туркестан, привели к тому, что железная дорога на

Термез местами была выведена из строя. В Совдеп вызвали железнодорожников-большевиков, и вскоре в дальний путь полетела дрезина с ремонтниками.

15 мая пакет с афганскими письмами достиг Ташкента и попал в Совнарком Туркестанской республики. На следующий день, в пятницу, под вечер, правительство республики поручило востоковеду Михаилу Степановичу Андрееву срочно перевести послания: белоказацкие заслоны в районе Оренбурга не позволяли тут же переправить их в Москву. В понедельник 19 мая, поутру, перевод лежал на столе народного комиссара по иностранным делам. Ознакомившись с ним, члены Совнаркома приняли решение передать его в центр по радио. В ночь с 20 на 21 мая Ташкентская радиостанция дважды, открытым текстом передала в Москву важнейшее сообщение.

Для генерала Маллесона в Мешхеде и его начальства в Индии наступило неприятное время. «Рано утром 21 мая,— фиксировал генерал,— мы имели возможность донести в Индию об отправке афганским эмиром и его министром иностранных дел писем большевикам, в которых объявлялось о независимости Афганистана и о желании войти с ними в дружественные отношения».

Вскоре вслед за этим Маллесон информировал вице-короля лорда Челмсфорда о наступлении советских войск на Закаспийском фронте, а Интеллидженс-бюро в Пешаваре сообщило о распространении в Северо-Западной пограничной провинции воззваний находящегося в Кабуле Временного правительства Индии. В прокламации говорилось, что правительство «заключило особый договор с Афганистаном, точно определив границы продвижения афганской армии в Индии». Это было вызвано тем, что уже полным ходом шла новая война Британской империи против Афганистана...

Для Владимира Ильича Ленина и его коллег в Кремле послания эмира Амануллы-хана и Махмуд-бека Тарзи не явились неожиданностью. Уже 7 мая, когда их только доставили в Термез, главу Советского правительства посетил немолодой индеец, которого сопровождали член ЦИК и полномочный представитель Туркестана С. М. Юсупов и заведующий отделом Востока Наркоминдела А. Н. Вознесенский.

Совершив путешествие, занявшее немало месяцев, до Москвы наконец добрался маулана Мухаммед Баракатулла, снаряженный еще покойным Хабибуллой-ханом. Он приехал, полный ярких впечатлений от пребывания в Сред-

ней Азии, убежденный в справедливости программы большевиков. Основными темами его беседы с Лениным были положение на Востоке и установление дружественных отношений между РСФСР и Афганистаном. Позднее маула-на подготовил для Ленина памятную записку о военном положении Туркестана и Афганистана. Он доказывал необходимость заключения советско-афганского оборонительного союза и предоставления Кабулу помощи для борьбы с Англией.

Но большевиков незачем было убеждать в целесообразности оказания поддержки сражающемуся Афганистану. Солидарность — активная! — с освободительным, антиимпериалистическим движением народов колониальных и зависимых стран стала одной из основ их политики.

И ПРИШЛА ТРЕТЬЯ ВОЙНА

*Из дневника Томаса Блэйка,
капитана Сомерсетского полка легкой пехоты*

Дели, 18 января 1919 года

Надо же быть таким идиотом! Стоило рваться на фронт, чтобы поспеть к ишапчному разбору и слушать бесконечную болтовню ветеранов о кровавых болотах Пашенделя и газовых атаках немцев. Давно следовало плюнуть на за-тасканную Европу с ее слишком воображающими о себе девицами. Вот где разгуляешься — в колониях. А уж в Индии! Для всех этих оборванцев я — сахиб, господин, божество.

И правильно. Что они без нас? Только благодаря англичанам здесь появились шоссе и железные дороги. И грандиозный дворец вице-короля. Недаром нас так боятся и уважают.

Да и служба здесь полегче. У самого захудалого солдата десяток слуг. Офицеры больше заняты гольфом и виски, чем муштрой. Ну и женами друзей, разумеется. Вообще-то девочки очень дешевы в этой живописной стране. А нищих, нищих! Так и кишат — от Бомбея до Дели.

Симла, 5 февраля

Ну и бюрократы засели в делийских апартаментах. «Только Симла может это решить! Только Симла!» Как будто, кроме Главного штаба англо-индийской армии, ник-

то не может зачислить лейтенанта, успевшего покормить вшей в окопах Фландрии, в это полуопереточное войско! Пришлось добираться до тихого гнездышка в Гималаях, где во множестве двух-трехэтажных каменных зданий уютно разместились высшие военные чины и управления. Я, понятное дело, сразу направился в колоссальный дом Главного штаба. Ну и устроились господа генералы и офицеры! Все в штатском, и у каждого отдельный кабинет с выходом на галерею.

Кто знает, сколько довелось бы мне топтать по этим кабинетам, но помогло послание дядюшки Джо к генералу Симпсону.

— Неужели старый бродяга еще жив? — не слишком ласково встретил меня лысый коротышка. — И чего жаждет его племянник?

Ответил ему в тон:

— Ордепов, медалей и веселой жизни.

— Ах вот как! — ухмыльнулся Симпсон, определил меня в Сомерсетский полк легкой пехоты и пояснил: — У него богатый опыт и давние традиции такой жизни. Стоит в Пешаваре.

Тоже неплохо. Веселое местечко с выразительным названием «Город тысячи грехов». Вокруг независимые племена, и равные шансы получить орден, пулю или еще что-нибудь столь же приятное.

Пешавар, 14 февраля

Мой полк расположен в предгорьях близ Хайберского прохода. К западу начинается знаменитая тропа, вымощенная телами храбрецов, расширявших пределы Империи. Символично: Сомерсетский полк раньше именовался 13-м пехотным полком. В первой войне с Афганистаном, лет восемьдесят назад, он составлял часть «блестящего гарнизона», упорно отбивавшегося в Джелалабаде от афганцев. Немало людей из этого полка полегло и в Хайберском проходе, а ныне офицеры рвутся в Джелалабад, на «старую стоянку».

Но пока мы в «Городе тысячи грехов». От внешнего мира он отделен высокой извилистой стеной с шестнадцатью воротами. Возле Кабульских ворот массивный форт. Главный проспект, если позволено так его именовать, — Кисса Кахани. В него вливается множество узеньких петляющих грязных улочек и переулков. То здесь, то там неуклюжая мечеть, и повсюду густой лес тонких

длинных жердей: они поддерживают и огораживают веранды и плоские крыши. Лучше не нырять в этот лабиринт: можно и не вынырнуть. Злобный муравейник...

Зато кантонмент, наш военный городок, великолепен. Тут расквартирована основная часть гарнизона, тут живут семьи офицеров и чиновников, тут свои базары, своя отлично налаженная жизнь. Правильно придумано: меньше соприкасаешься с туземцами. Да и безопасно. На прямых и просторных улицах дышится гораздо легче, их украшают широкие цветники с тропическими растениями. Травяные газоны напоминают далекие лондонские парки. В тени деревьев правительственные учреждения, гостиницы, бунгало достойных людей. В центре кантонмента высится изящная колоннада на четырехугольном пьедестале: на этом месте в прошлом веке неблагодарные темнокожие бестии убили гражданского комиссара Пешавара подполковника Макесона. Красиво!

Вот лишь за власти округа обидно: окопались в каком-то подобии старого сарая с подержанной мебелью. И не то что в Симле: генерал сидит в одной комнате с помощниками и писарями...

За городской стеной море садов, огороженных глиняными валами. Там обычно собирается всякий преступный сброд. Как и в городские закоулки, туда тоже лучше не соваться: я ведь не Макесон — даже столба в память обо мне не поставят...

Пешавар, 21 февраля

Что-то затевается. И, кажется, против афганцев. Дай-то бог! Можно будет отличиться без серьезных усилий. И чего этим соседям неймется? Мы за них думаем — бесплатно! Отвечаем за них перед всем миром — тоже бесплатно! Да еще эмиру приплачиваем, чтобы он сидел спокойно и не трепыхался. Черная неблагодарность! За такое надо наказывать.

Постепенно подтягиваются войска. «Сомерсетцы» с 9-м полком гуркхских стрелков и четырьмя батальонами 15-го и 35-го полков сикхов составляют 1-ю Пешаварскую бригаду, которой командует вылощенный и напояженный генерал Крокер.

Пешавар вполне оправдывает свое название. Такого обилия кабаков, борделей, игорных домов на столь малом пространстве мне видеть еще не доводилось. Правда, знатоки находят, что ему далеко до Сингапура, Гонконга или Марселя. Хорошо бы махнуть туда...

Нас передвинули к западу, всего миль на десять. Мы в Полосе независимых племен, на самой границе. А за ней — Афганистан, где произошло нечто чрезвычайное. Убили эмира. Кричат о независимости. Вроде бы с приходом нового правителя авторитет Империи в Кабуле подмокает.

Впрочем, и в Индии дела не блещут. Только и слышишь о бунтах, бандитских нападениях на железные дороги, телеграф, даже на полицейские участки. Власти должны понять, что лишь хороший кулак вразумит мятежную сволочь. Старые военные находят администрацию слишком слабой. Обвиняют вице-короля, именуют его «бледной немочью».

Кто виноват — не знаю, но с доставкой жратвы перебои. Наверняка интенданты под шумиху набивают карманы. Снаряжаем летучие экспедиции с пулеметами за провиантом к афридиям, а те относятся к нам все более враждебно. Скоро придется ехать на фуражировки с пушками.

Пешавар, 28 марта

Три недели в крохотном Джамруде — с ума сойти! Глиняный пятачок, одни и те же рожи во главе с Крокером — шакалом завоюешь. Строчки не написать без постороннего глаза. Упражнения, дежурства, зеленая тоска. Носа не высунешь за стены форта. Рядовой Глен высунул, и кусок афридийского свинца сорвал с его лица изрядный лоскут кожи.

Выбрался ненадолго в Пешавар. Сразу целый ворох новостей. Главная и самая приятная — Амритсар! Наши поумнели наконец и решили не только жечь мелкие деревушки бунтовщиков, но и проучить их в священном городе сикхов. В амритсарском сквере Джалианвала Баг скопились толпы жителей на какой-то свой праздник, будто не знали, что общественные собрания запрещены. По счастью, на месте оказался энергичный генерал Реджинальд Дайер с отрядом стрелков. Пальба длилась десять минут. Без предупреждения. Почти тысячу семьсот обойм разрядили по скопищу бездельников. Судя по газетам, в сквере осталось лежать около четырехсот убитых и тысяча двести раненых. Скорее всего их там было много больше. Молодчина Реджи, рассказывают, занял место повыше и, захлебываясь, кричал: «Вон хорошие мишени! А вот еще лучше!»

Потом было не менее забавно: генерал распорядился,

чтобы по улице, где пападали на англичан, индийцы передвигались только на четвереньках. За нарушение — публичная порка. Человек пятнадцать или двадцать получили как следует по соответствующему месту. Смеху было... Но тут поднялся газетный шум, вмешалась «бледная немочь», ах, и губернатору Пенджаба пришлось доказывать, что секли главным образом грабителей и лиц из низших классов.

Во всяком случае, Пенджабу, да и другим провинциям преподали великолепный урок. Запомнят Амритсар!

Форт Джамруд, 21 апреля

Наконец-то колониальные олухи оценили мое происхождение и родство с дядюшкой Джо: я назначен адъютантом Сомерсетского полка легкой пехоты. Теперь я — второе лицо в части, хозяин всех документов.

Радует и другое. Назревает случай отличиться. Ситуация на границе обостряется. Кабул хочет самостоятельно и, сдается, намерен добиваться ее даже против воли Империи. Глупцы! Мы только что победили в гигантской мировой схватке, а уж этих голоштанников раздавим, как клопов.

До афганских земель рукой подать. Эту полоску охраняет местная милиция — хайберские стрелки. Их тут человек пятьсот. Те же афганцы, но из восточных племен. Вряд ли разумно доверять им полностью.

Увы, Амритсар не помог. Еще больше взбаламутил недовольных. А ведь это наш тыл. Наш в прямом смысле слова — 1-й Пешаварской пехотной бригады. Да и всей 1-й Пешаварской дивизии. Уже сейчас чувствуются перебои в снабжении — результат саботажа и стачек на транспорте.

Военная разведка и полиция сообщают о пограничных столкновениях в каком-то спорном районе поблизости. Именуют его Баг. Не устроить ли там еще один Джалианвала Баг, на этот раз афганцам?!

Ланди-Котал, 7 мая

Все! Началось! Только теперь удалось взяться за дневник. Уже четыре дня идет война. Третья англо-афганская. Стычки у Бага, а главное — наглые притязания эмира убедили правительство его величества в необходимости дать Кабулу заслуженную взбучку. Командование дивизией принял генерал Фоулер. Мы подошли вплотную к границе

Афганистана. Поступившие в штаб материалы показывают, что против Амануллы сосредоточена огромная армия — 340 тысяч человек! И половины хватило бы, чтобы смять жалкое эмирское войско. Его ждут к тому же аэропланы, пулеметы, мощная артиллерия и прочие удовольствия.

Вот сводка Пешаварского интеллидженс-бюро: у противника 38 тысяч пехотинцев, тысяч восемь в кавалерии да в артиллерии четыре тысячи. Но дело не только в нашем почти семикратном превосходстве. Что за выучка у них, что за оснащение... Вооружение прошлого века: винтовки Мартини, даже Снайдера, несколько старых пулеметов, древние пушки.

В общем, толковать не о чем. Третья война кончится быстро и, конечно, не как первая и даже не как вторая! Теперь мы полностью покончим с Афганским государством. Вперед, на Кабул!

Бивак по дороге на Кабул, 12 мая

Пробиваемся к Дакке. Сопротивление не очень серьезное. В нашем штабе возмущены «документом 919». Это — обращение вице-короля в связи с афганской войной. Оно запоздало, как и все, что исходит от «бледной немочи». Датировано 10 мая. Целую неделю размышляли! А результат? Смесь неубедительных доводов и оправданий, смутных намеков и обвинений. Нет, пожалуй, лучше наиболее интересные места переписать полностью: в свободное время вдоль посмеюсь.

Его превосходительство доводит до сведения подданных короля Великобритании и Ирландии и императора Индии печальную новость: афганский эмир «решил совершить неожиданное и беспричинное нападение на Индию. Его превосходительство убежден, что эта удивительная глупость прямо связана с развитием внутренних событий в Афганистане после убийства его величества эмира Хабибуллы. Влиятельная часть общественного мнения Афганистана недовольна... Рост внутреннего возмущения толкнул эмира Амануллу на нынешнюю грубую авантюру в надежде отвлечь внимание своих подданных от внутренних трудностей».

Далее эмир обвиняется в фабрикации ложных слухов о широких волнениях в Индии. «Вице-король располагает также доказательством того, что эмир занят изготовлением фальшивых воззваний и прокламаций для распространения в Индии и строит планы подкупа тех газет, какие пойдут на это».

И лишь после подобной пустой болтовни лорд Челмсфорд начинает что-то бляеть об имперском могуществе, о «самоубийственном скудоумии» Амануллы, призывая население колонии «верить только правительству его величества, которое в состоянии защитить его». Снова неуверенность, заискивание перед толпой рабов, ослабляющие авторитет власти. Концовка не лучше: «Его превосходительство вице-король призывает всех лояльных людей содействовать правительству в сокрушении врага спокойствия Индии, воздерживаясь от любых поступков, какие могут дать подтверждение столь усердно распространяемым лживым россказням».

Не угодно ли? Пока писал, от ярости все внутри клокотало. Не нашлось ни одного офицера-«сомерсетца», кто бы отнесся иначе к этой недостойной бумаге.

У Дакки, 15 мая

Маленькая передышка. Только что закончилась баталия под Даккой. Пушки грохотали, пулеметы трещали, кое-где даже завязывались рукопашные схватки. Мы взяли верх, но противник закрепился поблизости; его еще придется выбивать.

Симла прислала некоего капитана О'Нила — описывать наш героический поход. Доверху пабит всякими знаниями. Рассказал о событиях в Пешаваре. Оказывается, там зрел заговор. Начальник афганской почтовой конторы рассылал листовки, призывая поддержать эмира. Наверно, своего бы добился — соседние племена и так уже подняли восстание! — но главный комиссар Северо-Западной провинции подполковник Рус-Кеппел был проворнее. 8 мая, когда полуденная жара загнала жителей по домам, колонны из Северо-Стаффордширского полка, драгун королевской гвардии и гуркхов двинулись к городским воротам. Сопровождавшая их конница охраняла орудия. Блестящая операция: за одиннадцать минут все ворота были заперты, еще сорок четыре минуты ушло на то, чтобы их забаррикадировать и установить около них охрану. Один час — и Пешавар полностью изолирован. Восхитительный пример целеустремленных действий! Затем Рус-Кеппел потребовал сдачи почтмейстера вместе с большевиками, агитаторами и подстрекателями, заявив, что до тех пор, пока этот смутьян не будет арестован, ворота останутся заперты, а снабжение города водой приостановлено. Хотя у дома почтмейстера со-

бралась толпа крикунов, его все же взяли под стражу, прихватив еще пару дюжин самых оголтелых смутьянов.

Рассказывал О'Нил интересно и поначалу мне понравился. Но вскоре мы схлестнулись.

— Надо быстрее брать Кабул,— говорю.

Он глянул зло и процедил:

— Слишком уж вы прытки. А сколько людей придется уложить?

— Так что же, отдать им Индию? — спрашиваю.

— Разве они на нее претендуют? И неужели нельзя договориться миром?

Я взвился:

— И с таким настроением писать о войне?! Содрать бы с вас военную форму и отправить сажать цветочки куда-нибудь в Белфаст.

Думал, он выйдет из себя. Нет, спокойненько так раскурил трубку, а потом и говорит:

— Экий вы пылкий, юноша. Лакхнау — место моего рождения. Люблю Индию. Вероятно, здесь и умру. Мой дед сложил голову под Кандагаром в первой войне, отец едва унес оттуда ноги во время второй, а мне невдомек, зачем затеяна третья. Пора бы унять. Но не беспокойтесь. Ваши беспримерные марши и неотразимые атаки будут описаны в лучшем виде.

— В чем же дело? — смягчился я.

Отвечает:

— Я человек настроения. Чтобы не скучать в поездке, захватил томик Редьярда Киплинга. Вот он, взгляните. Знаете такого писателя?

— Читал «Книгу джунглей». Да я и сам занимаюсь литературой: сочиняю дневник.

О'Нил почему-то улыбнулся:

— Восхитительно. Поздравляю. Однако нынче речь не о «Книге джунглей». У него и стихи есть. Да какие! Прочсть?

И начал, не дожидаясь ответа:

Стал Кабул у вод Кабула...

Саблю вон, трубы поход!..

Здесь ползвода утонуло,

Другу жизни стоил брод,

Брод, брод, брод через Кабул,

Брод через Кабул и темнота.

При разливе, при широком

эскадрону выйдут боком

Этот брод через Кабул и темнота.

Да, Кабул — плохое место...

Саблю вон, трубы поход!..

Здесь раскисли мы, как тесто,
 Многим жизни стоил брод,
     Брод, брод, брод через Кабул и темнота.
     Возле вех держитесь, братцы,
         с нами насмерть будут драться
     Гиблый брод через Кабул и темнота.
 Спит Кабул в пыли и зное...
 Саблю вон, труби поход!..
 Лучше б мне на дно речное,
 Чем ребятам... Чертов брод!
     Брод, брод, брод через Кабул,
     Брод через Кабул и темнота.
     Вязнут бутсы и копыта,
         Кони фыркают сердито —
 Вот вам брод через Кабул и темнота...

Капитан остановился, чтобы передохнуть, и я спросил:
 — Разве Киплинг был на той войне? Когда это написано?

— Нет, в операциях против Афганистана он не участвовал, а написано это тридцать лет назад, в девяностом году. Но слушайте дальше:

Нам занять Кабул велели,
 Саблю вон, труби поход!
 Но скажите: неужели
 Друга мне заменит брод,
     Брод, брод, брод через Кабул,
     Брод через Кабул и темнота.
     Плыть да плыть, не спать в могиле
         тем, которых загубили
     Чертов брод через Кабул и темнота.
 На черта Кабул нам нужен?
 Саблю вон, труби поход!
 Трудно жить без тех, с кем дружен,—
 Знал, что взять, проклятый брод.
     Брод, брод, брод через Кабул,
     Брод через Кабул и темнота.
     О господь, не дай споткнуться,
         Слишком просто захлебнуться
     Здесь, где брод через Кабул и темнота.
 Нас уведят из Кабула...
 Саблю вон, труби поход!..
 Сколько наших утонуло?
 Скольких жизней стоил брод?
     Брод, брод, брод через Кабул,
     Брод через Кабул и темнота.
     Обмелеют летом реки,
         Но не всплыть друзьям вовеки —
 Это знаем мы, и брод, и темнота ¹.

---

¹ Перевод с англ. А. Сепдыка.

Ничего не скажешь: здорово написано. Попросил дать переписать. Но полностью соглашаться с этим грамотеем не стал и добавил:

— Все же и в той войне были герои. Фельдмаршал Робертс Кандагарский, к примеру. Слыхали, конечно. Он и умер на фронте: приезжал смотреть войска во Франции в эту войну. Парни рассказывали — я тогда еще дома сидел. Простудился старик и умер. Боевая душа!

Видели бы вы, как перекошило капитана от одного имени лорда.

— Это вы о кровавом Бобсе?! Да ведь для него загубить сотню солдат или сжечь десяток селений, чтобы прославиться, было пустячным делом. Впрочем, что я вам толкую, и о нем лучше Киплинга не скажешь...

О'Нил перелистал несколько страниц:

— Вот. Прочту отрывки, а то мы и так потратили уйму времени:

Краснорожий чародей —
Крошка Бобс.
Только рослых лошадей
Любит Бобс.
Если конь лягнет, взбрыкнет,
Бобсу что? Во весь свой рот,
Сидя на кобыле, ржет —
Что за Бобс!
...Кто поправит передок —
О, наш Бобс;
Знает строй наш на зубок —
Тоже Бобс.
Да, глаза его — судьба,
Глотка — медная труба,
Бесполезна с ним борьба —
Это — Бобс!
Он слегка сегодня пьян —
Ну и Бобс!
Он погубит нас, болван, —
Так ведь, Бобс?
Жалобы сожмем в зубах,
Коль моча в его мозгах:
Прем вперед, а там наш крах —
Ангел Бобс.
...Бахадуру Бобсу слава —
Крошка Бобс, Бобс, Бобс!
Веллингтон он наш карманный —
Воин Бобс, Бобс, Бобс!
Хватит, больше простоты!
Тьфу-тьфу-тьфу — не с нами ты,
Рады мы до хрипоты —
Славься, Бобс!¹

---

¹ Перевод с англ. Э. Шустера.

— Н-да, расписали нашего фельдмаршала. Сам-то лорд Робертс был знаком с этим?

— Полагаю, да. Ну, ладно, лейтенант, почти час ушел на литературные беседы. Хватит! Излагайте героические дела «сомерсетцев»...

Послушал, почитал штабные документы и уехал. Обещал вернуться через неделю-другую. А я будто очнулся и подумал: какого дьявола! Справа река течет — Кабул, впереди — город Кабул. Другьями я пока еще не обзавелся, потонет там кто или нет — беда невелика. Надо наступать, и все тут!

Дакка, 18 мая

Заняли первый крупный пункт на пути к афганской столице. Позади две битвы в районе Бага. Кроме нашего полка в них участвовали 15-й сикхский, полки гуркхских и утрэмских стрелков. Очень помогли артиллеристы 8-й горной и 77-й гаубичной батарей. Но главную роль сыграл Королевский воздушный флот. Его 52-е крыло, расположившееся в Рисалпуре, пустило на Дакку свою 31-ю эскадрилью. Летчики рассказывали, что афганцы разбежались, словно тараканы, а некоторые застывали в недоумении, как статуи. Громадный аэроплан «Хэндли-Пейдж» проплыл с бомбами на Кабул.

Враг явно застигнут врасплох, хотя на этом направлении находится его главнокомандующий — Салех Мухаммад-хан. В Баге афганцы только окапывались, когда мы осыпали их снарядами и пулями. В конце концов пушки вынудили их отступить. Сначала к Дакке, а когда к нам подошли остальные бригады 1-й Пешаварской дивизии, они покинули город.

Успех дался не просто: за десять дней из строя выбыло 324 человека, 47 — навечно. Чертовы афганцы устроили настоящую охоту на английских офицеров: семерых убили, четырнадцать ранили...

Дакка, 21 мая

Закрепляемся. Строим лагерь. Не очень приятные вести: делийские политики так и не сумели обеспечить содействие или хотя бы нейтралитет пограничных племен. Среди шинвари, момандов, афридиев нарастает враждебность к нам. Уже не то что стреляют по фуражирам, чуть ли не на наших глазах формируют лашкар, вооруженное ополчение.

Эти настроения уже сказались на вспомогательных войсках. Их создавал подполковник Рус-Кеппел. А теперь он шлет панические телеграммы: «Хайберские стрелки дезертируют!» Начальник штаба бригады пожаловался, что еще в Джамруде из пятисот стрелков осталась в строю сотня, а в Ланди-Котале — столько же из другого отряда в семьсот бойцов. Да и этих двести пришлось отправить по домам.

— Почему? — спросил я.

Начальник штаба свирепо посмотрел на меня и рывкнул:

— Если трудно понять почему, то я объясню. Они и остались только для того, чтобы выкрасть винтовки, отобранные у них. И сбежать! Так уже было и у вазиристанских стрелков, и в момандской милиции, и у остальных вояк из туземцев. Что-то не желают они сражаться за нас со своими сородичами...

Немного остыл и добавил:

— Этот аппетитный винегрет под лондонским соусом придумал лорд Керзон. Большой мудрец! А мы тут давимся...

И полковник закрутил такое, что даже мне, хорошо знакомому с выражениями обитателей трущоб имперской столицы, стало завидно. Да что толковать об этих азиатах, когда и англичане поют. «Пора домой!» — только и слышишь среди солдат.

Лучшим ответом на неприятности был бы стремительный бросок вперед. На Кабул или хотя бы на Джелалабад. Подняло бы дух. Но мы почему-то застыли у Дакки. Укрепляемся...

Все та же Дакка, 23 мая

Нелегко уяснить: колоссальный численный перевес, подавляющее техническое превосходство, а мы топчемся на месте. Без конца приезжают высшие чины, что-то инспектируют и уезжают — вероятно, за орденами. Недавно на пятачке у Дакки появились сразу три бригадных генерала — «красавчик» Крокер, Болдуин и Дэвис. Для чего — не разобрать. А вчера я совсем опростоволохился. Объезжая лагерь, заговорил с высоким офицером. Высохшее лицо, помятая фуражка, ветхий плащ... Я слышал, что к нам должен был приехать лахорский епископ, и, прощаясь, брякнул: «До свидания, ваше преосвященство. Надеюсь скоро снова встретиться». А он отвечает ледяным тоном: «Возможно, и встретимся. Но я не епископ, я генерал-майор

Скин, командир Третьей бригады». Разумеется, я отдал честь и смылся.

Увы, скоропалительными генеральскими набегам войны не выиграть. До Джелалабада рукой подать — тридцать миль, уложились бы в пару дней, а командование и не чешется. Расположили лагерь невзвест где, на открытом месте, под постоянным огнем, несем потери, копаем, роем. Еды мало, хорошей воды еще меньше, жара внутри палаток достигает 117 градусов по Фаренгейту, т. е. более 60 градусов по Цельсию. Тепловых ударов не счесть. А тут еще миленькое известие: на севере Индии эпидемия холеры. Еще бы: жарко чертовски, напьешься даже болотной воды. Солдаты уже не просто ворчат — чествуют командиров на чем свет стоит. Достается и высшим властям, даже тем, в Лондоне. По-моему, заслуженно!

Дакка, 4 июня

Более оскорбительную для достоинства нации затею, чем эта война, трудно представить! 26—28 мая подготовили бросок на Джелалабад. Уже почти двинулись, а 29 мая приказ о наступлении отменили. Мое разочарование беспрельдно: уже видел себя у «кабульского брода». А вчера получили строжайшее предписание: никаких операций — огонь прекращен, перемирие.

Вот тебе раз! Ровно месяц глупейшей неразберихи, и никаких результатов. В чем дело — холера напугала? Восстание племен? Волнения в Индии?

Хорошо хоть, что мне успели под занавес присвоить чин капитана. Ничего, может, еще повоюем...

Прписка. Капитан Сомерсетского полка легкой пехоты Томас Блейк 11 июня 1919 года скончался в Дакке от холеры. Похоронен 13 июня 1919 года на военном кладбище Пешавара.

Старший писарь Сомерсетского полка легкой пехоты сержант Хокинс.

КРОВАВЫЙ СПИНБУЛДАК

Маленькая, уютная, тихая Кветта (или Шалкот, как ее называли местные жители — брагуи), вся в серебристых тополях, с журчащими ручьями и яркими клумбами, окружавшими комфортабельные бунгало в английском квартале, была взбудоражена. Давно уже в воздухе носилось

заповедное слово «поход». Теперь оно, кажется, стало наконец приобретать реальный смысл. Это выяснилось после того, как командир расквартированной в Кветте 4-й дивизии англо-индийской армии генерал Уопшээр распечатал срочную депешу из Главного штаба в Симле от 2 мая 1919 года.

Депешу ему доставили прямо в клуб. Генерал прервал очередную партию в бридж (благо она не сулила ему ничего хорошего) и, хотя уже наступил вечер, направился к себе в штаб и вызвал ближайших помощников.

— Итак, джентльмены, пробил наш час. Завтра, третьего мая, мы начинаем военные действия. Кабульскому правителю, потерявшему чувство реальности, будет преподан достойный урок...

Начальник штаба полковник Паркер, дивизионный квартирмейстер подполковник Смит и другие офицеры встретили долгожданную весть с ликованием.

— Нам выпала честь нанести удар с юга, — продолжал Уопшээр. — Мы должны в кратчайший срок провести операцию «Четыре К». Это значит пройти по маршруту Кветта — Кандагар — Калати-Гильзаи — Кабул. В Кветте на базе нашей дивизии формируется Белуджистанский вооруженный отряд. Иначе говоря, все возлагается на нас с вами, джентльмены. Итак, сэр, — обратился он к полковнику Паркеру, — потрудитесь доложить, с чем нам предстоит столкнуться.

Полковник взял со стола карандаш и подошел к висевшей на стене карте:

— Ближайший и главный объект, на который нацелена наша дивизия, а теперь Белуджистанский вооруженный отряд, — это Кандагар. Как известно, второй по величине и значению город Афганистана. Его гарнизон — кавалерийский полк и пять батальонов пехоты при двадцати пяти орудиях. Далее по дороге на Кабул — в Калати-Гильзаи — два батальона пехоты и шесть пушек, в Мукуре — батальон пехоты и два пулемета...

Дивизионный квартирмейстер, в чьем ведении находилась разведка, кивнул, подтверждая точность этих сведений.

— Наконец, Кабул... — Паркер попытался обвести карандашом афганскую столицу, но не смог до нее достать. — Численность его гарнизона предстоит уточнить. Оттуда можно ожидать вражеских подкреплений к Кандагару.

— Джентльмены, — усмехнулся генерал, — не сомневаюсь, мы сделаем все возможное, чтобы в ближайшем бу-

душем помочь нашему полковнику дотянуться до Кабула. Ну а теперь, Паркер, каковы наши силы?

— Мы уже сейчас можем двинуть на Кандагар два английских и девять туземных пехотных батальонов, четыре полка индийской кавалерии, батарею полевых орудий и две горные батареи, эскадрон пулеметного корпуса. К тому же в ближайшие дни должны прибыть подкрепления — батальон английской и четыре батальона туземной пехоты, два полка индийской кавалерии, две гаубичные батареи. Кроме того, ждем пионерный батальон и роту пулеметчиков...

— Неплохо! Таким образом, мы располагаем чуть ли не десятикратным превосходством. Не говоря уже о более совершенном техническом оснащении и организации армии. Но ведь и это еще не все?

— Конечно! — подхватил полковник. — На Кветту базируются войска долины Зхоб — туземный пехотный батальон в Харнаи, такой же пехотный батальон и кавалерийский полк в Лоралай и еще один батальон пехоты вместе с тысячью двумястами зхобских милиционеров в форте Сэндемман. Наконец, в нашем распоряжении имеется Восточно-Персидский кордон. А это почти два полка индийской кавалерии, три батальона туземной пехоты, да еще пионерный батальон...

— Ну, этих нам трогать не стоит, — возразил Уопшэр. — У них свои задачи. Что меня, откровенно говоря, серьезно беспокоит, так это афганские племена. Они могут выставить тысяч пятнадцать бойцов. Ударят во фланг или с тыла — и тогда никакая туземная милиция не устоит. Придется бросать против них регулярные части...

— Сэр, — вмешался подполковник Смит. — Подобный поворот событий учитывается. В селения афридиев, ачакзаев, шерани и какаров направлены верные люди с достаточным количеством золота. Мы рассчитываем, что они уговорят вождей племен и старшин воздержаться от выступления.

— А потом, — напомнил начальник оперативного отдела майор Ли, — в нашем резерве есть еще войска внутренней безопасности — туземный пехотный батальон и кавалерийский полк, горная батарея. И наша гордость — моторизованная пулеметная рота. Она хорошо знакома племенам. Мятежники улепетывают, едва завидят ее.

— Не забудьте и о нас! — пробасил человек, одетый во все кожаное и державшийся несколько особняком. — Аэропланы Королевского воздушного флота оказывают на

здешних людей не только военное, но и огромное психологическое воздействие. А их тут целых два.

На следующий день к железнодорожной станции потянулись пехотинцы и артиллеристы, прогарцевала конница. Некоторые части двигались по главной улице города — Литтон-роуд, переходившей в отличное шоссе. Солдаты шли мимо зданий и памятников, призванных возвеличить британское господство и тех англичан, которые утверждали его на землях афганцев и белуджей. Мимо Сэндеманохла со статуей сэра Хью Барнса, мимо библиотеки Сэндемана, музея Генри Мак-Магона. Войска проходили мимо Мемориального дворца короля Эдуарда VII на пересечении Глочестер-роуд и Фэйр-роуд. Вдохновляясь этими символами «героической истории и могущества Империи», они должны были получать дополнительный заряд бодрости и энергии, чтобы своими действиями еще более укрепить ее престиж, расширить сферы влияния и владычества.

Погрузка в вагоны вызвала немалую суматоху, но вот эшелоны покатили на север. Оставив позади железнодорожный узел Бостан и станцию Гулистан, они отсчитали шестьдесят семь миль и прибыли в Чаман. Конечный пункт. Рядом афганская граница. За ней, в восьмидесяти пяти милях, раскинулся Кандагар. Направленным на него пистолетом и был аванпост Британской империи — укрепленный пункт Нью-Чаман.

Древняя столица Афганистана почти рядом, рукой подать. Стоит лишь миновать Спинбулдак — несколько крохотных домиков, сады, огороженные глиняной стеной, и форт. И — все! Кандагар взят.

Ветераны и просто сведущие люди из английских и туземных полков и батальонов без конца рассказывали о несметных богатствах этого города. С упоением сообщали, как обогатились те, кто брал его восемьдесят лет назад — в первую войну с Афганистаном, или сорок лет назад — во вторую войну с ним. Небось кое-что поднакопилось и для них... Эту тему обсуждали одетые в хаки британские пехотинцы, входившие в состав Кентского и герцога Веллингтона полков, и гуркхские стрелки в темно-зеленой форме с алой или черной отделкой, пенджабские солдаты, облаченные в коричневые, отделанные голубым мундиры, и чалмоносные индийские всадники.

И только лица артиллеристов были мрачными, под стать их сероватой форме: они, как правило, добирались последними на ярмарку трофеев, когда все лучшее уже было растаскано...

Уопшэру и членам его штаба было не до грядущих трофеев. Им виделась операция, которой предстояло войти в историю военного искусства.

— По нашим данным, Абдул Куддус-хан окажется в Кандагаре с подкреплениями не ранее шестнадцатого мая, — докладывал полковник Паркер 14 мая на военном совете в Нью-Чамане. — Еще не меньше недели потребуется ему, чтобы укрепить позиции перед Спинбулдаком. Мы должны опередить его.

— Что за форт в Спинбулдаке? — спросил командир 11-й пехотной бригады генерал-майор Харди.

— Он расположен на южном склоне Спинбулдакского кряжа. Это прямоугольник со стенами высотой до тридцати футов и бастиянами по углам. Он помечен на ваших картах буквой Р. Кроме того, в его состав входят три башни — А, В и С. Глина. Сплошная глина. На такую цель даже жалко тратить снаряды. Численность гарнизона — около четырехсот солдат.

— На один зуб! — подал реплику подполковник Бутфлауэр из полка герцога Веллингтона. — А что там еще есть? Что рассказывают наши доблестные авиаторы?

Паркер нахмурился:

— Вчера в Кветте оба наших аэроплана столкнулись. К счастью, не в воздухе. Сейчас их срочно чинят. Поэтому воздушную разведку провести не удалось. Известно, однако, что кроме этого глиняного форта с башнями противник до самого Кандагара укреплениями не располагает... Кстати, я не успел сообщить: на подходе гаубичная батарея.

— Отлично! Огласите и раздайте приказ, — распорядился генерал Уопшэр.

Его штаб постарался. Операцию продумали до мельчайших подробностей. Решено было окружить район Спинбулдака. Для этого приказывалось сформировать две колонны, каждая из которых должна была включать пехотные и кавалерийские подразделения. На форт и башни намечалось обрушить огонь 18-фунтовых пушек, а главное — 4,5-дюймовых гаубиц Королевской полевой артиллерии.

Когда приказ был зачитан и передан участникам совета, раздался голос артиллерийского майора Харта:

— Все ясно и понятно. Но не кажется вам, джентльмены, что готовится искусно спланированная стрельба из орудий по воробьям?

— Что вы хотите этим сказать, майор? — резко повернулся к нему побагровевший Уопшэр.

— Да ведь и четверти выделенных войск достаточно,

чтобы стереть в порошок эти несчастные четыре сотни афганцев.

— Весьма прискорбно, майор, что вы не уловили основную идею операции, — зло сказал генерал. — Ей отводится не только военное, но и психологическое значение. И даже политическое! Мы должны молниеносно овладеть Спинбулдаком. Это нанесет афганцам моральный удар, повлечет за собой немедленную капитуляцию Кандагара и удержит племена от выступления против нас. Мы обязаны помнить, что в этой проклятой стране в любую минуту можно ожидать нападения не только спереди, но и сзади, сбоку, откуда угодно, дьявол поберет все эти племена!

...Иттимад эд-доуля, «надежда государства», Абдул Куддус-хан с двухтысячным отрядом сарбазов и соваров направился из столицы в Калати-Гильзаи и далее, к Кандагару, 5 мая, когда в районе Хайбера уже гремели выстрелы. Он стремился доказать, что достоин своего титула. Но годы подводили. Как-никак ему было уже под восемьдесят. Сардар еще крепко сидел в седле, его ладная фигура скрадывала возраст, и тем не менее... Что греха таить: лихо гарцевать, как он это делал лет тридцать пять назад, при эмире Абдуррахман-хане, даже мечтать не приходилось.

Он был вынужден все чаще назначать привалы. Стоянки затягивались, и уже вскоре после отъезда из Газни он понял, что к намеченному сроку им в Кандагар не поспеть. Абдул Куддус-хан долго ворочался на кошме во время почлега в деревушке Испанди. Яркие звезды заглядывали в оконца домика старшины, где он разместился, перемигивались между собой и, чудилось ему, насмешливо шептали: «Куда тебя понесло на старости лет? Сидел бы себе на месте... А уж коли взобрался на коня и двинулся в поход, то придумай что-нибудь полезное!»

Наутро, еще до завтрака, едва успев сотворить намаз, он отдал распоряжение адъютанту. Через несколько минут тот привел сарбаза. Поджарый и статный, он сжимал в руке сверкавшую полировкой новехонькую одиннадцатизарядную английскую винтовку.

— Садись, сынок. Слыхал, тебя Зираком зовут?

— Да, сардар. Зирак-хотак.

— Хотак, значит. Не из тех, что живут у Газни?

— Нет, сардар, я родом из-под Банну.

— Отчего же ты в Кабуле пошел ко мне в отряд, а не к Надир-хану? Ведь он движется как раз в район Банну.

— Сардар, я собрался не домой, а драться с инглизи.

Возле Кандагара с ними бился мой отец — Ахмад-хотак. Хочу идти его путем.

— Молодец! Настоящий афганец! А военное дело знаешь?

— Лет пять назад довелось завербоваться в армию инглизи. Служил в Белуджистанской пехоте. Хотя и небольшой, но боевой опыт имеется: воевал в Европе. Знаю язык инглизи, а их самих ненавижу!

Абдул Куддус-хан улыбнулся горячности, с какой это было сказано. Молодой хотак явно пришелся ему по душе.

— Я тебя приметил, еще когда мы выступали. Хочу поручить важное дело. Бери сотню всадников и как можно быстрее скачи к Спинбулдаку. Надо ободрить гарнизон и помочь наладить оборону. А там и мы подойдем. Понял?

— Да, сардар.

— Хейли хуб! Очень хорошо! Присваиваю тебе чин кефтана. Действуй без промедления, и да будет с тобой добрая воля Аллаха!

Адъютант записал отданные распоряжения, а уже через два часа мимо иттимад эд-доуля продефилировал отряд, составленный Зираком из добровольцев. Молодой офицер отобрал людей, имевших лучших лошадей и надежное оружие. Впрочем, тут особенно выбирать не приходилось: лишь у немногих были хорошие винтовки — английские, немецкие, русские, французские, да и то с небольшим запасом патронов. У остальных были старинные ружья.

Зирак хорошо помнил, какое гордое чувство вызывали у него рассказы отца о героической борьбе афганского народа против жестокой и наглой красномундирной саранчи, которая упорно лезла на его земли с юга, о майвандском разгроме. На коротких привалах он пользовался каждой свободной минутой, чтобы поделиться со своими воинами тем, что знал, поднять их боевой дух. Ему было радостно видеть, как оживлялись лица солдат, когда он рассказывал о военных успехах их отцов и дедов, как загорались гневом глаза, когда он описывал зверства захватчиков. За полдесяток лет вынужденных скитаний хотак выучился грамоте, увидел, как устроена жизнь в европейских странах, и лишь тогда по-настоящему понял, какой неисчислимый вред причинили афганцам действия инглизи, расчленивших единый народ, отрезавших его от остального мира, помешавших естественному, всестороннему развитию...

Не задержавшись в Кандагаре, кефтан прибыл со своим отрядом в Спинбулдак 20 мая. Наградой ему была ши-

рокая улыбка миджара Хасана, командира местного гарнизона. Он порывисто прижал Зирака к груди и сказал, что ждет нападения в любой момент.

— Инглизи гонят сюда войска ежедневно. Мы не боимся ни их пехоты, ни конницы. Встретим их как следует. Но вот пушки... У нас их вовсе нет.

— А нельзя ли их захватить? Ведь под Майвандом мы отбили часть вражеских пушек.

«Под Майвандом», «мы» — миджар не сразу сообразил, о чем идет речь, да и не мог он знать, что перед ним сын одного из героев знаменитого сражения. Вспомнив об этой битве, он мягко возразил:

— Тогда по-другому было. Инглизи сами себя перехитрили. Не ожидали, что армия Аюб-хана окажется сильной... Он задумался.

— Конечно, хорошо было бы сделать вылазку и овладеть орудиями. Только вот удастся ли? — миджар с сомнением покачал головой.

Они обошли форт и башни. Укрепления были подготовлены к обороне. У бойниц стрелки расположили подле себя запас патронов. «Миджар Хасан знает военное дело», — определил хотак. Однако и Зирак дал ему несколько советов, используя опыт своей службы у англичан. Офицеры с первой же встречи прониклись взаимной симпатией. Миджар поручил молодому кефтану руководить обороной башен.

— Нам надо помешать инглизи ворваться в Кандагар. Аллах видит, сил у нас для этого очень мало. Очень! — вздохнул он. — Ну хотя бы задержать их.

...Все началось 27 мая. На рассвете, в четыре тридцать, из Нью-Чамана двинулись две колонны. Они должны были обойти афганские укрепления слева и справа. К шести тридцати пехотинцы левой колонны развернулись на кандагарской дороге, примерно в двух километрах юго-западнее форта. Их командир генерал-майор Харди выслал вперед огромного усатого джемадара с белым флагом и двумя сопровождающими. Ему было поручено передать гарнизону предложение капитулировать. Когда джемадар приблизился к форту, над его головой засвистели пули. И хотя было ясно, что стреляют по верху голов, джемадар рухнул, словно подстреленный, и вместе со спутниками полз назад.

Наблюдавший за этой сценой в бинокль подполковник Боутфлауэр чертыхнулся. Он считал себя знатоком местных обычаев, а потому с апломбом заявил:

Кавалерийская часть англо-индийской армии. (Из книги
A. Swin son. North-West Frontier. L., 1967)

— Они же не подписали Женевской конвенции! Откуда им знать роль белого флага? Хорошо хоть, не вклеили этому усатому болвану пулю между глаз. Мулла с Кораном, да еще под зеленым знаменем — вот кого бы там еще выслушали.

Полковник Паркер, стоявший рядом, саркастически заметил:

— Вы полагаете, результат был бы иным? Я так думать не склонен.

К семи тридцати солдаты правой колонны обошли афганские укрепления с севера, взяв их в полукольцо. Британская артиллерия открыла огонь по форту и башням, а через час 4-й Кентский полк при поддержке 129-го Белуджистанского полка начал наступление. Слева повели атаку гуркхские и пенджабские стрелки. Подгоняемые офицерами, они рванулись вперед, но ноги вязли в песке, и, когда из форта была открыта прицельная стрельба и появились первые раненые, они залегли.

И вдруг откуда-то из-за Нью-Чамана вынырнула огромная жужжащая птица. Она летела невысоко. На сплетении составлявших ее причудливых перекадин был виден человек в шлеме и огромных очках, закрывавших лицо. Аэроплан направился к форту и совершил над ним круг, заставив афганских воинов оцепенеть от ужаса. От него отделился быстро увеличивавшийся в объеме предмет. Еще несколько мгновений, и среди пенджабских стрелков взметнулось ввысь кудрявое дерево. После того как осела вздыбленная взрывом земля, из-под нее вытащили трупы нескольких офицеров и рядовых, а санитары принялись перевязывать многочисленных раненых. С земли понеслись бешеные проклятия вслед гордо удалявшейся черной птице.

Ярости генерала Харди не было предела.

— Разве этому сукину сыну чинили его этажерку для того, чтоб швырять бомбы на своих?! — орал он, потрясая кулаками.

Зато защитники форта, оправившись от испуга, ликovali:

— Аллах на нашей стороне. Он заставляет англизид даже с неба истреблять друг друга!

Зирак разместил своих солдат по башням, а сам остался в средней из них. Его волновал недостаток патронов. Было ясно: противник приложит все усилия, чтобы отрезать Спинбулдак от Кандагара. Водой защитников форта обеспечивали подземные источники, продовольствия долж-

но было хватить надолго, а вот с боеприпасами дело обстояло неважно. Кефтан то и дело повторял своим: «Берегите заряды! Цельтесь точнее!» Впрочем, они и без него это знали.

Но больше всего Зирака беспокоила вражеская артиллерия. Он достаточно много времени провел в британских войсках и отлично понимал, что башенные стены не смогут долго противостоять крупнокалиберным снарядам, тогда как гаубицы навесным огнем с далекого расстояния попросту перебьют защитников укреплений. «Жаль, что не убедил миджара Хасана сделать попытку отбить орудия», — подумал он.

Тем временем канонада усилилась. Гулко ухали гаубицы. На более высоких тонах подавали голос пушки. Основной удар англичане пока наносили по форту, но уже стали пристреливаться и к башням. Под прикрытием орудийного огня к ним осторожно подбиралась вражеская пехота.

Зирак отвернулся от амбразуры, желая убедиться, насколько бойцы защищены от случайных осколков, когда громкий возглас привлек его внимание к тому, что происходило снаружи. Он выглянул. Из ворот форта вылетели несколько десятков (пожалуй, их было больше сотни) всадников и ринулись по направлению к Нью-Чаману, к артиллерийским позициям неприятеля. Даже сквозь плотную пелену пыли было видно, как сверкали на солнце их клинки. «Ай молодец, миджар Хасан! Бросил-таки конницу на англизи!»

Узкая бойница не позволяла толком рассмотреть, что происходило там, у форта. Хотак с трудом подавил желание взбежать на стену башни. Впрочем, он и без того понимал, что вылазка соваров застала врасплох британское войско. К сожалению, ненадолго. Кефтан опытным глазом уловил опасность, которую таил для них стоявший неподалеку от форта караван-сарай. Там засели гуркхи и пенджабцы, открывшие стрельбу по всадникам.

Дальше пошло еще хуже. Галопом примчался и на полном скаку развернулся эскадрон пулеметного корпуса. Тупорылые пулеметы обрушили на скачущих свинцовый ливень. Часть огня направлялась так, чтобы помешать соварам вернуться в форт.

Зирак с горечью осознал: атака сорвана. Он заметил, что уцелевшие от пулеметного обстрела всадники воспользовались замешательством британских кавалеристов, прорвались сквозь их строй и, никем не преследуемые, умча-

лись по кандагарской дороге. «Теперь,— подумал он,— всерьез примутся за нас».

И впрямь, грохот орудий усилился. Все более точными и губительными стали разрывы снарядов. Укрепления заволокла удушливая гарь. Все чаще до ушей Зирака стали доноситься стоны раненых, предсмертный хрип умирающих.

Кефтан ходил от одного воина к другому, стараясь подбодрить, воодушевить каждого. Становился рядом, целился в мелькавшие фигурки. Стрелял, перезаряжал винтовку и снова стрелял... Делал это почти машинально, чтобы заглушить страшную мысль: долго удерживать позиции под таким уничтожающим огнем невозможно. Но и отступить некуда. Что же делать? Сдаваться? Ни за что!

Вероятно, представление о безнадежности сопротивления овладело не только им. У отдаленной амбразуры рослый сарбаз истерически завопил:

— Здесь всех перебьют! Бросайте ружья! Бежать надо!

У кефтана перехватило дух. Он вскинул винтовку:

— Трус и предатель!

Выстрел прозвучал еле слышно. Цепляясь за стену, сарбаз медленно сполз на земляной пол. И в этот миг башня стала как-то неестественно крениться набок, все окутал мрак, затих нестерпимый дотоле шум: это неподалеку грохнулся снаряд, выпущенный гаубицей 1107-й батареи Королевской полевой артиллерии...

Хотак очнулся от контузии минут через двадцать. В ушах звенело, кружилась голова. Рядом с ним лежал раненый солдат.

— Плохи дела, кефтан,— промолвил он, с трудом шевеля губами.— Инглизи уже заняли остальные башни. Форт пока держится. Ну и мы...

Действительно, их башня еще сопротивлялась. В ней плавали клубы желтовато-серого порохового дыма, и казалось, десятки гигантских стальных молотов настойчиво колотили по всему живому, что в ней находилось. Но ее защитники продолжали стрелять, не давая приблизиться пехоте неприятеля.

Вдруг канонада прекратилась. Из-за стены донеслись какие-то крики. Было плохо слышно. После паузы крики повторились. Оглушенный контузией, Зирак не мог ничего разобрать.

— Кричат, чтобы мы сдались,— прошептал раненый.— На пушту. А теперь на фарси. Дураки, кто их здесь будет слушать!

— Ты прав, друг. На такие слова стоит ответить хорошим огнем. Передай всем: приготовиться к залпу!

Из последних сил он поднял руку и подал сигнал. Раздался нестройный залп. Крики снаружи стихли. Зато спустя несколько мгновений снова замолотила артиллерия. Орудия били долго: доблестные королевские войска не желали рисковать...

Во второй половине дня последние очаги сопротивления были подавлены. Бригадному генералу Гордону было поручено занять Спинбулдак. Он выслал трофейную и похоронную команды и следом за ними вместе с офицерами приданного ему штаба 57-й пехотной бригады начал обход захваченных укреплений. Собственно, осматривать было нечего. Полуразрушенные стены и тела, тела, тела... Тела мертвых и полуживых, завидовавших мертвым, израненных, искалеченных, испускавших последний вздох. Перепаханная снарядами земля стала багровой от пролитой крови.

...Вечером генерал Уопшэер изучал в Нью-Чамане сводку, подготовленную для Главного штаба в Симле.

— Почти шестьдесят человек убито и ранено! И это при нашей артиллерии! Хорошо хоть потери в основном в туземных частях... Но вот пять английских офицеров вышли из строя — двое навеки! Это уж никуда не годится.

— Скорее трое навеки, — мрачно заметил полковник Паркер. — К лейтенантам Холдену и Эмброзу можете добавить и Моррисона — не выживет.

— М-да, похоже, и капитан Стайлс не вернется в строй, — покачал головой Уопшэер. — Весьма печально... Что же мы получили? У афганцев сто семьдесят убитых. Примерно столько же вырвались из-под удара и сейчас уже пополнили кандагарский гарнизон. Почти такое же количество мы взяли в плен. Правда, многие из них не скоро встанут на ноги.

— Если встанут вообще и будут иметь ноги, — буркнул Паркер. Он считал долгом воспитанного человека отзывать на любую реплику начальника, даже обращенную в пространство. — А главное, сэр, мы овладели этим проклятым Спинбулдаком.

— Да-да, разумеется! Но далась нам эта операция гораздо труднее, чем можно было предположить, отняла больше сил и времени, чем намечалось, а приблизила к Кандагару всего на каких-нибудь шесть миль!

Он задумался:

— Знаете, Паркер, чего я боюсь? Как бы дурацкая стой-

кость этих дикарей в их глиняных укреплениях не всколыхнула окрестные племена. Ведь грохот наших пушек донесся до их ущелий, а это может стоить нам дорого...

На этот раз полковник не успел откликнуться. В комнату вошел подполковник Смит:

— Срочные телеграммы, сэр. Из Симлы и форта Сэндемман.

Уопшээр углубился в чтение, после чего с недовольным видом швырнул телеграммы на стол:

— Вы можете назвать меня старой вороной, Паркер, я не обижусь. Накаркал! Да еще как! Из Сэндеммана сообщают о сильнейшем возбуждении среди племен шерани, мусахель и какари. Там призывают к всеобщему выступлению против нас. А мудрецы из Симлы предписывают нечто не совсем понятное: никакого продвижения! Ни на Кандагар, ни еще куда-либо. То ли они уже осведомлены о настроениях племен, то ли мы чего-то не знаем. Так что, полковник, готовьте приказ закрепиться на достигнутых рубежах и выбросьте из головы честолюбивые мысли. Черт их всех побери — и Симлу, и племена, и Спинбулдак, и Кабул. Хочу домой, Паркер, в старый, добрый Лондон...

РЕШАЮЩИЙ УДАР

22 апреля 1919 года Мухаммад Надир-хан получил приказ эмира прикрыть юго-восточную границу от британского вторжения. В Афганистане хорошо знали (еще были живы очевидцы), что за сорок лет до того именно Куррамской долиной, через Пейвар-Котал, к столице провралась колонна генерала Робертса.

Конечно, бывший сипахсалар предпочел бы оказаться на главном направлении: Джелалабад — Пешавар. На худой конец — в Кандагаре. Все-таки второй город страны... Если вспыхнет война, то с помощью Аллаха оттуда можно нанести удар в район Кветты и двинуться дальше, к Инду. Однако Надир-хан понимал, что и это назначение — милость судьбы. Ведь совсем недавно, неосмотрительно подержав притязания Насруллы-хана, он попал под арест и лишился поста главнокомандующего. Генерал знал вспыльчивый характер своего дальнего родственника — Амануллы-хана: опала могла стать окончательной. Поэтому выполнить приказ надо было любой ценой.

Между тем положение было непростым: под его началом находилось очень мало войск, да и достоверными све-

дениями о противнике он не располагал. С чего начать? На кого опереться? И Надир-хан решил обратиться за помощью к братьям.

...Семья сардара Мухаммада Юсуф-хана, правнука основателя правящей Мухаммадзайской династии Паинда-хана, была известна под наименованием «мусахибанской». Она вела линию от правителей Пешаварского владения, в 30-х годах прошлого века отторгнутого от Афганистана «львом Пенджаба» — одноглазым махараджей Ранджит Сингхом. Суровый эмир Абдуррахман-хан изгнал из Кабула «мусахибан», как и многие другие знатные семьи. Мухаммад Юсуф-хан поселился в индийском городке Дехра-дун и вернулся на родину только после его смерти.

Сардар ничем не выделялся — славился он лишь сыновьями. И родившийся в 1883 году Надир-хан, и его братья — Хашим-хан, Шах Махмуд-хан, Азиз-хан, Шах Вали-хан, Ахмад Шах-хан и Али-хан — были честолюбивы и напористы. Они получили неплохое образование, и Хабибулла-хан предоставил им высокие посты в административном аппарате и в армии. Политический промах — ориентация на наиб ас-салтана — стал причиной опалы. Положение пришлось завоевывать заново.

Наибольшим авторитетом среди «мусахибан» пользовался Мухаммад Надир-хан. Братья дружно откликнулись на его зов, собравшись в отцовском особняке. Род деятельности отразился не только на их одежде — это было естественно, но даже на физическом облике. Затянутые в мундиры Надир-хан, бывший сарсароус, начальник эмирских телохранителей, командир гвардейской кавалерии Шах Махмуд-хан, гвардейский полковник Али-хан своими резкими, даже грубыми (как у Шах Махмуд-хана) чертами лица резко отличались от одетых в штатское Азиз-хана, бывшего ишик-агаси — министра двора, занимавшегося внешнеполитическими вопросами, Шах Вали-хана, состоявшего на дипломатической службе, и Хашим-хана, занимавшего при Хабибулле-хане ответственный пост в Гератской провинции.

— Обстановка такова, что нам надо твердо и решительно заявить о себе, — без предисловий начал Мухаммад Надир-хан, останавливая тяжелый взгляд поочередно на каждом из братьев.

— Все ясно. Что надо делать? — откликнулся Азиз-хан.

— У меня ферман эмира. Приказано ехать в Южную провинцию собирать войска. Одному мне не справиться.

Поэтому вместе со мной отправятся Шах Махмуд-хан и Шах Вали-хан. Главная задача Азиз-хана и Хашим-хана иная: постарайтесь стать нужными... Нет, не нужными — необходимыми Аманулле-хану. Он намерен развивать связи с другими государствами. А для этого понадобятся дипломаты. Будьте поближе к эмиру.

— Там уже есть Махмуд Тарзи, — пробурчал Хашим-хан. — Ближе некуда!

— Все равно используйте любую возможность. Всякое бывает. Джелалабад показал, что колеса вертятся в разные стороны!

...24 апреля 1919 года Мухаммад Надир-хан с двумя братьями и в сопровождении пятидесяти всадников направился на юг. Прodelав семидесятимильный путь по плодородной Логарской долине, на третий день они прибыли в Гардез, центр Южной провинции. Значение этого маленького городка определялось не числом жителей — 15 тысяч человек, а стратегическим положением. Приткнувшийся к лесистым холмам и предгорьям, он находился почти на одинаковом расстоянии и от столицы, и от лежащего западнее Газни на магистрали Кабул — Кандагар, и от расположенных к югу селения Ургун и города Хост, откуда можно было делать набеги на британские владения. Кроме того, отсюда вела дорога в земли воинственного племени джаджи.

Высокородному вельможе и его сиятельным братьям губернатор Гардеза Муса-хан предоставил дом с тенистым садом.

Вечером слуга доложил Надир-хану о посетителе:

— Пожилой. Одет просто. Добивается встречи с сипах-саларом. Зачем — не говорит. Очень нужно, говорит!

Сардар пожал плечами: пусть войдет! Через несколько минут порог переступил сухощавый горбоносый человек с усталым худым лицом, лет пятидесяти, среднего роста, в обычной афганской одежде — темной безрукавке и светлой холщовой рубашке, заправленной в такие же шальвары. Внимательно посмотрев на Надир-хана, он с достоинством поклонился и представился:

— Меня зовут Гафур, сардар. Мне известна цель вашего приезда. Я буду счастлив помочь вам.

— Чем же ты в состоянии мне помочь? — падменно спросил Надир-хан. — Нужны воины. Желательно помоложе. Однако ты, наверно, даже не знаешь, с какого конца пушка стреляет.

— Сардар прав: я мирный человек, достаточно пожил

на свете, но чувствую себя молодым воином, когда родине грозит опасность.

Хотя неожиданный посетитель говорил тихо, Надир-хан почувствовал внутреннюю силу этого человека.

Махнув рукой, словно отгоняя нахлынувшие воспоминания, Гафур чуть слышно добавил:

— Рев пушек мне знаком со времен Майвандской битвы, сардар. По малолетству не довелось самому сражаться, но там находится могила моего отца, корнейля Файз Мухаммада...

Не склонный к сентиментальности, Надир-хан почувствовал неловкость.

— Какого же содействия можно ожидать? — он выразился неопределенно, еще не решив, как ему титуловать гостя.

— Многие годы я ходил с караванами повинда, сардар. Знаю здесь все дороги и тропы. Даже такие, каких нет на карте. По обе стороны границы у меня много друзей. Думаю, что я вам пригожусь.

У Надир-хана заблестели глаза: да этот человек — сущий клад! Он явно заслуживает уважительного отношения. Но не сразу, не сразу! Сипахсалар кивнул гостю:

— Хорошо! Жду завтра утром.

...Противоречивые чувства владели Гафуром, когда он вернулся в караван-сарай. Разумеется, он был счастлив. Наконец-то представлялась возможность послужить своему народу. Но отношение Надир-хана его разочаровало. Конечно, он не ожидал проявления особой сердечности к случайному знакомому со стороны известного своим высокомерием сардара. И все же его могли бы принять с большей теплотой. Не играют ли на руку врагам спесь афганской знати и ее неуважительное отношение к простым людям?

Ну да ладно! Ведь он будет служить родине, а не напыщенному вельможе.

Когда на следующее утро Гафур вошел в кабинет Надир-хана, там уже сидели все три брата и губернатор. В углу за маленьким столиком примостился писец.

— Наш фронт центральный, — начал совещание Надир-хан. — Однако численность войск невелика: два кавалерийских полка, четырнадцать батальонов пехоты и сорок восемь орудий в большинстве своем устаревших систем. Противник располагает...

Надир-хан заглянул в лежавшую перед ним папку:

— У противника четыре пехотные бригады — это две-

надцать батальонов — и три полка конницы. Так что силы примерно равны. А вот обучение, вооружение, организация, подготовка — в этом мы далеко отстаем от англичан. Об артиллерии и пулеметах и говорить нечего: у англичан три горные и три моторизованные артиллерийские батареи и пулеметная рота. Кроме своей пехоты у них до десяти тысяч бойцов в составе иррегулярных формирований — Куррамская, Северо- и Южновазиристанская милиция. Их базы в Кохате, Банну, Дераджате забиты амуницией, патронами, снарядами, тогда как наши запасы очень скудны...

Надир-хан подошел к висевшей на стене карте и показал названные им районы.

— А главное — за этими силами гарнизоны Равалпинди, Лахора, Мултана. Проклятые англичане везде построили железнодорожные линии, что позволяет им в случае необходимости быстро перебрасывать подкрепления почти к самой границе...

— Кажется, на железной дороге волнения, забастовки, — не очень уверенно вставил Шах Вали.

— Так-то оно так. Однако строить на этом расчеты нельзя. Мы должны поскорее подтянуть сюда все, чем располагаем. Закрывать горные перевалы и проходы. Особенно Пейвар-Котал. Тогда противник не прорвется к нам, — заключил Надир-хан.

— Если сардар позволит... — поднялся Гафур. — Надеюсь, меня, невоенного, простят, если я скажу что-нибудь не то или не так. Войск у нас и в самом деле маловато. Но, сардары, странствуя среди наших братьев и здесь и на востоке, я убедился: нескольких искр достаточно, чтобы разжечь пламя. Попробуем его разжечь! Надо поднять народ.

Он подошел к карте:

— Топографы инглизи не обозначили многие тропы. Убежден, что они и не подозревают об их существовании. А по ним можно отправить людей к племенам Вазиристана. Если войны этих племен отвлекут внимание врага, перенесем войну на его территорию... Инглизи окажутся под двойным ударом.

Надир-хан на мгновение задумался. План выглядел заманчиво. Даже в случае неудачи он не грозил поражением. А если удача? Тогда он — победитель!

— Да, достопочтенный Гафур правильно уловил наши мысли и намерения. Именно так мы и поступим.

И он стал отдавать приказы:

— Высокочтимый Муса-хан, объявите о наборе ополчения и создайте в Гардезе достаточные запасы продовольствия! Пришлите сюда сорок выносливых и надежных мужчин. Отправим их к старшинам родов и вождям племен Южной провинции. Созывается джирга. Вали-шах, займись вместе с Гафуром подготовкой воззваний к зарубежным афганцам. Шах Махмуд, распорядись о переброске сюда артиллерии из Газни!..

Вскоре отобранные люди на лошадях, мулах, ослах, а кто и пешком двинулись в путь. Если предполагался переход границы, гонца напутствовал Гафур. Ему, казалось, были ведомы не только места обитания, но и обычаи самого мелкого рода и даже привычки многих его членов: он детально объяснял посланцу, какую следует выбрать дорогу и как себя вести среди ахмадзаев или джаджи, мангалов или вазиров, тутахель, джадранов и прочих пуштунских племен.

Непростое дело! Большинство племен исповедовало суннитский толк ислама. Были и шииты. Недружелюбные отношения между ними нередко перерастали в вооруженные столкновения. Племена, причислявшие себя к «белым» — спингунд, постоянно враждовали с «черными» — торгунд. Наконец, между отдельными семьями, а то и между целыми родами и даже племенами подчас разгорались распри из-за земельной собственности или кровной мести.

В воззваниях к вождям, старшинам, главам родов содержался призыв забыть вражду ради общего дела — поддержки борющегося за свободу афганского народа. «Можете прислать воинов — шлите! Можете нанести удар вековому недругу там, где живете, — не теряйте времени! Все на священную войну!» И в любой из бумаг, покрытых тугой вязью строк на пушту или дари, обязательно содержалось несколько слов личного порядка, уважительно адресованных Гафуром лицу, для которого она предназначалась.

Около трех недель прошло в напряженных трудах. До Гардеза доносились вести о начавшихся столкновениях на дороге Пешавар — Дакка, о продвижении британских войск в район Спинбулдака. Здесь же, в Южной провинции, созывались джирги племен. К собравшимся обращался Мухаммад Надир-хан, кто-нибудь из его братьев или Гафур. И не было случая, чтобы среди участников джирги, усевшихся по обычаю на земле в кружок, не нашлось людей, чьи семьи не потеряли бы близких в схватках с инглизи.

Обычно после таких собраний старшины родов обязывались прекратить губительные междоусобицы и группа воинов с полным снаряжением следовала в Гардез. Вскоре туда же подошел из Кабула полк регулярной армии, а из Газни — гаубицы и пушки. К великой радости патриотов, среди них оказались два новехоньких стомиллиметровых крупновских орудия — их доставили слоны. Эти умные, добродушные гиганты привели Гафура в восторг. Он долго осматривал их, шлепал по могучим бокам, что-то обсуждал с махаутами-проводниками.

12 мая перед Гардезской крепостью собралась Большая джирга. Рано утром, когда солнце еще не успело выкатиться на сверкавшее синевой безоблачное небо, на площади выстроились рядом с пришедшим из Кабула военным отрядом племенные ополчения во главе со своими вождями. Сбоку толпились горожане. Знамена и значки племен колыхались от порывов ветра, долетавшего с гор; барабанщики отбивали тревожную дробь.

И вот вороной конь вынес из крепости Надир-хана. Его сопровождали Шах Махмуд-хан, Вали Шах-хан и другие члены штаба. Тихий городок впервые стал свидетелем столь пышной церемонии. Надир-хан объехал войска и поднялся на сколоченную наспех трибуну.

— Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! — летели над площадью его слова. — Приветствую вас, братья! Перед нами — святая цель. Настала пора сделать Афганистан свободным, с помощью Аллаха нанесем англичанам удар.

Площадь огласилась воинственными криками.

15 мая Гардез опустел. Надир-хан разделил свою маленькую армию на три группы. Север Южной провинции, где жило племя джаджи, он поручил Шах Махмуд-хану, велел бдительно охранять перевал Пейвар-Котал. На южном участке с базой в селении Ургун обосновался Шах Вали-хан. Там, близ Вазиристана, ожидалось выступление вазиров. Сам командующий устроил штаб в Матуне, посреди области Хост. Неподалеку, на той стороне границы, — форт и селение Тал, конечный пункт железной дороги, один из главных опорных пунктов противника в этих краях.

Перед тем как разъехаться по участкам, Гафур предложил написать воззвание к вражеским солдатам.

— К англичанам? — вытаращил глаза Шах Махмуд-хан.

— Зачем? — мягко улыбнулся Гафур. — К афганским милиционерам! Вазиристанским, куррамским, точийским,

момандским... Ведь не от хорошей жизни наши люди пошли служить в эти войска. Уж я-то знаю. А честь и достоинство афганцы всегда ставили выше интересов желудка.

— Он правильно говорит! — воскликнул Надир-хан и тут же поймал себя на том, что как-то незаметно попал под влияние этого внешне ничем не примечательного человека.

На северных рубежах, в Матуне и Ургуне, было то же, что и в Гардезе, — страстный накал джирги, десятки возбужденных людей, приходивших со своим оружием и узелками со скудной едой. Формировались новые отряды, уточнялись маршруты их движения.

Из-за рубежа поступали сведения, что англичане тоже готовятся — подтягивают резервы, пополняют запасы патронов и снарядов.

Посланцы Надир-хана возвращались с радостными вестями: кроме двух мелких родов, занявших выжидательную позицию, все восточноафганские племена заверили, что ждут лишь сигнала к выступлению.

А двое гонцов, добравшихся чуть ли не до самого Пешавара, приволокли кожаную сумку, набитую какими-то документами.

— От почтмейстера тайком переслали! — доложил один из них, вытянувшись перед Надир-ханом.

— Какого почтмейстера? — удивился тот.

— Нашего. Сидит в Пешаваре под арестом. Важные бумаги!

Генерал поручил разобраться во всем этом Гафуру. Ничего ценного Гафур не обнаружил, но три документа его заинтересовали. Он тут же явился к командующему. На его лице, обычно печальном, появилась широкая улыбка.

— Что-нибудь смешное найдено?

— Как сказать, сардар. Впрочем, судите сами. Вот копия телеграммы вице-короля главному комиссару Северо-Западной пограничной провинции: лорд Челмсфорд велит Рус-Кеппелу не жалеть денег, лишь бы помешать выступлению племен на нашей стороне. Ну а Рус-Кеппел, сидящий здесь больше десяти лет, прекрасно знает обстановку и не ждет ничего хорошего. Да лучше я прочту вам, что он пишет: «Положение в Северной Индии представляет величайшую опасность. Большая часть народа ненавидит нас с такой силой, что будет приветствовать даже завоевание, если увидит в этом возможность отделаться от нас!» Разве такие строки не порадуют ваше сердце, сардар?

— Да, любопытно, любопытно. Ну, а что еще?

— Увы, новость, вызывающая негодование. Мухаммад Якуб-хан предлагает англизии услуги — свои и сыновей — в войне против родины и собственного народа.

— Якуб-хан? Бывший эмир, устранившийся англичанами от власти?

— Тот самый! Сорок лет назад он уже предал свою страну, подписав в Гандамаке позорный договор. Тот самый эмир, чье войско покинул мой отец, чтобы поехать к Аюб-хану в Герат и продолжать борьбу за свободу.

...Все началось на южном участке. Афганские воины пересекли афгано-индийскую границу. Получив известие о приближении отряда Шах Вали-хана, 150 бойцов Северовазиристанской милиции перешли к нему, а южно-вазиристанские милиционеры захватили форт в британском опорном пункте Вана, убив шесть английских офицеров. К ним присоединились остальные милиционеры. Комендант Вана майор Рассел с уцелевшими соотечественниками бежал без оглядки. Он считал себя в безопасности только после того, как оставил за спиной шестьдесят миль, переправился через реку Гомал и очутился на территории Белуджистана.

Генерал Юстес, командующий британскими войсками в этом районе, отозвал гарнизоны мелких укреплений, чтобы уберечь их от истребления. Он собирал в кулак разрозненные воинские части, ожидая удара Надир-хана. Его беспокоило прежде всего то, что с 13 мая он не получал сведений о главных афганских силах. Наряду с прочими английскими военачальниками и политическими агентами в пограничных районах генерал Юстес получил через Рус-Кеппела указание вице-короля не жалеть денег для подкупа глав племен.

Пожалуй, один только казначей индийской финансовой службы знал, сколько золота ушло на поддержание межплеменных распрей, оплату нужных людей, а особенно на сбор полезных сведений. Британские штабы осаждались десятками живописных личностей, надеявшихся обменять на звонкую монету сомнительную информацию. Ее терпеливо просеивали опытные разведчики. Но вот уже несколько дней творилось что-то непонятное. Не то что рупии, но и шиллинги и даже фунты некому было предложить! Даже за любую чушь. Никого не соблазняли английские щедроты.

Куда, дьявол побери, подевались эти проклятые афганцы?

23 мая основные силы Надир-хана выступили в поход. Их целью был форт Тал — один из важнейших британских опорных пунктов в Вазиристане. От Матуна его отделяло всего тридцать миль. Однако путь до Тала был труден, ибо приходилось пробираться по гористой местности, заросшей густым лесом и колючим кустарником. В отряде было три тысячи пехотинцев и примерно столько же кавалеристов в составе лашкаров — ополчений племен. Слоны тащили артиллерийские орудия — две 100-миллиметровые крупновские гаубицы и семь 75-миллиметровых горных пушек.

Впереди отряда шли разведчики. Вел их Гафур. За ним следовал тенью телохранитель командующего Камол, имевший особые инструкции...

Появление афганского отряда в Вазиристане всколыхнуло все население этого горного края. Антибританское движение захлестнуло и долину Гумала, перекинувшись затем в районы расселения какаров. В течение нескольких дней большинство английских фортов Нижней Точи — Суркамар, Каджу, Иша, Шинкай — перешли под контроль вазиров. Английское командование растерялось. Лишь 24 мая направило оно в долину реки Куррам 4-й батальон 39-го Королевского Гарвалийского стрелкового полка, роту 1-го батальона 51-го Сикхского полка пограничных сил, две роты 2-го батальона 10-го Джатского полка, взвод 33-й батареи, гаубичный взвод и эскадрон 31-го имени герцога Коннаутского уланского полка во главе с полковником Элвудом, командиром полка. Эта переброска запоздала и пользы не принесла. 25 мая англичане начали отход из Гумала. Британский сводный отряд, отступая к форту Сэндеман, очистил территорию глубиной шестьдесят миль и потерял в боях убитыми пять и ранеными двух офицеров. Почти все туземные солдаты дезертировали.

Однако больше всего генерала Юстеса тревожил отряд Надир-хана. Отряд растворился, исчез где-то в отрогах Сулеймановых гор. Где он, черт возьми?! Куда намеревается Надир-хан нанести удар? По Талу? По форту Мираншах в долине реки Точи? По центру округа — Банну? Генерал нервничал, отдавал и отменял приказы, и 33-я горная батарея то покидала Банну, выдвигаясь на северо-запад, то возвращалась в его пригороды. Не менее непонятные маневры совершали стрелки 10-го полка джатов, уланы 31-го полка и другие части гарнизона Банну.

Афганское войско тем временем продвигалось вперед. Надир-хана поражало чутье Гафура: тот легко ориенти-

ровался — даже в темноте — в путанице троп, ущелий, зарослей. Невозмутимо топали слоны, будто подобные прогудки выпадали на их долю ежедневно.

К утру 27 мая было пройдено двадцать семь миль. Отряды афганцев вынырнули из леса в трех милях юго-западнее Тала. Свой командный пункт Надир-хан устроил в небольшом укреплении Юсуфхель. Почти сразу же с обеих сторон загревели орудия.

Надир-хан склонился над планом форта. Его плеча коснулся Гафур:

— Сардар, я вывел войско куда следовало. Можете отозвать Камола. Ни в охране, ни в надзоре уже нет надобности.

Генерал поднял брови, изображая недоумение:

— Что за вздор! Это была лишь забота о безопасности.

— Благодарю! Но жизнь приучила меня самого заботиться о себе. Прощайте, сардар!

— Как! Куда? Я желал наградить. Выразить признательность перед строем...

Только теперь Гафур понял, почему он всегда испытывал какую-то неловкость, разговаривая с Надир-ханом: в речи генерала отсутствовали обращения. Говорить «ты» он считал неудобным, а обращаться на «вы» к человеку низкого происхождения не желал.

— Обойдусь без наград, — усмехнулся Гафур. — Я служил не вам, а родине. Свою задачу я выполнил. Может быть, еще где-нибудь понадобится. Среди солдат, например. Если сардар не возражает... Желаю успехов! — он поклонился и закрыл за собой дверь.

Артиллерийская дуэль развивалась к явной невыгоде англичан. Крупновские орудия превосходили их пушки не только калибром, но и скорострельностью, а меткость афганских канониров была выше всех похвал. Под прикрытием артиллерийского огня сарбазы все ближе подходили к Талу.

Пытаясь переломить ход сражения, генерал Юстес применил авиацию. Далеко за крепостью, в белесой вышине, показались две точки. Они приближались, увеличиваясь в объеме, и вскоре над застывшими от изумления воинами Надир-хана, а затем и над их артиллерией величаво проплыли аэропланы. Внизу раздалось несколько оглушительных взрывов, но, когда они улетели, выяснилось, что бомбардировка имела скорее психологический, чем реальный, эффект: три человека были легко ранены.

Оправившись от испуга, пехотинцы рванулись вперед

и захватили селение Тал. Теперь от форта их отделяла какая-нибудь тысяча шагов. Преодолеть их, однако, мешала ожесточенная пулеметная и ружейная стрельба, хотя и заметно ослабевшая под огнем афганских орудий.

Ночь прошла, озаряемая пожаром: в форте горели казармы. Утром снаряды подожгли там склады горючего и повредили радиостанцию, которая уже целые сутки слала в эфир радиogramмы о критическом положении защитников Тала. Первая из них обошла в Симле все отделы Главного штаба. Испещрившие ее пометы выражали озадаченность, гнев или порицание — в зависимости от сферы деятельности и ранга читавшего. «Афганское войско, — гласил документ, — внезапно вышло к Талу с тяжелой артиллерией, преодолев неведомые нам горные тропы. Картографическая служба проявила полную некомпетентность. Разведывательная — также. Трудно в полной мере учесть результаты этого успеха противника».

Да, для британских властей это был неожиданный удар. Но дело обстояло куда серьезнее, чем думали защитники Тала. Огонь восстания бушевал уже во всем Вазиристане, пламя народного гнева охватило Полосу независимых племен, грозило перекинуться и в Северо-Западную пограничную провинцию.

Ни о каком наступлении на Джелалабад, а тем более на Кабул нечего было и думать. Неожиданный прорыв афганской армии и ополчений племен через Сулеймановы горы поставил на грань краха всю систему британских опорных пунктов на северо-западе Индии. Куррам и Торгай, Спинвам и Мираншах капитулировали перед афганцами. Отрезанный от источников водоснабжения, Тал находился накануне падения.

Чтобы отстоять форт, британское командование срочно перебросило в этот район воинские части, поднятые по тревоге в Лахоре и Пешаваре, Агре и Фирузпуре, Амбале и Равалпинди.

Кого тут только не было! Отдельные роты догров и гуркхов, пенджабцев и белуджей, а главное — английских полков: Хэмпширского, Сассекского и Лондонского. Вообще говоря, при одном упоминании о «славном Лондонском полке» у британских штабистов начинался нервный тик. Его не без оснований считали самым «знаменитым» среди воинских частей империи. Составленный из добровольцев — клерков, бухгалтеров и других «белых воротничков» Лондона, он был отправлен во время Большой войны в Индию, чтобы сменить ушедшие на фронт кадро-

вые части. «Лондонцы» проклинали дурацкий патриотизм, толкнувший их в добровольцы, настойчиво доказывали, что боевые действия в Европе давно закончились, требовали немедленной отправки домой.

В спешном порядке Главный штаб сформировал «силы освобождения Тала». Командовать ими было поручено бригадному генералу Реджинальду Дайеру, который сменил не стяжавшего лавров Юстеса. Кровавой беспощадностью, проявленной в Амритсаре, Дайер завоевал признание у высокого начальства. Молва о мощности артиллерии Надир-хана, неведомо как очутившегося под стенами Тала, разнеслась далеко, поэтому Дайер прежде всего позаботился о пушках. Он приказал снять с бетонных оснований и погрузить на железнодорожные платформы четыре огромных крепостных орудия Кохатского форта.

К рассвету 1 июня сводный отряд Дайера вышел к осажденному Талу. Однако 3 июня стороны договорились о перемирии, и Надир-хан отступил к границе. Дайеру между тем было крайне желательно укрепить свои позиции в глазах начальства. Ему угрожали неприятности: амритсарское побоище вызвало такое возмущение в мире, что даже одобрявшее действия Дайера королевское правительство было вынуждено назначить следствие. Поэтому, когда афганцы Надир-хана отошли, он бросил свое войско на селение вазиров к югу от Тала. Сражаться было несложно: все мужчины, способные носить оружие, ушли в ополчение. Боевой опыт Амритсара позволил Дайеру быстро расправиться с женщинами, детьми и стариками. Затем он сжег жилища и уничтожил посевы. Отныне он мог похвастаться самой крупной, но, к несчастью для англичан, единственной победой вооруженных сил Британской империи на Центральном фронте в третьей войне против Афганистана.

* * *

Штаб-квартиру Надир-хана в Хосте украсили национальные флаги. В тенистом палисаднике оркестр играл марши, гимны, песни. Музыканты старались вовсю. Надир-хан вызвал к себе Шах Махмуд-хана и Шах Вали-хана: ожидался приезд какого-то важного представителя эмира Амануллы-хана. Цель прибытия держалась в секрете, но она легко поддавалась разгадке: блистательная победа, фактически повлиявшая на весь ход войны, заслуживала награды...

Увидев в окно скачущего к дому всадника, командующий оставил братьев и перешел в кабинет: он узнал Камола. Спешившись и привязав коня, тот переступил порог комнаты, плотно закрыл за собой дверь и низко поклонился:

— Исполнено, сардар! Герой мертв...

— Какой герой? — выразил недоумение Мухаммад Надир-хан, хотя прекрасно знал, о ком шла речь.

— Гафур.

Привычным жестом военачальник провел руками по лицу и прошептал традиционную формулу:

— Бисмилла ар-рахман ар-рахим!..

В Хост медленно въехал открытый автомобиль. За ним скакал небольшой конный отряд. Подбежавший слуга открыл дверцу машины, и оттуда вылез необъятных размеров толстяк, покрытый густым слоем пыли. Братья поспешили навстречу. Это был министр юстиции Мухаммад Ибрагим-хан. Последовали традиционные троекратные объятия.

Пока министр отдыхал с дороги и утолял аппетит, на площади собрались хостинцы, участвовавшие в недавних столкновениях с врагом лашкары племен, совары и сарбазы регулярной армии со своими командирами.

Тяжело отдуваясь после сытного завтрака, на площади появился Мухаммад Ибрагим-хан с папкой в руках. Его сопровождали Надир-хан, Шах Махмуд-хан, Шах Вали-хан и секретарь.

— Братья! — обратился министр к собравшимся. При весьма плотной комплекции Мухаммада Ибрагим-хана голос его неожиданно оказался высоким. — Его величество эмир — да продлит Аллах его дни! — поручил мне чрезвычайно приятное дело: воздать должное нашим славным полководцам...

Секретарь услужливо протянул раскрытую папку. Мухаммад Ибрагим-хан взял оттуда несколько больших листов бумаги:

— Воздать должное, как я уже сказал, нашим храбрым военачальникам. И прежде всего гордости народа, известному воинской доблестью Мухаммаду Надир-хану. Мы в Кабуле поражались мудрости, с какой он перехитрил англичан и, выступив из столицы с маленьким отрядом, создал надежную армию, скрытно вывел ее к уязвимым местам врага и нанес ему тяжелый удар. Вот указ его величества эмира. В нем выражаются высочайшая милость и глубокая похвала командующему Центральным фрон-

том генералу Мухаммаду Надир-хану. Я вручаю его моему дорогому другу и передаю от его величества эмира сердечные пожелания новых успехов.

Вернувшись в дом, занимаемый Надир-ханом, Ибрагим-хан объявил всем троим братьям, что им предписано возвратиться в столицу.

— Там уже готовятся к торжественной встрече героев,— добавил он.— И не только там...

Действительно, весь путь от Гардеза до Кабула превратился в праздник. Толпы народа забрасывали цветами горделиво восседавших на породистых лошадях «мусахибан»; паходились и такие, что швыряли к их ногам деньги. Но главные почести ожидали победителей в Кабуле.

Во дворце Дилькуша молодой эмир устроил прием, пригласив на него своих министров и военачальников, вождей и старшин племен, хазретов Шур-Базара, религиозных деятелей. Аманулла-хан вышел к гостям в военной форме; он казался в ней выше и стройнее.

— Поздравляю, поздравляю, всех поздравляю, друзья! Мы одержали победу! И хотя наши воины храбро и мужественно сражались и под Кандагаром и у Дакки, решающее влияние на исход борьбы оказали события в Вазиристане. Мы славим мужественных бойцов Южной провинции, мы благодарим племена Независимой полосы, откликнувшиеся на наш призыв о помощи. Но особо мы должны отметить организаторов успешных ударов по английским войскам. Рад известить вас, что сардары Шах Махмуд-хан и Шах Вали-хан произведены в генералы и награждены орденом «Высокий Сардар»...

В зале раздались одобрительные возгласы.

— Что же касается славного командующего Центральным фронтом, то мы решили собственноручно вручить ему эту высшую государственную награду Афганистана.— Пожав руку Мухаммаду Надир-хану, эмир передал ему коробочку с орденом и продолжал:

— Мы назначаем сардара военным министром и главнокомандующим вооруженными силами государства!..

* * *

Аманулла-хан имел все основания утверждать, что успеху в краткосрочной третьей войне с вековым врагом способствовал неожиданный фланговый удар в Вазиристане в сочетании с восстанием племен за «линией Дюранда». Но не только это вынудило британских стратегов отка-

заться от наступления на Кабул через Кандагар и Джелалабад. Помимо ненадежности тыла (волнения в Индии не утихали) и эпидемии холеры было еще одно существенное обстоятельство...

В Симле с безграничной досадой и беспокойством читали депеши, поступавшие из Мешхеда, от генерала Малесона.

«18 мая. Ташкентская станция искрового телеграфа сегодня открытым текстом информировала Москву о переходе советских войск в наступление на Закаспийском фронте. Подробностей нет».

«20 мая. Ташкент сообщает в Москву о вступлении Красной Армии в Байрам Али. Белые беспорядочно отступают».

«22 мая. Особо срочно. Перехвачен текст писем Аманулла-хана и Тарзи, переданных советским руководителям в Москву из Ташкента. Содержат извещения о восстановлении независимости Афганистана и стремлении к дружбе с Россией. Детали потом. Кроме того, направлена телеграмма о занятии советскими войсками Мерва. Специально подчеркивается открытие дороги на Кушку...»

«26 мая. Ташкентские донесения в центр настойчиво указывают на открытие прямого сообщения с Афганистаном. Возможна переброска оружия, боеприпасов, снаряжения, даже войск...»

Депеши генерала приобретали все более тревожный характер. Не учитывать это в сложившейся обстановке было весьма опасно...

«КРУГЛОЛИЦЫЙ»

Июнь — самый тяжелый месяц для оксфордских студентов, как, впрочем, и для студентов многих университетов во многих странах. Уже близки вождеденные каникулы, но к ним приходится продираться сквозь частокол зачетов и экзаменов. На счету каждая минута. Однако даже самые прилежные, не страдающие излишним любопытством, замедляли шаг, чтобы хоть краем глаза взглянуть на группу пожилых мужчин, вышедших из Шелдонского театра.

Они не могли не привлечь внимание. Не тем, что на них были черные — круглые и ромбом — плоские шляпы и длинные мантии: профессорским одеянием в Оксфорде, где находится два с половиной десятка колледжей, никого

не поразишь. Удивляло иное: когда на ходу мантии распахивались, становилось видно, что некоторые из них облачены в военные мундиры, причем не только английского, но и чужеземного покроя.

То были важные гости, игравшие далеко не последнюю роль в мировой войне, залпы которой отгремели несколько месяцев назад. Французский маршал Жак Жоффри в долгополом темном мундире, усаженном длинным рядом пуговиц, американский генерал Джон Першинг, британский генерал Дуглас Хэйг, одетый, как и его коллеги Джеймс Монэш и Генри Вильсон, во френч, перепоясанный портупеей. Рядом английские адмиралы Дэвид Битти, Реджинальд Холл и Уильям Вемис. Среди военных почти затерялся человек в штатском костюме — еще один американец, деловой человек Герберт Гувер.

То были почетные гости, приглашенные на празднование славной годовщины: 19 июня 1919 года Университетский колледж вступал в двести восемьдесят пятый год своего существования. Их принимали одетые в такие же шляпы и мантии любезные хозяева — бежавший в Англию от германского нашествия бельгийский профессор Анри Пирени, уорден («страж» — таков титул главы колледжа Олл Соулс) Норман Грей, вице-канцлер Оксфордского университета доктор Блэйкистоун, а главное — сам канцлер университета лорд Джордж Натаниэль Керзон. Высокий и полный, с благожелательной улыбкой на белом рыхлом лице, в ромбовидной шляпе и в черной с золотом мантии.

Утром огромная глубокая чаша зрительного зала театра, величественного сооружения Кристофера Рена, заложенного им в 1664 году по поручению архиепископа Шелдона, не раз оглашалась дружными аплодисментами. Шла церемония присвоения прославленным военачальникам почетных докторских званий. Ею руководил канцлер университета.

Лорду Керзону нелегко было выбраться из Лондона. В связи с отъездом Артура Бальфура на Парижскую мирную конференцию он в январе 1919 года, чуть ли не в день своего шестидесятилетия, был назначен исполняющим обязанности министра иностранных дел Британской империи. А хлопотных дел в бурную пору 1919 года, когда перекраивалась карта мира, было предостаточно. И тем не менее он нашел возможным и даже необходимым отвлечься от многотрудных обязанностей и выкроить время для поездки в Оксфорд, чтобы своим присутствием придать большую значительность чествованию героев великой войны.

К тому же Керзону была приятна встреча со своей молодостью, проведенной некогда здесь, в стенах Баллиол-колледжа...

* * *

Детство не оставило радостных воспоминаний. Непонемно большая голова причинила много неприятностей матери во время родов, вызвав стойкую неприязнь к ребенку. Из-за крупной головы сверстники прозвали его «Мунфэйсд» — «Круглолицый». Но насмешники были поспрамяны: в Итоне и Оксфорде он превзошел многих по числу призов за сочинения по литературе, истории, международным отношениям.

Затем последовала пора «больших путешествий». Двенадцать ярких лет... Трудно назвать страну в Европе, Азии, Северной Америке, где бы не побывал молодой лорд. Вероятно, именно тогда, потрясенный необъятностью владений Англии, он уверовал в ее величие и поклялся посвятить себя укреплению и расширению Империи. Вероятно, именно тогда зародились и честолюбивые мечты — достичь поста вице-короля Индии, а там — как знать! — и главы кабинета министров.

Он написал с десяток книг, восхваляя Империю, верой и правдой служил «старому зубру» — маркизу Солсбери, премьер-министру, поэтому воспринял назначение на первую из вожделенных должностей — вице-короля Индии — как само собой разумеющееся. Тогда, в самом конце прошлого века, его именовали «молодой надеждой имперского крыла партии консерваторов».

Надежды следовало оправдывать. Он старался. Бурное было время! Имя Керзона гремело на Востоке, и немудрено. Чем он только не занимался... Поход в Тибет, военноморская экспедиция в Аравийском море и Персидском заливе, давление на Афганистан, усиление позиций Великобритании в Иране, наведение порядка среди индийских бунтовщиков — любое из этих дел украсило бы биографию государственного мужа.

Естественно, появились завистники. Из-за их интриг долгие, томительные годы после Индии он не занимал официальных постов. Но не сдавался. Выступал в парламенте, на митингах и собраниях с патриотическими речами, в газетных и журнальных статьях продолжал восхвалять Империю, ратовать за ее могущество. Это оценил сам король Георг V: в 1911 году барон Керзон оф Кедлстон стал графом Кедлстон, виконтом Скарсдейл, бароном Рэйвенсдейл.

Наконец, после вступления Великобритании в мировую войну осознали, что человек с таким опытом может принести огромную пользу. Его включили в коалиционный кабинет. Вначале, правда, предоставили пост не первой важности — лорда-хранителя печати. Однако он и там сделал достаточно: возглавлял Восточный комитет, координировавший военно-политическую деятельность Англии на просторах Азиатского материка, вместе с Уинстоном Черчиллем энергично содействовал борьбе против большевиков в России. А кроме того, выдвинул проект создания цепи буферных стран под английским контролем от Средиземного моря до Бирмы для охраны владений Великобритании и ее коммуникаций с Дальним Востоком, Австралией и Новой Зеландией.

Грандиозный план! Коллеги в правительстве даже не смогли сразу оценить все его значение. Но целеустремленность и широта кругозора его автора сыграли свою роль: когда лорд Бальфур отправился на континент, вопрос о том, кто лучше и с большей самоотверженностью сумеет защищать интересы Империи, у кого больше оснований стать у руля ее внешней политики, даже не обсуждался.

В понедельник, 6 января 1919 года, после полудня, лорд Керзон в сопровождении личного секретаря Джорджа Каннингхема выехал из своего дома на Карлтон-хауз Террас, 1, к новому месту службы. Автомобиль за несколько секунд доставил их на Хорс Гардс Пэрейд. Собственно, и проехали они всего две-три сотни метров. Можно было добраться пешком. Но не солидно! У бокового входа в здание министерства их встретил исполнявший обязанности главного личного секретаря Джордж Клерк. Поднялись на лифте.

Медленно ступая, Керзон прошел по изрядно вытертой, некогда алой дорожке в кабинет министра. Задержался на пороге, обозревая потемневшие от времени кожаные диваны и кресла, желтую конторку в углу, полку красного дерева для географических карт, турецкий ковер на полу, пеструю каминную решетку, подаренную Солсбери еще в прошлом веке китайским дипломатом Ли Хунчжаном. Чугунные балки потолка архитектор Джордж Гилберт Скотт замаскировал затейливым этрусско-византийским узором. В двух стенах по три зашторенных окна. Вход в соседнюю полупустую комнату закрывали портьеры.

— Так выглядит святилище, из которого мы руководим миром?! — пробормотал Керзон. — Ужасно! Невыразимо тягостно!

Министр иностранных дел Англии лорд Керзон. (Из книги
H. Nicolson. Curzon: The Last Phase 1919—1925. Boston &
New York, 1934)

Плохо скрывая раздражение, он обошел кабинет:

— А это что такое, мистер Клерк, позвольте спросить?

— Это ваш письменный стол, милорд.

— Я говорю не о письменном столе, мистер Клерк. Меня интересует своеобразный предмет на его поверхности.

— Милорд, это ваш чернильный прибор.

— Мой чернильный прибор, мистер Клерк? Я не ослышался? Ошеломлен! Вы всерьез намерены убедить меня, будто эта вещь — чернильный прибор министра иностранных дел? Его следует немедленно заменить! Что подумают высокопоставленные визитеры об Империи и ее возможностях, увидев такую пакость? В бытность мою лордом-хранителем печати передо мной красовался прибор из хрусталя и серебра. А тут скорее всего стекло да медь. Нет-нет, убрать, и немедленно.

...Вот так — не только в мировых проблемах, но и в мелочах приходилось быть начеку, ограждая престиж Империи. Он выглянул из окон кабинета. Одни смотрели на север, на Хорс Гардс Пэрейд, другие — на запад, на Сент-Джеймский парк. А лорду Керзону смертельно хотелось бросить взор за угол, на юг. Там находилась крохотная Даунинг-стрит. Там, в доме № 10, располагалась резиденция премьер-министра. Почти рядом! Быть может, придет час...

А пока и в стенах Форин Офис можно потрудиться на благо Империи. И он трудился столь ревностно и самозабвенно, что обрадовался возможности сделать передышку, отправившись в Оксфорд.

* * *

После торжественной церемонии вице-канцлер университета напомнил, что дальнейшая программа предусматривает праздничный ужин в колледже «Олл Соулс» — «Всех Душ».

— У нас тоже юбилей, — выступил вперед уорден Грей, указав жестом на противоположную сторону Кэтрин-стрит, где протянулись здания колледжа. — Хотя Олл Соулс существует с тысяча четыреста тридцать седьмого года, лишь двадцатого июня тысяча семьсот шестнадцатого года был положен первый камень в фундамент нашей великолепной библиотеки. Завтра этому исполнится двести три года...

— К тому же Души славятся своей кухней, — добавил, усмехнувшись, лорд Керзон.

Но ужин начался не сразу. Гостей просили приехать в шляпах и мантиях. Едва они вошли в четырехугольный дворик с колоннами, увитыми плющом и диким виноградом, как их стали усаживать на приготовленные стулья. Визит в Оксфорд надлежало увековечить. Генералы и адмиралы вместе с Гувером разместились по обе стороны от канцлера университета (маршал Жоффри и генерал Хэйг — рядом с Керзоном). За ними встали профессор Пиренн с вице-канцлером и главой колледжа. С нетерпением ждавший этой минуты фотограф скрылся под темной тканью, и историческое посещение было запечатлено.

Повара «Олл Соулс» вполне оправдали высокую оценку. Приготовленные ими блюда доставили немалое удовольствие даже Жоффри, знатоку кулинарного искусства.

После ужина его участники провели вечер за беседой в уютных креслах просторного холла, украшенного портретами и бюстами религиозных и политических деятелей, внесших вклад в создание «Олл Соулс». Как-то получилось, что они сгруппировались соответственно профессиональным интересам. У стены, где висела большая карта Евразийского материка, оказались генералы. Они обсуждали Сен-Мийельскую операцию Первой американской армии Першинга в сентябре 1918 года под Верденом, предшествовавшую общему наступлению англо-французских войск на Западном фронте. Возле окна, близ огромного аквариума с юркими вуалехвостками, устроились морские военачальники. Их основной темой был Ютландский бой. Его комментировал один из главных участников — адмирал Битти, руководивший действиями авангарда Флота метрополии, а затем сменивший Джеллико на посту командующего Грэнд-Флит. Изредка подавал негромкие реплики сэр Реджинальд Холл: уж он-то, начальник Разведывательного управления военно-морских сил, знал всю подноготную знаменитого боя в Северном море, в котором противники стремились не столько сразаться, сколько обмануть друг друга. Наконец, у книжных полок Анри Пиренн с увлечением излагал Гуверу и профессорам Блэйк-стоуну и Грэю свою теорию, согласно которой ведущим фактором исторического процесса является внешняя торговля.

Лорд Керзон, как и полагалось хозяину, подходил то к одной, то к другой группе беседующих, принимая живое участие в разговоре, хотя мысли его были далеки от обсуждавшихся тем.

Но вот, встряхнув седой, уже изрядно облысевшей го-

ловой, канцлер поднял руку, привлекая внимание присутствующих. Все умолкли и повернулись к нему.

— Знаете, джентльмены, о чем я думал сегодня утром в нашем великолепном Шелдоннианском театре?

На этот риторический вопрос никто не откликнулся.

— Здесь упоминались битвы — сухопутные и морские, — продолжал Керзон. — Я не военный, но одну схватку все же выиграл. В девятьсот шестом году на выборах ректора университета Глазго победил нынешнего премьера — сэра Дэвида Ллойд Джорджа. Ну а после этого мне было легче стать канцлером Оксфордского университета.

В зале стояла сосредоточенная тишина: слушатели не могли понять, к чему клонит глава Форин Офис.

— Ответственный и почетный пост обязывал меня как следует изучить прошлое этого славного городка профессоров и студентов. Его история хранит любопытнейшие факты. Оказывается, в тысяча восемьсот четырнадцатом году, после отречения Наполеона, в Шелдоннианском театре чествовали российского императора Александра Первого. Через год там побывал его брат, будущий император Николай Первый, а еще через год — другой брат, Михаил. Прошло лет двадцать, и в университетском театре вручали диплом доктора гражданского права великому князю, ставшему впоследствии императором Александром Вторым...

Керзон решил наконец ответить на вопросительные взоры гостей:

— Джентльмены недоумевают, к чему клонится мое затянувшееся повествование. Не так ли? Дело в том, что уже много месяцев мои мысли окрашены в мрачные тона. Откровенно говоря — а в этой аудитории, полагаю, я могу позволить себе откровенность! — я не очень люблю русских... Мы, британцы, более века смотрим на огромную Россию чаще всего как на соперника. Если не на врага. В Европе и в Азии...

Интерес собравшихся обострился до предела. Генерал Вильсон, бывший начальник оперативного отдела, а ныне глава имперского Генерального штаба, даже подтащил громоздкое кресло поближе к говорившему. А тот замедлил речь, словно стараясь придать особый вес каждому слову.

— Между тем, если я не очень любил старую Россию, то новую, советскую, просто ненавижу... С этими большевиками, с их Лениным ни о чем нельзя договориться. Они не уважают законную власть. Они хотят говорить с наро-

дами! С рабочими и крестьянами — так они выражаются. Как будто рабочие и крестьяне могут решать государственные дела. А эти обращения красных к толпам азиатов с рассказами о всяких преобразованиях у себя дома?! О так называемой национальной политике?! Нет, джентльмены, положительно, многим стоит пожертвовать, чтобы взять под жесткий контроль эту страну.

Первым на горячую речь Керзона откликнулся Жоффри. Как и остальные, он не питал ни малейших симпатий к революционной России и был активным организатором вооруженного вмешательства в ее дела. Однако его покорила попытка скрыть основные причины недовольства большевиками. Француз решил заставить дипломата высказаться более определенно.

— Насколько я понимаю, сэр, — шевельнул седыми вислыми усами маршал, — Британскую империю особенно беспокоит воздействие русского примера на страны Востока?

— К сожалению, сфера наших интересов находится рядом с областями, где власть захватили большевики, — хмуро откликнулся Керзон. — Но нас глубоко тревожит влияние событий в России и на английских рабочих.

— Кстати, джентльмены, — вмешался генерал Першинг, — в сегодняшних газетах неприятные сообщения из Индии. Волнения, демонстрации, бунты...

Явная неделикатность! Находясь в гостях у своих англосаксонских братьев, американец брал на себя смелость напоминать радушным хозяевам о непорядках в их стенах. Сэр Реджинальд Холл нахмурился. Адмирал Битти наклонился вперед, будто намереваясь возразить обидчику, а в бесцветных глазах генерала Вильсона отчетливо читалось осуждение. Зато Жоффри посмеивался в глубине души: он обожал скандалчики, не касавшиеся его особы и Франции.

Першинг, словно не заметив эффекта, произведенного его словами, продолжал:

— Кроме того, насколько можно судить по тем же газетам, британские войска не добились успеха в боевых операциях против афганцев...

Это уже была бестактность. Янки забыл, что в доме повешенного не говорят о веревке.

— Сэр, иностранцу не всегда бывает легко разобраться в наших проблемах, — Хэйг расстегнул ворот френча — ему стало душно.

Его соотечественники ожидали, что отповедь американ-

цу даст лорд Керзон, и с надеждой смотрели на него. Но тот был на удивление спокоен, с лица его не сходила улыбка.

— Быть может, дорогой генерал, — сказал он, — кое-кто найдет ваши высказывания не совсем приятными для британского слуха. Но ведь мы живем в демократической стране, и каждый волен говорить все, что ему угодно. А вообще-то у меня свой взгляд на развитие событий. Я считаю Афганистан случайной географической общностью, вырезанной из сердца Центральной Азии мечом завоевателей или волей каких-то государственных деятелей. Когда я занимал пост вице-короля Индии, лишь нерешительность Лондона помешала мне установить полный контроль Британской империи над Кабулом.

Генерал Монэш одобрительно захлопал в ладоши, издав традиционный парламентский возглас: «Слушайте! Слушайте!»

— Афганские, да и индийские дела, как известно, входят в компетенцию министра по делам Индии. Но я не мог удержаться, чтобы не выразить ему негодование по поводу неуместно вялого тона воззвания лорда Челмсфорда в связи с афганской войной. В распоряжении вице-короля и его советников были великолепные, можно сказать, классические образцы — манифесты эпохи первой или второй англо-афганских войн...

Керзон уже не улыбался. Резкими движениями сжатой в кулак правой руки он словно вбивал в сознание слушателей свои мысли:

— Лорды Окленд и Литтон знали, как нужно разговаривать с людьми низшей расы! Они смотрели на вещи реалистически, направив внушительные армии, чтобы доказать Кабулу свою правоту. И они доказали ее, оккупировав афганскую столицу! А воззвание Челмсфорда?! Да у него какой-то извиняющийся тон. Оно полностью гармонирует с плохой подготовкой к войне, с плохим руководством операциями. Вот откуда те газетные сообщения, которые мне стыдно читать!

Лорд Керзон уже овладел собой и продолжал спокойно:

— Я не выдам большого секрета, джентльмены, если скажу, что призывал кабинет к бомбардировке крупных городов и полной ликвидации так называемого Афганского государства. Кроме того, я рекомендовал взять железной рукой за горло всех этих бенгальцев, пенджабцев, маратхов и прочих темнокожих. Если бы на Даунинг-стрит

прислушались к моим советам, Индия быстро нашла бы успокоение. А с обеспеченным тылом у нас было бы несравненно меньше забот в Афганистане.

— Ну а большевики? — Жоффр не удержался, чтобы не подбросить головешку в потухавший костер.

Но Керзон уже устал:

— Что большевики? Они такое же несчастье для нас, как и для вас. Надеюсь, господин маршал, вы не думаете, что их разлагающее влияние коснется одной лишь Британской империи?

Маршал кивнул, давая понять, что он этого не думает.

И тут раздался гулкий удар колокола башенных часов. Гувер вынул часы, чтобы сверить время, и не заметил лукавой усмешки генерала Хэйга, учившегося в колледже Брэйсеноус и знавшего обычаи Оксфорда. К его крайнему удивлению, часы пробили двенадцать и двадцать четыре раза и продолжали бить, нарушая все привычные представления о времени.

— Пожар? Всеобщий сбор? — поднял брови Гувер.

С разъяснениями поспешил Норман Грэй:

— Это колокол на башне Биг Том, воздвигнутой Кристофером Реном для колледжа Крайстчерч. Он бьет каждый вечер с десяти минут десятого сто один раз по количеству студентов, приписанных к Крайстчерч от других колледжей. Их извещают о скором закрытии его ворот...

И тут неугомонный Першинг вновь обратился к мистру:

— Милорд, меня давно занимает один вопрос. Когда я воевал против немцев на южном участке фронта, у нас пользовался большим успехом рассказ о вашем посещении английских солдат во Фландрии. Будто бы, побывав у них в бане, вы удивились и сказали: «Я не представлял, что у низших классов такая белая кожа!» Насколько достоверен этот рассказ?

Все рассмеялись.

— Как вам сказать, — ответил с улыбкой Керзон. — Во Фландрии был. В баню заходил. Но вот что говорил при этом, клянусь, не помню. А легенду эту я слышал, и, не скрою, она мне нравится!

Вскоре гости, а за ними и хозяйева поднялись. Этот июньский день тянулся долго, и немолодых людей клонило ко сну. По дороге к ожидавшим их автомобилям Керзон обратился к шагавшему рядом Жоффру:

— Надеюсь, вы не посетуете, если я скажу, что разгадал возникшее у вас желание несколько подтрунить над

вашим искренним почитателем.— Керзон поднял руку, останавливая возражения Жоффра.— Настал час моей местности. Бьюсь об заклад, вы не знаете, чему обязан своим названием колледж «Всех Душ».

Жоффр отрицательно покачал головой.

— Так вот, он посвящен памяти англичан, погибших в Столетней войне с Францией. И души их витали над вами!

— Ну, милорд, я не суеверен. К тому же нас угостили таким великолепным ужином, что мне было не до витающих созданий. Тем более бестелесных! — отшутился Жоффр.

— Вы, разумеется, правы, дорогой маршал, но если говорить серьезно, то теперь Англия и Франция должны сплотиться в борьбе против нашего смертельного врага — Советской России. И не дай бог этой борьбе быть столетней.

— Полностью с вами согласен, милорд.

* * *

Быстро промелькнул оксфордский «визит в юность». В понедельник, 23 июня 1919 года, только войдя в свой кабинет, Керзон вызвал Клерка:

— Итак, Джордж, что успело натворить человечество в мое отсутствие?

Главный секретарь Форин Офис прекрасно знал, что интересует его шефа в первую очередь:

— В Париже завершена подготовка мирного договора с Германией, милорд. На днях он будет подписан. Большевики, похоже, окончательно подавили восстание форта Красная Горка под Петроградом. Они захватили Уфу и теснят верховного правителя Колчака...

— А какие вести от генерала Нокса?

— Сегодня получена его телеграмма о поражении армии генерала Ханжина. Под угрозой крупные города Урала...

— Ничего более приятного вы не в состоянии сообщить?

Чиновник развел руками:

— Вряд ли вам доставят удовольствие отправленные из Ташкента в Москву депеши, которые перехватил генерал Маллесон, — об отступлении войск Закаспийского правительства и занятии красными Теджена и Душака. Как раз девятнадцатого июня, когда милорд был в Оксфорде.

— Черт побери, нельзя отлучиться ни на день! А в Теджепе и Душаке я побывал. Ровно тридцать лет назад. Душак, помнится, близ персидской границы. Миль пятьдесят-шестьдесят от Мешхеда, а оттуда нет и ста миль до Герата. Что происходит, Джордж? Большевистская зараза у порога Персии и Афганистана. Сегодня же поговорю с Черчиллем. Пусть военное министерство усилит поддержку всех, кто борется с большевиками...

Он задумался.

— А вас, Джордж, попрошу пригласить ко мне кого-либо, кто по-настоящему знает Россию и в состоянии осмыслить тамошнюю обстановку.

Секретарь поклонился, внутренне недоумевая: он хорошо знал, что нет вопроса, в котором лорд Керзон не считал бы себя признанным авторитетом. Да и не каждое министерство могло соревноваться с Форин Офис по части источников информации...

Через два дня он ввел в кабинет шефа немолодого человека в очках и представил:

— Питер Харди, милорд. Один из редакторов «Таймс».

— Мне это известно. Добрый день, мистер Харди. Садитесь, пожалуйста...

Керзон пребывал в отличном настроении. Хотя красные продолжали громить белых в Закаспии, овладели станцией Каахка и подступили к Асхабаду, положение выглядело обнадеживающим: только что генерал Деникин провозгласил о начале генерального наступления на Москву.

— «Таймс» — это великолепно. Спасибо, Джордж! Мистер Харди, недавно я прочел у вас о доблестных операциях наших каноперок «Саффолк» и «Кент» под Пермью. Адмирал Колчак даже выразил благодарность начальнику британской военно-морской миссии капитану Вольф-Мэррею и командиру «Кента» Джемсону. И тут же Пермь пала. Случайно?

— Милорд, я долгие годы жил в России. И убежден: многие вещи там лишь кажутся случайными. Боюсь, что адмирал обречен.

— Сильно сказано! Не сочтите за труд пояснить вашу мысль.

— Мне представляется, что первоначальные успехи Колчака были вызваны поддержкой со стороны зажиточных крестьян Урала и Сибири, внезапно выступления, нашей помощью. Но потом крестьяне, получившие из рук большевиков землю, испугались, что монархисты — а

они почти сплошь помещики! — отнимут ее. К тому же суровые расправы адмирала с недовольными оттолкнули от него население. Ну а рабочие и без того ненавидят монархистов и других эксплуататоров, как таких именуют в России.

— А что же наше золото? А партии оружия, боеприпасов, амуниции? Разве все это не стреляет в большевиков?

— Стреляет. Правда, не всегда в нужном направлении.

— То есть?

— Поясню. Наш корреспондент при штабе адмирала Уилтон прислал материал. Острый. Мы колебались — публиковать ли. Вероятно, все же напечатаем...

И Харди поведал, что белые, пытаясь запугать врагов, широко оповестили о скором прибытии великолепно оснащенных многочисленных английских войск. Вскоре на фронте действительно появились солдаты в английских мундирах и с английским оружием. Колчак передел таким образом часть своего воинства. Красные об этом не знали. И что же? Полагая, что перед ними англичане, они дрались с особой яростью...

— Иностранное содействие, насколько можно судить, еще более дискредитирует адмирала в глазах его соотечественников, — закончил журналист.

Беседа не удовлетворила Керзона. При всех обстоятельствах, полагал министр, нельзя упускать ничего, что подрывало бы силы Советской России. Для Британской империи такие действия исключительно важны с любой точки зрения. Экономической, политической и, уж конечно, идеологической.

Он продолжал напряженно следить за развитием событий в России. Увы, к лучшему там мало что менялось. Скорее наоборот. Наступление Деникина отнюдь не походило на триумфальный марш. Все более безрадостными были донесения генерала Маллесона из Мешхеда: большевики вошли в Асхабад, отбросив части меньшевистского правительства в Иран и в Красноводск (как же это воодушевит эмира Амацуллу-хана!). За три недели — с 14 июля по 4 августа — адмирал Колчак оставил Екатеринбург, Челябинск и Троицк; его силы рассечены. Напророчил этот мудрец из «Таймс».

А тут еще выяснилось, что красные захватили в Челябинске четыре тысячи вагонов, набитых английскими и американскими пулеметами, винтовками, снарядами, патронами, обмундированием. Нельзя без содрогания читать

телеграмму генерала Нокса, опасавшегося, что Советы могут передать эти трофеи нашим недругам в Афганистане, Индии да бог знает где еще.

Желая отвлечь патрона от мрачных мыслей, Клерк положил перед ним несколько листов бумаги:

— Вот, милорд, удалось раздобыть!

То был доклад председателя Революционного военного совета Закаспийского фронта Николая Паскуцкого «Военно-политическое положение Закаспийской области к 1 августа 1919 года».

Секретарь указал на отчеркнутые в тексте строки:

— Они нас боятся, милорд!

Керзон прочел:

«...Наряду с противником, занимающим лобовую часть, ощущается близость укрывшегося за границей в несколько раз более сильного врага — Англии. Силы последней точно установить нельзя, однако не будет ошибкой считать в общей сложности на территории Персии, граничащей с дорогой Асхабад — Каган — Мешхед, не менее 12 000 бойцов, хорошо снабженных вооружением и вообще техникой. Если же принять во внимание и остальную часть Персии, где также расположены английские войска, то станет очевидным возможность удачного налета на нас со стороны Персии...

Влияние Англии в отношении Персии усилилось до того, что все мероприятия персидского правительства имеют силу только после санкции их английскими представителями...»

— Из чего вы заключили, что они боятся нас, Джордж? Эта фраза об удачном налете наших войск? Суета!.. Пока что наши войска вылетели из Закаспия. Если говорить откровенно, я постепенно теряю веру в наш успех...

РАВАЛПИНДИ: СОМНИТЕЛЬНЫЙ МИР

День клонился к вечеру, когда в просторный кабинет эмира во дворце Дилькуша вошел Махмуд Тарзи. Аманул-ла-хан, хорошо изучивший своего родственника, по его непривычно возбужденному виду понял: произошло нечто важное.

— Поздравляю с победой, дорогой тесть! — правитель вышел из-за письменного стола.

— Вам уже доложили? — удивился министр. — Ведь я только что получил этот документ. И никто о нем не осведомлен, кроме меня...

Аманулла-хан рассмеялся:

— Что доложили? О чем осведомлен? Нам ничего не известно. Но у вас, образца аккуратности и сдержанности, пиджак расстегнут, галстук сбился набок, на лице широкая улыбка, в глазах веселые огоньки. Значит, успех!

Теперь улыбнулся Тарзи:

— Читал о французском сыщике Огюсте Дюпене, об английском Шерлоке Холмсе. Теперь появился афганский. И кто? Сам его величество эмир! Ну, так вот. Только что доставили письмо вице-короля, в котором выражается согласие прекратить военные действия. Правда, там, кроме того, много разной чепухи, но главное — это.

— Прекрасно! Будь они в силах нас задушить, продолжали бы войну. Кстати, каким числом датировано послание Челмсфорда?

— Третьим июня.

Аманулла-хан усмехнулся:

— Так. Наше, помнится, двадцать восьмым мая. Оно шло дня три-четыре. Значит, англичане недолго размышляли над ответом. А ведь еще совсем недавно тянули целых полтора месяца! И что же сообщают милые соседи?

— Прежде всего обвиняют нас в том, что мы начали войну. Требуют отвода наших войск на двадцать миль от британских позиций, тогда как английские части остаются на нашей территории, располагая свободой действий. Пограничным племенам предписывают прекратить боевые операции. И еще: британские аэропланы должны без помех летать, где угодно, выяснять, не готовимся ли мы возобновить борьбу.

— Они почти не продвинулись в Афганистане. Пусть остаются на своих позициях. А племена нам не подчиняются. И по поводу аэропланов. Всех не предупредишь: могут где-нибудь и сбить. Обижаться не будут? Ну, а что насчет переговоров о мире и о признании независимости?

— Готовы вести. Предлагают для этого Равалпинди.

— Равалпинди? Почему не Дели? Или Лахор? Пешавар, наконец?

— И меня это поначалу озадачило. А потом я вспомнил: там крупнейший английский военный центр, штаб-квартира Северного командования, база североиндийской армии, нацеленной непосредственно на нас.

— Понятно. Солдаты, пушки, пулеметы... Рассчитывают запугать. Не выйдет! Кого пошлем?

— Как кого? Важные дипломатические переговоры — кому же их вести?! Только мне.

— Нет, сардар! — пребывая в хорошем настроении, эмир часто поддразнивал тестя феодальным титулом. — Вам никак нельзя. Здесь сейчас столько дел — без вас будет трудно. И потом англичане злы на Махмуд-бека Тарзи, отлично понимают его роль в новом Афганистане. Нет!

Что-то прикинув в уме, эмир твердо произнес:

— Поедет Али Ахмад-хан.

— Да ведь ему поручены внутренние дела! — возмущился Тарзи. — Кроме того, я ему не доверяю. Скользкий, недалекий политикан. Сговорится с англичанами. Продаст и предаст все на свете...

— Может быть, вы и правы, но он знает, что мы относимся к нему с подозрением, и будет стараться изо всех сил, добиваясь успеха. А если сделает не то, что надо, отвергнем. Дезавуируем — так говорят дипломаты?

Не дожидаясь ответа, Аманулла-хан добавил:

— Направим также комиссара по торговле Гулам Мухаммад-хана, чтобы попытаться наладить обмен товарами. Пошлем и доктора Абдул Гани: он будет полезен своими познаниями, да и развеет тюремные переживания. И еще нескольких индийцев. Пусть в Индии станет известно, что их соотечественников ценят и уважают у нас.

* * *

В середине июня, когда большую часть Индии охватил обычный испепеляющий зной, в Симле царила прохлада. Легкий ветерок, слетавший с окружающих гор, плавно колыхал шторы на окнах Дома правительства.

Отложив к большому своему неудовольствию давно назначенную партию в теннис с искусным игроком — генералом Редди, лорд Челмсфорд был выпущен заняться материалами, поступившими из Кабула.

Одно упоминание Кабула с его строптивым эмиром уже несколько месяцев вызывало у вице-короля раздражение. Министерство по делам Индии неизменно требовало усилить нажим на Аманулла — к этому он уже привык. Сэр Эдвин Монтегю достаточно осведомлен о ситуации в Калькутте и Бомбее, Лахоре и Мадрасе, Лакхнау и Патне, его настояния можно воспринимать спокойно: служба. Но с недавних пор особую и, надо прямо сказать, пугающую активность стало проявлять другое ведомство — иностранных дел. Оно и понятно: ведь руль Форин Офис перешел в руки деятеля, с которым следует держать ухо востро. Керзон, разумеется, считает себя крупнейшим знатоком

Востока. Увы, он видит Индию такой, какой она была лет двадцать назад, когда он только занял пост вице-короля. До русской революции девятьсот пятого года, взбудоражившей Азию, до мировой войны, до русской революции семнадцатого года, всколыхнувшей весь мир, до злосчастного Амритсара, наконец.

Челмсфорд вспомнил, что руководитель внешней политики империи подверг его действия резкой критике, обвинив в излишнем миролюбии, проявленном по отношению к Аманулле-хану. В телеграмме, адресованной в Форин Офис, вице-королю пришлось задать прямые вопросы: «К чему стремится правительство его величества? Оно действительно хочет длительной афганской войны? И какого результата ждет от нее?» Ответная телеграмма Керзон была весьма категорична: «Моя критика основывалась на опасении, что в поисках мира, коего мы все желаем, вы применили язык, недостаточно, по нашему мнению, отражавший факт, что именно ваша позиция является позицией победителя». Какого еще языка, черт возьми, ему недоставало?! Ведь даже сэр Артур Баррет, самый свирепый генерал сражавшейся с афганцами армии, призвал к милосердию, изучив условия перемирия, продиктованные вице-королем.

И, усмехнувшись, Челмсфорд вспомнил фамильный девиз Керзонов: «Керзон удерживает то, что имеет». Имеет Индию — значит, никаких помыслов о ее отторжении! Имеет Афганистан — стало быть, надо всемерно поддерживать зависимый статус этой страны!..

Правда, Лондон не собирался давать опасные директивы. Но намекнуть — пожалуйста. И в Дели полуофициальным путем передали текст памятной записки, подготовленной ответственными чиновниками Форин Офис. Она содержала знаменательные строки: «Верховные деятели индийского правительства (т. е. лорд Челмсфорд с коллегами!) проявляют робкий характер... Нам не кажется, что мы выигрываем что-либо, сохраняя на троне Аманулла».

Так или иначе, связанные с Кабулом проблемы не вызвали энтузиазма у верховного правителя Индии. Однако поступившие из афганской столицы бумаги требовали срочного рассмотрения. Их докладывал руководитель иностранного департамента сэр Гамильтон Грант в присутствии личного секретаря вице-короля — высоченного Джона Мэффи.

— Должен заметить, милорд, меня изрядно удивляет состав делегации, направляемой Амануллой-ханом в Ра-

валиндинди,—начал Грант.— Мы ожидали Махмуда Тарзи, а ее возглавил комиссар по внутренним делам Али Ахмад-хан, бывший личный секретарь и церемониймейстер убитого Хабибуллы-хана...

— Почему вас это так удивляет? — прервал Гранта Челмсфорд.

— Насколько известно, Али Ахмад-хан активно поддерживал соперника Амануллы — Насруллу-хана. Предположим, что за него заступилась влиятельная тетка — мать эмира Улия Хазрет. Но ведь, кроме того, его явно могли заподозрить в симпатиях к нам. И это было бы объяснимо: обучался в Мэрри, под Равалпинди, кажется, в школе Лоуренса для детей британских военных. Сопровождал Хабибуллу и Инаятуллу в их поездках по Индии. Как же ему доверили такие ответственные переговоры? Не говоря уже о том, что прежде эмиры предпочитали решать подобные вопросы лично... Это во-первых.

— А во-вторых? — нетерпеливо спросил вице-король. В горах темноело рапо, но он надеялся, что еще останется время для схватки на корте.

— Во-вторых, остальные члены делегации. Смесь военных и гражданских лиц, афганцев, таджиков и даже индийцев. Из надежных сторонников Амануллы-хана там один лишь доктор Абдул Гани, его бывший учитель. Похоже, Кабул не придает переговорам серьезного значения.

— Может быть, он вообще не стремится к миру? — задумался Челмсфорд.— Это будет трагично. Новый тур военных действий поставит нас в Индии на грань гибели.

— Разрешите, милорд,— вступил в разговор внимательно слушавший Мэффи.— Кажется, я понял смысл назначения Али Ахмад-хана главой делегации. Он, безусловно, у эмира большим доверием не пользуется. Видимо, получил твердое задание: добиться признания независимости. Выполнит — прекрасно! Доверие к нему окрепнет. Не добьется — дискредитирует себя. Уберут. Эмир, вероятно, не уверен, что мы пойдем ему навстречу. Зачем подвергать риску авторитет Тарзи?

— Пожалуй, так,— согласился Грант.

— Ну а прочие... Скорее всего их участие призвано подчеркнуть, что Аманулла пользуется поддержкой всех национальностей Афганистана...

— Bravo, Джон! — воскликнул вице-король.— Ваши предположения логичны и убедительны. Вы обязательно должны стать участником переговоров. А главой делегации, естественно, будете вы, сэр Гамильтон.— Собеседники

Челмсфорда поклонились.— Мы говорили и будем говорить, что победили в войне. Но не нам с вами тратить слова, чтобы подчеркнуть, насколько остра потребность в заключении мира, независимо от того, кто одержал верх. Мир любой ценой! У нас должны быть развязаны руки перед лицом бунтующей Индии.

Челмсфорд печально вздохнул:

— Ясно, что идеальным вариантом явилось бы возвращение Кабула в зависимое состояние. Если бы удалось убедить афганцев, что главную опасность для них представляют большевики!..

— Милорд, у меня есть план,— лицо сэра Гамильтона Гранта уже было плохо видно в сгущавшихся сумерках.— Заключение дружественного договора надо разделить на две фазы. Сначала мирное соглашение. Затем достаточно длительный испытательный период: пусть эмир докажет свою лояльность к Британской империи. И только после этого договор о дружбе. Между фазами никаких льгот, никаких поблажек, никаких субсидий — ничего! Аманулла должен на собственной шкуре почувствовать, что это такое — наше недовольство его поведением. Тогда он сам будет домогаться дружественного расположения.

— Неплохо задумано! Не так ли, Джон? Вам нравится подобная программа?

— Вполне, милорд.

— Тогда утвердим ее на совете, запросим Лондон и с богом! — Челмсфорд посмотрел на часы и в окно.— Может быть, я еще успею провести парочку геймов с Редди...

— Сомневаюсь, милорд,— улыбнулся секретарь по иностранным делам.

— Это почему?

— Надо обсудить еще один важный вопрос. Сегодня я получил исключительно любопытное послание. Его доставили нашим офицерам в Хайбере...

— От кого же?

— В том-то и вся штука. От сидящего под замком несостоявшегося эмира Насруллы-хана.

— Что-нибудь дельное?

— Судите сами.— Гамильтон Грант вынул из папки бумагу и тщательно разглядел ее; многочисленные сгибы свидетельствовали о том, что она была многократно сложена.— Вот текст: «Очень прошу, чтобы мирного договора не заключали с узурпатором Амануллой, поскольку я являюсь законным монархом, признанным народом и сардарами Афганистана в соответствии с исламом, после кончины

моего брата. Народ не любит нового эмира, и Аманулла будет вынужден спасаться бегством в случае наступления или если Кабул подвергнется бомбардировке...»

— Чьего наступления? — насторожился вице-король.

— Нашего, конечно, — объяснил Мэффи.

Грант продолжал чтение:

— «Я убежден, что по прибытии англичан в Кабул буду освобожден и признан народом и смогу вступить с британским правительством в дружественный союз, подобно тому как поступали мой отец и брат, и даже отдать им область Нангархар до Джагдалака, а также Кандагар и Хост, коли англичане того пожелают».

— Щедрый!..

Заманчивые предложения, содержащиеся в послании недолговечного эмира, напомнили лорду Челмсфорду завуалированные наставления Керзона. Вот прекрасная возможность избавиться от Амануллы!

— А вы уверены, что документ исходит именно от Насруллы-хана? — спросил он.

Грант покачал головой:

— Скорее от единомышленников. Не сомневаюсь, однако, что составлен он и прислан нам по его инициативе. Но даже если бы мы захотели предпринять наступление, для этого нет никаких условий — ни военных, ни политических, ни экономических.

Вице-король снова тяжело вздохнул:

— К несчастью, вы правы. Поступим так: начнем переговоры, как намечали. Постараемся максимально ослабить позиции пылкого кабульского правителя. Ну а при удобном случае заменим его на престоле более приемлемой для нас фигурой. Только бы не упустить момент. Лондон придет в восторг. Кандагар и Хост пригодятся. Еще что там? Джагалдак? Не знаю, где это.

— Джагдалак, — поправил секретарь по иностранным делам. — Именно там довершили наш разгром в первой войне с Афганистаном...

Промолчав, лорд Челмсфорд выглянул в окно: ночь уже опустилась на городок. О схватке на корте нечего было и думать... О сражениях в горных ущельях? Не сегодня, не сегодня!

* * *

24 июля 1919 года, в 4 часа 46 минут пополудни, в Равалпинди прибыл глава британской делегации на мирных переговорах с Афганистаном сэр Гамильтон Грант. Его

встретили салютом из тринадцати пушек и громом военного оркестра. Десять остальных членов делегации, включая политического советника Мэффи и военного советника бригадного генерала Моберли, уже находились в Равалпинди.

На следующий день, в 11 часов утра, специальный поезд привез афганскую делегацию. На этот раз дело обошлось без почестей. Первым из вагона вышел Али Ахмад-хан, человек лет сорока, очень важный на вид; самым замечательным в его лице были закрученные вверх пышные черные усы. Несмотря на палящий зной, сардар был одет в длинную свободную рубаху из плотной зеленой ткани, такие же бриджи и зашнурованные до колен высокие ботинки со шпорами. На голове красовался полицейский шлем с пышным султаном, по земле волочилась сабля.

На пути в отведенную делегации резиденцию Али Ахмад-хан без особого интереса обозревал хорошо знакомые края. Вот Мэлл, пыльный центральный проспект, кусочек тянущейся по многим областям Индии Главной шоссеиной магистрали. Сейчас подле клуба, где проводят время британские офицеры и чиновники, покажется статуя королевы Виктории, вон расположившиеся друг близ друга англиканская и католическая церкви. Все на месте — парк и поле для гольфа.

«Куда же нас везут? — подумал он. — Еще миль сорок, и попадем в Мэррей, где английские учителя пичкали меня всякой премудростью. Если и там не остановимся, то к исходу дня доберемся до благословенной Кашмирской долины...»

На душе у руководителя афганской делегации было неспокойно. Неожиданное дипломатическое поручение усилило состояние неуверенности, в котором он пребывал с тех памятных февральских дней, когда понял, что поставил не на ту лошадь. До сих пор он не верил, что ему удалось оправдаться перед Амануллой и убедить его в своей преданности. А убедил ли? Видимо, да, если тот назначил его комиссаром по внутренним делам. Аманулла — эмир! Трудно представить этого молокососа на троне Дост Мухаммад-хана и Абдуррахман-хана... Впрочем, надо отдать ему должное: он неплохо разбирается в обстановке, энергичен, пользуется авторитетом в стране. Ничего, еще представится случай скрестить с ним сабли. Но теперь он в силе. Поэтому нужна осторожность. Надо завоевывать его доверие, по возможности ослабляя его власть. Исподволь вести свою линию...

«Приехали? Неплохой район подобрали для нас. Соседство с намеком! Неподалеку — цепь укрепленных фортов, напротив — артиллерийский полигон и склад. А военных! Похоже, что из них состоит все население города. Бросить бы их на Аманулли!..»

Как только афганские представители разместились в уютных бунгало с верандами по улице Гражданских линий, 12, им вручили британский меморандум. Сэр Гамильтон Грант напоминал, что мир не заключен. Ссылаясь на международные обычаи и на желание обеспечить безопасность гостей, он просил их выходить из резиденции только в сопровождении полицейского офицера и возвращаться до наступления темноты, сдать оружие и предъявлять всю свою корреспонденцию для предварительной цензуры.

Такое начало озадачило Али Ахмад-хана. Разумеется, он был крайне заинтересован в подписании документа, фиксирующего конец состояния войны и признание независимости Афганистана. Это было в его интересах — иначе не стоило возвращаться в Кабул. Но то была, так сказать, государственная задача. Имелись у него и личные цели. Комиссар внутренних дел рассчитывал установить прочные связи с могущественными соседями: могут пригодиться. Даже в недалеком будущем (не так уж прочно сидит во дворце Дилькуна его двоюродный братец!). Холодный прием в Пипди, как Али Ахмад-хан по местному обычаю именовал городок, не обнадеживал. Следует добиться, чтобы тебя уважали! И он тут же заявил протест против условий, которые были поставлены перед афганскими дипломатами. Однако, не желая срывать начало переговоров, делегаты Кабула 26 июля в полном составе прибыли в колледж, в актовом зале которого должны были начаться переговоры.

Открыл заседание сэр Гамильтон Грант. В своей длинной речи он убедительно засвидетельствовал вину Афганистана в происшедшем кровопролитии, печально нарушившем давнюю сердечную дружбу двух высоких государств. Столь же многоречив был и Али Ахмад-хан. Почти в тех же выражениях, быть может лишь несколько более эмоционально, он обоснованно доказал, что в этом огорчительном столкновении — вина соседней державы. Правда, в его словах не замечалось особой враждебности. Это обнадежило и Гранта, и Мэффи, и даже генерала Моберли, подобно многим английским военным относившегося пренебрежительно к «политиканам», а тем более к азиатским.

Все они ждали главного в выступлении руководителя афганской делегации. Того, что позволило бы определить характер переговоров. И Али Ахмад-хан оправдал их надежды.

— Война уже позади. Не о ней теперь заботы. Могушественная Британская империя должна доверять нам и отказаться от контроля над Афганистаном. К нему приблизился большевистский шквал. Осознайте это! Большевики разрушили Россию. Они приведут к гибели Афганистан и Индию. Большевики склоняют Кабул и его эмира к дружбе...

Британские делегаты слушали затаив дыхание. Они боялись спугнуть комиссара, нарушить плавное течение его речи. Ведь это именно то, что требуется!

— Принесет ли властям Индии пользу, если они позволят большевистской буре захлестнуть Афганистан? Наша страна приложит все усилия, чтобы остановить этот шторм и не дать ему охватить Индию. Стоит поразмыслить, кто больше нуждается в мире — британское правительство или Кабул? Мы можем оказать вам определенное содействие. Например, в Закаспии. Миру надлежит быть почетным для обеих сторон...

Удовлетворенно внимали сардару и тщательно подобранные англичанами представители индийской знати. Если обе стороны так необходимы друг другу, чтобы противостоять волне большевизма, то о какой войне между ними может идти речь?! В пору было договариваться о не медленном союзе. Теснейшем!

Этому мешала только одна, но весьма существенная деталь. Али Ахмад-хан имел четкое предписание добиться признания независимости Афганистана. Представители Британской империи старались избежать этого. Между тем большевики уже официально признали полную самостоятельность Афганского государства! Забыть это при всем желании было невозможно.

И еще кое-что. За мудрые мысли Али Ахмад-хана стоило наградить «Звездой Индии». Но в какой мере они отражали взгляды эмира? Да и прочих делегатов Кабула? Наблюдательный Мэффи, например, уловил недоумение Абдул Гани, вызванное некоторыми утверждениями комиссара по внутренним делам.

Удобно устроившись после заседания с сигарами в креслах у столиков с прохладительными напитками, Грант, Мэффи и Моберли обменивались впечатлениями.

— Любопытно получается: не мы его, а он нас хочет

припугнуть заразой большевизма,— недовольно произнес Мэффи.

— И заработать на этом капитал,— подхватил сэр Гамильтон.— А вообще, похоже, он не прочь подружиться с нами.

— Особенно если мы дадим ему хорошие козыри,— с солдатской прямоотой заметил Моберли.

— Главный из них,— рассуждал Грант,— признание независимости Афганистана.

— И потому стоит ли торопиться? — насупился Мэффи.— Не надо проявлять беспокойства из-за сближения Кабула с Москвой, а то сардар станет нас шантажировать большевистским штурмом. Поторгуемся. И окажем на него легкий нажим, тем более что реальным сближением пока не пахнет...

Следующее заседание состоялось через три дня. Когда сэр Гамильтон недвусмысленно выразил нежелание включить в договор пункт о самостоятельности Афганистана, поднялся индийский мусульманин сэр Шамс Шах и заверил участников переговоров, что Индия ненавидит большевиков. Иначе и быть не может: у них нет разницы между высоким и низким. В Индии множество каст, и она не хочет их уничтожения согласно большевистским принципам. Эти люди обобществляют жен, разрушают торговлю. Индия не пустит их к себе, даже если они овладеют Афганистаном.

Шамс Шах ссылался на далекое прошлое:

— Еще во времена Кубада, отца Науширвана, жил полунищий Маздак. Он верил в те же идеи, что и большевики, причинил много зла. Придя к власти, Науширван казнил Маздака и его последователей. Та же участь постигнет и большевиков...

О том же толковал коллега Шамс Шаха— сикх сэр Гурбахш Сингх.

— Безбожники они! — восклицал он.— Индия ненавидит их. Большевики восстали против королей, значит, они восстали против бога. Поскольку все люди Индии поклоняются богу, каждый своему, они не желают даже слышать о большевиках!

— Большевики хуже холеры в Индии! — поддакнул Али Ахмад-хап.

— Поэтому, если они проникнут в Афганистан,— заключил Грант,— мы закроем все двери, ведущие оттуда к нам. Вы должны твердо выбрать между этой смертоносной заразой и старыми друзьями.

При такой аттестации англичан доктор Абдул Гани переглянулся с другими афганскими делегатами. Игнорируя реакцию коллег, Али Ахмад-хан заявил:

— Кажется, вы подготовили условия договора. Если мы снова станем друзьями, я обменяюсь шляпами с сэром Гамильтоном Грантом и пожму ему руку...

— Буду польщен,— откликнулся англичанин.

29 июля сэр Гамильтон Грант огласил проект договора о прекращении враждебных действий. Кабулу надлежало принять на себя ответственность за войну, согласиться на демаркацию англичанами границ Афганистана на спорных участках, отказаться от мысли получить субсидию, которую правительство Индии задолжало Хабибулле-хану, и прекратить всякие связи с афганскими племенами в Индии.

— А что же насчет отказа от вашего контроля? Такой договор нам не подходит! — побагровел Али Ахмад-хан. — Неужели не ясно, что Афганистан уже завоевал независимость. Признает это британское правительство или нет, значения не имеет.

Его все более охватывал гнев.

— За прошлые дни мы сблизились миль на пятьдесят. Теперь отделились на сто...

В начале августа, на следующем заседании, афганцы внесли свои замечания, англичане — свои. Первые говорили о независимости, вторые — о чем угодно, кроме этого: об уточнении границ, о возможности возобновления субсидии, о подданстве восточноафганских племен... Дипломатические беседы порой превращались в обмен колкостями.

— Переговоры не могут длиться бесконечно,— заявил сэр Гамильтон. — В качестве последнего срока для подписания договора намечено шестнадцатое августа. Если вы намерены отклонить проект, известите заранее: подадим поезд для отъезда.

— Мы готовы покинуть Равалпинди,— угрюмо откликнулся сардар.

Затем все начиналось сызнова.

6 августа: Грант — Али Ахмад-хану:

— Буду рад выслушать новые мысли вашего превосходительства.

Али Ахмад-хан — Гранту:

— Я жду, не скажете ли вы чего-либо нового.

— Прежде всего я хочу знать, намерены ли вы подписать договор?

— А как насчет отказа от контроля над Афганистаном?

...И все это время между резиденциями обеих делегаций сновал маленький, незаметный человечек. Курточка, шальвары, сандалии, грязно-серая чалма — ничем не отличить от любого жителя Равалпинди. То был Абдул Наби, один из клерков афганской делегации. С ним быстро подружились отвечавшие за прием афганцев Бахадур Музафар-хан и Тасаддук Хусейн, сочетавший службу в полиции с работой в Центральном разведывательном департаменте. Они частенько вместе заходили в кабачок «Радость Пинди», где Абдул Наби наслаждался такими приятными, хотя и крепкими напитками, что от них не отказался бы и самый ревностный мусульманин. Он в долгу не оставался и, находясь в подпитии, делился секретами.

— Нам необходимо срочно заключить мир, не так ли? — сказал как-то Мэффи Гранту. — Вот и подбросим надутому сардару идею дать приложение к договору. Через Абдул Наби. Ключет! С одной стороны, вроде бы признаем независимость, а с другой — и не очень. Ведь лорд Челмсфорд, вероятно, торопит?

— Еще как. Вот, взгляните, в сегодняшней почте копия телеграммы вице-короля в Лондон от пятого августа: полное признание необоснованности наших утверждений, будто война с Кабулом выиграна Британской империей.

Мэффи взял протянутый ему листок бумаги и прочел:

— «...Наш военный аппарат хромал на все четыре ноги...» Отчего же? Ага, вот: «...был в известной степени подорван в силу особых мер, принятых нами для поддержания порядка в Пенджабе и в других местах... Нам приходилось иметь дело с событиями, которые могли перекинуться на всю Индию...» В общем это справедливо.

— Значит, нечего понапрасну тянуть время. Мы прижаты к стене. Пускайте в ход ваш хитроумный маневр!

8 августа, когда сэр Гамильтон в очередной раз задал свой вопрос, главный афганский делегат произнес со значительным выражением лица:

— Хорошо. Идем навстречу. Принимаем. С учетом наших пожеланий, разумеется. Но... — Али Ахмад-хан поднял указательный палец. — Но только если будет еще бумага, подтверждающая самостоятельность Афганистана!

Грант погрузился в раздумье. Потом обреченно глянул на коллег и печально протянул:

— Ну что ж, в интересах восстановления добрых от-

пошений между нашими государствами... Надеюсь, мистер Каннингхем, вас не затруднит ознакомить джентльменов с окончательным текстом?

Секретарь британской делегации звучным голосом прочел:

— «Мирный договор между Блистательным Британским Правительством и Независимым Афганским Правительством...»

Он остановился и обратился к шефу:

— Сегодняшним числом датируется, сэр?

Грант молча кивнул, и тот продолжал:

— «...заключенный в Равалпинди 8 августа 1919 года, что соответствует 11 зу-ль-каада 1337 года хиджры. Для восстановления мира следующие статьи согласованы между Британским Правительством и Афганским Правительством.

Статья I. Со времени подписания Договора устанавливается мир между Британским Правительством, с одной стороны, и Правительством Афганистана — с другой.

Статья II. Ввиду обстоятельств, проявившихся в нынешней войне между Британским Правительством и Правительством Афганистана, Британское Правительство, чтобы выразить свое неудовольствие, отменяет предоставленные прежнему эмиру привилегии, касающиеся провоза вооружения, амуниции или военного снаряжения через Индию в Афганистан.

Статья III. Также отменяется субсидия, назначенная покойному эмиру, и нынешнему эмиру субсидия не предоставляется...»

Али Ахмад-хан задвигался в своем кресле. Каннингхем покосился на него:

— «...Статья IV. В то же время Британское Правительство желает восстановления старой дружбы, столь долго связывавшей Афганистан и Великобританию, полагая, что существует гарантия искренних намерений Афганского Правительства, со своей стороны, восстановить дружбу с Британским Правительством. При условии, что Афганское Правительство докажет это своими делами и поведением, Британское Правительство готово принять другую афганскую миссию через шесть месяцев для обсуждения и урегулирования проблем, представляющих взаимный интерес для обоих Правительств, и для восстановления старой дружбы на удовлетворительной основе...»

Али Ахмад-хан поднял руку:

— О Аллах! Не понимаю. Потратили столько дней... Что сегодня подписываем? Настоящую бумагу или фальшивую? Если настоящую, зачем другие люди и новые разговоры через полгода?!

Грант терпеливо, словно увещевая расшалившегося сорванца, принялся разъяснять:

— Между соседями произошла ссора. Считаю, что по вашей вине. Это — соглашение о ее прекращении. Если от враждебности последних месяцев Афганистан вернется к традиционной дружбе с нами, все станет на место. Снова будет денежная субсидия — возможно, даже крупнее прежней, возобновятся поставки оружия и всяких товаров...

Англичанин широко раскинул руки, как бы рисуя необъятность преимуществ, обретаемых в таком случае афганцами.

— Но вам придется прислушиваться к нашим советам — они пикогда не были плохими и корыстными — и доказать искренность и благожелательность по отношению к своему доброму соседу. Если в течение испытательного срока мы убедимся в этом, подпишем дружественный договор. Так и передайте в Кабуле. Что там еще, Каннингхем?

— Последняя статья, сэр, пятая, о границе: «Афганское Правительство согласно с индо-афганской границей, принятой покойным эмиром. Оно не возражает также против демаркации британской комиссией необозначенной части границы к западу от Хайбера, где происходила недавняя афганская агрессия, и принимает ту линию, какую проложит эта комиссия. Пока демаркация не будет проведена, британские войска останутся на своих прежних позициях на той стороне». Все, сэр.

— Итак, дорогой сардар, подпишемся под этим договором и займем место в истории.

— Без большого удовольствия. Бумага не посит дружественного характера. Я ее подпишу, конечно, но не раньше, чем рядом с ней будет лежать и другой документ — о признании независимости Афганистана.

— Достопочтенный комиссар, ведь вы находитесь среди джентльменов! Но все равно, зная вашу скрупулезность, мы подготовили и его. Вместе с тем хочу предупредить: он имеет форму моего письма, адресованного вам. Значит, не подлежит обсуждению или каким-либо изменениям. Читайте, Каннингхем!

Секретарь откашлялся:

— «От главного британского представителя на индо-афганской мирной конференции — главному афганскому представителю.

Вы запросили у меня некоторые дополнительные заверения по поводу того, что мирный договор, предлагаемый ныне Британским Правительством, не содержит ничего, что являлось бы вмешательством в полную свободу Афганистана в его внутренних или внешних делах.

Мой друг, если вы прочтете Договор внимательно, вы увидите, что там нет такого вмешательства в свободу Афганистана. Вы говорили мне о нежелании Афганского Правительства возобновлять договоренность, в соответствии с которой усопший эмир согласился безоговорочно следовать советам Британского Правительства в своих внешних сношениях. Посему я не настаивал на этом: нет об этом и упоминания в Договоре. Итак, указанный Договор и это письмо официально оставляют Афганистан свободным и независимым в его внутренних и внешних сношениях.

Больше того, эта война упразднила все прежние соглашения». Все, сэр!

— Благодарю, Каннингхем! Устраивает вас услышанное, милейший сардар?

— Довольно туманно, не в обиду вам будь сказано, сэр Гамильтон. Но в общем, полагаю, звезды благоразумия обратили наконец лучи мудрости на наши головы, и мы можем попытаться проложить себе путь на страницы истории. Где перо?

Когда слева под договором появилась подпись Али Ахмад-хана, а справа — его британского коллеги, Грант спросил, присутствовал ли сардар при подписании соглашения эмира Хабибуллы-хана с сэром Льюисом Дэном в Кабуле в 1905 году. Али Ахмад-хан дал утвердительный ответ.

— Тогда вы должны помнить, что на тексте появилась клякса и сэр Льюис процитировал стихи Хафиза: «За родинку моей любимой готов отдать и Самарканд и Бухару».

— Помню, но в ту пору была иная ситуация. А кроме того, не надо забывать, что перед этим говорится: «Если возлюбленная завоюет мое сердце!..» Непременное условие! Не знаю, сэр, кому вы отводите роль девушки, а кому — ее возлюбленного, — усмехнулся афганец.

— Я предложил бы вам в дар Бухару и Самарканд, но не представляю, как отнесутся к этому большевики.

Али Ахмад-хан пристально посмотрел на Гранта, хотел что-то сказать, но промолчал.

Прощаясь с Грантом на вокзале, сардар заметил:

— Увы, бумага, с которой я возвращаюсь в Кабул, не настолько дружественна, чтобы я отдал вам свою шляпу.— И он гордо нахлобучил на лоб полицейский шлем...

В истории дипломатии нелегко назвать другую конференцию, итоги которой вызвали бы такое единодушное осуждение со стороны правящих кругов обоих государств-участников.

Накануне отъезда комиссар отправил домой ликующую телеграмму: «Независимость Афганистана обеспечена!» В столице, напуганной налетами британской авиации, эта весть вызвала всеобщую радость. 13 августа Кабул встретил Али Ахмад-хана и его спутников орудийным салютом и восторженными толпами.

Однако затем триумфатора постиг удар. На заседании кабинета Махмуд-бек Тарзи обвинил его в превышении полномочий.

— Всеми помыслами нашего дипломата,— иронизировал министр иностранных дел,— овладело слово «независимость». И когда хитроумные соседи произнесли его, загнав в какую-то второстепенную бумажку, он забыл о важнейших вещах. Если они, как и прежде, будут определять рубежи нашей родины, то где же здесь независимость?!

За ним на сардара обрушился сипахсалар. Надир-хан был возмущен тем, что тот не добился официального отказа англичан от репрессий против племен Вазиристана за их поддержку афганских войск в Куррамской долине.

Эмир не торопился с оценкой действий комиссара. В глубине души он был счастлив: так или иначе, удалось заставить могущественных британцев принять его главное требование. Разумеется, лучше было бы оформить это более четко. К тому же он не мог не поддержать ведущих членов кабинета. И Али Ахмад-хан оказался под домашним арестом.

Опала длилась недолго. Комиссар заявил, что давно мечтает взять в жены одну из сестер Амануллы-хана — Сирадж уль-Банат; желание это было одобрено ее матерью и его теткой — влиятельнейшей Улией Хазрет. Можно ли было держать под замком счастливого жениха? Смешно...

В отличие от Кабула Лондон заволновался сразу же. На соглашение, заключенное в Равалпинди, обрушились

доживавшие свой век участники карательных экспедиций на северо-западе Индии, потомки «героев» афганских войн и сами «герои». Они собирались кучками у здания парламента и кричали: «Предательство! Вероломство! Как можно, разгромив Германию, уступить наглým требованиям жалких азиатов?..» Газеты и журналы не только консервативного, но и либерального толка вышли со статьями, клеймившими позором виновных в нанесении ущерба достоинству нации.

Шуму было бы еще больше, если бы было опубликовано письмо Гранта, содержащее признание самостоятельности Афганистана. Поначалу его держали в секрете. Но верхам оно было известно, и многие негодовали столь же жаростно.

Министр по делам Индии сэр Эдвин Монтегю срочно подготовил проект распоряжения о смещении лорда Челмсфорда. В парламенте лорд Сиденхэм выразил возмущение по поводу того, что «договор в Пинди» окружил афганцев ореолом победителей, принадлежавшим по праву англичанам. Особенно кипел глава Форин Офис. Лорд Керзон открыто сетовал на то, что ничего никому нельзя поручить: непременно испортят!

Между тем верхи знали и о другом. Знали они и о падении престижа Британской империи вследствие краха поддерживаемого ею белого движения в Советской России и собственной интервенции. Знали о массовых волнениях в Индии, о героической борьбе афганского народа. Знали, что не от хорошей жизни не удалось восстановить владычество над Кабулом. И сэр Эдвин так и не передал премьер-министру предложение сместить лорда Челмсфорда.

Но ведь кто-то должен нести ответственность за политический провал! Простите, а кто подписал злосчастные документы? Сэр Гамильтон Грант? Почему же он как ни в чем не бывало остается главой внешнеполитического ведомства при вице-короле Индии? И сэра Гамильтона перевели из Дели в Пешавар на должность губернатора самой беспокойной части Индии — Северо-Западной пограничной провинции. Что натворил, то и расхлебывай...

...20 августа 1919 года в Кабуле, на площади перед Идгах-мечетью, собрались тысячи людей. Здесь Аманулла-хан провозгласил самостоятельность родины. Здесь короновался. Здесь призвал патриотов к священной борьбе с поработителями. Здесь эмир вновь поднялся на трибуну под приветственные возгласы толпы.

— Мой гордый и храбрый народ,— начал он, как и

недели назад.— Мы завоевали политическую свободу, избавились от британской опеки! Мы политически свободны и можем говорить с любой другой страной. Этот счастливый день нашей независимости наступил благодаря вашему героизму и самопожертвованию...

Радостный клич, вырвавшийся из тысяч уст, заглушил слова Амануллы-хана. Но независимость еще нужно было закрепить...

Тем более что серьезные люди, презиравшие пустые речи, отнюдь не отказывались от планов вернуть афганский народ в зависимое состояние. К этому стремился прежде всего главнокомандующий англо-индийской армии генерал Чарлз Монро. Собрав свой штаб, он заявил: «Наши политические отношения с эмиром должны быть изменены коренным образом. Мы не можем оставаться с завязанными глазами по эту сторону границы».

Серьезные люди даром времени не тратят. Для сбора и обработки соответствующих сведений в Пешаваре немедленно было создано Афганское разведывательное агентство. Для руководства им прибыл Дж. Адамс из Центрального разведывательного департамента.

Одно из первых донесений Адамс получил с Кокхатского перевала. Оно гласило, что на следующий день после подписания договора в Равалпинди высоко в горах, на линии, отделявшей афганские земли от Британской Индии, был установлен громадный стяг со звездой и полумесяцем и четкой надписью «Афганистан». Его можно было разглядеть из самых отдаленных уголков Вазиристана и Полосы независимых племен. Как же было не понять яростного желания англичан сорвать это знамя, смять его, растоптать?!

САФИР ИЗ «КРАСНОЙ СТОЛИЦЫ», ИЛИ НЕУДАЧА «ГАЗАНФАРА АЛИ»

По салон-вагону медленно прохаживался человек среднего роста в строгом темном костюме. На его лице выделялись густые брови над глубоко посаженными карими глазами и чернейшие, до синевы, усы и борода. Элегантный и подвижный, он выглядел моложе своих сорока лет.

Человек явно нервничал. Он не спускал глаз с окон, хотя смотреть было не на что: сломанная водокачка, три деревца, кучка невзрачных домишек, окруженных огоро-

дами, а за ними — бескрайняя степь. Тоскливый пейзаж... Семафор будто закаменел в горизонтальном положении. Смотреть было не на что и по ту сторону: за несколькими нитками рельсов простерлись такие же безбрежные степные дали.

На этой станции не было даже вездесущих мальчишек. Иначе они непременно сбежались бы, чтобы поглазеть на диковинный вагон: такие еще не останавливались в их глуши. То был роскошный некогда салон-вагон, из каких составляли до революции царские поезда. В нем еще сохранились зеркала, остатки ковров и арматура, отливавшая желтой медью. Наряду со спальными купе, кабинометом и комнатой для отдыха в нем были столовая и кухня.

Вот только продуктами обеспечить эту кухню не всегда удавалось, и разбитной Вася Ухов, бывший кок с эсминца «Грозный», тихо говорил по этому поводу всякие слова. Тихо, потому что человек в темном костюме терпеть не мог брани. Даже в таких условиях, когда лишь одна она облегчала душу и помогала решить очередную сложную проблему.

Об этом салон-вагоне были заранее оповещены все начальники станций, расположенных на почти пяти тысячах верстном пути, соединявшем Москву с Кушкой. От Москвы до Кинели его без промедления прицепляли к пассажирским поездам, а после Кинели — к почтовым составам. И хотя поезда фактически шли вне графика, салон-вагон неуклонно двигался вперед и вперед, к важной цели, ибо в нем находился «сафир», посол, чрезвычайный и полномочный представитель РСФСР в странах Центральной Азии Яков Захарович Суриц. Он направлялся в Кабул с особой миссией — наладить дипломатические отношения с независимым Афганистаном и установить непосредственные связи со всеми правительствами и революционными организациями, ведущими борьбу за освобождение своих стран и народов от империалистического ига.

После Октября ему довелось и возглавлять советскую миссию в Дании, и представлять Наркомат государственного контроля в Малом Совнарком, и быть членом коллегии Народного комиссариата торговли и промышленности. От этих обязанностей он не был освобожден и ныне.

Он очень торопился и негодовал по поводу любой непредвиденной остановки, подобно этой — где-то за Илецком.

Суриц оглянулся на скрип входной двери. В ее проеме показался высокий матрос с черной кобурой на поясе.

— Ну что, Сергей?

— Все в порядке, Яков Захарович. Почти договорился. Тут на семнадцатой версте через пути перескочила какая-то шальная банда. Ну и подорвала рельсы. На всякий случай... Начальник станции выслал дрезину с ремонтниками. Обещал к вечеру поднять семафор...

Суриц удрученно вздохнул:

— Эх, станционный смотритель! Еще полдня потеряно. Перекусим с горя, что ли?

Через полчаса из кухни, давно уже переименованной им в камбуз, гордо вышел Вася Ухов. Он торжественно водрузил на стол поднос, на котором стояли две тарелки с картошкой, исходившей паром, рядом — тарелочка поменьше с ломтиками нежного, розового сала, слегка присыпанного солью, и хлебница со свежим, душистым пшеничным хлебом.

— Откуда это великолепие, кок? — спросил Суриц, зная, что повар обожает, когда его величают «по-морскому».

— А помните, Яков Захарович, станцию под Оренбургом, где мы застряли с вечера? Каргала вроде. Ну, вышел я воздухом подышать да у водокачки познакомился с одной бабенкой. Вполне приятная собой. Слово за слово. Пригласила в гости, благо мужа на фронте убило.

— Кому благо... — хмыкнул Сергей.

— Отправился, значит, я. Домик прямо у пакгауза — состав виден. Думаю: тронется — выбегу и — р-раз — на ступеньку...

— В исподнем, — бросил снова Сергей.

— Ну что ты за человек такой! Обязательно надо гадость сказать! — обиделся Вася. — Сидели хорошо, беседовали. Уговаривала остаться. «Кто же их кормить будет?» — спрашиваю. Вас, то есть. Ну, услышала такое, завернула в тряпочку пматок сала, дала картошки мешочек, пару буханок хлеба. Он у них, знаете, до чего вкусный! Из оренбургской пшеницы.

Повар уже повернулся, чтобы идти на кухню, когда его настиг возглас приятеля:

— Ах, стервец! Совсем обобрал несчастную женщину... Скажи хоть, чем с ней расплачивался?

— Пошел ты... — огрызнулся Вася, но осекся, взглянув на Сурица.

Тот грустно улыбался.

— Жизнь повседневно смешивает воедино драму, трагедию и комедию. Кто-то гибнет на войне, будь она проклята! Живые стремятся к радости и счастью, даже если оно мимолетно и зыбко... Как бы станционный смотритель не подвел, а то у меня совсем упадет настроение.

— Кто, кто? Какой смотритель?

— Ты Пушкина читал?

— Мало. «Руслана и Людмилу», о попе и Балде. И потом вот это: «Кто скачет, кто мчится под холодной мглой...»

— Эх, Сергей, — усмехнулся Суриц. — Это стихи великого немца — Гете, которые перевел наш Жуковский. А у Пушкина есть повесть «Станционный смотритель». Вот я и назвал так начальника этой станции. У тебя какое образование?

— Нет у меня образования. Только грамоту успел осилить. Подрос — взяли на флот. Ну а там какое образование — боцманская дудка.

— Вернемся в Москву, обязательно иди учиться. Может, к тому времени всю белогвардейскую и чужеземную мразь вышвырнем и установится мир...

— Яков Захарович, давно хочу вас спросить... — робко произнес помощник полпреда.

— Спрашивай. Чем-чем, а разговорами мы себя здесь вполне можем побаловать.

— Извините, конечно. Правда ли, что ваш мандат подписал сам Ленин?

— Правда. Только это не мандат, а грамота. Хочешь взглянуть?

— А можно? Очень хочу! — Сергей засиял в улыбке.

Суриц отправился в кабинет и вынес оттуда кожаную папку. Снова сел за стол, отодвинул пустые тарелки и положил папку перед Сергеем. Тот бережно раскрыл ее и впился глазами в бумагу, подписанную Председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР В. Ульяновым (Лениным).

— «Ве-ри-тель-ная гра-мо-та», — прочел по складам. Дальше его чтение стало более уверенным. — «Именем Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР Совнарком назначает сим Якова Захаровича Сурица Чрезвычайным и Полномочным Представителем РСФСР в Центральной Азии, возлагая на него дипломатические отношения с народами независимого Афганистана...» Яков Захарович, а что это значит «верительная грамота»?

— Она свидетельствует перед правительством той

страны, куда едет посол, о его полномочиях и задачах. Понял?

— Не очень.

— В Афганистане я передам грамоту его правителю. Он увидит из нее, что я не самозванец, что мои права утверждены нашим Советом Народных Комиссаров, а цель — всеми силами помочь налаживанию советско-афганских отношений. Стало ясно?

— Вроде бы да.

— Ну вот. А знаешь, как я оконфузился в связи с этой самой бумагой? В июне девятнадцатого года меня назначили полпредом в Кабул. Так повелось, что верительную грамоту составляет именно посол. Считается, что он хорошо знает обстановку в стране, куда едет, прекрасно понимает свои задачи. Так обычно и бывает. Но я-то Афганистана совершенно не знал...

Яков Захарович умолк, что-то припоминая.

— Тебе фамилия Грибоедов знакома?

— Не очень.

— Ну, о комедии «Горе от ума», наверно, слышал.

— Слышал. На нашем крейсере говорили, что у старпома горе от ума.

— Это не совсем то. Впрочем, неважно. Я просто хотел сказать, что, отправляясь послом в Персию, Грибоедов сам писал свои инструкции. Ладно, и я занялся таким же делом. Пошел в архив познакомиться с образцами. А там десятки, сотни полок, тысячи и тысячи папок с документами. Все они, разумеется, лежат по системе — всякие там описи, разряды. У меня образование побольше твоего, но на первых порах из-за этого обилия бумаг на душе стало тоскливо...

Сергей слушал, стараясь не упустить ни слова.

— Наконец разобрался, как мне казалось. Подготовил грамоту. Еще раз посмотрел, подправил. Понес к Ильичу.

— К самому Ленину?!

— Конечно. Ведь он должен был ее подписать. Прочел Ильич и деликатно так говорит: «Э, батенька, главное-то вы обошли! Основное-то упустили. Иначе надо». Взял ручку и быстро, без всяких там архивов набросал текст. Меня, признаться, задело: что же я упустил? Посмотрел — и устыдился. Первым делом Ленин подчеркнул, что Советская Россия считает народы Афганистана и других стран Востока независимыми или добивающимися свободы. Я же это важнейшее положение, как он справедливо заметил, обошел. И был наказан. Морально...

Моряк сочувственно покачал головой.

...«Станционный смотритель» сдержал слово. Поздно вечером поезд двинулся дальше. Исколесивший почти всю Европу, полпред с интересом наблюдал, как менялся окружающий пейзаж. Оренбургские степи уступили место полупустыне, а затем появились пустынные пространства, залитые солнцем и поражавшие яркой желтизной.

Сурицу доставляли удовольствие задушевные беседы с Сергеем Гурко: молодой моряк вызывал у него почти отцовские чувства. Гораздо важнее, однако, было обсуждение плана действий в Афганистане с его ближайшими сотрудниками — первым секретарем посольства Игорем Михайловичем Рейснером, вторым секретарем Эдуардом Мартыновичем Риксом и переводчиком Петром Ивановичем Петровым. Правда, Рейснер лишь недавно отпраздновал свое двадцатилетие, зато Петров, почти ровесник Сурица, прожил несколько лет в Иране, да и Рикс, бывший царский офицер, перешедший на сторону Советской власти, в свои тридцать лет тоже успел побывать в Иране. Они познакомили Якова Захаровича с обычаями мусульманских народов, говорили о трудностях, с которыми посольство неминуемо должно было столкнуться.

За Мугуджарскими горами произошла неожиданная встреча. На станции Челкар предусматривалось «скрепление» поездов, шедших из Оренбурга в Ташкент, и составов, следовавших в обратном направлении. Дожидаясь встречного поезда, Суриц со спутниками прогуливался по перрону. Наконец на станцию вкатился товарный поезд, к которому было прицеплено несколько пассажирских вагонов. Среди вышедших из них подышать свежим воздухом людей трое были в иностранной военной форме. Суриц поручил Петрову выяснить, кто они. Переводчик возвратился чуть ли не бегом.

— Яков Захарович! — изумленно сказал он. — Да это наши коллеги. Афганский посол генерал Мухаммад Валихан со свитой. Следует в Москву!

Дипломаты представились друг другу и обменялись рукопожатиями. По взаимной просьбе глав посольств начальник станции нарушил график движения, задержав отправление поездов (в то время это иногда практиковалось). Советские и афганские посланцы поделились сведениями о последних событиях в тех местах, откуда следовали, о происходящих в мире делах.

Представители Советской России оказались гораздо лучше информированными, чем застрявшие в Ташкенте

афганцы. Суриц с удивлением узнал, что они не знали о заключении англо-афганского перемирия и даже о подписании в августе соглашения в Равалпинди.

— Значит, военные действия завершились нашей победой! — воскликнул Мухаммад Вали-хан. — И англичане юридически подтвердили это?

— Не совсем, — охладил его пыл Суриц. — Насколько можно судить, они именуют подписанный документ предварительным. Видимо, не теряют надежды все переиграть.

— Ну уж нет! — энергично взмахнул рукой генерал. — Из этого ничего не выйдет. Наш народ ни в коем случае не допустит, чтобы на него вновь надели ярмо, уверяю вас.

Как ни любезно было железнодорожное начальство, злоупотреблять этим дипломаты не собирались. Пожелав друг другу успехов в их миссии, они разошлись по своим вагонам.

— Генерал — очень интересный человек, — произнес Суриц. — Казалось бы, столь непродолжительный разговор, а он успел проявить такую широту взглядов и понимание обстановки, что я могу лишь восхищаться.

— Его подчиненные интересовались вами, Яков Захарович, — улыбнулся Рикс. — Я удовлетворил их законное любопытство. А на основах взаимности установил, что Вали-хан — таджик из Дарваза, горячий патриот, поборник прогресса и полной независимости своей родины. Говорят, что он пользуется полным доверием эмира и Тарзи.

За окном все еще тянулись пески. Узкая зеленая лента — деревья и кустарники — начала радовать глаз лишь после Казалинска, именовавшегося ранее Фортom № 1. Поезд двигался теперь вдоль Сырдарьи.

На календаре зима вытесняла осень, а здесь солнечные лучи, лившиеся с безоблачного неба, становились все более жгучими, воздух — все более горячим. Еще на станции Аральское море Вася купил несколько связок сочившихся жиром копченых жерехов, усачей и сазанов: их продавали промышлявшие рыбной ловлей уральские казаки. По мере дальнейшего продвижения на юго-восток рацион обитателей салон-вагона становился все более разнообразным. Старик узбек на станции Джусалы расположил свой бахчевой товар чуть ли не на самых рельсах. Он так пронзительно кричал: «Кель, диня! Подходи, есть дыни!» — что Яков Захарович и его спутники не могли не поощрить усердие продавца.

Где бы ни останавливался состав, к нему сбегались

женщины — казашки, потом узбечки, повторяя одни и те же слова: «Спички! Мыло! Чай!» Война и разруха нарушили хозяйственные связи. За пачку чаю или за кусок мыла можно было выменять и шерстяной платок, и золотую тюбетейку, и более дорогие изделия. Но обитатели придорожных селений отходили от вагона разочарованные: его пассажиры сами пользовались вместо чая какой-то бурой смесью под наименованием «морковная заварка».

Вагон между тем настойчиво продвигался вперед, уводя все дальше в неведомое человека, облеченного столь высокими полномочиями. Первые официальные переговоры дипломата Страны Советов с руководителями восточного государства, лишь недавно сбросившего чужеземный хомут, со многих точек зрения могли оказаться далеко не простыми. Суриц отлично понимал, что ему неизбежно придется столкнуться с недоверием, подозрительностью, даже враждебностью.

Еще собираясь в далекий путь, Яков Захарович начал с присущей ему обстоятельностью знакомиться с проблемами международных отношений на Востоке, с историей Афганистана. Он не случайно сетовал на недостаток у революции хорошо подготовленных, образованных людей.

— Понимаешь, Сергей! — отводил он душу в беседах с матросом. — Как плохо, чертовски плохо, что ты и подобные тебе — люди, преданные нашему делу, — недостаточно образованны. Знаешь, Ильич весной, на восьмом съезде партии, говорил, что у нас крайне мало образованных и способных политических руководителей, да и они практически надорвались. Такое выражение употребил Ленин. Сделали больше, чем это было возможно... Стало быть, тебе прямая задача — учись и учись!

Сергей в сердцах ударил кулаком в ладонь:

— Яков Захарович, да я разве не хочу этого! Обязательно пойду учиться...

Он посмотрел на дипломата исподлобья:

— Если хотите знать, я полжизни отдам, чтобы мне когда-нибудь доверили такую кожаную папочку с письмом Ильича...

Суриц усмехнулся:

— Зачем же для этого отдавать полжизни, чудак. Достаточно и нескольких лет учебы. А жизнь посвятить борьбе за ленинские идеи...

Детально и всесторонне (как Суриц привык) изучить все то, с чем придется столкнуться, в Москве он успеть

никак не мог. Ведь о назначении в Афганистан он узнал чуть ли не за неделю до отъезда. Поэтому в пути он проводил много часов за книгами и журналами по Востоку, какие удалось захватить с собой. Выходил из кабинета, как правило, лишь тогда, когда колеса предательски замедляли бег и состав замирал — в который раз! — на каком-нибудь полустанке.

Но в общем жаловаться было грешно. Быстро ли, медленно ли салон-вагон все же продвигался к цели. Сурица торжественно встретили в среднеазиатской столице Ташкенте. Несколько часов обсуждал он с руководителями Туркестанской республики обстановку в соседних странах, выясняя, чем она чревата и какую наметить линию поведения.

Далеко не все услышанное обнадеживало. И прежде всего сведения о ситуации в Кабуле. В Ташкенте, в непосредственной близости от афганских земель, лучше ощущались настроения эмирского двора. Они настораживали. Нет, Аманулла-хан не собирался просить прощения у Лондона и признавать былую зависимость от него. Но многие приближенные молодого, энергичного эмира пытались внушить ему не очень дальновидные мысли. А он порой им поддавался. И, что было особенно странно, вместе с ним совершал ошибки и куда более опытный Махмуд Тарзи.

Яков Захарович внимательно слушал работников Наркоминдела Туркестана, изучал документы. Не хотелось верить, что кабульские власти, в свое время высоко оценившие позицию революционной России, могли предъявлять претензии на советские территории. Им овладело столь мрачное настроение, что Сеня Харин, юный наркоминделец, еще не освоивший все тонкости дипломатического этикета, бросился даже успокаивать его:

— Да вы не расстраивайтесь, Яков Захарович! Это английские приспешники, подкупленные, вертятся вокруг Амануллы. Хотя бы тот же дядюшка Али Ахмад-хан. Вот они и накручивают эмира. Не огорчайтесь так!..

Сурица тронул простодушный порыв паренька.

— Хорошо, не буду. Предположим, недружественные жесты — внешнее, наносное. Но закрывать на них глаза нельзя. Политика, как известно, дело тонкое. На Востоке особенно. Что же делать? Вывод один: спокойно, убедительно и обоснованно доказать Аманулле-хану его неправоту. Так?

Никто не возразил.

— А если так,— продолжал «красный сафир»,— то надо располагать надежными материалами для наших будущих бесед в Кабуле. А потому прошу свести меня с кем-нибудь из старых туркестанцев, хорошо знающих прошлое края.

— Когда этим заняться?

— Как можно быстрее. Хоть сейчас!

Этот разговор происходил в небольшом тенистом саду особняка Наркоминдела Туркестанской республики. Заросшая плющом и виноградом, обсаженная кустами высокая ограда приглушала шум, доносившийся с Воронцовского проспекта. Помощник наркома — худой, с запавшими щеками Султан Мирзаев извинился и пошел в дом. Вскоре он вернулся:

— Договорился, Яков Захарович. Вас ждут в Публичной библиотеке.

— Кто же?

— Наш старожил. Евгений Карлович Бетгер. Его отец открыл в Ташкенте первую аптеку.

— Сын — фармацевт? — лукаво прищурился Суриц.

— Что вы! Востоковед, один из лучших знатоков среднеазиатской истории.

— Даже так? — подивился посол. — Это далеко?

— Два шага... Семен вас проводит.

Пройдя квартал и обогнув бывшую канцелярию туркестанского генерал-губернатора, превращенную после Октября в хранилище архивов, они переступили порог Публичной библиотеки. Дверь с табличкой «Отдел редких книг» вела в длинную комнату, сплошь уставленную стеллажами. Из-за письменного стола навстречу им поднялся высокий мужчина лет под сорок. Он снял большие роговые очки с сильными линзами, глянул на Сурица живыми, пытливыми глазами:

— Милости прошу. Садитесь, пожалуйста. Готов оказать любое содействие.

Суриц, завзятый библиофил, почувствовал, что в этом книжном царстве у него поднимается настроение.

— Благодарю, Евгений Карлович. Если позволите, посмотрим ваши богатства. Давно не был в хорошей библиотеке.

Бетгер развел руками:

— Почту за честь и с радостью познакомлю с ними. Между прочим, не встречались ли мы раньше, Яков Захарович? Убежден, где-то я вас видел.

— Вряд ли,— с сомнением покачал головой посол.—

Во всяком случае, в Ташкенте я впервые, хотя поездить пришлось...

— Ну, ладно. Всплывет. Вот наша гордость! — библиотекарь подвел гостя к полкам, уставленным большими толстыми томами в темно-красных переплетах. — В них все или почти все, что выходило в мире о Средней Азии и соседних землях со второй половины прошлого столетия.

— «Туркестанский сборник», — прочел Суриц на корешке. — Да этих томов здесь, пожалуй, сотни три...

Евгений Карлович деланно возмущился:

— Как это три?! Более шести сотен! Свыше четырехсот составил в Петербурге из книг, журнальных статей и газетных вырезок наш знаменитый библиограф Межов. Ему поручил это генерал-губернатор Кауфман более полувека назад. А остальные тома сформировал ташкентский ориенталист Александр Александрович Семенов. Это — совершенно уникальное собрание...

Чувствовалось, что Бетгер влюблен в книги и готов говорить о них часами. Он показал еще десятка два издания, сообщая попутно подробные сведения об их авторах или составителях, о познавательном или ином значении. Суриц был вынужден прервать его:

— Мне очень жаль, что время не позволяет как следует осмотреть вашу великолепную энциклопедию и все остальное, любезный Евгений Карлович. Все это мне очень бы помогло. Вот о чем хочется вас попросить. Определенными сведениями о политической обстановке на Востоке я располагаю. Однако крайне полезно было бы узнать детали исторического прошлого. Даже сравнительно недавнего.

— Мне объяснили по телефону, что вас интересует. Полагаю, основные труды по Туркестану и Афганистану, вышедшие в Петербурге и Москве, не прошли мимо вашего внимания?

— Думаю, что нет. Вплоть до «Автобиографии Абдурахман-хана» и сборника документов о русско-афганском разграничении.

— Превосходно. Я приготовил для вас несколько ташкентских изданий. Вероятно, они до столиц не дошли, хотя и весьма интересны.

В руках у Сурица оказалось пять-шесть книжек.

— Можно их взять с собой без ущерба для библиотеки?

— Разумеется! Это мои экземпляры, принесенные из дому. Я ведь живу здесь во дворе. Минует надобность —

перешлете. Либо передадите сами на обратном пути. Не вечно же будете сидеть в Афганистане. Еще одна встреча с вами меня весьма обрадует.

— Благодарю, Евгений Карлович! Сердечно благодарю и откланиваюсь. Вы не представляете, насколько я опаздываю с прибытием в Кабул...

Бетгер проводил гостей до выхода. Оказавшись вместе с ними на улице, он неожиданно ударил себя ладонью по лысеющему лбу и тихонько запел. Суриц недоуменно поднял брови, вслушался и стал подтягивать. Сеня Харин переводил изумленный взгляд с одного на другого: почтенные, солидные люди затянули песню на улице, словно после выпивки. Да еще на чужом языке.

То была песенка немецких буршей.

— Вспомнил, вспомнил, где я вас видел! Гейдельберг! — воскликнул библиотекарь.

— Да, я там учился. Правда, не очень продолжительное время, — усмехнулся посол.

— И я набирался там премудрости. Правда, всего шесть семестров, — в тон ему заметил Бетгер.

Они обменялись крепким рукопожатием.

Вечером того же дня салон-вагон прицепили к поезду, шедшему в Самарканд. Там пришлось сутки дожидаться состава для дальнейшего следования. Эта древняя столица грозного Тимура запомнилась красочной усыпальницей Гур-Эмир, где завоеватель лежал под нефритовым надгробием, там же похоронены его сыновья, внуки и правнуки. Суриц любовался ярко сверкавшими на солнце многоцветными изразцами единственной в своем роде кладбищенской галереи Шахи-Зинда — Живой царь, не потускневшими за многие столетия, бродил по площади Регистан с ее величественными медресе, долго стоял перед поражавшей воображение даже своими развалинами мечетью Биби-ханым.

Узловая станция Каган. Всего тринадцать верст отделяют ее от эмирской Бухары, средоточия архитектурных памятников средневекового Востока. Велик был соблазн хоть мельком взглянуть на эти неповторимые произведения искусства... Но не ему, посланцу пролетарского государства, оказываться в роли нарушителя «суверенных прав» феодального властителя, тайно и явно плетущего вкупе с англичанами интриги против Советского Туркестана!

Салон-вагон продолжал путь в южном направлении. На Северное полушарие надвигалась зима, а жара в ва-

гоне, казалось, усиливалась с каждым ударом колес на стыках рельсов давно нуждавшейся в ремонте железной дороги. Проехали мост, перекинутый через мутные, желтые воды своенравной Амударьи, миновали Чарджуй, Репетек, станции Уч-Аджи, Захмет, Иолотань.

От зноя мало спасал хилый вентилятор. Песок окружающих пустынь назойливо пробивался сквозь вагонные щели, покрывал все находящееся внутри, скрипел на зубках. Раздевшись чуть ли не донага, Суриц штудировал полученные от Бетгера книги. Два-три места ему особенно понравились: «Молодец сын аптекаря, гейдельбержец! Хорошо уловил, что требуется...» Потянулся за карандашом, чтобы подчеркнуть нужные строки, но вспомнил, что брошюру придется возвращать, заложил страницу и сделал запись в блокноте.

В кабинет заглянул Сергей:

— Не пора ли поесть, Яков Захарович?

— Так жарко, дорогой мой, что о еде даже думать противно. Скажи-ка лучше, долго ли нам еще находиться в этой парилке?

— Впереди станция Сандыкачи. За ней будет станция Ташкёпри. Ну а оттуда уже меньше двухсот верст до Кушки... Почитай, добрались.

Сурицу, конечно, не было известно, что несколькими днями ранее в одном из туркменских аулов состоялась беседа, имевшая прямое отношение к его судьбе.

...Река Герируд берет начало в самом центре Афганистана, между величественными хребтами Сафедкох и Сияхкох. Пройдя мимо Герата и обогатив своей влагой его оазис, она вскоре поворачивает на север, становится афгано-иранской, затем советско-иранской границей, под названием Теджен течет по туркменской земле и теряется в пустыне Каракум. Там, где Теджен протекает через озеро Шоркель, по обоим берегам реки раскинулся Серахс. На левом — иранская крепость Новый Серахс, на правом, советском — Старый Серахс. Этот городок издревле был важным торговым центром. В нем останавливались многочисленные купеческие караваны, направлявшиеся как в Россию, так и оттуда к восточным соседям. Особенно оживленным становился Старый Серахс осенью, когда спадала изнуряющая жара и завершался сбор урожая. Наступала пора торговых разъездов.

В те осенние дни 1919 года охрана границы еще не была налажена должным образом, и шестеро всадников, появившихся из-за реки на нешироких улочках, не прив-

лекли к себе особого внимания. Они были в туркменской одежде — черных бараньих папахах, надвинутых чуть ли не на уши, куртках и халатах, темных шальварах. Обычные туркмены...

Прохожие могли, пожалуй, подивиться лишь тому обстоятельству, что всадники, несмотря на поздний час, не ищут места для ночлега, а продолжают путь в надвигающуюся тьму. Не ровен час, можно наткнуться и на бандитскую шайку. А их много развелось в эти смутные годы, когда одна власть бесповоротно кончилась, а другая еще полностью не утвердилась...

Сосредоточенные и молчаливые, как и подобает тем, кто имеет дело с бескрайним величием Пустыни, всадники вскоре покинули пределы селения, но избрали почему-то не проторенную дорогу на Мерв, а двинулись прямо на восток, по едва различимой узкой конной тропе. Впереди, далеко оторвавшись от остальных, ехали двое — плечистый молодой мужчина с крючковатым носом и изогнутыми бровями, придававшими его лицу выражение удивления, и сутулый пожилой человек с густой рыжеватой бородой, подстриженной на туркменский лад — так, что она в основном приходилась на подбородок и часть шеи. Отъехав на значительное расстояние от Серахса, они оглянулись и придержали коней, чтобы их догнали спутники. Между ними завязался разговор.

Любой местный житель, оказавшийся поблизости, мог бы поклясться, что их беседа ведется на каком угодно языке, но только не на туркменском.

— Черт побери, Джеймс, — воскликнул плечистый, — вы твердо уверены, что мы следуем в пужном направлении? Не представляю, как вам удастся ориентироваться в этой темноте.

— Не волнуйтесь, Чарли, попадем, куда надо, — отозвался рыжебородый. — Поживите с мое в этих забытых богом краях, и будете чувствовать себя столь же уверенно. Впрочем, вы мне симпатичны, и я не желаю вам ничего подобного.

— А можно ли всерьез рассчитывать на содействие этого вашего... Как там его?

— Рахимберды-аги? Увидим. Он из племени салор, один из старейшин рода караман. Раньше я часто прибегал к его услугам. И небезуспешно. К сожалению, после проклятого большевистского переворота туркмен словно подменили. Повсюду только и слышишь: «Ленин! Ленин! Бумага! Бумага!»

— Что за бумага?

— Да вы, наверно, знаете. Большевистская декларация о правах народов Востока. Ее можно обнаружить почти в каждом оазисе и ауле в виде листовки, статьи в газете, а то и переписанную от руки. Хорошо хоть, что почти все они неграмотны.

— На кой же дьявол им эта бумага?

— Увы, Чарли, всегда и везде найдется грамотей, выступающий в дурацкой роли просветителя.

Отставшие догнали собеседников, и теперь вся группа продолжала путь вместе. Вскоре они подъехали к аулу. На яростный лай собак вышло несколько мужчин. Они молча повели путников в один из домов — стоявшую особняком большую мазанку.

Впрочем, за ними последовали только двое — Джеймс и Чарлз, остальные, видимо слуги, остались во дворе. Переступив порог мазанки, гости поклонились, приложив руки к груди и произнеся обычное: «Ас-салам алейкум!» Им ответили: «Алейкум ас-салам!»

В глубине комнаты на груди ватных одеял, ковров и подушек полулежал человек с отечным морщинистым лицом. Глубокая седина свидетельствовала о его преклонном возрасте, но взгляд темных глаз был острым и внимательным.

— Рад видеть тебя, Рахимберды-ага,— произнес по-туркменски рыжебородый.— Давно не получал удовольствия от наших бесед.

— Я тоже. Все ли хорошо в твоём доме, уважаемый Газанфар Али? — вежливо откликнулся старик.— Надеюсь, торговля твоя не очень страдает от происходящего вокруг.

Гости опустились на сооружение из одеял, ковров и подушек. Подали зелёный чай с изюмом и лепешками из пресного теста. Потекла неторопливая беседа о житействе — о состоянии стад и нехватке товаров, о небывало жарком лете и наступающей зиме: этикет запрещал хозяину осведомляться о целях позднего визита, как и о том, почему персидский купец из Серахса предпочёл своей обычной одежде туркменскую. Придет срок — гости скажут сами. Если захотят, конечно.

Рахимберды-ага познакомил их со своими сыновьями — Аманом, Хамматом и Махмудом. Ни Чарлз, ни они в беседе не участвовали.

Наконец приличия были соблюдены, от ужина приезжие отказались, и рыжебородый заговорил о том деле,

ради которого был потревожен ночной покой главы рода караман.

— Непростые пынче времена,— начал он издалека.— Непростые... Товаров все меньше. Торговля гибнет. С деньгами все хуже.

Рыжебородый сделал паузу:

— Вот что я скажу, достопочтенный Рахимберды-ага. Аллах, да святится имя его, навел нас на мысль... На днях стало известно, что из Ташкента в Кабул едет урус-эльчи — русский посол. Через Кушку...

Он еще помолчал:

— От Серахса до линии шайтан-арбы — около ста верст. Отсюда еще ближе. Для хорошего скакуна один день. Как раз вынесет к станции Сандыкачи. Или Ташкёпри. Урус-эльчи будет там через четыре дня, считая от завтрашнего. Он везет большие деньги, много золота и серебра. Много хороших винтовок. И никакой охраны...

Гость пытливо взглянул на старика. На лице Рахимберды-аги ничего нельзя было прочесть. Что-то прикинув, Рахимберды-ага неожиданно спросил:

— А как афганцы? Они чего-то ждут от эльчи?

Рыжебородый оживился:

— Да! Я еще не успел сказать. Он едет, чтобы объединить силы урусов с афганскими сарбазами для совместного удара по туркменам. Вольная Туркмения давно стоит поперек горла тем и другим! Как единовец, я подумал, что надо помешать свершиться беззаконию, и готов оказать посильную помощь.

Хаммат не удержался от гневного восклицания. Отец укоризненно покачал головой: мужчина должен уметь сдерживать свои чувства.

— Ты привез очень серьезные вести, уважаемый Газанфар Али. Очень серьезные! Я не сомневаюсь, что лишь крайне важная причина могла оторвать тебя от дел и заставила совершить нелегкий путь. Значит, говоришь, Сандыкачи или Ташкёпри?

Не дожидаясь подтверждения, Рахимберды-ага добавил:

— Видно, тебя сам Аллах надоумил... Следует и мне посоветоваться с мудрейшим. И время для этого пока есть: не сегодня ехать! Утром голова посвежее. Тогда и скажу, что решил. А сейчас пора спать.

Приезжих уложили в михманхане — гостевой комнате. Назавтра Рахимберды-ага поведал им, что во сне ему явился пророк Мухаммед, махавший своим плащом в ту

сторону, где проходит линия шайтан-арбы. Значит, рассуждать нечего. Он, Рахимберды-ага, теперь просто обязан совершить богоугодное дело и помешать урус-эльчи достичь тех мест, где он будет сговариваться о нападениях на туркмен. Ну а его груз — винтовки, золото... Поглядим! Если к тому моменту Газанфар Али со своими людьми окажется между намеченными станциями, то это поможет сделать все, как надлежит...

Позавтракав, гости попрощались и отправились в обратный путь.

— Как вы оцениваете результаты нашего визита, Чарли? — спросил Джеймс.

— Все оттенки беседы до меня не дошли. Ведь я не очень хорошо знаю туркменский язык. Он гораздо сильнее отличается от турецкого, чем я предполагал. Но из того, что я понял, складывается впечатление, что поездка была успешной. Не так ли? Генерал останется доволен.

— Хотел бы и я разделить ваш оптимизм, — задумчиво произнес рыжебородый. — Но, к сожалению, здешние жители не столь просты, как может показаться на первый взгляд. Не по душе мне быстрота, с какой этот хитрец Рахимберды-ага проглотил наживку. И над менее сложными делами он порой думал гораздо дольше. Во всяком случае, Мешхед следует проинформировать в достаточно осторожных выражениях.

* * *

Последние десятки верст, отделявшие советского посла от Кушки, казались особенно томительными.

Суриц простоял часа три у окна, обжигаемый раскаленным ветром. Вот проплыла станция Сандыкачи... Осталась позади станция Ташкёпри с ее приземистыми строениями... Когда миновали последнюю перед Кушкой — Калаи-Мор, Яков Захарович позволил себе присесть. Слава богу, скоро конец первому этапу длительных странствий.

Впрочем, отправиться дальше в тот же день не удалось. Кушкинский ревком обратился к посланцу Ленина с просьбой рассказать находящимся тут, на крайнем южном рубеже Страны Советов, как идет строительство новой жизни, что делается в столице. А главное — как Ильич? Об отказе нечего было и думать. И в набитом до предела зале бывшего Офицерского собрания полпред РСФСР несколько часов делал что-то вроде доклада «о те-

кущем моменте», а затем еще часа полтора отвечал на вопросы. Если бы председатель ревкома не заявил, что он «категорическим образом закрывает митинг», не удалось бы, пожалуй, Сурицу уйти с этого собрания на своих ногах. Как, когда, куда его увели после выступления, где уложили спать, он уже плохо представлял себе. Отказался от ужина, лег и, хотя поначалу непривычно чувствовал себя «на твердой земле», без вагонной тряски, уснул мертвым сном.

* * *

...За два дня до прибытия «красного сафира» в Кушку на пороге превращенной в уютный кабинет комнаты в усадьбе зажиточного купца Газанфара Али близ иранской крепости Новый Серахс появился Чарлз.

— Не пора ли отправляться, Джеймс? — спросил он у хозяина, сидевшего за письменным столом. — Да что с вами, ведь вы еще не одеты!

Тот так резко повернулся, что заскрипели ножки кресла:

— Куда это?

— Забыли, что ли? На перехват поезда с урус-эльчи. Едва успеем...

Рыжебородый нахмурился:

— Как бы нас самих не перехватили! Предчувствия меня не обманули. Когда мы уехали, старый лис разослал ко всем салорам гонцов, предложив взять этот дурацкий поезд под особую охрану. Чтобы с ним, не приведи господь, ничего не случилось на их землях...

— Не может этого быть!

— Представьте себе. Больше того. Он распорядился хватать всех подозрительных, какие окажутся у железной дороги, и сдавать властям...

— Ну и ну!

— Тут, правда, хитрец просчитался. Надежные люди предупредили меня, а то попались бы и мы с вами в западню.

— Как же теперь быть? Ведь генерал очень надеется на успех операции. Да и не он один.

— Хорошо ему в Мешхеде планировать эффектные похищения. На месте все гораздо сложнее. Уж я-то знаю!.. Конечно, будет шум. Впрочем, нам надо не спланировать и напустить такого тумана, какой и на Темзе не часто случается.

...Вскоре генерал Маллесон с досадой перечитывал донесение своих агентов. Особую ярость вызвал у него совсем понятный абзац: «Туркмены не разобрались в ситуации и не понимают, что происходит в действительности — враги им или друзья большевики и афганцы».

— Олухи! — негодовал генерал. — Где же были наши недотепы?!.. Разъяснили бы достаточно популярно — враги, враги, враги! Большевики всем враги!

Однако теперь ему предстояло оправдываться перед Лондоном. И он отправил туда полученный рапорт со своими комментариями. В Индия Офис ознакомились с ним без особого удовольствия и упрятали в папку «памятных записок» за номером А 184, 14923.

* * *

...Старший сын Рахимберды-аги Аман соскочил с взмыленного скакуна и, бросив поводья выбежавшему мальчугану, быстрыми шагами вошел в комнату отца. Старый салор умывался над тазом. Ему поливал из медного кувшина Хаммат.

— Поезд прошел спокойно, отец. Его никто не потревожил. Ни в Сандыкачи, ни в Ташкёпри. И так будет до самой Кушки. Об этом позаботятся.

— Хорошо, Аман. Надо поддерживать всех, кто налаживает нормальную жизнь, и помогать им. А чужих там не было?

— Нет, отец.

— Проведали, значит. Кто-то проболтался. А то и просто куплен...

— Ладно, отец, — Хаммат поставил на скамью пустой кувшин. — Если эти приезжавшие персы...

— Они такие же персы, как ты — англизи, — прервал сына Рахимберды-ага.

— А кто же они тогда? Не англизи же?

Старик молча усмехнулся.

— Но если это враги, которых нужно схватить, — продолжал допытываться Хаммат, — то почему этого не сделали, когда они были здесь? Не понимаю!

— А законы гостеприимства? Как бы мы смотрели людям в глаза, причинив вред тем, кто посетил нас, разделил наш хлеб... И потом мало ли что они тут говорили. Может, шутили. А вот если бы они оказались там...

Наверно, уже по меньшей мере лет двадцать Суриц не спал так долго, как в ту кушкинскую ночь. Целых девять часов! Наутро все уже было готово к доставке его группы на границу. Стояли запряженные экипажи. У ворот курили бойцы, выделенные для охраны миссии. Вскоре «красный сафир» и его спутники, а также трое коллег из Наркоминдела Туркестанской республики пересекли советско-афганскую границу.

На земле Афганистана их ждал почетный эскорт. Два полковника возглавляли отряд пеших и конных стражников. Трое мулл из главной гератской мечети склонились в поклоне перед профессиональным революционером, представлявшим державу трудящихся. Один из полковников, громадный рыжий детина, что-то гортанно выкрикнул, и перед посланцем возник тахтараван — некое подобие носилок, спереди и сзади укрепленных на лошадях. Остальные уселись на лошадей и мулов.

23 июня 1919 года Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленин поставил подпись под верительной грамотой чрезвычайного и полномочного представителя Советской России в Центральной Азии. Почти сто сорок дней, или более четырех с половиной месяцев, понадобилось полпреду, чтобы добраться до первого афганского города. 11 ноября 1919 года Герат и его окрестности потряс салют из шестидесяти орудий. «Жемчужина Хорасана» торжественно встречала иностранного дипломата, прибывшего в свободный и независимый Афганистан, прибывшего из великой державы для установления дружественных, добрососедских связей, равноправных отношений.

Столь важному событию должны были сопутствовать пышные торжества. И престарелый правитель провинции Мухаммад Сарвар-хан не ударил лицом в грязь. У стен города выстроилась вся знать. Застыл в почетном строю гератский гарнизон. Но вот запела зурна, и многочисленная процессия неторопливо направилась в Чар-Баг, во дворец наместника. На праздничный банкет.

Кто бы мог еще в начале этого года предсказать подобный поворот событий? Найдись такой, его наверняка сочли бы дуваной, спятившим... Столь крутой поворот в отношениях Афганского государства и Советской России — от враждебной подозрительности эмира Хабибуллы-хана до крепнущей дружбы! Все это радовало простых людей Афганистана. Они давно устали от вражды с великим се-

верным соседом, которую усердно подогревали англичане. Устали от нее и те афганские руководители, которые хорошо понимали выгоды от сотрудничества обеих стран, пользу хозяйственного обмена. Ну а после Октября, после издания Декларации прав народов России, после публикации обращения «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» особую ценность приобретало и духовное общение с людьми нового мира...

Но были глаза, с ненавистью следившие за изменениями в советско-афганских отношениях. В том числе за теплой встречей «красного сафира». Ее описание в зашифрованном виде и открытым текстом, на английском языке и на фарси тут же помчались всадники: кто — британскому резиденту в Кабул, кто — в Индию, а кто и поближе — в Мешхед, генералу Маллесону.

Уже через три дня после пушечного салюта, 14 ноября 1919 года, донесение о происшедшем было отправлено в столицу Британской империи. Чиновники Индия Офис, перекладывая в папку № 15500 М бумагу с неприятными вестями, растерянно докладывали министру по делам Индии сэру Эдвину Монтегю о «большевистских происках» в тех краях, которые Лондон считал своим заповедником. Еще раньше это сообщение взволновало вице-короля Индии лорда Челмсфорда. Реакция обоих государственных деятелей была одинаковой. Оба они отдали распоряжение немедленно разработать план срыва советско-афганского сближения. Любой ценой! Любым способом! И как можно быстрее!..

Но особенно возмущался имперский министр иностранных дел лорд Керзон. Какая наглость — русские в Афганистане! Можно ли допустить такое?! Лишний довод в пользу его непоколебимого убеждения: Советскую Россию необходимо расчлениить и уничтожить. Что же касается Афганистана... Разумеется, вернуть полный контроль над его внешними делами. А еще лучше и над внутренними. Ведь эти афганцы — большие дети. Им необходим опытный и строгий наставник.

...18 ноября Яков Захарович Суриц покинул гостеприимный Герат. Как и прежде, надлежало спешить. Его давно ждали в Кабуле. Поэтому, вместо того чтобы избрать удобную и наезженную дорогу через Кандагар, полномочный представитель РСФСР, согласовав свой маршрут с афганскими властями, взял курс на восток. Этот путь был труднее, но короче.

В январе 1920 года завершилось наконец путешествие,

длившееся более полугода. «Красный сафир» прибыл в столицу Афганистана.

Одновременно с ним из Москвы в Кабул приехал Раджа Махендра Пратап. Он находился под глубоким впечатлением всего увиденного в Советской России, прежде всего встречи с Лениным. Именно на этой встрече в конце июля 1919 года было решено, что Махендра Пратап и его единомышленники окажут содействие Сурицу в установлении советско-афганских дружественных отношений.

«Я ВИЖУ В НЕМ ПРОРОКА...»

Из газетных материалов 1919 года.

«12 сентября белогвардейская Добровольческая армия генерала Деникина предприняла новое наступление на Курско-Орловском направлении. Очевидно, его основная цель — овладение Москвой. Наши войска отходят к Воронежу и Курску...»

«21 сентября. Вчера пал Курск. „Добровольцы“ широким фронтом продвигаются к Орлу, Брянску и Воронежу».

«Состоявшийся 21 и 26 сентября Пленум ЦК РКП(б) наметил меры по усилению борьбы с Деникиным. Ряд городов объявлен на военном положении. Коммунисты мобилизуются на фронт. Срочно формируются кавалерийские соединения».

«30 сентября. Резко ухудшилось положение Петрограда. При поддержке английских танков Северо-Западная Добровольческая армия прорвала позиции 7-й армии. Юденич рвется к революционному Питеру».

«10 октября. Решения Пленума ЦК об организационном укреплении Красной Армии постепенно начинают давать плоды, но противнику пока еще удастся добиваться успеха. 6 октября белогвардейцы овладели Воронежем, а 8 октября заняли Орел...»

* * *

В день публикации последнего сообщения на Казанском вокзале царил необычный оживление. Готовилась встреча первого в истории Страны Советов ипоземного посла. Красная Армия героическими усилиями пробилась «оренбургскую пробку», созданную белоказаками атамана Дутова на магистрали, ведущей в Ташкент. Воспользовав-

шись этим, оттуда смогло наконец выбраться чрезвычайное афганское посольство.

Уже смеркалось. Октябрь дышал приближающейся зимой: становилось все холоднее. С ноги на ногу переминались бойцы маленького отряда, выделенного для торжественной встречи, согревали дыханием руки музыканты военного оркестра. Несколько нервничая, прохаживался перед строем заведующий Ближневосточным отделом Наркомата по иностранным делам Нариман Нариманов.

Накануне его срочно вызвал к себе Ленин. Разговор шел о Востоке и о роли его многомиллионного населения в мировой политике и международных отношениях, о борьбе угнетенных и поработанных народов против империалистов. Как всегда четко и кратко, Владимир Ильич выделил и сформулировал основную задачу: «Нам необходимо завоевать их полное доверие!» Обсудили и детали, связанные с приемом посольства...

Вдали показался паровоз. Машинист, медленно притормаживая, ухитрился остановить состав так, что дверь вагона с гостями оказалась точно перед расстеленными коврами. Под звуки праздничного марша со ступенек спустился невысокий афганец в военной форме — генерал Мухаммад Вали-хан. Следом показались его спутники — в халате и белом тюрбане главный судья афганской армии маулави Сейф ур-Рахман, мулла Худабахш в таком же одеянии. Замыкал группу молодой секретарь миссии Саид Акбар, в европейском костюме, с черной папкой под мышкой.

После рапорта начальника почетного караула Нариманов слегка охрипшим от волнения голосом обратился к прибывшим на азербайджанском, или, как тогда говорили, «тюркском», языке:

— В качестве официального лица я намеренно приветствую вас от имени моего правительства в Красной Москве по-тюркски, желая подчеркнуть, что рабоче-крестьянское правительство Советской России с искренним уважением относится ко всем народам и их языкам. Такое правительство сможет по достоинству оценить и подлинную дружбу. Хош гельдиниз! Добро пожаловать!

Хотя члены посольства многое поняли, им перевели сказанное, и Мухаммад Вали-хан выступил вперед:

— С огромным нетерпением ждали мы этого часа. Хвала Аллаху: он настал — сердца полны счастья и удовлетворения. Наша готовность приложить все силы для сближения между великой Россией и Афганистаном сравнима

Генерал Мухаммад Вали-хан. (Из личного архива Л. В. Митрохина)

лишь с горячим желанием наших людей укреплять тесные связи с героической Россией. Мы долго были в Ташкенте и долго ехали: много видели. Афганцы завоевали победу, сражаясь с врагами. Нет сомнений: мужественный народ России тоже разобьет противника, несмотря на его злобу и коварство!

— Спасибо за теплые слова! — Нариманов пожал руку сардару. — А теперь вам следует отдохнуть. Легко понять усталость, вызванную затянувшимся путешествием...

После дня отдыха, 12 октября, афганских дипломатов принимал народный комиссар по иностранным делам Георгий Чичерин вместе с Львом Караханом, Наримановым и другими членами коллегии.

— От всей души поздравляем с прибытием в главный город страны, где высоко ценят стремление афганского народа к свободе и независимости! — произнес Чичерин и, мягко улыбаясь, добавил: — Видит Аллах, мы неповинны в многочисленных препятствиях на вашем пути в Москву.

— Доброжелательство и сердечность повсеместно окружают нас в ваших благословенных краях, и нет слов, чтобы выразить признательность! — заявил Мухаммад Вали-хан. — Мы высоко ценим это и, поверьте, навсегда сохраним в памяти. Теперь же позвольте ознакомить почтенных хозяев с посланием министра иностранных дел сардара Махмуд-бека Тарзи господину Чичерину.

Генерал сделал знак, и Саид Акбар, поднявшись, извлек из папки бумагу:

— Письмо от двадцать первого апреля тысяча девятьсот девятнадцатого года (любивший точность Карахан немедленно подсчитал про себя: «Полгода шло. Ничего себе!»): «Выражая должное почтение Вам, г. Министр, считаю честью представить Вам Чрезвычайное Посольство, олицетворяющее афганский народ, которое вручит верительную грамоту повелителя моего — Его Величества Государя Афганистана Эмира Аманулла-хана, да продлит Господь его царствование».

Саид Акбар читал слегка нараспев, и текст на языке фарси звучал почти как стихи.

— «Питаю надежду, что оно встретит дружественный и доброжелательный прием у Вашего Превосходительства, г. Министр, и что Вы не откажете оказать ему содействие и необходимую поддержку».

Надеюсь, что наше взаимное дружественное отношение сохранится на долгие годы».

Секретарь низко поклонился и отступил назад. Взяв документ, посол передал его наркому и обменялся с ним рукопожатием.

— Мы надеемся на безусловную прочность нашей дружбы. Она, вне сомнения, будет способствовать освобождению Востока от гнета европейского империализма.

Чичерин наклонил голову:

— Полностью и безоговорочно поддерживаю ваше мнение! Российская Республика придает особое значение дружбе с Афганистаном, глубоко чтимый посол. Мы разделя-

ем надежды на то, что она будет прочной и неизменной. Географическое положение вашей родины и военное могущество ее героического народа — в этом не так давно смог убедиться весь мир — ставят Афганистан на неоценимо важное место в борьбе за освобождение Востока...

Упоминание успешного для афганцев исхода третьей войны с Англией было с одобрением встречено членами коллегии.

— Разумеется, мы приложим все усилия, чтобы поставить связи между нашими государствами на самую твердую, взаимовыгодную основу,— продолжал нарком.— Я напишу об этом глубокоуважаемому министру. И, конечно же, посольству его величества эмира будут созданы соответствующие условия для плодотворной работы и отдыха.

* * *

Из газетных материалов 1919 года.

«13 октября. Вчера 8-я армия Южного фронта при содействии конного корпуса Буденного перешла в успешное наступление на Воронеж».

«14 октября. Красная Армия, преодолевая ожесточенное сопротивление денкинцев, продолжает двигаться к Орлу».

«14 октября, в 7 час. вечера, Пред[седатель] Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] тов. Ленин принимал Афганское Чрезвычайное Посольство в присутствии представителей Народного Комиссариата Иностранных Дел тт. Карахана и Нариманова.

Тов. Ленин встретил Посла в своем рабочем кабинете словами: „Я очень рад видеть в красной столице Рабоче-Крестьянского Правительства представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига“. На это Посол ответил: „Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы поможете освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку“. Во время начавшейся затем беседы тов. Ленин говорил, что Советская власть, власть трудящихся и угнетенных, стремится именно к тому, о чем говорил Афганский Чрезвычайный Посол, но что необходимо, чтобы мусульманский Восток это понял и помогал Советской России в великой освободительной войне. Посол на это ответил, что он может утверждать, что мусульманский Восток это понял и что близок тот час, когда весь мир уви-

дит, что европейскому империализму нет места на Востоке.

Потом Посол встал и со словами: „Имею честь вручить главе свободного русского пролетарского Правительства письмо от моего повелителя и надеюсь, что то, о чем говорит Афганское Правительство, обратит на себя внимание Советской власти“ — подал тов. Ленину письмо Эмира. Тов. Ленин ответил, что с величайшим удовольствием принимает это письмо и обещает в скором времени дать ответ на все интересующие Афганистан вопросы.

Беседа между Послом и тов. Лениным длилась более получаса».

* * *

Информацию о приеме Председателем Совнаркома посольства из Кабула «Известия» напечатали 17 октября. В ее подготовке участвовал и Нариман Нариманов, крупный советский партийный и государственный деятель, публицист и литератор. Он не раз общался с Лениным, хорошо знал его отвращение к любой шумихе вокруг своего имени, беспредельную скромность. Именно это помешало Нариманову включить в опубликованное сообщение любопытный эпизод, о котором он поведал, когда Ильича не стало.

Во время первой же встречи мулла Худабахш допытывался, примет ли их Ленин. Он говорил умоляющим голосом:

— Если нам не удастся побывать у него, окажите услугу — помогите хоть издали взглянуть! Очень прошу! Как мусульманин мусульманина...

Нариманов, убежденный атеист, посмеивался:

— Да в чем дело? Что вас так заинтересовало?

Афганец возмутился этой непонятливостью:

— Неужели это надо пояснять? Взгляды Ленина, его проповедь, его отношение к угнетенным! Он так непохож на нынешних политиков и вождей всего мира... Я вижу в нем пророка.

Худабахш говорил с такой экспрессией, что Нариманов обещал приложить все силы, чтобы помочь ему повидаться с Лениным, и в кабинете Ильича с удовольствием наблюдал, как гость из далекой горной страны впился глазами в «пророка», возглавляющего Совнарком.

На обратном пути из Кремля Нариманов не выдержал и спросил, доволен ли мулла визитом. Тот широко улыбнулся, а потом с жаром произнес:

— Он оказался больше человеком, чем я ожидал... И больше пророком, чем я ожидал... Это трудно объяснить! Такое сочетание широты и глубины мысли с душевной простотой...

В разговор включился генерал Вали-хан:

— А знаете, что мне не давало покоя в этом простом кабинете? Я пытался себе представить беседу с кем-нибудь из руководителей Британской империи. Могла бы наша встреча проходить в духе подобной теплоты и непринужденности? Не знаю, не знаю...

* * *

Из газетных материалов 1919 года.

«Организационные мероприятия, осуществленные по решению Пленума ЦК РКП(б), и прежде всего мобилизация коммунистов в ряды Красной Армии, дают первые плоды. Войска Южного фронта нанесли сокрушительные удары по рвавшейся к Москве Добровольческой армии. 20 октября освобожден Орел, 24 октября — Воронеж. Наступление против Деникина продолжается и развивается...»

«Успехи Северо-Западного фронта. Перегруппировав силы, наши части добились существенных результатов под Петроградом. 23 октября Юденич был выбит из Павловска и Детского Села, 26 октября — из Красного Села, 3 ноября — из Гатчины. Его солдаты и офицеры в беспорядке отступают к границам Эстонии...»

* * *

С утра до трех часов пополудни 7 ноября чрезвычайный посол эмира генерал Мухаммад Вали-хан со своими спутниками присутствовал на празднично убранной Красной площади. Там царил подъем. Разгром Юденича и впечатляющие победы Красной Армии над Деникиным сияли смертельную угрозу, нависшую над революционными центрами Советской России — Петроградом и Москвой. Афганцы внимательно слушали выступление Ленина, с интересом наблюдали военный парад и восторгались красочной демонстрацией.

А через два часа генерал взойшел на трибуну. Но не на Красной площади, а в Большом театре, где открылось торжественное заседание ВЦИК и Моссовета. Он волновался как никогда раньше — даже под британскими пулями.

Еще бы: необъятный зал, отделанный золотом и красным бархатом, несметное количество устремленных на тебя глаз. Ждут, что ты скажешь... А сбоку, чуть сзади, сидят вожди революции. И среди них — сам Ленин! Они собрались, чтобы отметить двухлетие Советской власти. Значит, об этом и надо говорить!

— Друзья, мы приехали из далекого Афганистана.— И затихший зал взорвался аплодисментами.— Сердечно поздравляем с годовщиной событий, воодушевивших честных людей земли! Москва стала сейчас Меккой, на которую молятся все угнетенные и поработанные народы Востока...

Вали-хан оглянулся: его внимательно слушали и за длинным столом сзади.

— В Кабуле и других наших городах и даже селениях хорошо известно обращение Советского правительства к мусульманам Востока. Полгода назад афганские патриоты одержали верх в открытой схватке с британскими поработителями, а ныне Красная Армия добилась успехов в борьбе с силами, враждебными великой революции. Мы разделяем вашу радость. Да здравствует наша дружба! Долой поработителей и захватчиков!

Последние слова заглушила овация. Мухаммад Вали-хан никак не мог сбросить с себя первое напряжение и впоследствии признавался, что почти не помнит, о чем говорил выступавший вслед за ним Ленин и как прошел праздничный концерт.

Он не знал, да и не мог знать, естественно, важную деталь: приезд посланцев из Афганистана, как и пылкая речь их главы, еще раз подчеркнул для Владимира Ильича справедливость его мысли о важнейшей роли Востока в развивающихся событиях. Как раз в эти дни он готовил письмо «Товарищам коммунистам Туркестана». Ленин указывал, что одна из задач отправляемой в Ташкент Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР состоит в том, чтобы на деле доказать народам Средней Азии «искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его...».

То ли на нервной почве, то ли отдав дань переменчивой, слякотной погоде, при которой Москва переходила к зиме, посол слегка прихворнул. Он не смог воспользоваться гостевым билетом на II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока. Это очень огорчило Мухаммада Вали-хана, особенно когда он узнал, что

доклад на съезде сделал Ленин. Он попросил пришедшего к нему с визитом Нариманова познакомить его хотя бы с основными положениями этого доклада.

— Значит, Ленин сказал, что Октябрьская революция расширяет сознание населения колоний и зависимых стран, укрепляя их веру в победу над поработителями? Верно это, очень верно! Народы Востока обязательно сбросят ярмо угнетения. В этом Ленин тоже абсолютно прав. Знаете, в чем я убедился, дорогой Нариман-хан? Мулла Худабахш нашел исключительно точное слово для характеристики Ленина. Пророк!

* * *

Из газетных материалов 1919 года.

«27 ноября, накануне отъезда на родину чрезвычайной афганской миссии, ее принял Председатель СНК РСФСР В. И. Ленин. Получив письмо Эмира Амануллы-хана с пожеланиями об установлении „дружественных и искренних отношений между обоими великими государствами“, тов. Ленин вручил главе миссии Мухаммеду Вали-хану ответное послание. Оно, в частности, гласит: „С первых дней славной борьбы афганского народа за свою независимость рабоче-крестьянское правительство России не замедлило признать новый порядок вещей в Афганистане, торжественно признало его полную независимость и отправило свое посольство для создания постоянной и неослабной связи между Москвой и Кабулом...

Рабоче-крестьянское правительство России поручает своему посольству в Афганистане вступить в переговоры с правительством афганского народа для заключения торговых и иных дружественных договоров, целью которых является укрепление добрососедских отношений для вящей пользы обоих народов“.

Тов. Ленин в дружеской обстановке беседовал с членами посольства, заверив их в готовности Советской России оказать всемерную помощь Афганистану».

* * *

Величественный парадный зал дворца Дилькуша с высоченным потолком ярко освещало электричество, крайне редкое в кабульских домах тех лет. Свисавшая с потолка хрустальная люстра и несколько массивных, стоявших на полу канделябров со множеством лампочек-свечей могли,

казалось, озарить светом городскую площадь. У внутренней стены зала размещался трон. Справа и слева от него — квадратные мраморные колонны с застывшими около них стражами. На спускающемся с богато отделанного карниза темном полотнище четко выделялся вышитый золотом герб Афганистана: лучистая восьмугольная звезда, в ее центре — корона с минаретами и флагами по бокам, под ней, полукругом, — изречения из Корана. Повыше, бордюром, — цепочка из таких же гербов, поменьше размером.

На троне, опираясь на саблю, в военном мундире и каракулевой шапке со звездой восседал Аманулла-хан. Неподалеку стояли Махмуд-бек Тарзи, Али Ахмад-хан и другие придворные и министры. Шел официальный прием посла РСФСР. Сурица сопровождали Раджа Махендра Пратап и сотрудники Наркоминдела Туркестанской АССР.

В Кабуле уже знали о сердечных беседах Ленина и Чичерина с генералом Мухаммадом Вали-ханом и его коллегам: Сливицкий регулярно слушал Москву и Ташкент. Аманулла-хан и Тарзи нетерпеливо ждали его информации, и Константин Иванович нередко являлся невольным свидетелем того, как они выражали удовлетворение восточной политикой Советской России.

— Глава Советского правительства Владимир Ильич Ленин поручил мне передать вашему величеству и в вашем лице всему славному народу Афганистана дружеский привет и поздравления по поводу успехов в справедливой борьбе за независимость! Я имею прямое задание товарища Ленина всемерно способствовать укреплению и развитию добрососедских отношений между нашими странами. Смею заверить ваше величество: я приложу все силы, чтобы самым лучшим образом выполнить это благородное поручение! — поклонился правителю Суриц.

— Сердечно признателен за привет и поздравления! — откликнулся эмир. — Мы с радостью узнали, что ваши войска отразили опасное наступление врагов и отбросили их далеко от жизненных центров государства.

— Да, ваше величество. Мне стало известно, что в начале декабря, пока я добирался до Кабула, в Москве состоялся Седьмой съезд Советов. Съехалось свыше тысячи делегатов — от рабочих, крестьян, бойцов Красной Армии. Главным докладчиком был Ленин...

Присутствующие с напряженным вниманием слушали рассказ посла.

— Он как раз подчеркнул, что мы отвели главную угрозу — не дали внутренним реакционерам и их зарубеж-

ным покровителям задушить власть трудящихся. Теперь можно успешно создавать новое государство, налаживать хозяйство. Ведь народ наш не оправился от кровавой мировой бойни, а ему навязали новую войну...

Суриц обвел взором собравшихся и снова обратился к эмиру:

— Вам, ваше величество, вероятно, будут особенно интересны два обстоятельства. Прежде всего участие в работе съезда представителей автономных республик советского Востока — Туркестана и Башкирии. А главное — среди его решений есть специальная резолюция — «Об угнетенных нациях». Съезд одобрил национальную политику Советской власти и провозгласил горячее приветствие освободительному движению во всем мире. Так что, если в том была необходимость, — усмехнулся посол, — наш высший орган — съезд Советов — наилучшим образом подтвердил цели моего приезда. Ибо несомненно: укрепление независимости Афганистана и его дружба с новой Россией будут способствовать развитию освободительной борьбы народов Востока.

Аманулла-хан поднялся и порывисто протянул руку Сурицу:

— Услышанное полностью соответствует нашим представлениям и мыслям. Во имя Аллаха, милостивого и милосердного, начинайте переговоры. Надеемся, что вскоре появится важный документ, закрепляющий на вечные времена дружбу и плодотворное сотрудничество между двумя соседними государствами!

* * *

Однако эмир был не до конца искренен. Перед началом переговоров он созвал совещание для выработки афганской позиции. Немногочисленное — министр иностранных дел Тарзи, военный министр Надир-хан и Али Ахмад-хан. Хотя хитрый царедворец оставался пока без официальных постов, Аманулла-хан привлекал родственника к обсуждению важных дел.

— Итак, нам предстоит встреча с русским. Надо наметить, чего добиваться.

Как и полагалось, первым откликнулся самый старший — Махмуд-бек.

— Четкого и ясного равноправного договора. Не такого, какой заключен в Равалпинди.

— А чем плох тот?! — ошетинился Али Ахмад-хан, до

сих пор не признававший свою дипломатическую миссию неудачной.

— Тем, что он был нечетким, туманным и неравноправным! — отрезал министр иностранных дел.

— Сардары, не отвлекайтесь от сути вопроса! — пресек споры эмир, знавший о неприязни между его ближайшими советниками.

Али Ахмад-хану слово «Равалпинди» кое-что напомнило.

— Большевики крайне заинтересованы в договоре с нами, — многозначительно произнес он.

— А мы — еще больше! — не удержался от реплики Тарзи.

— Трудно судить, кто больше, а кто меньше, — примирительным тоном заметил Аманулла-хан. — Продолжай, Али!

— Так вот, Советы очень желают приобрести международный документ, — в пику Махмуд-беку повторил Ахмад-хан. — Хорошо. Пойдем на это. Но пусть в таком случае большевики нам заплатят. Не деньгами. Вернее, не только деньгами, как нам заплатили бы англичане. Территорией! Кушка, Пенде, Мервский оазис, наконец...

Министр иностранных дел решительно возразил:

— Они с этим никогда не согласятся. Переговоры будут сорваны. Мы упустим прекрасную возможность заручиться поддержкой великой державы. Трезво рассуждая, надо признать, что Россия идет на сближение с нами в силу общих принципов своей политики содействия борьбе народов Азии против чужеземного порабощения. Без нас она легко обойдется. Нам же без сотрудничества с нею — достаточно тесного — придется туго. Хотя я тоже за торжество ислама, а не коммунизма...

Реакция эмира, однако, была несколько иной.

— Погодите, Махмуд-бек. Мне кажется, предложение Али не без смысла. В нем надо разобраться. Во имя чего стоит добиваться Пенде и других земель? Чтобы повесить себе на шею кучу голодных и нищих туркмен?

Уловив поддержку в тоне правителя, Ахмад-хан стал доказывать, размахивая руками:

— Ну, во-первых, они не такие уж нищие: у некоторых изрядные стада каракульских овец. Во-вторых, нам достанется мощная крепость Кушка, набитая оружием. А в-третьих, и это основное, владения его величества эмира Афганистана — иншалла! — распространятся на значительную часть Средней Азии, вплотную приблизятся уже

не только к границам Бухарского, но и Хивинского ханства.

— И что же? — проницательно спросил Тарзи.

— Неужели вы не понимаете! — вознегодовал Али Ахмад-хан. — У нас появятся дополнительные основания претендовать на то, чтобы его величество Аманулла-хан был признан главой мусульманского мира — халифом!

Махмуд-бек передернул плечами. Эмир игнорировал жест. Его глаза оживились.

— Что скажет генерал?

Надир-хан с легким презрением слушал препирательства коллег. В глубине души он разделял традиционно пренебрежительный взгляд английских военных на «политиков». Генерал считал, что дела решает сила, а не болтовня.

— Я солдат, ваше величество. Получу приказ — двину войска! Без долгих разговоров. А вообще говоря, всякая территория — это плацдарм для дальнейшего продвижения. Если можно без лишних хлопот расширить занимаемый плацдарм, какой военный откажется от этого?

— Слышите, Махмуд-бек? Мы трое одного мнения. Следует попытаться приобрести области на севере. — Аманулла-хан повернулся к министру иностранных дел.

— Разве я против? — сдавал позиции тот. — Безбожники-большевики не вызывают у меня больших симпатий. Но объективно они помогают слабым государствам Востока вырваться из когтей европейского империализма. Наша пословица гласит: «Если вода выше головы, глубина не имеет значения». Вряд ли мы добьемся равноправных отношений с Британской империей. Если и с Россией не наладим дружбу, когда она сама идет навстречу...

— Хорошо, — не дал ему договорить эмир. — Попробуйте! А там по воле Аллаха...

* * *

Над стоявшим у берега реки Кабул двухэтажным белоснежным зданием развевался красный флаг с серпом и молотом. Вместе с обширным фруктовым садом, окруженным стеной, оно было предоставлено в распоряжение советского посольства. Почти рядом, в каких-нибудь тридцати метрах, разместилось единственное фабрично-заводское предприятие Афганистана «Машин-хане», где производили или собирали «все» — от гаубиц до булав. Близость представительства государства трудящихся к месту

работы афганского пролетариата выглядела символичной.

В это зимнее утро 1920 года Суриц просматривал в кабинете различные документы, когда ему доложили о приходе Сливицкого.

— Прошу, прошу, Константин Иванович. Что творится в мире? О чем вещает радиоколокольня?

Почта из Москвы добиралась до Кабула в лучшем случае месяца два, местные газеты были плохо информированы, а поступавшей из Индии прессе, в основном английской, можно было доверять далеко не всегда. В этих условиях радиостанция Сливицкого приобретала неоценимое значение.

— Новости неплохие, Яков Захарович. Наши взяли Ростов-на-Дону, подходят к Одессе. Похоже, Деникину крышка. И в Сибири белым сейчас жарко: освобожден Красноярск, адмирал Колчак за решеткой.

— Это для нас особенно важно. Ведь с Колчаком англичане связывали далеко идущие планы. Удар белогвардейцев на юг — по Средней Азии подорвал бы надежды Кабула на полное избавление от британской кабалы. Но что же наши — пожалели пулю на адмирала? Ведь он обогрел кровью.

— Думаю, пули не избежит. Чем же еще порадовать вас? В Турции растет сопротивление интервентам: патриоты сплываются вокруг генерала Мустафы Кемаля. Бомбейские текстильщики начали всеобщую забастовку... Но поторопился я к вам, Яков Захарович, обеспокоенный некоторыми соображениями, так сказать, внутреннего порядка...

— Случилось что-нибудь серьезное? — насторожился посол.

— Не столько случилось, сколько проявилось. В высших сферах здесь непрестанно борются противоречивые влияния. Вы, должно быть, уже заметили это.

— Кое-что прослеживается достаточно четко.

— Вот! Конечно, и в верхах многие желают независимости — о народе я и не говорю. Но есть сановники, поющие с английского голоса, тайные, а то и явные агенты Лондона. Есть религиозные фанатики — стараются вскружить голову молодому эмиру фантазиями о новом халифате. Британская агентура активно использует эти настроения, чтобы помешать нашему сближению...

Сливицкий вытащил из кармана газету:

— Самое свежее подтверждение. «Амани Афган» пишет: «Двести миллионов мусульман Индии не смогли от-

стоять Мекку, священную столицу ислама, от завоевания неверными. Удивительная загадка. Однако решить ее нетрудно. Члены мусульманской семьи народов, увы, слишком заняты собственными, частными делами. Кто же думает об общих нуждах всего ислама? Никто. Но в это несчастное время Всевышний смилоствовался наконец над своими рабами, явив миру новые счастливые существа, которые спасут ислам от позора. Среди этих благословенных созданий имя его величества Амануллы-хана справедливо занимает первое место. Угрожает ли опасность священной Бухаре, угнетают ли мусульман в Индии, захватывают ли неверные Мекку — все это составляет предмет огорчений и размышлений его величества, на основе чего он вырабатывает и быстро принимает свои меры». Каково?

— Да, неприятная статейка. И это упоминание средневековой Бухары, оплота реакции и мракобесия, правитель которой теснейшим образом связан с той же Британской империей! Впрочем, вряд ли следует ожидать от феодалов и полуфеодалов честной, а тем более классовой оценки действительности. Будем учитывать сложившуюся ситуацию, будем реалистами — так учит нас Ленин. Спасибо, Константин Иванович, ваша информация поможет выработать правильную линию!

* * *

...Переговоры о создании юридической базы советско-афганских отношений начались в помещении дипломатического ведомства Афганистана. Их вели Махмуд-бек Тарзи и Али Ахмад-хан с Сурицем при участии помощников, переводчиков и секретарей. Уютные кресла, низенькие столики, безмолвные слуги, то и дело подносявшие чашечки с горячим ароматным чаем, — все располагало к доверительной беседе.

— Полагаю, преамбула документа призвана подчеркнуть обоюдное стремление крепить наши дружественные связи, — перешел к делу после завершения формальной процедуры Махмуд-бек.

— Бесспорно! — откликнулся представитель РСФСР.

— И для афганского народа крайне существенно видеть в первой же статье будущего договора признание полной его независимости.

— Господин министр, пользуясь случаем, хочу лишний раз напомнить, что признание всеобъемлющего равноправия каждого народа, его права на самостоятельное нацио-

Здание первого советского посольства в Кабуле. (Из книги P. F. MacMunn. *Afghanistan, from Darius to Amanullah*. L., 1929)

пальное развитие является краеугольным камнем политики Советского государства. Наши неоднократные заявления об этом не демагогия, мы готовы сделать все для проведения в жизнь этого принципа.

— Благодарю, господин посол, сердечно благодарю! Можно считать две существенные проблемы урегулированными к общему удовольствию. Почти молниеносно. Вот что значит добрая воля. При таком продвижении мы представим договор на рассмотрение его величества эмира довольно быстро.

— Разумеется, проект договора,— уточнил Суриц.— Думается, господа, для еще большего укрепления доверия между нашими государствами есть смысл включить статью, запрещающую обеим сторонам в ущерб какой-нибудь из них договариваться с третьей страной. В таком условии Афганистан должен быть более заинтересован, чем громадная Советская Россия.

Тарзи быстро оценил сделанное предложение:

— Весьма разумная мысль! Принимается с удовлетворением.

В разговор включился хмуро молчавший до того Али Ахмад-хан.

— Имеется настоятельное пожелание. В конце прошлого века Россия и Афганистан спорили из-за оазиса Пенде. Эмир Абдуррахман-хан — да покоится в мире прах его! — даже послал войска, чтобы занять этот район. Однако Аллаху было угодно утвердить там власть белого царя. Теперь, когда белого царя нет, надлежит передать эти земли Афганистану.

«Вот оно, начинается! — подумал Суриц. — Наше сближение не всем по душе». Он попробовал отшутиться:

— Но ведь тем самым нарушится воля Аллаха!

— Аллах будет рад возвращению правоверных мусульман туда, где ислам процветает! — отчеканил Али Ахмад-хан.

— Даже если эта область никогда не была афганской?

— Мудрый эмир Абдуррахман-хан знал, чего хотел!

Внешне Али Ахмад-хан сохранял выдержку, но Суриц видел, как он отводит налитые кровью глаза, стараясь не выплеснуть переполнявшую его ненависть. В противоположность ему Тарзи был совершенно спокоен и с любопытством наблюдал за спором. Яков Захарович потянулся было к портфелю — там лежал убедительный аргумент против притязаний сардара, но решил повременить.

«Если я сейчас пуцую этот козырь в ход, они могут подумать, будто я готовился отклонять всякие претензии, а значит, признавал их возможность. Нет, разумнее выдвинуть этот довод позднее», — решил он.

— Господа, здесь затронута тема исключительного значения, — сказал Суриц. — Нужен какой-то срок, чтобы ее всесторонне осмыслить. Кроме того, помнится, среди имеющихся у меня материалов хранится маленькая книжечка. Надеюсь, она поможет в нашем диспуте...

На переговорах был объявлен перерыв.

Через две недели они возобновились в прежнем составе. Инициативу с первых же минут попытался захватить Али Ахмад-хан.

— Итак, мы надеемся, что теперь господин посол согласен включить в проект договора пункт о передаче нам земель на севере? — спросил он без предисловий.

Лицо Сурица изобразило печаль.

— Весьма сожалею, уважаемый сардар. Ранее я сомневался в своих исторических познаниях, и мне нужно было ознакомиться с некоторыми фактами из прошлого. Вернувшись в посольство, я пересмотрел свою не очень богатую библиотечку. И вот что я нашел.

Он протянул Али Ахмад-хану тоненькую книжечку в

серой бумажной обложке. Тот недоуменно повертел ее и передал Тарзи.

— Но, господин посол, к сожалению, мы не владеем русским языком,— министр возвратил брошюру Сурицу.

— Тем не менее я уверен, что содержание брошюры известно моим высокообразованным собеседникам. Это опубликованный ровно двадцать лет назад в Ташкенте перевод высказываний почтенного эмира Абдуррахман-хана, записанных его секретарем Мухаммадом Неби-ханом. И название соответственное: «Государственные вопросы и ответы и укрепление государства».

Махмуд-бек оживился:

— Как же, как же — читал! Было напечатано в Кабуле.

Яков Захарович привычным жестом провел по усам и бороде:

— Позволю себе вкратце напомнить, о чем идет речь. Когда после второй войны против Афганистана англичане помогли Абдуррахман-хану занять кабульский трон, их целью было толкнуть его на конфликт с Россией из-за тех самых районов, кои упоминал здесь досточтимый Али Ахмад-хан. В 1885 году эмира пригласили в Равалпинди (кажется, вы там тоже сравнительно недавно побывали, уважаемый Али Ахмад-хан?) для встречи с вице-королем лордом Дафферином...

Суриц перелистал книжечку:

— Их беседа в изложении Мухаммада Неби-хана столь интересна, что я не могу не привести выдержку из нее. «Вице-король. Теперь уже вполне и достоверно известно, что Россия готовит войска на Кавказе и в Мерве; но весь мир хочет вести с ней войну. Необходимо, чтобы вы питали доверие к нашему государству. Эмир. Лично я отношусь к нему с полным доверием, но этого доверия нет у населения Афганистана. Может быть, оно и явится, когда страх исчезнет из их сердец... Вице-король. Если вы примете от нас помощь войсками, то они будут даны. Эмир. Я не советовался об этом с моим народом, а поэтому не знаю, даст он свое согласие или нет. Вице-король. Из вашего ответа видно, что вы отказываетесь от помощи наших войск. Эмир. Я не отказываюсь от вашей помощи войсками, но я не могу дать вам ответ на предложение, которое не довел до сведения своего народа... Вице-король. Можете ли вы поручиться, что население Афганистана примет помощь наших войск для защиты от России? Эмир. Требование, которое я сегодня обещаю ис-

полнить, не предупредив о нем население Афганистана, может быть не принято им завтра».

Али Ахмад-хан торжественно улыбнулся:

— Но о чем это говорит? Лишь о том, что Абдурахман-хан не хотел воевать с Россией и тактично отклонял ввод в страну английских войск. Где же тут его позиция, скажем, в отношении Пендинского оазиса?

Яков Захарович внутренне похвалил себя: ловушка, поставленная Али Ахмад-хану, захлопнулась.

— Я ожидал подобной реплики со стороны сардара. Чтобы покончить с обсуждаемой темой, прочту заключительные слова Абдурахман-хана, обращенные к вице-королю: «... афганский народ не питает доверия к вам... Надо сообщить членам вашей комиссии, чтобы они уступили России те земли, какие ныне являются предметом распри между нами и русскими. Я считаю необходимым поступить так потому, что земли и жилища туркмен-сарыков моими владениями, а они сами моими подданными в действительности никогда не были; их делами я также не ведал... Та часть области, которая теперь должна отойти к России, не принадлежит к территории Афганистана...»

Глядя на обескураженного Али Ахмад-хана, Суриц четко произнес:

— Какой отсюда напрашивается вывод? На территориальные захваты толкали эмира лютые враги Афганистана. Они прекрасно понимали, что это вовлечет его в войну с Россией, и даже были готовы дать ему солдат. Скорее всего индийцев. Правитель проявил дальновидность и отверг пагубные советы. Мне кажется, и я хочу надеяться, что мои глубокоуважаемые собеседники со мной согласятся: только недруги афганского народа могут желать, чтобы он, обрета независимость, претендовал на земли дружественного соседа...

Яков Захарович бросил беглый взгляд на Али Ахмад-хана:

— И о какой дружбе после этого, о каком добрососедстве, о каких взаимовыгодных отношениях, наконец, может после этого идти речь? Не правда ли, мудрейший сардар?

...Вечером Тарзи докладывал Аманулле-хану о ходе переговоров.

— Сегодня большевик отшлепал Али Ахмад-хана, словно мальчишку. Боюсь, у него пропала охота участвовать в наших беседах, а уж выдвигать разные требования и подавно.

Эмир вздохнул: жаль, конечно, что не удастся округлить владения...

— Переговоры при любых обстоятельствах следует довести до благополучного конца, дорогой Махмуд-бек. Вам и без меня прекрасно известно, насколько мы нуждаемся в поддержке России.

И выработка важного документа продолжалась. На какое-то время ее прервал отъезд министра иностранных дел в Масури...

КУРОРТ МАСУРИ НЕ ПОМОГ

В жаркое время те английские чиновники и офицеры, которые не обязаны были по долгу службы находиться в Симле, стремились отправиться с близкими еще дальше в горы, за Дехрадун. Там, на восточных склонах одного из отрогов Гималаев, разбросал свои домики курорт Масури. К югу от него открывается вид на долину Дун с притоком реки Джамны и на Сиваликские холмы. На севере горизонт ограничивается снежным хребтом Чор, увенчанным пиком Бхандарпуна. Хребет преграждает доступ суровым ветрам, и эта часть городка, раскинувшаяся среди бесчисленных дубов, елей и рододендронов, утопает в яблоневых и грушевых, абрикосовых и вишневых садах.

Весной 1920 года, когда период «бегства в горы» еще не наступил, в лучшем отеле Масури «Савой», рекламировавшем «всеобъемлющий европейский комфорт», снял номер худощавый тридцатилетний адвокат Джавахарлал Неру, сын Мотилала Неру, одного из руководителей партии Индийский национальный конгресс, и член этой крупнейшей организации, стремившейся избавить родину от чужеземного господства. Он привез сюда больную мать, жену Камалу и трехлетнюю дочку Индиру.

Майским вечером, когда с Гималаев слетал освежающий ветерок, Неру читал в шезлонге на балконе. Вдруг его позвали в гостиную. Там постояльца ждал инспектор полиции.

— Чему обязан? — удивился адвокат.

— Сэр, приношу тысячу извинений... Мне поручено взять у вас обязательство не вступать в сношения с афганской делегацией. Вот письменное предписание.

— Что за чушь! Какая делегация? Какое отношение я к ней имею?

Полицейский офицер вытянулся и произнес деревянным голосом:

— Сэр, вы отлично осведомлены. В отеле люди Амануллы-хана. Всякие связи с ними запрещены. Вы обязаны...

Неру напрягся, едва сдерживая вспышку гнева:

— Я никому ничем не обязан! Эти афганцы, кажется, живут здесь уже долго. У меня не было ни потребности, ни желания общаться с ними. Тем более что все они окружены толпой ваших явных и секретных агентов.

— Прошу прощения, сэр! Насколько можно судить, вы отказываетесь дать обязательство?

— Не только отказываюсь, но категорически протестую против подобного требования!

— В таком случае, сэр, убедительно прошу в двадцать четыре часа покинуть наш дистрикт. Есть твердое указание — не выедете добровольно, будете высланы насильно!

Вскоре «Таймс оф Индия», аллахабадский «Пайонир» и другие газеты под кричащими заголовками поведали о «депортации лидера Конгресса Дж. Неру из Масури». Однако обижаться на повышенное внимание властей к своей особе он не мог: ему составили невольную компанию более двух десятков политических деятелей.

Масури «чистили». Хотя и с некоторым опозданием: там уже около месяца шли острые дебаты на англо-афганской конференции, ставшей продолжением переговоров в Равалпинди.

Предусмотренный лордом Челмсфордом и его окружением полугодовой испытательный срок завершался, а они не могли прийти к утешительному выводу, что эмир Аманулла-хан выдержал его. Скорее наоборот. Надежды на капитуляцию Кабула, лишённого покровительства англичан, денежных подачек, всяких льгот и привилегий, таяли, как туман. Эмир якшается с проклятыми большевиками, дьявол бы их побрал! И совсем не исключено, что он заключит с Москвой договор.

Чем эти нищие и голодные оборванцы за Амударьей так околдовали Аманулла-хана, что он готов отказаться от вполне реальных благ?! Трудно понять... Судя по всему, маллесоновским парням не удалось добиться успеха, стравливая русских и афганцев. И расчеты на влияние этого напыщенного индюка Али Ахмад-хана не оправдались, и восстание пограничных племен не утихает, несмотря на жесточайшие бомбардировки их селений, и волнения во всей Индии не прекращаются...

И тем не менее попытки любой ценой прибрать к рукам строптивых афганцев необходимо продолжать! Поэтому в марте 1920 года вице-король предложил Кабулу провести в апреле новые переговоры. 12 апреля представители эмира пересекли границу. На этот раз их возглавлял министр иностранных дел Махмуд-бек Тарзи. Встреча была торжественной — с почетным караулом. Специальный поезд пару дней колесил по Индии, делая остановки именно там, где его пассажиры не могли вступить в контакт с населением, пока не доставил их в Масури, подальше от больших городов.

Махмуд-бек чутко уловил настроение гостеприимных хозяев, когда сопровождавший афганцев в поездке английский чиновник обронил многозначительную фразу: «Есть различие между обычным сердечным рукопожатием и пожатием рук в толстых перчатках». Министр подумал: «Слуга обычно отражает мысли господина. Это он об искренности в наших отношениях. Если так говорит подобная мелкая сошка еще до того, как начались переговоры, успеха ждать нечего».

Подход Дели (а тем более Лондона) к переговорам отражал и состав утвержденной вице-королем делегации. В то время как Тарзи приехал с министром торговли Гулам Мухаммад-ханом Вардаком и восемью ответственными сотрудниками своего министерства, Генри Доббса, сменившего незадачливого Гамильтона Гранта на посту секретаря по иностранным делам, сопровождали лишь податной комиссар Пешавара Пирс, подполковник Маспрэтт из индийского Главного штаба и наваб сэр Абдул Каюм. Пожалуй, один лишь Маспрэтт имел представление о сути спорных вопросов.

Да нуждался ли Доббс вообще в помощниках? Из прожитых им на свете сорока девяти лет он успел двадцать восемь провести в рядах Индийской гражданской, а затем Политической службы как раз на северо-западе страны. И даже был главным комиссаром Белуджистана. Впрочем, обладая он и меньшим опытом, реакция лорда Керзона и других высших сановников империи на проявленную его предшественником слабость четко указывала линию, какой ему следовало держаться.

И на первом же заседании, 17 апреля, Доббс обвинил правительство Афганистана в проведении недружественной политики.

— Еще не став по-настоящему самостоятельным государством, — гремел его голос, — ваша страна поощряет и

ведет пропаганду против могущественной и благожелательной великой державы, из рук которой надеется получить независимость. Рассчитывая на всестороннее содействие Британской империи, Кабул в то же время разжигает волнения пограничных племен, демонстративно сближается с нашими недругами. Наше терпение истощается. Вам это не сулит ничего хорошего!

Махмуд-бек украдкой посмотрел на соотечественников. Кто покраснел, кто побледнел, кто плотно сжал губы. Экспансивны... Не хватает дипломатической выдержки. Они прекрасно знают роль этой великой державы в истории своей родины и в ярости готовы броситься на англичанина, если тот не утихомирится.

Едва глава британской делегации умолк, Тарзи нарочито тихо произнес:

— Уважаемый коллега очень уместно упомянул о целесообразности дружественных отношений между соседями. Но чувство симпатии — а без него что за дружба?! — должно быть обоюдным. Не знаю, как насчет симпатий с вашей стороны... У нас они еще не созрели. Этому мешает оккупация британскими войсками святых мест ислама и части Турции. Не способствуют этому и жестокие расправы с афганскими племенами Вазиристана. Наконец, имперское правительство заняло весьма сомнительную позицию в отношении договора, подписанного его полномочным представителем в Равалпинди. Нам всячески дают понять, что этот документ предварительный и что Афганистану еще предстоит добиваться подлинной свободы.

Спокойный и вместе с тем твердый тон министра произвел впечатление на всех. Даже на Доббса. Наступила длительная пауза. Глава британской делегации долго подбирал слова для ответа. Так и не найдя подходящей формы, сбился почти на грубость:

— Я скажу уважаемому джентльмену! С племенами мы и впредь будем поступать по своему разумению и своими методами. Кабул получит новый договор, лишь доказав, что искренне желает дружбы с нами. Об этом говорилось и в Равалпинди... Что же касается проблем святых мест и Турции, то тут мы руководствуемся политическими, а не религиозными мотивами и вовсе не склонны учитывать чувства афганцев!

Тарзи пожал плечами, свидетельствуя, что при таком подходе дальнейшее обсуждение бессмысленно:

— Полагаю, для первого раза высказано достаточно,

чтобы определить точки зрения сторон. Давайте продумаем прозвучавшее здесь.

...Доббс был достаточно умен, чтобы не понять ошибочность избранной им тактики, и достаточно изворотлив, чтобы немедленно перестроиться. На следующем заседании английский уполномоченный источал мед и елей:

— Боюсь, высокочтимый эмир со своими мудрыми советниками не совсем правильно трактует некоторые особенности ситуации. Мы в общем склонны признать независимый статус Афганистана, но ваши представители должны находиться в Дели, при вице-короле, их пребывание в Лондоне не только невозможно, но и нецелесообразно. Оно повлечет за собой многие практические затруднения.

Доббс мягко улыбнулся:

— Например, любой спор между Кабулом и Лондоном нельзя будет решить, не выяснив мнения правительства Индии. Возникнет лишняя переписка, дополнительная трата времени. А ведь в этом никто не заинтересован, не так ли?

Метаморфоза, происшедшая с грозным главой британской делегации, позабавила Махмуд-бека. Он возразил:

— Мы вовсе не стремимся осложнять наши отношения, дорогой коллега. Но к чему все это? Разве имперское правительство будет запрашивать Дели при переговорах, скажем, с Испанией? Или с Мексикой? Скорее всего нет. Единственное, чего добивается его величество эмир,— это полное и всеобъемлющее равноправие наравне с прочими государствами мира...

Доббс сделал вид, что аргументация афганского министра не совсем ясна для него. На третьем и четвертом заседаниях Махмуд-бек Тарзи упорно продолжал развивать тему о международном статусе Афганистана.

— Не соблаговолит ли достопочтенный джентльмен,— допекал он английского дипломата вполне в духе дебатов, происходивших в стенах британского парламента,— объяснить, почему ваши газеты не напечатали письмо сэра Гамильтона Гранта с признанием нашей независимости?

«Достопочтенный джентльмен» не совсем уверенно заверял:

— Вы заблуждаетесь, господа! Британия всегда была

крайне заинтересована в том, чтобы Афганистан был сильным и независимым!

Даже строгий взор министра не смог предотвратить вырвавшихся у его помощников насмешливых восклицаний.

Обеим делегациям, уставшим от бесплодных споров, понадобились дополнительные инструкции. На конференции был объявлен перерыв.

...Через две недели после высылки из Масури, ранним утром, во двор отеля «Савой» вновь вошел Джавахарлал Неру. Первым, кого он увидел, был пожилой афганец, качавший на коленях Индиру.

— Мой сын — Джавахарлал. А это — министр иностранных дел Афганистана, почтенный Махмуд-бек Тарзи, — познакомила их мать Джавахарлала. Тарзи передал Неру его дочь и поклонился.

Когда афганец удалился, мать продолжала:

— Очень милый человек. Что тут было, когда ты уехал! Он пришел извиняться, словно высылка произошла по его вине. И каждый день нам доставляли от его имени цветы и корзину фруктов. А как тебе удалось так быстро вернуться?

— Отец обратился к губернатору Соединенных провинций сэру Харкорту Батлеру, своему знакомому. Написал, что не верит, будто дурацкий приказ о депортации исходит от него: скорее всего он рожден какой-нибудь мудрой головой в Симле, и я все равно отправлюсь сюда, если вам станет хуже. Губернатору пришлось телеграфировать об отмене приказа.

— Твой приезд очень кстати. Мое состояние не улучшилось.

— Это плохо! — нахмурился Джавахарлал. Потом оживился. — А знаете, пока я был в Аллахабаде, туда пришло около двухсот крестьян. Они молили о помощи. Мы с друзьями отправились к ним в лагерь на берегу Джамны. Слыхали бы вы рассказы об их жизни...

Неру провел рукой по лицу, как бы отгоняя мрачные картины:

— Я побывал в их деревнях, вдали от железных и шоссе дорог. Того, что я там видел за три дня, мне хватит до гробовой доски. Дикая нищета, тяжелейшие налоги, бесчеловечное обращение, голодные дни, недели, годы. Как этих несчастных эксплуатируют помещики! Если бы я смог когда-нибудь облегчить судьбу нашего народа!..

«Главный британский представитель на конференции в Масури — вице-королю Индии, Симла. Переговоры приостановлены, чтобы оказать давление на представителей эмира. Это позволит вбить клин между афганцами и большевиками».

«Вице-король Индии — главному британскому представителю, Масури. Ожидания могут не оправдаться. По сведениям Маллесона, Суриц в апреле получил санкцию заключить договор с Афганистаном...»

* * *

После ряда совещаний, проведенных в Симле и Дели, вице-король 21 мая 1920 года отправил в Лондон депешу. Она содержала «Соображения о желательности прийти к соглашению с большевиками по поводу Афганистана». Идея лорда Челмсфорда состояла в том, что в обмен на незначительные уступки Москва может отказаться от любых связей с южным соседом, не санкционированных Британской империей.

Идея пришлась по душе и лорду Керзону и сэру Эдвину Монтегю. «Ну как же! — доказывали они. — Советы крайне заинтересованы в установлении отношений с нами. Это во-первых. А во-вторых, армия Пилсудского заняла едва ли не всю Украину вместе с Киевом. Из Крыма готовит удар генерал Врангель. Ленин примет любое предложение, лишь бы изменить ситуацию, в которой оказалось его правительство».

Одобрительная реакция непосредственного начальства воодушевила лорда Челмсфорда. 7 июня он отправил в Лондон проект договора. В обмен на установление консульских отношений с Великобританией Советской России предлагалось отказаться от всяких связей с Афганистаном.

Увы, сэр Эдвин Монтегю принес на Даунинг-стрит, 10, предложения Челмсфорда в тот момент, когда Ллойд Джордж пребывал не в лучшем настроении. Наступление белополяков, поначалу вызвавшее столько надежд и потребовавшее немало английского оружия и денег, не только выдохлось, но и грозило обернуться беспорядочным бегством.

Британские офицеры при штабе Врангеля слали, правда, более утешительные вести, но премьер-министр отлично помнил, чем кончился «блистательный поход» деникин-

ских «добровольцев» на Москву, а Юденича — на Петроград. К тому же твердая позиция Москвы на шедших в это время в Лондоне переговорах о заключении англо-советского политического и экономического соглашения отнюдь не свидетельствовала о том, будто Ленин и его коллеги чувствуют себя неуверенно и склонны поддаться британскому нажиму.

— И вы всерьез полагаете, что большевики на это пойдут? — взметнул он лохматые брови. — Прожект из Лапуты! Положите в сейф — вряд ли понадобится.

...Генри Доббс основывал свои действия на двух предпосылках. Он считал, что Аманулла-хан испытывает крайнюю нужду в финансах и заботится о поддержании своего престижа. По совету Доббса лорд Челмсфорд срочно запросил разрешение Лондона бросить на стол переговоров в Масури козырную карту: предложить эмиру титул «его величество» и субсидию. На Островах такая просьба не вызвала энтузиазма. Кабул должен реально доказать дружественное отношение к Британской империи, гласил ответ. До того — ни титула, ни денег! Как доказать? Очень просто. Прекратить сношения с индийскими бунтовщиками и большевиками, порвать связи с пограничными племенами.

7 июня началась новая неделя дискуссий.

— Мы настаиваем на изгнании индийских мятежников и враждебных иностранцев, особенно большевистских агентов, в качестве свидетельства лояльности к нам Кабула. Иначе какие же мы друзья?! — убеждал Доббс.

— В мусульманской стране каждый может рассчитывать на убежище, — парировал Тарзи. — Что касается Советской России, то она первой признала право Афганистана на независимость и самостоятельное развитие. Мы не можем не испытывать к ней чувства признательности.

— Ну, хорошо, — шел на уступки Доббс. — Если вы гарантируете, что индийские эмигранты и всякие иные элементы не используют пребывание у наших границ во вред Британской империи, мы будем готовы помочь афганцам стать свободными, сильными и независимыми.

— Но, глубокоуважаемый сэр, давайте сначала установим, одинаково ли мы понимаем вред, добро, зло. Борьба индийцев за освобождение своих земель — это добро или зло? — поблескивал очками Махмуд-бек.

Секретарь по иностранным делам англо-индийского правительства вспоминал рассказы Гранта о поведении Али Ахмад-хана в Равалпинди, тяжело вздыхая. Да, ему

достался орешек покрепче. И вообще ситуация не из легких. Подписать договор о полном и безусловном признании независимости Афганистана ему категорически запретит Лондон. Да и в Дели это не вызовет одобрения. Прекратить переговоры? Однако и это не встретит поддержки. Иностранный департамент англо-индийских властей и Главный штаб англо-индийской армии единодушно опасаются, что это лишь подтолкнет Кабул в сторону большевиков.

Значит, продолжать переговоры. А как это делать, ничего не предлагая и только требуя, хотя последние события в мире неимоверно ослабили военно-политические позиции империи? И, как назло, по соседству с Афганистаном!

В самом деле, в Иране пало правительство «своего человека» Восуг эд-Доуле, а новое немедленно отправило посла в Москву. Месопотамия охвачена восстанием. В Азербайджане утвердилось Советская власть. Генерал Мустафа Кемаль успешно расширяет свое влияние в Турции. Трон бухарского эмира, верного друга Англии, явно шатается. Индийские мусульмане тысячами включаются в «халифатское движение», отправляясь в Афганистан, чтобы идти дальше — «защитать турок». Индия продолжает бунтовать, а на ее границах полыхает настоящая война с племенами...

Никаких перспектив! И после еще нескольких заседаний, смахивавших на диалог слепых и глухих, глава имперской делегации считал целесообразным привести эту картину к завершению. Он подготовил проект договора о признании афганской независимости и обмене консулами. В нем предусматривался отказ Кабула от всякой антибританской деятельности и от вмешательства в дела пограничных племен. За это ему гарантировались ежегодная субсидия почти в два миллиона рупий, поставки различных товаров, оружия и амуниции, содействие в сооружении железнодорожных и телеграфных линий, торговые и таможенные льготы и даже вывоз опиума через Индию!

Как Доббс и ожидал, вице-король наложил вето на его проект. Лорд Челмсфорд слишком хорошо знал настроения Лондона, чтобы одобрить такой акт. Что оставалось делать? Покончить с конференцией.

24 июля 1920 года дипломаты собрались на заключительное заседание. Самое непродолжительное. Секретарь по иностранным делам вручил руководителю афганской делегации памятную записку. В ней перечислялись поли-

тические и материальные блага, какие Англия готова была излить на Афганистан. Но не ранее подписания «окончательного» соглашения...

Махмуд-бек ознакомился с полученным документом и сдвинул брови:

— Когда же наступит этот долгожданный момент? Надеюсь урегулировать наши отношения, мы провели здесь более трех месяцев. Выходит, впустую! Жаль, очень жаль. У меня каждый день на счету.

Доббс попытался отшутиться:

— Отчего же впустую? Мы познакомились. Лучше узнали друг друга.

Но собеседник не поддержал шутливого тона:

— Увы, вся беда в том, что мы слишком хорошо знаем вас. И давно! А вы нас не желаете узнать по-настоящему, хотя посещали Афганистан часто. Даже слишком часто! Не рассчитывайте, что мы станем послушными и покорными. Мы были и остаемся гордым самостоятельным народом. Позвольте откланяться. Прощайте, достопочтенный сэр! Прощайте, джентльмены!

* * *

Конференция в Масури неожиданным образом отразилась на внутренних индийских проблемах. В борьбу за улучшение положения крестьян со всей энергией включился Джавахарлал Неру. «...Я установил связь с крестьянским движением,— писал он много лет спустя.— Эта связь укрепилась в последующие годы и оказала большое влияние на мои взгляды. Иногда я спрашивал себя, что было бы, если бы я не был подвергнут изгнанию из Масури и не оказался именно в то время в Аллахабаде без определенных занятий. Вероятно, рано или поздно я все равно сблизился бы с крестьянами, но, возможно, я подошел бы к ним иначе, и влияние, произведенное на меня этим сближением, также могло оказаться иным».

ПЕРВЫЙ РАВНОПРАВНЫЙ

Для лорда Челмсфорда и его окружения, как и для связанных с Востоком лондонских ведомств, август и сентябрь 1920 года были тревожными. Сначала распространились вести о частых и продолжительных совещаниях

Тарзи с послем большевиков Сурицем, затем — об их почти полном прекращении. Напрашивались два вывода: либо стороны не нашли общего языка, что было бы прекрасно, либо, наоборот, достигнуто соглашение, а это уже означало катастрофу.

Сэр Эдвин Монтегю требовал от Челмсфорда как можно быстрее добыть точные сведения, вице-король с этой целью нажимал на пограничные власти, сменивший Маллесона в Мешхеде генерал Лесли поставил на перехват опытных радистов и мобилизовал самых энергичных агентов. Вскоре подтвердились наихудшие опасения. Разные источники извещали об одном и том же: 13 сентября в Кабуле был окончательно согласован проект советско-афганского договора. За очень крупную сумму удалось даже выяснить дальнейшие планы эмира. И они не были обнадеживающими.

...Важный документ, определяющий международно-правовую основу отношений Советской России с Афганистаном, парафировали, то есть скрепили инициалами, Махмуд-бек Тарзи и полпред РСФСР Яков Суриц во дворце Дилькуша. Аманулла-хан распорядился, чтобы присутствовали ближайшие помощники министра иностранных дел. По окончании церемонии, когда Суриц удался, эмир спросил, кого намечено направить в Москву для подписания договора.

— Несомненно, генерала Мухаммада Вали-хана, ваше величество. Он уже был там и успешно выполнил все поручения, — откликнулся Тарзи.

Аманулла-хан глянул на вытянувшегося генерала и приветливо улыбнулся ему:

— Согласен!

Мухаммад Вали-хан поклонился.

— Ну, а кто будет помогать Вали-хану?

— Мирза Мухаммад-хан и Гулам Сиддик-хан. Знающие работники. Масури их кое-чему научило.

— Не возражаю. Это будет чрезвычайная миссия. И пусть она из Москвы отправится в те страны Европы, установить с которыми отношения есть хоть малейшая надежда. Даже в Америку. Пока хотя бы в Северную. Нам следует добиваться всеобщего признания!

— Горячо поддерживаю такой подход, ваше величество. Мы снабдим генерала необходимыми документами.

— Что ж, генерал, в добрый путь! Да сопутствует тебе удача!

* * *

...Неудивительно, что вести из афганской столицы энтузиазма у британских властей в Индии не вызвали. Обычно флегматичный, вице-король нервно мерил шагами свой огромный кабинет. Доббс вертел головой, следя за повелителем Индии, вслушиваясь в его бессвязную речь.

— Проморгали, проморгали... Не на тех лошадях ставили, не те меры намечали... С самого начала. Вся эта двухэтапная политика — ошибка. Крупная ошибка! Не было никаких гарантий, что Аманулла одумается, что удастся заставить Афганистан вернуться к прежним рубежам. Нереалистичный курс. Лондон негодует! И совершенно справедливо. Как теперь расхлебывать кашу? Что вы молчите, сэр Генри?

Холодные серые глаза уставились на секретаря по иностранным делам. Теперь «сэр» означало не просто вежливое обращение: вскоре после Масури Доббс был возведен в рыцарское звание.

— Сдается, милорд, что у нас еще есть какой-то запас времени до подписания договора в Москве, а если это, к величайшему сожалению, произойдет, то до его ратификации. Нечего и говорить, сроки нам отпущены крайне ограниченные. Следовательно, необходимы энергичные и незамедлительные меры.

— Что именно?

— Боюсь, новая конференция, на манер уже состоявшихся, не даст результатов. Нужно попробовать установить прямой контакт с Амануллой. Направить к нему авторитетного представителя. Покорить эмира грандиозностью наших предложений. Много всего и сразу! Чтобы и сравнения не могло быть с надеждами, какие он возлагает на нищих большевиков!

Лорд Челмсфорд сел за письменный стол:

— Неплохая идея! Кто же, по-вашему, сумеет осуществить ее надлежащим образом?

— Мне кажется, это вполне под силу политическому агенту в Хайбере майору Френсису Хэмфрису. Отличный знаток афганских правов и обычаев...

— Ну нет! — решительно возразил вице-король. — Для такого важного задания майор Хэмфрис слишком мелкая фигура. Ехать следует вам, сэр Генри!

Секретарь проявил выдержку, хотя подобный оборот событий ему абсолютно не улыбался. Не только потому, что он неплохо знал историю и мог опасаться повторения

судьбы Бернса, Макнотона, Каваньяри и прочих соотечественников, сложивших головы в Кабуле. И даже не потому, что неизвестно сколько дней (недель? месяцев?) придется провести вдали от удобств цивилизации, опасаясь, что на твою должность назначат другого... Нет, дело было в другом. Доббс отнюдь не был убежден в перспективности своих предложений и предпочел бы, чтобы вполне вероятная неудача не была связана непосредственно с его именем. Но столь категорическое пожелание, скорее походившее на приказ, отрезало дорогу к отступлению. Оставалось выразить полное согласие.

— Хорошо, милорд. Я возьму с собой генерала Маспрэтта, нескольких сотрудников из Секретариата и наваба сэра Шамс Шаха. Поскольку единственной кабульской радиостанцией заведует русский, придется захватить свою вместе с техниками для ее установки.

— Превосходно. Сулите мистеру Аманулле все золото мира. Остерегайтесь определенности лишь в вопросе о независимости и титуловании эмира «его величеством» — этого особенно хотел бы избежать его величество Георг Пятый. Впрочем, афганские проблемы вам известны лучше, чем мне. Да, — вспомнил Челмсфорд, — вы ведь на три года моложе меня: в наступившем году вам исполнится полвека. Не засиживайтесь в гостях: юбилей лучше отметить здесь, среди своих.

Сэр Генри молча поклонился, отметив про себя деликатность, с которой вице-король подчеркнул необходимость поторопиться с выполнением поручения.

Утром 5 января 1921 года группа Доббса пересекла афганскую границу. Уже через пять дней англичане вступили в зал приемов дворца Дилькуша. Залитый электрическим светом, он был переполнен придворными — военными и гражданскими — в ярких мундирах и праздничной одежде. Среди этого блеска простым костюмом выделялся эмир, его украшала только высокая соболья шапка с золотой звездой.

— Поздравляем с благополучным прибытием в священную столицу богом данного государства! — обратился правитель к Доббсу. — Любопытно, что из семерых наших гостей четверо — ирландцы...

«Какая осведомленность! К чему это он? — не понял сэр Генри, но тут же догадался: именно в это время ирландские повстанцы резко активизировали борьбу против английского владычества, и эмир, вероятно, рассчитывал сыграть на его национальных чувствах. — Ошибаешься,

голубчик, мои предки — протестанты-землевладельцы, а не голодранцы-католики!»

— Мы придаем большое значение переговорам с посланцами могущественной Британской империи. Их ведение поручено сардару Тарзи. Мухаммад Надир-хан не будет принимать в них участия. Генералы не всегда полезны для достижения согласия, — продолжал Аманулла-хан, взглянув на стоявшего рядом военного министра.

— Дипломаты часто беспомощны без военных, — усмехнулся Надир-хан. — В любом случае готов к услугам.

— Будем надеяться, что они не понадобятся, — промолвил эмир. — Аллах милостив!

...Если бы кто-нибудь, движимый завистью или другим низменным чувством, вздумал утверждать, будто Генри Роберт Конвэй Доббс не заслужил рыцарского звания, справедливые и осведомленные люди с ним бы не согласились. Сэр Генри в совершенстве владел персидским языком, а его послужным списком гордились бы многие. Школа в Винчестере (кстати, в ее стенах обучался и лорд Челмсфорд) и оксфордский колледж Брэйсеноус... Успешно сданный экзамен на поступление в Индийскую гражданскую службу, семь проведенных там памятных лет — 1892—1899, затем переход в Политическую службу привили ему немало полезных навыков. Начав деятельность в Майсуре, Доббс потом полностью переключился на беспокойный северо-запад. В 1903 году проник из Мешхеда в Герат, чтобы вести разведку на границе России с Афганистаном. Правда, такой смелый шаг вызвал недовольство Кабула и англо-афганский конфликт...

Это не отразилось на рвении Доббса: он разработал целую программу политических и экономических мероприятий, которые предусматривали допуск британского офицера на русско-афганские рубежи и полную ликвидацию торговли между Афганистаном и Россией. Эта система была столь сложна, что даже такой русофоб, как тогдашний вице-король Индии лорд Керзон, нашел ее нежизнеспособной и отверг.

Но и тут Доббс не впал в уныние. Через год он вместе с Гамильтоном Грантом сопровождал секретаря по иностранным делам Льюиса Дэна в его поездке к эмиру Хабибулле-хану, долго и верно служил Империи, добравшись до одного из самых ответственных постов в колониальной администрации.

Словом, опыта сэру Генри было не занимать. Основываясь на нем и стремясь уберечь Афганистан от пагубно-

го поступка — заключения договора с большевистской Россией, Доббс решил взять быка за рога. По пословице, известной с детства: «Удачное начало — наполовину выигранный бой». И, добившись срочной аудиенции у эмира, Доббс 13 января явился к нему вместе с навабом Шамс Шахом. В кабинете правителя находился Тарзи. За окнами мелькали снежные хлопья. В помещении было довольно прохладно.

— Не будь я вашим другом, ваше высочество, я умолчал бы о делах, какие намерен сейчас раскрыть, — начал сэр Генри без обиняков. — Они известны лишь весьма немногим. Наша секретная служба вскрыла связи Афганистана с другими сторонами. В частности, с правительством большевиков и с турецким мятежником Мустафой Кемалем. Вы были бы потрясены, укажи я источники этой информации...

Аманулла-хан сузил глаза:

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы тайно заключили договоры с большевиками и Кемалем. Нам это известно. Чтоб я не выглядел болтуном, прошу взглянуть на это! И на это! И сюда!

Доббс выложил копии проекта советско-афганского договора, составленного в ведомстве Тарзи обзора афгано-турецких связей и другие документы.

— Вот, пожалуйста! Может быть, вам неизвестно, что Суриц сообщал в Москву? Извольте: «После восьми месяцев обсуждений 13 сентября подготовлен текст договора, гарантирующего благожелательную позицию Афганистана к РСФСР...»

Нервно барабанивший пальцами по столу эмир вскипел:

— Господин Доббс, не кажется ли вам, что вы упустили два обстоятельства? Во-первых, Афганистан — независимая страна и вправе заключать какие угодно соглашения с любым государством! Во-вторых, наш договор с Советской Россией построен на взаимном уважении. Он не задает чужих интересов. Если вам известно его содержание, — Аманулла-хан указал на бумаги, — то как вы вообще можете предъявлять претензии по этому поводу? Тем более что Британская империя, помнится, еще ни разу не присылала в Кабул тексты своих соглашений с другими державами для согласования. Чего же вы хотите от нас?

Посол вице-короля понял, что попытка ошеломить правителя Афганистана лихой кавалерийской атакой не

удалась. Речь эмира была убедительной и логичной, давлению он не поддавался.

— Моей задачей было показать, что вы намерены вести игру сразу в четырех направлениях — с нами, большевиками, Кемалем и с другим турецким авантюристом — Джемаль-пашой, — попытался он исправить положение.

— Хорошо, мы проявим ответную откровенность, — уже более спокойным тоном произнес Аманулла-хан. — Для нас крайне важно, что большевики считают афганский и другие народы Востока полностью равноправными с народами Запада, заслуживающими дружбы и уважения. Если Британская империя займет такую же позицию, мы достигнем взаимопонимания немедленно!

Доббс мгновенно перестроился. Теперь он выдвинул вперед «тяжелую артиллерию» — широкие обещания материальных благ: обильных денежных субсидий, снабжения оружием, амуницией, всевозможными товарами. Только бы Кабул отказался от порочной и пагубной идеи сближения с большевиками...

* * *

Генерал Мухаммад Вали-хан вышел из вагона, широко улыбаясь. После нескольких недель, проведенных в Москве годом ранее, она ему казалась почти родным домом. Радостному настроению способствовала и теплая встреча на заснеженном перроне Казанского вокзала: цветы, оркестр, знакомые лица. Правда, среди них посол не увидел одного, особенно полюбившегося ему. Обмениваясь рукопожатием с заместителем наркома Караханом, не удержался от вопроса:

— А где мой друг Нариман Кербалай Наджаф-оглы? Здоров ли?

— Нариманов? Далеко. Уехал в Баку. На ответственный пост — председателя Азербайджанского ревкома.

— Жаль, хотелось повидаться. Привет ему сердечный!

— Спасибо! Передам.

Как и в прошлый раз, чрезвычайную миссию принимала коллегия Наркоминдела. Советские дипломаты познакомились со спутниками генерала, внимательно выслушали его взволнованный рассказ о намеченной эмиром обширной программе действий — «в Европе и Америке», дали полезные советы.

— Надеемся, что на этот раз ваш путь был более при-

ятным, — сказал ему Чичерин. Его голова за прошедший год поседела. — Натиск наиболее ретивых врагов мы отбили, но перед нами еще много трудностей. Ничего не поделаешь: строим новую жизнь...

Гостям перевели его слова, и они обменялись понимающими взглядами.

— Прежде всего хочу сообщить вам, уважаемые друзья, — продолжал народный комиссар, — что товарища Ленича очень обрадовало завершение в Кабуле работы над договором. Он поделился этим в прошлом декабре с делегатами Восьмого съезда Советов...

— Что же он сказал? — прервал Чичерина молодой Гулам Сиддик и тут же ощутил на себе укоризненный взгляд Мирзы Мухаммад-хана: дипломат ты или нет? Никакой выдержки!

— Товарищ Ленин отметил, что наши дружественные отношения с Афганистаном все более налаживаются и крепнут, — ответил нарком. — Вы, по-видимому, знаете, что мы давно ведем переговоры с англичанами о торговом соглашении. Если пожелаете, познакомим вас с их ходом и связанной с ними перепиской. А недавно, второго февраля, если не ошибаюсь, в Лондон на имя министра иностранных дел лорда Керзона отправлена большая нота, где идет речь и об Афганистане...

У сотрудников Георгия Васильевича уже не вызывала удивления его феноменальная память, хранившая даты важных исторических событий, точный текст многих книг и документов.

— Там, в частности, констатируется: «Мы знаем об усилиях британских представителей, направленных к возбуждению Афганистана против России, хотя афганское правительство, сознавая свои истинные интересы, решительно отказывается вступить на путь вражды против Российской Республики». Помимо этого мы настаиваем, чтобы соглашение содержало взаимное обязательство уважать целостность и независимость Афганистана. Равно как Турции и Персии...

Мирза Мухаммад-хан вытаращил глаза: почтенный глава миссии Мухаммад Вали-хан неожиданно встал и пожал руку улыбающемуся наркому:

— Ташаккур! Благодарю оччен!

— Достопочтенный сардар рассказал о поставленных перед его миссией важных задачах, — продолжал Чичерин. — Их решение потребует немалых усилий. И моральных и физических. Облегчим нашим друзьям хотя бы мо-

сковский этап путешествия. Мы все изучили проект договора. Над ним хорошо потрудились в Кабуле. В основе документа — наша принципиальная позиция, предусматривающая уважение полного равноправия каждого народа, стремление к взаимовыгодному дружественному сотрудничеству... Предлагаю назначить на двадцать восьмое февраля его подписание. Есть какие-нибудь возражения?

Возражений не было.

* * *

...Генерал Мухаммад Вали-хан — Махмуд-беку Тарзи, 1 марта 1921 года, из Москвы: «Вчера, 28 февраля, состоялось подписание дружественного советско-афганского договора. Сегодня в Москве мною подписан договор с представителями Турции о взаимном признании, союзе, обмене послами. Вечером отбываю в Западную Европу».

...Из ноты народного комиссара иностранных дел РСФСР министру иностранных дел Афганистана Махмуду Тарзи от 3 марта 1921 года:

«С искренней радостью сообщаем Вам, что 28 февраля с. г. в Москве состоялось подписание Договора о дружбе между Российской Республикой и Высоким Государством Афганистаном.

Этим договором закреплены наши дружеские взаимоотношения и положено прочное основание совместной работе России и Афганистана...

Мы уверены, что в будущем никто не ослабит тех чувств, которые питают друг к другу народы России и Афганистана, и что наши дальнейшие сношения еще больше укрепят дружбу, существующую между обоими народами. Русский народ оценил по достоинству искренность афганского народа, с которой он обратил свои взоры на Советскую Россию уже три года тому назад, когда Советской России предстояла длинная и упорная борьба с врагами русского народа. Теперь, когда Советская Россия почти уже закончила эту борьбу и вышла из нее победительницей, русский народ приложит все усилия к тому, чтобы и в будущем оказать свою поддержку афганскому народу в том направлении, какое вызывается необходимостью и уже нашло свое выражение в заключенном договоре между обоими государствами...

Народный Комиссар Иностранных Дел Чичерин».

По техническим причинам весть о заключении советско-афганского договора достигла Кабула лишь 7 марта.

2 марта сэр Генри Доббс снова предпринял попытку воздействовать на правительство Афганистана. После полудня, как заранее условились, он нанес визит эмиру. Один. Предупрежденный о конфиденциальности беседы, Аманулла-хан пригласил на нее только Тарзи и Надир-хана.

— Вас интересовали источники нашей информации. Восемнадцать месяцев британская Секретная служба, расшифровав русский код, читала все, чем обменивались Москва, Ташкент, Кабул, Кушка и другие города. Могу теперь открыть это, поскольку русские спохватились и изменили шифр.

— Беспроволочный телеграф любит иногда шалить. Его сообщения нередко перехватывают плохо подготовленные люди, — отмахнулся эмир. — Основывать на этом политику несерьезно.

— Почему же? — возразил Доббс. — Мы просто учитываем различные факторы. К примеру, мы знали, что в прошлом году почтенный сардар, — он поклонился в сторону Надир-хана, — призывал к новой войне с Британской империей, но не обратил на это особого внимания...

Упрек не достиг цели. Афганцы были твердо убеждены в своей правоте.

— Предположим, вам был известен каждый наш шаг. Но все они преследовали благородную цель — обеспечить независимость родины, — мягко произнес министр иностранных дел. — И что же? Нельзя целую вечность обмениваться упреками. Даже если они облечены в дипломатическую форму. Поверьте, и вас можно во многом упрекнуть...

— Сделав нам шаг навстречу в Равалпинди, вы тут же вернулись на прежние позиции. В Масури это проявилось достаточно отчетливо! — добавил, нахмурившись, Аманулла-хан.

— Хорошо! От имени Британской империи заявляю: давайте забудем старое и установим дружественные отношения, — напыщенно произнес сэр Генри. — Но мы считаем, что дружбу с нами нельзя сочетать с аналогичными отношениями с другими странами. Наша держава достаточно богата и могущественна, чтобы щедро возместить потери, какие мог бы повлечь отказ от связей с прочими государствами...

Он сделал паузу, ожидая реакции афганцев. Те молчали.

— Мы готовы предоставить Афганистану значительные материальные льготы, если наши отношения останутся такими, какими они были прежде. Тридцать шесть лакхов рупий сразу и ежегодная субсидия в двадцать с половиной лакхов. Доставим оружие, боеприпасы, амуницию, необходимые товары. Согласимся на открытие посольства Кабула в Лондоне. Но чтобы о России не слыхали в Афганистане и никакого вмешательства в дела племен!..

— Нам необходимо сделать перерыв в переговорах, — остановил Доббса эмир. — Пока предложения дружбы выдвигаются в форме ультиматумов и дешевых посулов, ей грош цена. Мы долго ждали установления нормальных отношений между Британской империей и богом данным государством. Подождем еще немного...

Вскоре стало известно о подписании Московского договора, и отправленная Челмсфорду радиограмма свидетельствовала о явной растерянности сэра Генри: «Это означает, что Афганистан не уступит нашим требованиям. Что мне делать?»

Прояви Кабул или Ташкент хоть малую толику того рвения в перехвате денеш, какое отличало британскую Секретную службу, там узнали бы из радиообмена между Лондоном и Дели немало любопытного. И тревожного. Советско-афганский договор о дружбе привел в негодование британское правительство. Не только министерство по делам Индии — гневом было охвачено министерство по делам колоний (его главой недавно стал, уйдя с поста военного министра, неумный в замыслах Уинстон Черчилль), а главное — министерство иностранных дел: лорда Керзона привела в ярость нерешительность вице-короля Индии. Разве с самого начала не было ясно, что пронять Кабул может только язык пушек, а не дипломатов?!

В воздухе запахло порохом. Тон телеграмм, поступающих в Дели по поводу Афганистана, становился все более резким: «Если Россия собирается платить афганцам субсидию, было бы глупо со стороны имперского правительства выплачивать ее»; «У нас не исключают внезапного начала войны...»

Срок полномочий лорда Челмсфорда истек, и он молил силы небесные позволить ему спокойно вернуться на Острова. Он великолепно понимал, что новая имперская авантюра неминуемо завершится крахом. «Мы вынуждены просить правительство его величества взглянуть на факты так, как их видим мы. Афганистан полон решимости продемонстрировать свою полную независимость. Ничто не

сдвинет его с этой позиции, кроме войны. Но можем ли мы, учитывая общее положение на Ближнем и Среднем Востоке, оказаться перед афганской войной? Индия не может, и мы осмеливаемся рискнуть напомнить правительству его величества, что основное бремя падет на Индию и ее ресурсы... Для нас очень важно успешно завершить переговоры, если возможно, пока не исчез эффект от откровений Доббса», — гласила радиограмма вице-короля сэру Эдвину Монтегю, в конце которой испрашивались санкции «на дополнительные уступки эмиру в свете надежд на взаимность, предполагаемую Доббсом».

«Категорически возражаем против каких-либо новых уступок! — отрезал Лондон. — Вообще представляется, что Доббс смотрит через афганские очки».

Намек был весьма прозрачен. Британская миссия в Кабуле сообщила о полученном сэром Генри личным подарке Амануллы-хана — роскошном бирджандском ковре ценой четыре тысячи рупий. Вскоре пришло уточнение: ковер, оказывается, стоил двенадцать тысяч...

Общую ситуацию несколько смягчило подписание 16 марта в Лондоне англо-советского торгового соглашения. Как и сказал Чичерин Вали-хану, его преамбула фиксировала обязательство обеих держав воздерживаться от враждебных действий друг против друга в сопредельных странах, в том числе «в независимом государстве Афганистане». Так или иначе, под давлением большевистской дипломатии британские государственные деятели начинали привыкать к понятию «независимый Афганистан».

Однако процесс такого «привыкания» протекал необычайно медленно и болезненно. Признав косвенно самостоятельность афганского народа, имперские «зубры» упорно не желали согласиться со своим поражением и включить это признание в официальный текст договора, который Англия намеревалась заключить с Кабулом.

Ограниченный в своих полномочиях, Доббс распорядился укладывать чемоданы, но тут его пригласили во дворец. У эмира по обыкновению находился Махмуд-бек Тарзи — складывалось впечатление, что они никогда не расставались.

— Джанаби Доббс, высокочтимый Доббс! — правитель пожал руку послу. — Мы сейчас очень заняты переделкой афганского общества. Трудно даже вообразить, сколько здесь работы... И перестройка государственного аппарата, и налаживание экономики, и развитие просвещения. Но это вовсе не означает, что нас не заботят отношения с со-

седами. Можно ли прерывать переговоры, если наши страны стремятся к дружбе?

— Однако московские договоры с большевиками и с Кемалем создают впечатление, что соглашение с нами потеряло для вас смысл.

— Отнюдь нет! Успешный исход бесед в Кабуле крайне желателен, и мы готовы всячески содействовать ему.

Сэр Генри велел распаковывать чемоданы. 16 апреля состоялся официальный завтрак в министерстве иностранных дел. Переговоры продолжались.

Тем временем лорд Челмсфорд передал свои полномочия новому вице-королю Индии — известному юристу лорду Ридингу. А с ними вместе и «афганскую проблему». 5 мая Ридинг телеграфировал в Лондон: «Мое нынешнее более близкое знакомство с индийскими делами заставляет меня добиваться заключения договора с Афганистаном, даже если он не будет соответствовать всем нашим желаниям...»

Но как сделать, чтобы эти «желания» потерпели наименьший урон? Доббсу позволили повысить предложенную эмиру субсидию до 40 лакхов, или 4 миллионов рупий. Еще можно было надеяться, что эта огромная сумма оторвет Аманулли-хана от России: договор с ней пока не ратифицирован...

Афганцы готовы были принять субсидию, но порвать с Москвой отказывались. Разумеется, позиции постепенно сближались. Уже король Георг V, об упрямстве которого ходили легенды, согласился титуловать Аманулли-хана «его величеством». Кабул же требовал полного признания своей самостоятельности. В дискуссиях, как и опасался сэр Генри, текли недели и месяцы, и уже близился его полувек юбилей. Трудное, выстраданное соглашение, похоже, приобретало реальные черты...

* * *

Генерал Мухаммад Вали-хан — Махмуд-беку Тарзи, 20 мая 1921 года, из Берлина:

«Как я уже сообщал, из Москвы миссия через Ригу и Варшаву 8 апреля прибыла в Берлин. На границе, в Эйдкунене, ее встретил господин Хентиг. По предъявлении в Берлине верительных грамот письмо его величества эмира передано президенту Фридриху Эберту, вашего превосходительства — фон Шуберту. Официальные извещения о воцарении его величества Аманулли-хана, о достижении Аф-

ганистаном полной независимости и желании установить отношения с Германией нашли понимание. Немедленной реализации мешает ее зависимость от Антанты, боязнь реакции Британской империи. Из-за этого Германия не решается и активно содействовать культурно-экономическому развитию Афганистана. К сожалению, не помогла копия известного письма Гамильтона Гранта о нашей самостоятельности, пересланная сюда афганским посольством в Москве. Однако многочисленные контакты с германскими официальными лицами и представителями промышленности твердо позволяют рассчитывать на лучшее. Отправляемся в Италию...»

Генерал Мухаммад Вали-хан — Махмуд-беку Тарзи, 7 июня 1921 года, из Рима:

«Дополнение к последнему донесению. Миссии оказан сердечный прием королем Италии Виктором Эммануилом III и министром иностранных дел Карло Сфорца. 3 июня подписан итало-афганский договор. Между нашими странами предусматривается установление дипломатических отношений, обмен посольствами. Выезд итальянского посольства в Кабул ожидается через месяц. Достигнута договоренность о развитии торговли. Следуем во Францию...»

Генерал Мухаммад Вали-хан — Махмуд-беку Тарзи, 15 июня 1921 года, из Парижа:

«9 июня прибыли в „столицу мира“, тепло встреченные президентом Мильераном и премьер-министром Брианом. Являемся гостями французского правительства. Переговоры идут успешно. Подготавливаем соглашение о развитии политических и экономических отношений. Британские „друзья“ селятся помешать этому. Их посол твердит здесь, что независимость Афганистана мнимая, что он все еще находится „в сфере имперского влияния“ и что Лондон в ближайшем будущем предполагает существенно укрепить связи с нами. По окончании французского визита, как и планировалось, отплывем в Северо-Американские Соединенные Штаты...»

* * *

В начале июня Яков Захарович Суриц сообщил министерству иностранных дел Афганистана о приезде в Кабул из Москвы секретаря советского посольства Розенберга и попросил назначить ему срочную аудиенцию у эмира. На следующий же день она была дана, и полпред представил Аманулле-хану и Махмуд-беку Тарзи невысокого чернявого мужчину с густой шевелюрой:

— Борис Павлович Розенберг. Когда я уже почти собрался домой, наконец прислали помощника. Что делать, не подготовили еще надежных кадров советских дипломатов. Впрочем, я просил принять меня не затем, чтобы жаловаться на наши трудности,— усмехнулся сафир из «красной столицы» и продолжал: — Ваше величество, двадцатого апреля Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет ратифицировал договор между нашими странами. Достопочтенный сардар Тарзи уже извещен об этом. А теперь мне выпала честь вручить главе Афганского государства послание Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР товарища Ленина...

Эмир вышел из-за своего стола и взял протянутый пакет. Его глаза блеснули.

— Принимаю с признательностью! Чем больше мы наблюдаем за деятельностью правительства товарища Ленина, тем основательнее убеждаемся в его искреннем уважении ко всем народам — России, Востока, мира, в настойчивом стремлении улучшить жизнь людей у себя и наладить дружбу с другими народами... Махмуд-бек, будьте добры, познакомьте нас с тем, что пишет великий человек из Москвы!

— Мы снабдили текст переводом на фарси,— вставил Суриц.— На всякий случай, если вашему величеству захочется немедленно ознакомиться с ним.

— Великолепно! Воспользуемся этим.

Тарзи поправил очки и поднес к глазам бумагу:

— «Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики выражает Вам свою благодарность за Ваши собственноручные письма и искренние и дружеские высокие мысли об отношениях между двумя великими государствами — Афганистаном и Россией.

Я счастлив известить Вас, что дружественный Договор между обоими государствами подписан в Москве 28 февраля 1921 года уполномоченными обоих государств и утвержден верховным органом Российской Советской Республики — Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.

Договор между обоими государствами формально закрепил дружбу и взаимные симпатии, которые вот уже два года развиваются и упрочиваются между Афганистаном и Россией и для укрепления коих положили много труда представитель Высокого Афганского государства в России высокоуважаемый Мухаммед Вали-хан и чрезвычайный

Аманулла-хан (сидит второй слева) и Махмуд-бек Тарзи (сидит крайний справа) с советскими дипломатами Я. З. Сурицем (сидит первый слева), И. М. Рейснером (стоит первый слева) и Э. М. Риксом (стоит крайний справа). (Фото из Архива внешней политики СССР)

полномочный представитель РСФСР в Кабуле Яков Захарович Суриц».

Полпред России смущенно улыбнулся, когда Аманулла-хан сердечно пожал ему руку.

— «Российское Советское Правительство и Высокое Афганское государство имеют общие интересы на Востоке,— продолжал чтение Махмуд-бек,— оба государства ценят свою независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока. Оба государства сближают не только вышеуказанные обстоятельства, но и в особенности то, что между Афганистаном и Росси-

ей нет вопросов, которые могли бы вызвать разногласия и набросить хотя бы тень на русско-афганскую дружбу. Старая империалистическая Россия исчезла навсегда, и северным соседом Высокого Афганского государства является новая Советская Россия, которая протянула руку дружбы и братства всем народам Востока и афганскому народу в первую очередь».

Чеканные слова ленинского обращения воспринимались руководителями южного соседа с видимым удовлетворением. Эмир одобрительно кивал головой, слушая характеристику отношений между двумя странами.

— «Высокое Афганское государство было одним из первых государств, представителей которого мы с радостью встретили в Москве, и мы счастливы отметить, что первый договор о дружбе, который заключил афганский народ, был договор с Россией.

Мы уверены, что искреннейшее наше желание будет осуществлено и что Россия навсегда останется первым другом Высокого Афганского государства на благо обоих народов».

Пожилой сардар явно устал. Несколько раз вынимал он платок, проводя по губам, делал паузы, но дочитал послание до конца.

— «Убежденный в дальнейшем упрочении уз дружбы между Россией и Афганистаном, позвольте выразить Вам свои симпатии и уверенность, что независимость Высокого Афганского государства ни силой, ни хитростью никем не будет поколеблена.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Теперь, будь во дворце Мирза Мухаммад-хан, он понял бы, что не только дипломаты, но и верховные правители порой позволяют себе проявлять эмоции! Сердечные строки послания из Москвы свидетельствовали о том, что отныне прочно налажены отношения с северным соседом. Это позволит более уверенно разговаривать с англичанами, отстаивающими каждый имперский рубеж...

Известие о ратификации Московского договора, поддержки из донесений генерала Мухаммада Вали-хана опубликовали все афганские газеты. По специальному распоряжению эмира на базарах и главных площадях городов население оповещалось о дипломатических успехах борющейся за независимость страны. И впрямь, Советская Россия и республиканская Турция, Италия и Франция, Иран, с правительством которого посол Афганистана заключил

Фотография Амануллы-хана, подаренная эмиром Я. З. Сурицу. Надпись на фотографии гласит: «Товарищу Сурицу, первому полномочному представителю России в Афганистане. Пагман, 24 асада 1310 г., сешанба (15 августа 1921 г., вторник)». (Фото из Архива внешней политики СССР)

22 июня договор о дружбе и добрососедстве... Целая «полоса признаний»! Кабул выходил на международную арену.

Аманулли-хана, Махмуд-бека Тарзи, как и их соратников, охватывал гнев при мысли о чинимых Лондоном препятствиях этому процессу. Ведь не будь их, и с Германией удалось бы наладить отношения. Да и не с ней одной...

Но, быть может, когда удастся наконец достичь взаимопонимания с англичанами, станет легче? К тому шло. На 17 июня намечалась очередная встреча сэра Генри Доббса с сардаром Тарзи для окончательного рассмотрения во многом уже согласованного проекта соглашения. И надо же было так случиться, что именно в этот день почта принесла весть, что Афганистан снова стремится вернуть к положению изоляции и зависимости. 12 июня лорд Керзон пригласил к себе итальянского посла в Лондоне и заявил ему резкий протест. Он чеканил: «Наше правительство находится накануне подписания договора с Афганистаном, предусматривающего верховное и господствующее политическое влияние Британской империи в этой стране». Когда итальянец попытался что-то возразить, лорд Керзон его прервал и ледяным тоном произнес: «Мы все еще рассматриваем Афганистан лежащим в орбите британского политического влияния...»

И тут же стало известно, что, хотя Рим достаточно высоко ценит свой суверенитет, отправка посольства к Аманулле-хану временно задержана.

Кабул немедленно откликнулся на новое проявление имперских амбиций Лондона. Встреча с Доббсом была отменена. В тот же день министерство иностранных дел Афганистана устроило грандиозный банкет для представителей Советской России, революционной Бухары и республиканской Турции. Доббса на него не пригласили. Впрочем, присутствие на банкете вряд ли доставило бы ему удовольствие: уж слишком нелестно отзывались там «о международном империализме и его передовом отряде — британских колонизаторах».

«МЮЗИК-ХОЛЛ» В ВАШИНГТОНЕ, В ЛОНДОНЕ — ТУМАН

У репортера захудалой «Нью-Йорк Газетт» Дика Бимса, по прозвищу Чаттербокс — Пустомеля, был неудачный день: уже темнело, а его блокнот зиял пустотой. «Чертов-

ски не везет! Куда они подевались — эти знатные визитеры! Ни одного стоящего материала...»

Бимс двинулся в порт: уж там он обязательно наткнется на что-нибудь интересное. Расчет оправдался. К причалу подходил пароход «Герои Вердена» из Гавра. Наметанный глаз Дика еще на трапе засек группу пассажиров, державшихся несколько неуверенно. Один был в незнакомом военном мундире, другие — в европейских костюмах, но лица их свидетельствовали о том, что родом они из какой-то восточной страны. Улучив момент, репортер подскочил к военному — кто, зачем, откуда? Вероятно, тот уже имел дело с журналистами. Во всяком случае, отрекомендовавшись генералом Мухаммадом Вали-ханом, ответил спокойно и с достоинством:

— Чрезвычайная афганская миссия. Везем письма его величества эмира президенту Гардингу. Надеемся установить дипломатические отношения.

— Снова афганская миссия?! У нас уже гостит одна, — изумился Чаттербокс.

Теперь настал черед удивляться Вали-хану:

— Вот как! Кто же здесь представляет Афганистан?

— Сиятельная особа — принцесса Фатима Султана. Насколько могу судить, и она собирается к президенту. Разве вы не знаете о ней?

— Нет...

— И не слыхали о ее огромном бриллианте «Река света»?

— Нет!

Назревала сенсация. Или скандал. Или и то и другое.

Расположившись в гостинице, афганцы долго перебирали в памяти принцесс у себя на родине, стремясь обнаружить среди них загадочную Фатиму Султану. Стали искать ее даже среди трехсот наложниц покойного Хабибуллы-хана. Впрочем, сразу бросили это дело: было абсолютно немыслимо, чтобы кто-нибудь из них забрался так далеко.

Наконец родовитого Гулам Сиддик-хана, знавшего родословные многих высокопоставленных семей, осенило:

— Да ведь мы не там ищем! Это же внучка Мурад-хана, состоявшего при изменнике — английском прислужнике Шудже уль-Мульке. В Индии она жила! В Амритсаре...

— Вот оно что! — вскипел генерал. — Тогда все ясно. Это англичане ее сюда и снарядили, стараясь любым путем помешать нам добиться цели.

Он оказался прав. По наведенным справкам выясни-

лось, что принцесса прибыла в Соединенные Штаты с британским паспортом. В Сан-Франциско ее встретил английский консул, заботился о ней, а затем помог добраться до Нью-Йорка, где Фатима Султана оказалась на попечении других представителей Британской империи.

Едва Пустомеля напечатал свое интервью, газета «Войс оф Нью-Йорк» обрушила на Вали-хапа гнев принцессы. Как это он ее не знает, если их деды были братьями?! Как он мог не слышать о ее бриллианте, известном каждому индийскому пастуху и каждому афганскому ковчегнику?!

Генерал был поражен:

— Я — таджик из Дарваза. Мой дед был независимым правителем далеко на севере. Какие братья?! Что за чепуха!

Выступление Фатимы Султаны вызвало недовольство советника британского посольства в Вашингтоне Чилтона.

— Ведь этой особе ясно было сказано: не раскрывать рот без разрешения. А то американцы и впрямь сочтут, будто Вали-хан — какой-нибудь афганский принц. Они столь падки на титулы!

Набежавшим корреспондентам советник объяснял:

— Ее высочество Фатима Султана? Конечно, принцесса! Истинная, подлинная. Чрезвычайная афганская миссия? Нет-нет, здесь что-то не то. Мы не располагаем сведениями об этих приезжих. Авантюристы? Не исключено.

Дело было сделано. Полномочия Мухаммада Вали-хана сразу оказались под сомнением: ведь именно англичане знали абсолютно все о той отдаленной и дикой части земли. А уж если они находятся в неведении... И пресса потеряла интерес к посланцам эмира. Одна лишь «Нью-Йорк Таймс» поместила 13 июля статью о планах Амануллы-хана, и то под иронической шапкой «Два афганца королевских кровей неизвестны друг другу». Ее репортер забросал генерала вопросами. Мухаммаду Вали-хану хотелось рассказать о прошлом своей родины, о героической борьбе ее народа за освобождение, о попытках строить новую жизнь. Увы, журналиста интересовали лишь пикантные сюжеты.

— Правда ли, что эмиры могут иметь четыре жены и бесчисленное множество любовниц?

— У его величества одна жена, и он не сторонник полигамии.

— Поразила ли вас красота американских женщин, когда вы приехали к нам?

— Мы приехали к вам из Парижа! — едко произнес Вали-хан. Ему надоела бессмысленная болтовня. — Пожалуйста, мистер Крэг, запишите, что я скажу, и на том кончим. Наша миссия объездила много стран, а теперь находится в Америке со специальной целью — информировать господина президента о восшествии на престол нового эмира и о завоевании Афганистаном независимости, установить нормальные дипломатические отношения и разъяснить основные направления политики нашего государства.

...Ее высочество (или «светлость»? — американцы неизменно путались в ее титуловании) Фатиму Султану принял мэр Нью-Йорка осанистый Джон Ф. Хайлэн, и британский пресс-атташе позаботился о том, чтобы столь важное событие было достойно отражено в газетах и журналах. Одновременно посольство Великобритании бомбардировало государственный департамент меморандумами, предостерегавшими от контактов с «так называемой афганской миссией», а тем более от заключения каких-либо договоров, предоставления Афганистану займов или продажи оружия. «Не исключено, что это оружие окажется в руках ирландских террористов или пограничных племен, стреляющих в представителей законных властей», — высказывались опасения. Особенно много было намеков и прямых обвинений по поводу связей Кабула с «кровавыми, злокозненными большевиками».

Затем принцесса отправилась в Вашингтон. Местная «Пост» с восторгом описывала «ее изящную, хотя и несколько полноватую фигуру, облаченную в сложное одеяние из густо-розового атласа, с пуговкой из сапфира на ноздре и знаменитым бриллиантом на груди». Соревнуясь с «Пост», другие издания извещали о сделанных Фатимой богатых подарках президенту и его супруге, о прогулке принцессы вокруг Капитолия, где гидом ей служил сенатор от штата Иллинойс Маккормик, о ее шарме и образованности, о неизгладимом впечатлении, производимом ею на окружающих.

В обстановке подобного ажиотажа состоявшаяся 20 июля встреча государственного секретаря США Чарлза Эванса Юза с афганской миссией прошла незамеченной. Государственный секретарь вежливо, но без особых эмоций взял письмо Махмуд-бека Тарзи и успокоил президента: «Задача чрезвычайной миссии — добиться установления дипломатических отношений, но это задевает чувствительность Великобритании... У главы миссии, полагаю, есть адресованное вам послание эмира; желательно его полу-

чить. Как я понимаю, оно того же характера, что и врученное мне, и не требует с вашей стороны каких-либо обязательств».

Если не требуется обязательств, то отчего не принять и этих афганцев, раз уж выдался такой «афганский месяц». Президент Гардинг проявил максимум любезности. Он пригласил «людей из Кабула» на завтрак, быстро пробежал глазами подписанный Амануллоу-ханом документ, заверил гостей, что американцы неизменно питают искренний интерес к Афганистану, и велел заготовить ответную бумагу с выражением неподдельного сочувствия по поводу безвременной кончины Хабибуллы-хана.

В конце завтрака в Белом доме Мухаммад Вали-хан убедительно доказал, что не является профессиональным политиком. Ему бы ощутить благодарность за оказанный прием. А он прямо рубанул:

— Как же, господин президент, насчет установления отношений между нашими государствами?

Гардинг переставил бокал с шампанским и криво улыбнулся:

— Вынужден вас огорчить, дорогой генерал, по нашим законам — боже, до чего они сложны и запутанны! — посольства в других странах открываются лишь с санкции конгресса. Насколько можно судить, он не собирается давать ее в течение нынешней сессии...

После всего сделанного для неожиданных гостей президент был несколько озадачен, узнав, что итоги визита в Соединенные Штаты вызвали у афганцев разочарование.

— Вы знаете, какую фразу бросил этот азиатский генерал? — докладывали ему. — «Судя по всему, в Америке Афганистан считают страной из музыкальной комедии. А мне как раз Америка представляется трагикомическим местом. Здесь так густо все перемешано: люди смеются там, где нужно плакать. И наоборот!..»

— Ишь какой остроумный! — хмыкнул Гардинг. Многие из его друзей и приятелей усиленно отбивались от обвинений в коррупции, аферах, взяточничестве и казнокрадстве. Именно в эти дни президенту приходилось тратить невероятные усилия, чтобы уберечь того или иного из них от правосудия, и любой камешек в американский огород вызывал у него раздражение.

...Мухаммад Вали-хан полагал, что его пребывание в Штатах было бесполезным и не вызвало ни у кого интереса. Во втором он, безусловно, заблуждался. Все дни и часы, проведенные афганцами в Нью-Йорке и Вашингтоне,

их не выпускало из поля зрения британское посольство. В этом учреждении спокойно вздохнули только 27 июля, когда члены миссии явились туда для оформления своего отъезда в Лондон.

— Отбывают! С пустыми руками, благодарение всевышнему! Теперь уж наверняка, — усмехнулся советник Чилтон.

* * *

8 августа 1921 года чрезвычайная афганская миссия высадилась в Ливерпуле. На набережной ее встретил представитель Форин Офис Стюарт Пирс, нестарый чиновник в традиционном котелке и черном строгом костюме, с зонтиком в руках. Ему не часто выпадали столь ответственные задания, и Пирс старался понравиться гостям. Но не за счет полученных указаний, естественно. А одно из них, исходившее непосредственно от самого министра иностранных дел лорда Керзона, гласило: ни в коем случае не титуловать Мухаммада Вали-хана «его превосходительством».

Поначалу все шло хорошо. Тихо, миролюбиво велся разговор о погоде и морском путешествии. Поезд из Ливерпуля мчался в столицу. Проехали Кру, Сток-он-Трент, затем остался позади Вулвергемптон, шумный, дымный Бирмингем, несколько старомодный Ковентри, железнодорожный узел Рагби... Отмерив около двухсот миль, паровоз, тяжело дыша, вкатился на лондонский вокзал Юстон.

Пирс привез афганцев в приготовленные для них номера в соседнем «Мидленд Гранд-отеле».

Когда они привели себя в порядок, Пирс стал с упое-нием рассказывать гостям, что отель, в котором они остановились, был открыт в 1873 году, имеет шестьсот номеров и обошелся в полмиллиона фунтов стерлингов. Но Мухаммад Вали-хан резко прервал его:

— Мистер Пирс, мы были бы крайне признательны, если бы нам предоставили возможность в кратчайший срок передать послания его величества эмира Амануллы-хана его величеству королю Георгу и нашего министра иностранных дел сардара Махмуд-бека Тарзи лорду Керзону.

Пирс обиделся. Он потратил столько времени, чтобы подготовить красочное повествование о Лондоне, сделал немало выписок, а его прерывают на полуслове, не дав рассказать даже об импозантных башнях отеля, увенчанных декоративными башенками с часами, похожими на Биг

Бен. И, кроме того, его шокировал тон афганского посла.

— Весьма сожалею, сэр, но боюсь, что оба ваших пожелания сейчас невыполнимы, — сказал он холодно. — Его величество на несколько дней отбыл в загородную резиденцию Балморал, а лорд Керзон находится в Париже. Полагаю, что, как только его величество вернется, сэр Эдвин Монтегю поможет вам получить аудиенцию.

— Я не намерен встречаться с министром по делам Индии. Афганистан — не колония, а независимая страна! — генерал не скрывал гнева. — Слушайте внимательно, мистер Пирс: у меня точные инструкции. Я не отступлю от них ни на шаг. Даже если из-за этого придется покинуть Лондон без всяких результатов. После майской войны и договора в Равалпинди все связи Афганистана с колониальными властями в Индии отрублены. Раз и навсегда! Надеюсь, я выражаюсь ясно, сэр?!

Пирс промолчал. Вали-хан продолжал:

— Единственная цель нашего приезда — достичь взаимопонимания с правительством Британской империи. Если переданное нам в Вашингтоне приглашение посетить Англию исходило из министерства по делам Индии, считайте, что мы не получали его!

...17 августа Джордж Клерк отворил дверь в кабинет статс-секретаря по иностранным делам лорда Керзона.

— Генерал Мухаммад Вали-хан и члены афганской миссии, — возвестил он, зная о запрете удостоивать посла титулом.

На круглом лице главы Форин Офис отразилось слабое подобие улыбки.

— Я особенно рад снова встретиться с афганцами, поскольку, вероятно, являюсь одним из очень немногих англичан, когда-либо путешествовавших по Афганистану, — горделивая фраза была заготовлена заранее. Спросив о том, как посетители перенесли морское путешествие, Керзон поинтересовался судьбами отдельных вельмож, с которыми встречался в конце прошлого столетия, всплеснул руками (и это было самым сильным выражением чувств, какое мог себе позволить выдержанный дипломат), узнав, что Гулам Сиддик — сын генерала Гулам Хайдар-хана.

— Ведь именно ваш отец сопровождал меня к эмиру Абдуррахман-хану...

Лорд Керзон с упоением вспоминал все новые эпизоды из своих поездок по Востоку. Вали-хан воспользовался паузой, чтобы сообщить о письме Махмуд-бека Тарзи. Настроение главы Форин Офис заметно ухудшилось. Молча взяв

конверт, лорд Керзон положил его нераспечатанным на стол.

— А вот копия послания его величества эмира его величеству королю. Надеюсь, что подлинник мне удастся вручить лично.

Второй конверт лег рядом с первым. Министр явно потерял вкус к продолжению беседы. Генерал поспешил воспользоваться его пассивностью:

— Господин министр, ваши глубокие знания об Афганистане дают мне смелость просить вас о содействии в разрешении важнейших проблем, касающихся отношений между нашими странами. Ведь до сих пор мы не располагаем окончательным договором, регулирующим их...

Нахмурившись, Керзон жестко прервал посла:

— Не имею ни малейшего намерения обсуждать эти дела. Они находятся всецело в компетенции министерства по делам Индии.

— Но именно такой подход и тормозит налаживание дружественных связей между нами! — не выдержал Вали-хан. — Заявляю это официально, как чрезвычайный посол его величества эмира, полноправного суверена независимого государства!

Лорд Керзон пренебрежительно отмахнулся:

— Не скрою, милейший друг, что, пока договор не заключен, генерал Мухаммад Вали-хан для нас лишь достойный уважения афганец. И ни в коем случае не полномочный представитель Афганистана.

Из уст Вали-хана и его коллег вырвались возмущенные восклицания. «О чем же нам говорить — о странствиях допотопченного лорда?» — хотел сказать посол, но сдержался.

— Когда, господин министр, нас примет его величество король?

— Для этого необходимо определить удобное время. Но лишь через посредство отвечающего за дела Индии сэра Эдвина Монтегю.

— Иными словами, с точки зрения Лондона, наша страна сохраняет полуколониальный статус?

— К чему громкие слова? Нового договора нет. Значит, действуют условия старых, не так ли? А по ним его высочество эмир обязан согласовывать свои действия с правительством индийских владений империи. По крайней мере в области внешних сношений...

— Но ведь в Равалпинди с этим было покончено! (Афганец решил не упоминать о сражениях третьей войны.)

— Дорогой генерал, есть все основания считать итоги Равалпинди ярким образцом безответственного творчества отдельных персон. Не желая компрометировать их, мы назвали подписанный там документ пред-ва-ри-тель-ным! — Керзон с удовольствием проскандировал это слово и повторил: — Предварительным. Настоящий, окончательный договор еще предстоит заключить.

— В таком случае, господин министр, нелегко обсуждать прочие вопросы.

— Сожалею, но вынужден заметить: инициатива относительно нашей встречи исходила не от меня.

— Позвольте откланяться.

— Счастливого пути!

Проводив посетителей, Клерк вернулся к шефу.

— Ну что они там? — спросил тот.

— Очень недовольны, милорд. Генерал заявил, что миссия проведет в Лондоне ровно месяц, ожидая, что именно Форин Офис будет заниматься ею и представит королю.

— Пусть ждут. Им не хватит не только месяца, но и всей жизни! Эти бумажки, Клерк, не сочтите за труд переслать в Индия Офис, — Керзон кивнул на нераспечатанные послания из Кабула.

...17 сентября чрезвычайная афганская миссия прибыла на лондонский вокзал Виктории. Отсюда начинался для нее путь в Европу и на родину. Провожал их все тот же Пирс. Один. Зато старался он всюю.

— Прошу вас, джентльмены, взглянуть на этот гигантский вокзал, выполненный частично в георгианском стиле. Его перестройка была завершена десять лет назад и обошлась в два миллиона фунтов стерлингов. Какова сумма, джентльмены! Он занимает шестнадцать акров, или шесть с половиной гектаров, имеет девять платформ длиной в четверть мили каждая и может принимать восемнадцать поездов одновременно...

Сняв котелок, Пирс вытер влажный лоб — не то чтобы первый осенний месяц выдался уж очень жарким: озадачивало полное отсутствие у гостей интереса к его рассказу. Было похоже, что их занимают совершенно иные мысли. Вскоре это обнаружилось со всей ясностью. Только англичанин вознамерился поведать о величественном отеле «Гросвенор» — триста футов в длину, сто в высоту! — как его прервал Гулам Сиддик (Пирс уже отметил про себя, что он был самым экспансивным среди приехавших):

— Сэр, мы, понятное дело, восхищены георгианским стилем вокзала Виктории, но, говоря откровенно, убежде-

ны, что викторианский подход к нашим проблемам безнадежно устарел. Имперская колониальная политика — пройденный этап. Во всяком случае, по отношению к Афганистану, сэр!..

Докладная записка Пирса лорду Керзону, посвященная афганской миссии, кончалась следующими словами: «Вали и его штат в течение всего визита проявляли неизменную учтивость, хотя результаты приезда вызвали у них острое разочарование».

КАБУЛЬСКИЙ ФИНАЛ

Британская миссия располагалась в пригороде Кабула. Это обширное светлое двухэтажное (а в центральной части трехэтажное) здание причудливой архитектуры напоминало дворец индийского махараджи. Прохладный ветер с гор, окружавших Кабульскую долину, проскальзывал через арочные входы и большие окна, гулял по коридорам, и в помещении было прохладно и легко дышалось даже в самую знойную пору. Тем не менее сэр Генри Доббс ощущал себя точно на раскаленной сковороде. Секретная служба щедро расходовала свои фонды, снабжая посла выигрышными, с ее точки зрения, материалами, сам он с коллегами проявлял невероятную активность, но добиться полезных результатов не удавалось.

Сэр Генри заявил энергичный протест по поводу «большевистского банкета», однако в ответ получил отписку. Он даже и вообразить не мог, как низко пало в этой дикой стране уважение к мнению представителя Британской империи! По требованию Доббса к Джамруду уже дважды подавался специальный поезд, чтобы доставить домой членов миссии, но и этот способ нажима не произвел никакого впечатления на афганские власти. Они продолжали настойчиво добиваться признания свободы и независимости своей страны...

Делийские политики попытались прийти на помощь. Шифрованной телеграммой Доббса оповестили, что ему отправлен важнейший документ, который разоблачит перед Кабулом подлинные намерения Москвы. И действительно, через два дня генерал Маспрэтт вошел в кабинет дипломата с торжественной миной, появлявшейся на его лице всякий раз, когда он считал, что вносит существенный вклад в порученное дело:

— Секретный пакет, сэр.

— Садитесь, генерал!

Доббс вынул из конверта, залепленного печатями, бумаги и углубился в чтение. Перечитал их снова и вызвал к себе остальных сотрудников — Пайпона и Эйчесона.

— Джентльмены,— сэр Генри негодуя взмахнул листком бумаги,— хочу показать вам, как далеки от понимания здешней ситуации те, кто сидит в кабинетах Дели, а может быть, и Лондона. Это пересланная мне инструкция Чичерина большевистскому представителю в Кабуле. Свеженькая, от третьего июня...

Доббс замолчал и переложил конверт с места на место. Было видно, что он с трудом удерживается от взрыва ярости.

— Не знаю, кто знакомился с ней до отправки сюда и как предполагается ее использовать. Довести ее до сведения эмира — значит только агитировать его в пользу большевиков. Сначала Чичерин призывает строжайше следовать условиям соглашения между нами и не предпринимать никаких враждебных Англии действий. Ну а директивы, касающиеся Афганистана... Да вы послушайте, лучше я прочту!

Доббс нашел нужное место:

— Вот что он пишет: «Наша политика есть политика мира и сотрудничества между всеми народами. В настоящее время, когда восточные народы, как экономически отсталые, болезненно ощущают иностранное экономическое угнетение, социалистическая Советская Россия является для них естественным другом. Наша политика на Востоке не агрессивна, она есть политика мира и дружбы. Вы должны систематически во всей Вашей работе выдвигать этот основной момент и, в частности, в Кабуле ставить основной целью Вашей деятельности развитие нашей дружбы с Афганистаном. Дружба предполагает взаимное содействие, и, исходя из нашего желания по мере возможности способствовать развитию и процветанию дружественного Афганского государства, мы готовы оказывать ему на этом мирном поприще все содействие, какое в наших силах. Вы должны изучить нужды и потребности Афганистана и выяснить желания его правительства, с тем чтобы в развитие и в исполнение русско-афганского договора мы могли оказывать ему посильное содействие в целях способствования его развитию и благосостоянию». Каково, а? И вот это какой-то умник предлагает пустить в ход против большевиков!

Доббс оглядел слушателей. Те молчали.

— Или вот неплохой кусочек: «Вы должны всячески избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждения коммунизма в стране. Мы говорим Афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самодеятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самодеятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда в нынешней стадии его развития». И дальше все в том же духе... Имей мы подобные указания, скажу я вам, уже полгода назад вернулись бы домой с прекрасным соглашением в кармане. Не правда ли?

Коллеги, вздыхая, согласились.

А вслед за тем рухнула еще одна надежда сэра Генри. Слуги миссии, возвращавшиеся из города, наперебой толковали, что он переполнен приезжими — из Герата и Джелалабада, Кандагара и Газни, Мазари-Шарифа, Гардеза, Фараха, Гиришка... Хань и старшины племен, скотоводы, муллы, торговцы. В самых разнообразных чалмах и тюбанах, куртках и халатах, в сапогах и сандалиях на босу ногу. Они заполнили улицы и площади Кабула, слушали музыку выступавших для них оркестров. Это собиралась Лойа Джирга — Большой Совет.

7 августа Лойа Джирга открылась на площади перед соборной мечетью Идгах.

Первым выступил эмир.

— Друзья! — обратился он к собравшимся. — Мы пригласили вас, чтобы по старому обычаю совместно обсудить важнейший государственный вопрос. Сюда съехались почтенные представители различных городов и областей, племен и родов, ханы и старшины, ишаны и муллы, люди из индийских общин, торговцы и ремесленники, наши родственники, обладающие политическим опытом. Полгода назад в Москве был заключен советско-афганский договор о дружбе и сотрудничестве. Правительство Ленина уже утвердило его и прислало нам соответствующую грамоту. Вместе с тем в столицу данного государства прибыло посольство англичан. Предлагают подписать соглашение с ними, обещают выплачивать много денег. Но требуют, чтобы мы разорвали связи с северным соседом...

Сотни афганцев слушали затаив дыхание.

— Мы понимаем, что не все вам ясно, не все известно. В нескольких комнатах нашего дворца сидят специальные советники. Им поручено объяснять непонятное, рассказывать обо всем, что вы захотите узнать. Подумайте хорошенько, поговорите друг с другом, выскажите здесь свое мнение. Не торопитесь! Наше решение — с кем идти, с кем дружить — должно быть мудрым. Это будет мнение всего нашего народа!

...Дни Лойа Джирги явились суровым испытанием для нервов сэра Генри. Ему очень хотелось побывать на площади, послушать, о чем говорят, самому посмотреть, как развиваются события, но об этом нечего было и думать. Кто знает, в какую сторону толкнет колеблющуюся массу появление посла далеко не всеми почитаемого в Афганистане — следует честно признать! — государства. Нет, в подобном удовольствии пришлось себе отказать.

Зато посольский особняк превратился в своеобразный штаб. По коридорам сновали таинственные личности, шептались между собой, пробирались в комнаты величавого наваба, Пайпона или Эйчесона, некоторые проникали даже к генералу Маспрэтту, получали, пересчитывали и прятали монеты, исчезали и снова появлялись. Наиболее существенную информацию немедленно сообщали главе британской миссии.

Вначале сэр Генри придавал полученным сведениям важное значение, но вскоре понял, что полагаться на них не стоит. Не только из-за их хаотичности и отрывочности — уж слишком все выглядело в розовом свете.

— Выступал сардар Али Ахмад-хан. Большой человек! Призывал не верить большевикам. Расхваливал добрые чувства и богатство англичан. Их надо держаться, и только их, говорил. Будем сыты и надежно защищены. Все в один голос кричали сардару: «Баракалла» — «Правильно», «верно», — изливался один агент.

Другой, захлебываясь, тараторил:

— Мулла Хамдам хорошо сказал: большевики — кафиры, неверные! Аллах и Мухаммад — ничто для них. Большевики — слуги Иблиса. Кто с ними пойдет, попадет в ад. Правовверные, да будут ваши уши закрыты для их призывов!

— Мы знаем англичан давно, — докладывал третий. — Если их не трогать, они щедрые и добрые. Наказывают по справедливости. А те, за Амударьей, еще неизвестно кто. Так думают все приехавшие в Кабул!

И так далее... Доббс догадался, в чем причина унылой

однотипности донесений: агенты стремились доставить удовольствие тем, кто им платил. Стоило ли на это полагаться?..

Четыре напряженных дня участники Лойа Джирги увлеченно обсуждали будущее направление внешней политики Афганского государства: с кем идти, кому верить? Четыре дня шли острые споры, вызывавшие порой даже стычки между теми, кто отстаивал противоположные взгляды.

Предчувствие, что все идет не так гладко, не обмануло сэра Генри. 11 августа подавляющее большинство делегатов высказалось за укрепление дружбы с Советской Россией и категорически отвергло предложения британской миссии. Спустя несколько дней эмир Аманулла-хан ратифицировал советско-афганский договор. Дружественные отношения двух соседних стран обрели, таким образом, полную юридическую основу.

Иными словами, произошло именно то, чего секретарь по иностранным делам опасался, собираясь в поездку. Не дни или недели — месяцы напряженных усилий прошли впустую. Он был отброшен далеко назад от рубежа, с какого ему пришлось начинать. Кабул еще теснее сблизился с Москвой, еще более отделился от Дели, еще меньше боится Лондона...

Неудивительно, что 26 августа 1921 года, в день своего пятидесятилетия, Доббс был печален. Конечно, порадовали телеграммы родных и вице-короля, поздравления коллег, праздничный пирог, но на душе царил мрак. Не в подобной обстановке и не с таким настроением хотел бы он отметить свой юбилей!

Но британский посол не ведал, что его невзгоды на этом не кончились. К тому времени в Кабуле стало известно о неуважении, проявленном лордом Керзоном к Мухаммаду Вали-хану. Телеграмма об обстоятельствах приема чрезвычайной афганской миссии в Форин Офис вывела из равновесия не только вспыльчивого эмира, но и хладнокровного министра иностранных дел. 28 августа сэру Генри доставили письмо Тарзи.

«Джанаби Добб!» — начиналось оно. Нет, то не было опиской. То было оскорбление. Одно из значений персидского слова «добб» — «медведь», а скорее даже «медведица». Посол знал об этом, и Махмуд-бек знал, что он это знает.

Впрочем, если обращение было намеренно оскорбительным, то текст послания представлял собой нотацию, почти

выговор, придававший специфическую окраску этому дипломатическому документу.

«Коли Доббс,— уже без всяких титулов и вежливых слов резал Тарзи,— полагает, что Афганистан будет пренебрегать своей независимостью ради какого-либо подобия дружбы или вражды, он совершает крупную ошибку. Мы можем утверждать, что Доббс ведет переговоры в Кабуле по поручению правительства его величества английского короля, а не по поручению правительства Индии. Посему мое правительство рассматривает эти недружелюбные действия с огромным неудовольствием и сильным возмущением и хочет громко дать понять, что Афганистан не желает иметь отношений с каким бы то ни было государством, которое целиком или частично выступает против его полной независимости и свободы».

«Да,— подумал сэр Генри,— лорд Керзон со своей имперской политикой снова оказал мне медвежью услугу. Поэтому на месте достопочтенного Тарзи я бы адресовал непосредственно ему такое милое послание! Что ж, вновь заказать поезд либо, поставив крест на наших планах, добиваться соглашения самого рядового свойства? Честное слово, я смертельно устал — и физически и духовно...»

Доббс запросил санкцию Дели на подписание «обычного, элементарного» соглашения об отношениях между соседями. К тому же Аманулла-хан проявлял готовность довести дело до логического конца. Однако он по-прежнему требовал, чтобы соглашение предусматривало безоговорочное признание суверенности Афганистана.

Опять потекли недели встреч и обсуждений. Опять афганская тема заняла главное место в радиограммах, летевших из Кабула в Дели, оттуда в Лондон, а затем в обратном направлении. Одна из директив высших имперских властей недвусмысленно гласила: «После заключения Афганистаном договора с Россией и речи быть не может о нашем дружественном договоре с ним». Когда сэр Генри познакомил с ней Аманулла-хана, тот процедил:

— Можете ехать домой!

Ехать так ехать... На 12 ноября была назначена прощальная аудиенция. Однако во время этого визита неожиданно возникла перспектива согласования точек зрения. Отъезд — в который раз! — оказался отложенным.

Минуло еще десять напряженнейших дней, и 22 ноября, после одиннадцати месяцев тяжелых усилий, сардар Махмуд-бек Тарзи и сэр Генри Роберт Конвэй Доббс подписали долгожданный договор. В первой же его статье Бри-

танская империя признавала полную и всеобъемлющую независимость и самостоятельность Афганистана. Ему предоставлялось право открыть посольство в Лондоне. Правда, в наказание за строптивость Кабул лишился денежных субсидий, таможенных и транспортных льгот.

1 декабря 1921 года эмир Аманулла-хан в присутствии министров, придворных, а также членов британской миссии официально оповестил о заключении соглашения.

— То, что мы подписали, не дружественный договор, не договор друзей,— констатировал он.— Это договор соседей об их отношениях. Теплое, сердечное соглашение между нами прямо зависит от политики, которую Англия будет проводить в Турции, в землях пограничных племен, от того, как британские власти будут обращаться с народами Индии. До сих пор ее действия там, да и в других краях не вызывали одобрения...

Посмотрев в сторону Доббса и его коллег, он добавил:

— Мы обеспечили для себя независимость, но наши симпатии с теми, кто еще не добился ее, и с теми, кто помогает им в этом!

Характер церемонии не позволил правителю сказать все, что он думал, однако афганцы поняли его достаточно хорошо. Англичане тоже...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

КОРОЛЕВСКОЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ОБЩЕСТВО

1921 год подходил к концу. Вскоре после рождества в лондонские газеты поступило для публикации извещение с Гросвенор-стрит, 74. Правление Королевского Среднеазиатского общества сообщало, что 24 января 1922 года на очередном заседании, как обычно во вторник, с лекцией «Британская военная миссия в Туркестан. 1918—1920» выступит генерал-майор сэр Уилффрид Маллесон.

Тема лекции интересовала многих политиков и военных, причастных к происходившим на Востоке событиям, поэтому зал был полон. Ходили слухи, что намеревался приехать сам почетный президент Общества лорд Керзон. Однако обилие неотложных дел, в первую очередь подготовка к предстоявшей международной конференции в Генуе, помешало этому. Вероятно, по аналогичным причинам не смог прибыть и министр колоний сэр Уинстон Черчилль.

Устроившись поудобнее в кожаных креслах, собрав-

шиеся приготовились выслушать генерала, но председатель лорд Карнок поручил почетному секретарю подполковнику Йэту огласить сначала список избранных членов Совета Общества. Каждое имя вызывало гул одобрения. Еще бы: наряду со старыми, заслуженными колониальными деятелями назывались и те, кто еще недавно вносил вклад в укрепление позиций империи на Востоке либо продолжал этим заниматься и теперь. Герой битвы у Спинбулдака в последней войне с афганцами генерал-лейтенант Ричард Уопшэер, например. Или майор Френсис Хэмфрис, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Кабуле. Или граф Литтон, сын вице-короля Индии лорда Эдуарда Литтона...

Наконец, слово получил сэр Уилффрид Маллесон, мундир которого украшали ленточки ордена Бани и орденов Индийской империи высшей и низшей степеней.

— Леди и джентльмены! — начал он традиционной формулой, хотя лиц прекрасного пола среди всех 583 членов Общества можно было сосчитать по пальцам. — Вы отлично понимаете, что выделенного мне одного часа недостаточно для сколько-нибудь исчерпывающего рассказа о двухлетнем пребывании на передовых позициях. Остановлюсь лишь на главном и на том, что, возможно, менее известно досточтимым коллегам. В июне 1918 года я получил в Симле приказ немедленно отправиться в Мешхед и возглавить формировавшуюся там миссию в Туркестан. Цель: преградить туркам и немцам, как и большевикам, доступ в Афганистан, чтобы они его не подняли вместе с пограничными племенами против Индии. На фордовских грузовиках, а частично верхом в рекордный срок добрались мы до места назначения, получив поздравительную телеграмму от главнокомандующего...

Маллесон повернулся к географической карте и коснулся указкой кружка в северо-восточном углу Ирана, близ пределов Советской России.

— Располагая неограниченными финансовыми средствами, я налаживал связь со всеми полезными элементами, предоставляя им разностороннюю помощь — деньгами, оружием, снаряжением. В первую очередь эсерам в Закаспии, враждебным большевикам. Был момент, когда мы планировали уничтожить на большом протяжении Среднеазиатскую железную дорогу, соединяющую Ташкент с Красноводском, и взорвать портовые сооружения в Красноводске, но капитуляция Османской империи отсрочила такое мероприятие. К тому же не хватало войск. В моем рас-

поряжении были только девятнадцатый Пенджабский полк и двадцать восьмой полк легкой кавалерии из Восточно-Персидского кордона...

Генерал показал на карте их дислокацию:

— Симла предоставила мне свободу действий. Я двинул солдат в Туркмению. Перейдя границу, они успешно сражались с большевиками у Душака, продвинулись к Мерву. Индийское правительство, испугавшись, приказало отойти на территорию Персии. Я возражал, но Симла подтвердила приказ. Я был возмущен. Выручил Лондон. Отменив директиву слабохарактерных правителей Индии, он разрешил остаться в Мерве и Байрам-Али...

Раздались аплодисменты и одобрителные возгласы. Докладчик оживился:

— Да-да! Мы тоже были в восторге! К тому же в январе 1919 года миссия перешла в подчинение генерала Джорджа Милна, главнокомандующего армией Черного моря, что внушило нам дополнительную уверенность в своих силах. Генерал вскоре навестил Закаспий в ходе инспекционной поездки. Увы, к тому времени в связи с окончанием мировой войны встал вопрос об эвакуации и демобилизации войск. Делегации ханов и эсеровских властей усердно просили нас остаться. Британский протекторат поистине был бы для них наилучшим вариантом... Но приказ есть приказ! Вечером 1 апреля 1919 года последние отряды отошли из Асхабада за персидскую границу. Я вернулся в Мешхед...

Маллесон отпил из стоявшего перед ним стакана:

— Вспыхнула война с Афганистаном. Она велась на редкость неудовлетворительно. Трудно понять, почему более чем трехсоттысячная армия не добила и десятой доли того, чего достиг лорд Робертс с пятью тысячами солдат сорока годами ранее! Престиж Империи в Центральной Азии потерпел невосполнимый урон. Август девятнадцатого года принес так называемый мир в Равалпинди, вовсе не являющийся ни миром, ни настоящим договором...

На этот раз слышались негодующие восклицания.

— И тут перед нами была поставлена новая задача. Следовало любыми путями помешать заключению договора между Афганистаном и Советами. Мы распространяли среди афганцев слухи о безбожии большевиков, о том, что они — лютые враги ислама и контакты с ними народов Афганистана опасны. Мы старались убедить эмира и его советников выдвинуть территориальные притязания к России. Кое-что получилось... Многочисленные агенты в Аф-

ганистане и России доставляли разные сведения, ну а я втихомолку, «под рукой», как мы любили говорить, ставливал обе стороны, информируя каждую о вероломстве партнера...

Всемоиная прошлое, генерал широко улыбнулся.

— У меня были отличные офицеры, знавшие местные языки. Мои люди контролировали территорию в тысячи квадратных миль. Они расспрашивали пассажиров во всех поездах и на станциях Среднеазиатской железной дороги, проникли в большевистские органы власти. Перехватывая радиogramмы из Москвы, Ташкента и Кабула, мы снабжали Лондон и Дели ценнейшими материалами, что помогало выработке правильной политической линии. Убежден, что наша деятельность изрядно затормозила сближение Афганистана с его северным соседом. Покидая свой пост в мае 1920 года, я ходатайствовал перед Симлой о поощрении многих моих помощников. Трудно поверить, но это оказалось безуспешным. В октябре 1920 года я возобновил просьбу о награждениях. Результат был тот же. Мои рекомендации даже не рассматривались. Ничего не могу понять!

— Сейчас я вам все объясню, сэр!

Зал ахнул. Произнесенная с иностранным акцентом фраза прозвучала кощунственно. За всю двадцатилетнюю историю Королевского Среднеазиатского общества не было случая, чтобы кто-нибудь позволил себе прервать докладчика. Шокированные слушатели обернулись и увидели молодого лысого человека в потертом черном костюме, вставшего со своего места в заднем ряду.

— Что вам непонятно? — с некоторым вызовом спросил незнакомец. — Битву под Душаком вы проиграли. Ваши сипаи полностью разложились под воздействием большевистской пропаганды и событий у себя на родине. Их пришлось срочно вывести. А главное — ведь Аманулла все же заключил договор с Лениным! За что же поощрять и награждать?..

Он тяжело вздохнул, и этой паузой немедленно воспользовался лорд Карнок:

— Простите, сэр, но не могу одобрить вашего поведения! Вы, по-видимому, иностранец. Что побудило вас вести себя, я бы сказал, столь необычно?

Лысый порылся в кармане и поднял зачем-то вверх мятую визитную карточку:

— Чарлз Мейснер, сэр, бывший русский подданный. Еще и пяти лет не прошло, как я был уполномоченным

Союза британских предпринимателей в России. В Нижнем-Новгороде... Октябрьский переворот вынудил меня через Ташкент и Кабул добраться до Индии, а из Бомбея — сюда, на Острова...

Голос Мейснера задрожал.

— Я возлагал на могущественную Британскую империю такие надежды! События в Средней Азии проходили на моих глазах. Надежды потерпели крах. Мог ли я не проявить интерес ко всему тому, что сломало мне жизнь?!

Склонив голову, он стал неуклюже пробираться к выходу. У самой двери Мейснер обернулся и зло бросил докладчику:

— Если бы я не опасался вас оскорбить, сэр, то отметил бы, что в лекции уж слишком много бахвальства. А так скажу лишь: вы делаете хорошую мину при плохой игре. К несчастью, лично для меня все обернулось трагедией. Я ставил на вас!..

Он вышел. Воцарилось тягостное молчание. Его прервал лорд Карнок:

— Прошу продолжать, дорогой генерал. Простите, что нам не удалось предотвратить этот неприятный инцидент.

Было видно, что выступление Мейснера выбило Маллесона из колеи, и он завершил свою лекцию вовсе не так, как намечал.

— Этот экстравагантный господин, конечно, изрядно сгустил краски. Его нетрудно понять: эмигрант, на чужбине, весь погруженный в воспоминания об ушедшем благополучии. Не будем судить его строго...

— Вы великодушны, сэр! Если мы попытаемся понять мистера... Как его? Впрочем, неважно. Если пойдем, то простим, — лорд Карнок, обладавший огромным опытом политических дискуссий, счел за лучшее сделать вид, будто вообще ничего не произошло. — Предоставляю слово полковнику Редлю. После сэра Уилфрида этот достойный офицер некоторое время возглавлял миссию в Туркестан.

Лорд Карнок пригласил на трибуну подтянутого офицера средних лет с ленточками ордена святых Михаила и Георгия и ордена Индийской империи.

— К содержательному и острому докладу выдающегося деятеля британской армии я немного могу добавить, — начал свое сообщение Редль. — От пережитого в далеких краях сохранилось ощущение убийственной жары. Жуткие климатические условия! Приходилось немало разъезжать по диким селениям и безлюдным ущельям...

Речь полковника текла свободно и легко, но чувство-

валось, что его мысли поглощены чем-то иным. Ведь, по существу, если их пребывание в Мешхеде и принесло какую-то пользу, то лишь благодаря его, Редля, усилиям! Он создавал и расширял разведывательную сеть. Он тайком проник в Ташкент. А все предприятие получило наименование «Малмисс» — «Миссия Маллесона»... Именно о своей роли можно было многое рассказать. Да вот полоумный Мейснер изрядно подпортил картину блистательных подвигов, нарисованную сэром Уилффридом. Впрочем, в этой ситуации его выпад направлен непосредственно против генерала, злорадствовал Редль.

И все же его что-то угнетало. Он говорил о быте и нравах афганцев, персов и туркмен, узбеков и курдов района действий миссии, касался проведенных ею операций «во вред Советам», а потом резко остановился, словно налетел на невидимую преграду.

— Одного не могу до сих пор понять — как, почему, на какой основе усилились там позиции большевиков?! Они не имели ни денег, ни кадровой армии, ни оружия, ни снаряжения... Ни надлежащего политического и административного опыта в конце концов! Мы располагали всем этим в избытке. И тем не менее они смогли утвердиться практически во всей Средней Азии. К большевикам тяготеют и эти новые республики — Бухарская и Хивинская. Симпатии к ним ширятся в Афганистане и Персии. Даже в Индии. Да-да, джентльмены, приходится признать — даже в Индии. Не стоит закрывать глаза на это.

Редль взмахнул рукой, будто забивая гвоздь в стену:

— Нам остается строить расчеты только на том, что власть Советов окажется недолговечной. И всемерно содействовать ее быстрой ликвидации!

После Редля выступил еще один кавалер ордена свя-
тых Михаила и Георгия и член миссии полковник Дж. Тодд.

Он подтвердил наличие у сэра Уилффрида санкции на уничтожение «в случае необходимости» Среднеазиатской железной дороги и Красноводского порта, добавив:

— Мы предусматривали также отсесть всю западную часть Закаспия от водных источников и всякого снабжения, с тем чтобы она превратилась в пустыню...

Понимая, что в свете происшедшего в зале на Гросвенор-стрит успехи мешхедской миссии подвергаются сомнению, полковник решил продемонстрировать их значение на конкретном примере:

— Генерал Маллесон через секретных агентов распространил в Туркестане слухи, что англичане разработали

хитрый план обмана большевиков. Будто бы они готовят ложное отступление через Мервский фронт, а в действительности намерены совершить глубокий обход по линии колодцев в пустыне к западу от железной дороги, чтобы пересечь Амударью у Чарджуя и нанести удар по линии связи большевиков с Ташкентом. Перерезать их коммуникации! Те поверили и приготовились к бегству. А мы?

Тодд, как опытный оратор, сделал паузу:

— А мы? Мы тем временем преспокойненько улизнули как раз через Мервский фронт!

Нет, не удалось полковнику приукрасить деятельность «Малмисс». Кое-кто из членов Среднеазиатского общества, правда, откликнулся аплодисментами, зато другие иронически улыбались, узнав о «хитроумном плане бегства от большевиков»...

Тем не менее по предложению лорда Карнока все дружно поблагодарили «героев сражений в песках Закаспия», проявивших «мужество в битвах за Отечество»!

ПАТРИОТЫ ТОРЖЕСТВУЮТ

Ей еще не исполнилось и тридцати, но трудно сказать, чего не видела эта изящная, красивая женщина с теплыми, выразительными глазами и простой прической с пробором посредине.

Поэт и драматург, издатель и редактор журнала «Рудин», вызывавшего нездоровый интерес царской цензуры, участница организованного А. М. Горьким журнала «Летопись» и, как ни казался неожиданным такой переход, героиня гражданской войны. Партия большевиков направила ее политработником на Балтийский флот, и эта «хрупкая дамочка», встреченная просоленными «братишками» с издевкой, покорила их сердца безграничной храбростью, самоабвенной преданностью революции. Комиссар Московского штаба в 1918 году, она участвовала в тяжелых боях за утверждение Советской власти на Волге, а затем в знаменитом морском десанте, высаженном в мае 1920 года в Энзели, чтобы возратить каспийские суда, угнанные белогвардейцами в Персию при содействии англичан.

Лариса Рейснер... Там, на персидском берегу, она прикоснулась к Востоку, и его люди, древняя, седая мудрость, обжигающее солнце на безоблачном, сверкающем синевой небе запечатались в ее душе сразу и навсегда. Вскоре ей удалось, к немалой ее радости, посетить Афганистан и познакомиться с Востоком более глубоко.

Пешком, верхом, на автомобиле — Лариса Рейснер обошла и объехала множество афганских городов и селений. Все впитывающими, жадными до нового глазами смотрела она, боец революционной России, на становление государства, сбросившего путы британского господства. Кровавые бои на фронтах гражданской войны, голодные дни, бессонные ночи, личные переживания и невзгоды — ничто не могло вытравить в ней журналистской жилки. Карандаш, записная книжка, несколько строк, беглые заметки... Впоследствии из этого материала, замешанного на эмоциях впечатлительной натуры, возникнут и лягут на бумагу яркие, сочетающие живописность и политическую остроту картины праздника независимости, того, первого, который Аманулла-хан, учитывая роль Советской России в борьбе афганского народа за освобождение, велел отметить в день годовщины Великого Октября.

Перед читателем возникала красочная панорама народного торжества.

Танец племен...

«Их позвали плясать перед трибуной эмира — человек сто мужчин и юношей, самых сильных и красивых людей границы, среди которых голод, английские разгромы и кочевая жизнь произвели тщательный подбор...»

Она видела это с необычайной яркостью, даже находясь на изрядном отдалении от места событий!

«Пляска бьется, как воин в поле умирает, как раненый, у которого грудь разорвана пулей того сорта, которым в Пенджабе и Малабаре бьют крупного зверя — и повстанцев... Еще богаче и смелее песня. Племя садится в круг, прямо на земле... „Англичане отняли у нас землю, — поет певец, — но мы прогоним их и вернем свои поля и дома“.

Все племя повторяет рефрен, а английский посол сидит на пышной трибуне, бледнеет и иронически аплодирует.

„Мы сотрем вас с лица земли, как корова слизывает траву, — вы нас никогда не победите“.

Тысячи глаз следят за англичанами: вокруг певцов стена молчаливых, злорадно улыбающихся слушателей.

„К счастью, не все европейцы похожи на проклятых ференги, — есть большевики, которые идут заодно с мусульманами“.

И толпа смеется, рокошет, теснится к трибунам.

„Большевик“ — это они понимают. О большевиках поют песни на окраине мира, на границах Индии. „Большевик“ — это звучит так гордо и сурово у певца, поднявшего

го над головой винтовку, английскую винтовку, снятую после боя с побежденного врага...

Они танцуют не просто войну, но войну с Англией. Тени, падающие под мечом одинокого воина, — это реальные, живые люди в белых племах и пыльном хаки, это ныне здравствующие мистер Хемфрис и сэр Доббс, это убитый пятьдесят лет назад в Кабуле генерал Каваньяри, это они и тысячи других, безымянных, без вести пропавших в джунглях и на перевалах, в песках Афганистана, Памира и Индии».

И, наконец, апофеоз, вершина, кульминационный пункт: «„Горим, горим“ — хрипит музыка, и на саранчу в мундирах хаки, на полчища тлей-завоевательниц обрушивается чистый и безжалостный огонь. Горит трибуна, вся площадь, небо, горы, вся страна и весь народ, и сквозь грохот этой победы, несущейся вскачь, с обугленным лицом, эмир кричит голосом, покрывающим все:

— Зенда бад истиклаль-и-Афганистан!»

Да здравствует независимость Афганистана!

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Трижды в течение восьмидесяти с небольшим лет Афганистан стал объектом вооруженного нападения Британской империи, стремившейся превратить его в свою колонию. Первая англо-афганская война — 1838—1842 годов — завершилась полным разгромом агрессоров. Во второй — 1878—1880 годов — им не удалось сломить афганских патриотов, но они сумели посадить на эмирский престол Абдурахман-хана, поставившего под контроль империалистов внешние связи своего государства. Афганистан стал полуколонией.

Положение изменилось коренным образом после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции. Советская Россия стала реальной надеждой и опорой участников освободительного движения на Востоке. Во многом именно благодаря русской революции попытка Британской империи в третьей войне — май 1919 года — заставить афганский народ отказаться от стремления к независимости оказалась безуспешной. Тем более после заключения дружественного советско-афганского договора.

Эти три войны, вне зависимости от их результатов, были трагедией для Афганистана. Они унесли множество человеческих жизней, сопровождалась разорением и разрушением городов и селений. Материальным ресурсам стра-

Я. З. Суриц. (Фото из Архива внешней политики СССР)

ны был нанесен тяжелый урон. Наряду с ее изоляцией от внешнего мира (между 1880 и 1919 годами) это надолго затормозило социально-политическое и культурное развитие афганского общества.

Но захватнические действия в Азии и на других континентах были трагедией и для англичан. Не только из-за гибели солдат и офицеров (этого Лондон старался избегать, пуская в ход прежде всего «цветные» войска), не только из-за растраты огромных средств (и тут правящие круги империи использовали главным образом деньги, награбленные в колониях), но и потому, что такие действия способствовали укреплению эксплуататорского капиталистического строя. А самое важное — не мог быть свободен народ, угнетающий другие народы!..

М. И. Калинин и Аманулла-хан. Москва, 1928 г.
(Из книги V. Gregorian. *The Emergence of Modern Afghanistan*. Stanford, 1969)

Эмир Аманулла-хан (он вскоре принял титул падишаха) не собирался ограничиться достигнутым. Он хотел одним рывком вытащить свою страну из трясины отсталости и нищеты. Падишах очень спешил и забегал вперед. Его программа проведения буржуазных реформ и централизации государства предусматривала развитие экономики и просвещения, ограничение влияния наиболее консервативного духовенства, эмансипацию женщин. В центре Кабула по распоряжению эмира был воздвигнут Обелиск Независимости (он изображен на обложке этой книги). Реакционные круги упорно сопротивлялись реформаторской деятельности Амануллы-хана. Под их воздействием то и дело вспыхивали антиправительственные волнения.

«Инглизи», разумеется, ничего не забыли и ничего не простили Аманулле-хану. И уж, конечно, не оставили замыслов вернуть Кабул под свой контроль. Они активно

подстрекали мятежников, щедро финансировали их, снабжали оружием.

Положение особенно обострилось после длительной поездки падишаха по Азии и Европе (декабрь 1927—июнь 1928 года), в течение которой он посетил Советский Союз и республиканскую Турцию. Инспирированное агентами Британской империи восстание под руководством главаря шайки бандитов — «сына водоноса» Бачаи Сакао вынудило Аманулла-хана 14 января 1929 год отречься от трона в пользу брата Инаятуллы-хана и 24 мая эмигрировать. Тридцать лет этот герой борьбы за свободу провел в изгнании (в Италии). Когда он 25 апреля 1960 года умер в Цюрихе, его прах перевезли в Джелалабад и похоронили в мавзолее, близ могилы отца — эмира Хабибуллы-хана.

Инаятулла-хан не удержался у власти и почти немедленно последовал за братом в эмиграцию. Наступил возмездный час для честолюбца и пройдохи Али Ахмад-хана. Он провозгласил себя в Кандагаре эмиром. Но ненадолго — всего на несколько дней: 31 мая 1929 года отряды Бачаи Сакао захватили этот город. Али Ахмад-хана в цепях отправили в столицу и казнили.

Опираясь на поддержку англичан и самых отсталых элементов, Бачаи Сакао правил около пяти месяцев, приняв имя Хабибуллы. Борьбу против него возглавил генерал Мухаммад Надир-хан. Осенью 1929 года Бачаи Сакао потерпел поражение и был убит.

В октябре 1929 года генерал короновался: Надир-хан превратился в Надир-шаха. Он установил кровавый режим. Свирепый и жестокий, он безжалостно преследовал любого, заподозренного в оппозиции, а также соратников Амануллы-хана. Одной из первых его жертв явился ближайший сотрудник бывшего падишаха, посол в Москве, а впоследствии министр иностранных дел и заместитель правителя («регент») генерал Мухаммад Вали-хан. В феврале 1930 года он был предан суду по надуманному обвинению и после вынесения смертного приговора зверски замучен.

Казни и массовые репрессии вызвали в Афганистане глубокое возмущение и ответные действия. 6 июня 1933 года в Берлине застрелили афганского посла Мухаммада Азиза, старшего брата Надир-шаха, а через пять месяцев, 8 ноября 1933 года, в кабульском дворцовом саду пуля настигла и самого короля. Его место занял сын — Мухаммад Захир-шах, правивший ровно сорок лет — до свержения в июле 1973 г.

А что же тесть, учитель и вдохновитель Амануллы-хана Махмуд-бек Тарзи, министр иностранных дел в 1919—1923 годах? Разногласия по поводу путей и темпов развития Афганского государства вызвали охлаждение между ними, и Тарзи стал послом во Франции. Вернувшись оттуда спустя три года, он некоторое время снова работал во внешнеполитическом ведомстве. В период наступления банд Бачаи Сакао Махмуд-бек опять покинул родину. На этот раз навсегда. В 1935 году он умер в Стамбуле.

Со Сливичкими жизнь обошлась несравненно более милостиво. Константин Иванович с семьей возвратился на родину. По вызову Г. В. Чичерина он посетил Москву для составления обстоятельного доклада о положении в Афганистане, который принес немалую практическую пользу. К. И. Сливичкий успешно трудился в Ташкенте на благо социалистической Отчизны, скончался он в 1942 году.

Яков Захарович Суриц, чья дипломатическая карьера началась в Дании, а продолжилась в Афганистане, впоследствии достойно представлял Советский Союз в Норвегии, Турции, Германии, Франции и Бразилии, содействовал подготовке и подписанию многих важных межгосударственных актов и договоров. Его жизненный путь завершился в 1951 году.

Индийские патриоты Мухаммед Баракатулла и Раджа Махендра Пратап продолжали борьбу за свободу своей родины. Баракатулла не дождался часа ее освобождения: в 1926 году он умер в Соединенных Штатах — в калифорнийском госпитале. Зато Раджа Махендра Пратап увидел Индию независимой. Он приветствовал уход оттуда британских колонизаторов и до своей кончины в Дехрадуне (май 1979 года) участвовал в строительстве новой Индии.

Фон Нидермайер и фон Хентиг во время второй мировой войны преданно служили гитлеровскому фашизму, а после ее окончания — милитаристским кругам ФРГ.

Так сложились судьбы главных реальных участников исторических событий, которым посвящена эта книга.

* * *

Автор выражает глубокую признательность видному востоковеду А. В. Станишевскому (Азизу Ниалло) за ряд ценных советов и рекомендаций, а также сотрудникам Архива внешней политики СССР за предоставление уникальных фотографий.

СОДЕРЖАНИЕ

Повинда в пути	3
Махмуд-бек	13
Чрезвычайная миссия	19
«Богом данное государство»	34
Капитан из крепости Кушка	44
Временное правительство Индии	62
Беспокойные будни вице-короля	69
Прощай, Кушка, любовь моя	79
Наиб ас-салтана	88
Герат	101
Непонятные события на севере	106
Неожиданная удача	114
Семь напряженных дней	121
Аманулла-хан контролирует положение	132
Обстановка накаляется	142
И пришла третья война	153
Кровавый Спинбундак	165
Решающий удар	178
«Круглолицый»	193
Равалпинди: сомнительный мир	207
Сафир из «красной столицы», или неудача «Газанфара Али»	225
«Я вижу в нем пророка...»	246
Курорт Масури не помог	265
Первый равноправный	274
«Мюзик-холл» в Вашингтоне, в Лондоне — туман	292
Кабульский финал	301
Вместо эпилога	307
Королевское Среднеазиатское общество	307
Патриоты торжествуют	313
Что было дальше	315

Нафтула Аронович Халфин ЗАРЯ СВОБОДЫ НАД КАБУЛОМ

Историческое повествование

Редактор И. М. Дижур. Младший редактор И. Д. Егорова. Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор М. В. Погоскина. Корректор Л. Н. Дегтярева

ИБ № 15140

Сдано в набор 16.10.84. Подписано к печати 28.08.85. А-03914. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 16,8. Уч.-изд. л. 15,97. Усл. кр.-отт. 17,01. Тираж 25 000 экз. Изд. № 5666. Зак. 4955. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

Н. А. Халфин

Заря свободы над Кабулом

Из послания королю Афганистана Аманулла-хану.

«...Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние.

Посылая этот первый привет народам Афганистана, считаем себя крайне счастливыми и просим Ваше Величество принять наш дружеский поклон от друзей Вашего народа.

Председатель Совнаркома
Российской Социалистической
Федеративной Республики Советов
Ленин

Председатель Всероссийского
Центрального Исполнительного
Комитета Советов Рабочих, Крестьянских,
Казачьих и Красноармейских Депутатов
Калинин»

И.А.ХАТЮФИН ЗАПИСКИ СВЯТОБОДЬИ НА ЮЖНОМ